

М. И. ВОЕЙКОВ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

ОЧЕРКИ И ЭТЮДЫ

Михаил Илларионович Воейков — заведующий сектором «Политической экономики» Института экономики РАН, доктор экономических наук, профессор. Член международной политэкономической ассоциации стран СНГ и Балтии, член International Initiative for Promoting Political Economy (IIPPE), участник ее ежегодных конференций (Стамбул, 2011; Париж, 2012; Гаага, 2013), участник Российских экономических конгрессов (РЭК-2009, Москва; РЭК-2013, Суздаль) и др.

М.И. Воейков – автор, соавтор и редактор более 450 работ, в числе которых книги: Трансформационная Россия: поиск адекватной теории. - М.: Слово, 2003; Политико-экономические эссе. – М.: Наука, 2004; Социальные реформы: иллюзии и реальность. Материалы научной конференции. - М.: УРСС, 2006; Социальная справедливость и экономическая эффективность: опыт, проблемы, теория. – М.: УРСС, 2007; Предопределенность социально-экономической стратегии. Дилемма Ленина. – М.: УРСС, 2009; Демократия и рынок: противоречия и альтернативы. – М.: Культурная революция, 2009; Трудовые отношения в трансформационной экономике: российская идентичность. – М.: ИЭ РАН, 2010; Социализм после социализма. Новый интеллектуальный вектор. – СПб.: Алетейя, 2011; Человек и экономика: справедливость и базисная демократия против тоталитаризма рынка и капитала. – М.: Экономика, 2011; Есть ли место политэкономии в современной экономической науке? – М.: ИЭ РАН, 2013.

Институт экономики РАН

— М. И. ВОЕЙКОВ —

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

— О Ч Е Р К И И Э Т Ю Д Ы —

Санкт-Петербург

АЛЕТЕЙЯ

2014

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

УДК 330
ББК 65.01
В 631

Рецензенты:

доктор экономических наук *А.И. Колганов*

доктор экономических наук *Т.Е. Кузнецова*

Воейков М. И.

В 631 Политическая экономия: очерки и этюды. – СПб.: Алетейя, 2014. – 312 с.

ISBN 978-5-90670-531-0

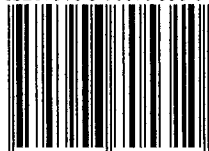
В предлагаемой книге обсуждаются вопросы бытия политической экономии как науки, способной объяснять многие проблемы нашей жизни. В мире за последние 100 лет произошли существенные изменения. Изменилась ли политическая экономия и можно ли ее по этой причине отменить? Вопросов накопилось очень много. Но эти вопросы обсуждать надо, ибо их нерешенность является серьезным препятствием на пути развития нашей социальной науки и создания благоустроенной жизни для основной массы людей.

В книге собраны «очерки и этюды» автора, написанные за последние годы и представленные на научных конференциях, семинарах и в различных сборниках. Эти тексты не претендуют на законченность, полноту освещения вопроса, совершенство и некую окончательную правоту. Все публикуемые материалы существенно переработаны и представляют определенную монографическую целостность дискуссионных проблем политической экономии.

Книга предназначена студентам, аспирантам, преподавателям экономических дисциплин и всем тем, кто интересуется проблемами развития российского общества.

УДК 330
ББК 65.01

ISBN 978-5-90670-531-0

9 785906 705310

© М. И. Воейков, 2014

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

Название этой книги почти заимствовано из небольшой книжки Карла Каутского «Очерки и этюды по политической экономии», вышедшей первым изданием в 1892 г. В этой работе Каутский рассматривает основные проблемы развития капитализма в интерпретации марксистской политической экономии — главным образом на примере США, как занявших «первое место среди других капиталистических государств». В предисловии к очередному переизданию этой книжки, он пишет, что истекшие десять лет были «временем больших общественных перемен, глубоких теоретических разногласий». Но «эти споры не открыли нам никаких новых путей и не пошатнули наших старых взглядов»¹. США по-прежнему «производят достаточное количество сырья — железо, уголь, хлопок и т.д., также денежный металл — серебро и золото, и, наконец, пищевые продукты». Поэтому, пишет Каутский, продолжают быть актуальными все основные категории политической экономии (прибыль, рента, промышленные кризисы, заработная плата, класс капиталистов и т.д.), которые и рассматривает Каутский в своей небольшой книге.

Ровно 100 лет спустя после первого издания этой книги Каутского, в 1992 г. в России развернулось «новое издание» или строительство (не знаю уж как сказать точнее) капитализма. И, казалось бы, что здесь у нас, в нынешней России все традиционные категории политической экономии, наполнившись реальным содержанием и обретя плоть, станут предметом пристального изучения политической экономии, поставят эту науку впереди всех экономических дисциплин. Но произошло невероятное: на переходе к капитализму политическую экономию отменили. Кто же будет изучать и объяснять все основные и не основные категории нашей экономической жизни?

В том же предисловии столетней давности К. Каутский пишет, что в США класс капиталистов более сильный и могучий, чем в других странах. «Там ему не стоят на пути, как у нас, ни классы — пережитки времени феодализма и абсолютизма, ни образ мышления, характерный

¹ Каутский К. Очерки и этюды по политической экономии. — М.: URSS, 2010. С. 18.

феодалному строю»². Каутский имел в виду Германию конца XIX века, но почему—то эти слова очень современно звучат для России начала XXI века. У нас тоже господствуют пережитки феодализма и абсолютизма и образ мышления феодального общества. Может быть, поэтому отменили политическую экономию как слишком прогрессивную и передовую науку для феодальных и патриархальных отношений?

За сто лет произошли и объективные изменения в мире. США уже больше не являются производителем сырьевых продуктов, да и производство денежного металла они заменили производством денежной бумаги. В мире действительно произошли существенные изменения. Изменяется ли при этом политическая экономия и можно ли ее по этой причине отменить? Вопросов очень много и очень мало ответов, в том числе и у автора. Но эти вопросы обсуждать надо, ибо их нерешенность является серьезным препятствием на пути развития нашей социальной науки и создания благоустроенной жизни для основной массы людей.

Этому и посвящена предлагаемая книга. В ней собраны «очерки и этюды» автора, написанные за последние годы и представленные на научных конференциях, семинарах и в различных сборниках. Это действительно этюды, которые совсем не претендуют на некую законченность, полноту освещения вопроса, совершенство и окончательную правоту. Как—то А.И. Герцен заметил про свои сочинения: «Я далеко не все сказал, а намекнул, означил, слегка указал только». Эти слова могут полностью характеризовать нижеследующие тексты, задача которых дать некоторый материал для дискуссии. Все публикуемые материалы существенно переработаны и представляют определенную монографическую целостность дискуссионного поля политической экономии.

² Там же. С. 19.

Часть 1. Контroversы

ГЛАВА 1.

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

В настоящей главе рассматриваются некоторые дискуссионные вопросы развития политической экономики, которые в последние годы находятся в центре внимания российского научного сообщества. Автор задачу свою видит в определении круга таких вопросов и выработки методологии подхода к их обсуждению, отнюдь не претендуя на какие-либо истинные или окончательные решения. Вопросы слишком много и слишком они запутанные.

1.1. Может ли политическая экономия исчезнуть?

Политическая экономия в России имеет давнюю традицию, но в постсоветский период эта традиция была резко, почти административным путем нарушена. В вузах политическая экономия как научная и учебная дисциплина отменена (если не сказать, запрещена), многие кафедры политэкономии переименованы и преподают в основном макро- или микроэкономику с начатками «общей теории». Исчезла специальность «политическая экономия» и в диссертационных советах. В общем, политэкономы превратились в вымирающих животных. Правда, некоторые политэкономы пытаются, пока безуспешно, бороться за существование своей науки. Еще в конце 2002 г. группа известных ученых обратилась к тогдашнему министру образования Российской Федерации с письмом, где говорилось о необходимости «в государственных стандартах восстановить политическую экономию как общетеоретическую дисциплину и как науку в российской классификации наук»³. Среди подписавших это письмо были такие известные и авторитетные ученые, как академики РАН Л.И. Абалкин и А.Г. Аганбегян, доктора экономических наук Д.В. Валовой, Р.С. Гринберг, А.Г. Поршнев, А.А. Пороховский, В.Т. Рязанов, Д.Е. Сорокин, И.И. Столяров, А.А. Шулу, Ю.В. Якутин и другие. Всего 28 человек. Но ничего не помогло, и до сих пор ничего не восстановили.

3 См.: «Экономика и жизнь», 2009, № 48; *Абалкин Л.И.* Стратегия: выбор курса. М., 2003. С. 205; *Валовой Д.В.* Блеск и нищета политэкономии. М., 2003. С. 102.

В этой связи возникают естественные вопросы. Может быть, действительно политическая экономия представляет собой устаревшую научную дисциплину, остаток идеологических схем советского периода? Может быть, политэкономии нужно также отбросить (или преодолеть), как она почти преодолена в западной англоязычной литературе? А если сохранять и восстанавливать политэкономии «как общетеоретическую дисциплину», то, собственно, какую? Советского периода или какую-то другую? Очевидно, что советскую политическую экономию, плотно пропитанную идеологическими догмами своего времени, в полном объеме восстанавливать сегодня невозможно. Можно, наверное, было бы освободить ее от этих догм и преподавать «зерна истины», которые там, наверняка, есть. Но как отделить догмы от зерен? Как найти согласие большинства научного сообщества по этому вопросу? Все это, видимо, потребует многих лет, а то и десятилетий научных дискуссий. Восстанавливать старую политэкономии времен М.И. Туган-Барановского, очевидно, бесперспективно в начале XXI в., хотя там тоже много, и даже больше, чем где бы то ни было, «зерен истины». А импортировать зарубежную политическую экономию невозможно, ибо там ее просто нет. Все эти вопросы довольно существенны. И, думается, совершенно прав Д.Е. Сорокин, когда ставит вопрос с обнаженной ясностью: «Политическая экономия может лишиться статуса отрасли научного знания, лишь если доказано, что изучаемые ею связи не существуют, или что они для своего познания требуют принципиально иного, нежели тот, которым располагает политэкономия, научного инструментария... Таким образом, необходимо выяснить: существует ли в объективной реальности тот предмет (объект) исследования, который может быть научно освоен исключительно в рамках политико-экономического подхода?»⁴. И это, действительно, самое главное. Вопрос, стало быть, упирается в предметное поле политической экономии. Изменилось ли оно или нет? И может ли наука меняться до неузнаваемости, что по сути будет означать ее исчезновение?

Может ли меняться политическая экономия?

Ведь как ни уважай и цени политэкономии, нельзя же думать, что роль, значение и функции политической экономии всегда и везде неизменны. Политическая экономия в отличие от естественных наук, где предмет задается природой, есть отражение в головах людей опреде-

⁴ Сорокин Д. Политическая экономия для России // Российский экономический журнал. 2001. № 2. С. 79.

ленных социальных условий бытия. А эти условия могут меняться. Но если меняется роль политической экономии — то, как она меняется? И вообще, может ли какая-либо наука меняться? Развиваться, совершенствоваться, расти, естественно, может. Но меняться так, что современное ее состояние оказывается мало похожим на то, что было 200 лет назад или как воскликнул В.А. Медведев на одной дискуссии, «произошло нечто невероятное — наука перестала существовать»⁵. Так, например, сегодня в наших университетах экономикс заменил политическую экономию. И естественно возникают вопросы. Например, это одна и та же наука или разные? Все эти вопросы продиктованы не только гримасами сегодняшней идеологической жизни, когда одну тоталитарную идеологию пытаются заменить другой — почти тоталитарной. Или вообще жить без всякой идеологии, как живет крупный рогатый скот. Поэтому его легко и удобно вести на убой в нужное время и в нужном месте. Неужели граждан нашей страны кто-то хочет превратить в такой скот?

Таким образом, прежде чем ответить на вопрос — может ли измениться политическая экономия, нужно ответить на вопрос об изменении той экономической реальности, которую эта наука объясняет. Трудно оспорить факт изменения экономических систем за 100 или 200 лет. То общество, которое описывал А. Смит в своем знаменитом «Исследовании» разительно отличается от современного западного общества. Значит, и наука в чем-то должна измениться. Или даже исчезнуть, если экономическая реальность изменится кардинально. То есть, для исчезновения политической экономии должна исчезнуть экономическая реальность времен Адама Смита с «невидимой рукой» рынка, с банками и денежно-кредитной системой, с резкой дифференциацией в оплате труда и экономическим неравенством, с экономическими кризисами и тому подобными классическими и неизбежными атрибутами капитализма. Но пикантность ситуации состоит в том, что все эти знаменитые атрибуты капитализма никуда не собираются исчезать и даже завоевывают все новые страны и территории. Например, Россию.

Есть и другое обстоятельство. Во времена А. Смита экономическая наука и политическая экономия не различались, выступали как синонимы.⁶ Сначала полагали, что политическая экономия изучает богат-

⁵ Медведев В.А. Вступительное слово. // Политическая экономия сегодня: быть или не быть? // Экономическая теория марксизма и современность. Труды научного семинара. Вып. 2. Под ред. В.А. Медведева. — М.: ИЭ РАН, 2011. С. 290.

⁶ Более того, как пишет А.В. Аникин, в XVIII веке все общественные науки (социология, экономика, политология и право, отчасти история и философия) «объединялись обыч-

ство народов, все народное хозяйство, всю экономическую систему. Постепенно, по мере накопления знаний и дифференциации экономических наук стали суживать и предмет политической экономии. В советской политэкономической парадигме утвердилось положение о предмете политической экономии как науки, «изучающей систему общественно–производственных (экономических) отношений, т.е. отношений между людьми, складывающихся в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных благ, экономические законы функционирования и развития исторически определенных общественно–экономических формаций»⁷. Другие авторы предлагали несколько иные определения предмета политической экономии, далеко не отвлекаясь от вышеприведенной формулы. Однако, это определение, возможно, и правильное, но настолько общее, что в нем тонет специфика собственно политической экономии. Например, отношения между людьми в процессе производства изучают также и «экономика труда», «менеджмент», поведенческая экономическая теория и пр., которые в чем–то, конечно, соприкасаются с политической экономией, но все же это другие науки. При этом обратим внимание, что «производственные отношения» рассматривались политэкономией в «процессе материального производства». Иногда «материальное производство» даже бралось как истинный предмет политэкономического исследования. Такого рода представления сохранились до самого последнего времени. Так, в одном из свежайших учебных пособий сказано: «Объектом изучения политической экономии является, прежде всего, материальное производство»⁸. А как быть со сферой услуг, трансакционным сектором и т.п.? Или вот, недавно появилась такая странная наука как «экономика знаний». Нужна ли там политэкономия? Таким образом, старые определения политической экономии и появление новых ветвлений социальной науки очень затрудняют выявление специфики именно политэкономического знания. Итак, до сих пор консолидированного мнения большинства специалистов о предмете политической экономии нет. И были все основания у Й. Шумпетера

но обширным и не очень определенным понятием юриспруденции» (Аникин А.В. Путь исканий: Социально–экономические идеи в России до марксизма. — М.: Политиздат, 1990. С. 61). Сам Адам Смит, как известно, был профессором нравственной философии.

⁷ Абалкин Л.И. Политическая экономия. // «Экономическая энциклопедия. Политическая экономия», Т. 3. — М., 1979. С. 277.

⁸ Политическая экономия как экономическая философия. Уч. пособие. — М.: ГУУ, 2009. С. 11.

заметить, что «термин "политическая экономия" разные авторы трактуют по-разному»⁹. И это действительно так.

Итак, за последние 100 лет в политической экономии произошли существенные изменения. Процесс детализации и специализации научного знания не мог обойти и не обошел стороной такую науку как политическая экономия. Классическая политическая экономия середины XIX века перестала существовать. Выделились отраслевые и специальные экономические науки, выделился и превратился в мощную ветвь современного экономического знания так называемый «экономикс», т.е. аналитическая часть экономической теории. Какие-то проблемы и вопросы отошли к социологии и политологии, получившие сегодня очень большое развитие. На границе с ними и традиционной экономической теорией возникла «новая политическая экономия». И, тем не менее, многое осталось в зоне научного интереса политической экономии. Это, прежде всего онтологическая часть экономической теории, осмысление современных экономических процессов, которые не укладываются в прежние понятия и категории классической политической экономии. Например, феномен фидуциарных денег, сжатие сферы материального производства, финансовая специализация, экономика знаний и т.п. Все эти новые явления и понятия, думается, нельзя отвергать «с порога» как происки классовых врагов, но и нельзя принимать бездумно, как делают обезьяны или попугаи, не разясняя их смысла и значения. Итак, нужны дискуссии.

Политическая экономия «на Западе»

Известно, что в ведущих англоязычных странах политической экономии как таковой сегодня нет, а есть «экономикс». Конечно, что-то еще есть. Например, «радикальная политическая экономия» или журнал «*Journal of Political Economy*». Но вот учебника «Политическая экономия» на английском языке найти нельзя или очень трудно. И нет там политэкономов¹⁰. Думается, во всем этом есть какая-то фундаменталь-

⁹ Шумпетер Й. История экономического анализа. В 3-х тт. Т. 1. — СПб.: Экономическая школа, 2001. С. 25.

¹⁰ На Западе вместо традиционной политической экономии стала развиваться так называемая новая политическая экономия, которая больше похожа на научный анализ экономической политики — «теория экономического политики». Так, Джеймс Бьюкенен в новую политическую экономию включает: 1) теорию общественного выбора; 2) экономическую теорию прав собственности; 3) экономический анализ права; 4) политическую экономию государственного регулирования; 5) неонституциональную экономическую теорию; 6) новую экономическую историю (Дж. Бьюкенен. Консти-

ная составляющая. Хотя, с другой стороны, функции классической политической экономии далеко еще не исчерпаны. Но вот все это показать и доказать довольно сложно. Неисчерпанность политической экономии сегодня можно обнаружить хотя бы в том, что рыночная экономика, товарно-капиталистические отношения продолжают господствовать в подавляющем большинстве стран мира. Рынок везде функционирует более или менее одинаково, и объяснять все это призвана одна наука — политическая экономия. «Экономикс» это не объясняет, он рассказывает как надо делать, но не что и почему. Вместе с тем проблема соотношения политической экономии и «экономикса», точнее вытеснение последним первой, занимает умы многих отечественных исследователей.

По этому вопросу в современной литературе накопилась изрядная коллекция самых решительных взглядов. Есть, например, и такой: «Экономикс — это примитивная шпаргалка по экономической науке и практике»¹¹. Есть, конечно, и более скромные представления. В дискуссии о судьбе политической экономии есть один любопытный момент, который способен пролить некоторый свет на вопрос по поводу «экономикса» и его соотношения с политической экономией. Этот вопрос в нашей литературе сегодня широко и живо обсуждается. «В настоящее время, — пишут, например, А.И. Татаркин и В.Л. Берсенева, — продолжается так называемый «терминологический спор» на тему, что первично: политическая экономия или *economics*. Можно даже утверждать, что за противостоянием двух терминов стоит идеологическая непримиримость адептов Карла Маркса, с одной стороны, и Альфреда Маршала, с другой... Данный спор интересен хотя бы тем, что побуждает у сторонних наблюдателей желание выяснить, что же скрывается за тем и другим термином в ретроспективном плане»¹². Справедливости ради заметим, что литература «адептов Карла Маркса», которые громят и уничтожают «экономикс» достаточно обильная и широкая¹³, а вот литература «адептов Альфреда Маршала», которые с таким же задором громили бы поли-

туциональная экономическая теория. Экономическая теория. Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. — М., 2004. С. 171).

¹¹ Валовой Д.В. Блеск и нищета политэкономии. — М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2003. С.77.

¹² Татаркин А.И., Берсенева В.Л. Политическая экономия и *economics*: особенное и общее // Журнал экономической теории, 2006, № 4. С. 5.

¹³ См. например, уже пять выпусков трудов Кафедры политической экономии МГУ под названием «"Капитал" и экономикс» под редакцией В.Н. Черковца. Последний выпуск: «Капитал» и экономикс: вопросы методологии, теории и преподавания. Вып. 5. Под ред. В.Н. Черковца. — М.: ТЕИС, 2012.

тическую экономию, мне что-то не попадалась. Однако думается, что вопрос этот более сложный и интересный, чем просто «терминологический спор». Вопрос этот упирается в диверсификацию экономического знания, в специализацию отдельных экономических дисциплин.

Как представляется, наука, которая изучает производительные силы (общественную технику) и есть современный «экономикс». Он демонстрирует аналитический подход в изучении функциональных связей в экономике, объясняет «как это делается», т.е. дает аналитику, но не объясняет «почему это делается». Именно так писал крупнейший советский политэконом 1920-х гг. И.И. Рубин, имея в виду математическую школу: «Она не спрашивает, почему изменяется цена, но лишь показывает, как происходят параллельные изменения цены, с одной стороны, и спроса и предложения, с другой»¹⁴. Разумеется, вряд ли Рубин предвидел, собственно, «экономикс», но его обоснование второй экономической науки наряду с политической экономией, можно рассматривать как гениальный прогноз. Политическая экономия и «экономикс» должны не замещать друг друга, а существовать вместе. Аналогию можно подобрать из области архитектуры и строительства. Архитектор, как политэконом в строительстве, создает общий проект здания, его предназначение и особенности, привязку к окружающей сфере и т.п. Инженер-строитель, как аналитик, решает конкретные вопросы техники строительства: как соединить строительные элементы, как рассчитать нагрузку на несущие конструкции, как проложить отопительные и сантехнические системы и т.п. Архитектор объясняет — что это за здание и для кого. Инженер-строитель объясняет — как строить это здание. И они вполне мирно и не без взаимной пользы уживаются.

В этой связи представляются излишними попытки некоторых авторов как-то дополнить или «синтезировать» экономикс и политическую экономию. Это разные науки, с разным предметом исследования и нет никакой необходимости их объединять или заменять одно другим. Так, А.В. Бузгалин и А.И. Колганов, правильно разводя экономикс и политическую экономию в силу различия их предмета, все же считают, что «ряд объектов этих наук совпадают: и та, и другая анализируют процессы движения товаров (продуктов, услуг) и акторов этого процесса (человек, государство...)»¹⁵. Но дело в том, что экономикс действительно анализирует движение товаров, а политическая экономия изучает (объ-

¹⁴ Рубин И.И. Очерки по теории стоимости Маркса. М.—Л.: Госиздат, 1929. С. 184.

¹⁵ Бузгалин А.В., Колганов А.И. Открытость политэкономии и империализм mainstream'a: еsonomics как прошлое // Горизонты экономики, 2012, № 2. С. 12.

ясняет) отношения между людьми, которые возникают в связи с движением товаров. Объект, конечно, один и тот же, как, впрочем, у всех экономических наук, но предмет разный.

Кроме всего прочего И.И. Рубин пролил некоторый свет на вопрос: почему «на Западе» стал сегодня моден так называемый аналитический марксизм. Приведем несколько длинную цитату, но из которой многое станет ясно. Внимание Маркса, пишет Рубин, «направлено на анализ социальных форм хозяйства и на законы их возникновения и развития, на «действительный процесс образования форм (Gestaltungsprozess) в различных его фазах. Этот генетический (или диалектический) метод, включающий в себя и анализ и синтез, Маркс противопоставляет односторонне-аналитическому методу классиков. Особенность этого генетического метода Маркса заключается, как видим, не только в его историческом, но и в его социологическом характере, в пристальном внимании к социальным формам хозяйства»¹⁶. Рубин указывает, что одна сторона экономического марксизма — аналитическая — сделанная в духе и стиле классиков, получившая сегодня название аналитического марксизма, вполне безболезненно вписывается в основное течение экономической науки (мейнстрим). Но другая сторона марксизм, которая занимается изучением социальных форм как раз и составляет величайшее достижение Маркса. И надо сказать, что эта социологическая сторона марксизма стала предметом всеобщего интереса лишь во второй половине XX столетия. Но Рубин был одним из первых, кто указал на ее значение.

Вместе с тем, можно отметить, что за последние 5–6 лет «на Западе» резко и бурно возродился интерес к традиционной политической экономии. Об этом свидетельствует множество книг, выходящих в последние годы, где в названии присутствуют слова «политическая экономия»¹⁷. А также деятельность, созданной в 2006 г. международной организации с таким названием «Международная инициатива по развитию

¹⁶ Рубин И.И. Очерки по теории стоимости Маркса. М. — Л.: Госиздат, 1929. С. 41–42

¹⁷ Так, только за 2011 год и только в одном издательстве «Routledge» вышли следующие книги по политэкономии: Barker D. (ed.) «The Political Economy of Families, Work and Globalization»; Fortman B. «A Political Economy of Human Rights»; Whyman P. and all. «The Political Economy of the European Social Model»; Willoughby. «Political Economy of the Gulf»; Cason J. «The Political Economy of Integration»; Komatsu K. «Global Politico-Economic Crises». См. также: Пороховский А.А. Политическая экономия: размышления по поводу современных тенденций. // «Капитал» и экономикс: Вопросы методологии, теории, преподавания. Вып. 3. Под ред. В.Н. Черковца. — М.: Экономфак МГУ, ТЕИС, 2009.

политической экономии» (International Initiative for Promoting Political Economy — IIPE), которая объединяет множество так называемых гетеродоксальных экономистов, т.е. тех, кто не приемлет неолиберализм в экономической теории или «неокласическую ортодоксию». Эта международная организация в мае 2011 г. в Стамбуле провела научную конференцию на тему «Неолиберализм и кризис экономической науки»¹⁸. В июле 2012 г. эта международная организация совместно с Гетеродоксальной экономической ассоциацией (АНЕ) и Французской политэкономической ассоциацией (FAPE) провела в Париже (в Экономическом центре Университета Сорбонна) внушительную научную конференцию на тему «Политическая экономия и взгляд на капитализм». Конференция собрала около 800 участников из более, чем 50 стран мира. В российскую делегацию, по результатам отобранных Программным комитетом конференции заявок на участие и подготовленных докладов, вошли 9 представителей отечественной экономической науки. На конференции работали 146 параллельных секций, непосредственно относящиеся к политической экономии: политическая экономия развития; политическая экономия и гетеродоксальная экономическая наука; политическая экономия бедности и неравенства; политическая экономия труда; политическая экономия торговли и множество других аналогичных секций.

Итак, отвечая на вопрос — может ли исчезнуть политическая экономия — абстрактно говоря, может. Но чтобы ответить конкретно, надо понять, что изучает политическая экономия.

1.2. Что изучает политическая экономия

К вопросу о начале политической экономии

С чего начинается политическая экономия? Вот интересный вопрос, на который можно услышать самые разные ответы. Сегодня почему-то популярным стало называть Антуана де Монкретьена, который в 1615 г. выпустил свою единственную книгу «Трактат по политической экономии», как первооткрывателя политической экономии. Конечно, он, возможно, был первым, кто случайно наткнулся на этот термин. Но и что толку? Об этом Монкретьене, «малозначительном авторе XVII века», по мнению Й. Шумпетера, очень трудно найти в нашей литературе что-либо вразумительное. Пожалуй, исключение составляет издание

¹⁸ См.: Дзарасов Р.С. Три дня в Стамбуле: идеи, город, жизнь. Размышления об одной научной конференции. // Альтернативы, 2011, № 4 и 2012, № 1.

«Мировая экономическая мысль сквозь призму веков», где в 1 томе даются выдержки из единственного труда Монкретьена и небольшой очерк о нем М.А. Слудковской. Последняя пишет, что «Трактат» Монкретьена последний раз был переиздан лишь в 1889 г. Однако, далее пишет, вероятно единственный отечественный читатель этого трактата, «старофранцузский язык, стиль многовековой давности, бесчисленные подробности делают чтение произведения Монкретьена чрезвычайно долгим и трудным»¹⁹. Да и сами приводимые выдержки из «Трактата» убеждают в том, что это всего лишь набор многословных, порой изысканных советов «королю и королеве» в обычном меркантилистском духе.

Теперь все же выясним — с чего начинается политическая экономия. Наиболее точный и квалифицированный ответ на этот вопрос даст ныне почти забытый крупнейший советский политэконом И.И. Рубин. «Она началась, — пишет Рубин, — с рассуждений и споров меркантилистов XVII в. о заработной плате, о прибыли, о ренте, т.е. она началась с вопросов, относящихся к распределению совокупной стоимости между различными общественными классами. Она отражала борьбу общественных классов за их позиции в данной системе производственных отношений людей. Политическая экономия сложилась в результате ожесточенной борьбы разных классов и групп. Она сложилась, как наука о заработной плате, прибыли, ренте, словом, как наука о системе стоимостей, или производственных отношений людей»²⁰. Но начало политической экономии в строгом смысле слова Рубин связывает исключительно с Адамом Смитом и его трудом «Исследование о богатстве народов» (1776 г.). Именно выделение труда как основы экономического процесса и соответственно политической экономии составляет заслугу классической школы политической экономии. «В труде, — пишет Рубин, — они нашли глубокую скрытую основу всех экономических явлений и своею теорией трудовой стоимости заложили основы политической экономии, как науки социальной»²¹.

Таким образом, классическая политическая экономия как наука начинается с Адама Смита и заканчивается товарно-капиталистическим хозяйством, т.е. тем анализом, который осуществил Карл Маркс.²² Так

¹⁹ Мировая экономическая мысль сквозь призму веков. В 5 тт. — М.: Мысль, 2004. Т. 1, С. 168.

²⁰ Рубин И. Диалектическое развитие категорий в экономической системе Маркса. // Под знаменем марксизма, 1929, № 4. С. 85.

²¹ Рубин И.И. Очерки по теории стоимости Маркса. — М.—Л.: Госиздат, 1929. С. 280.

²² Политическая экономия, которая развивалась в течении столетий, писал Рубин, «получила завершение в системе Маркса» (Проблемы экономики, 1929, № 4–5. С. 204). И это

мы выяснили, с чего начинается политическая экономия, но на вопрос «что такое политическая экономия?» до сих пор нет однозначного ответа.

Что изучает политическая экономия?

В российской научной традиции, если не включать в эту традицию Розу Люксембург, на вопрос «Что такое политическая экономия?» пытались ответить уже два раза. Первый был И.И. Скворцов–Степанов, который посвятил этому специальный доклад в 1925 г. Позиция И.И. Скворцова–Степанова, состоящая в расширительной трактовке предмета политической экономии и отвергнутая на дискуссии 1925 г. почти всеми ее участниками, каким–то странным образом стала основой для дальнейшей советской политической экономии. Об этой дискуссии подробнее скажем несколько ниже. Вторым был Л.А. Леонтьев, выпустивший под таким названием (но уже без вопросительного знака) книжку в 1956 г. Этот автор оказался более осторожным и, возможно, более квалифицированным политэкономом, но, тем не менее, допустил в угоду времени и себе ряд бездоказательных пассажей. Например: «В эпоху капитализма существуют три основных направления в экономической науке: буржуазная политическая экономия, пролетарская политическая экономия и мелкобуржуазная политическая экономия»²³. Но ведь очевидно, что не может существовать одновременно три разных науки с одним и тем же названием, изучающих один и тот же предмет. Один предмет изучения имеет одну науку. Таким образом, две попытки ответить на вопрос «Что такое политическая экономия» оказались неудачными.

Итак, если соглашаться с мнением, что политическая экономия как наука начинается с Адама Смита, то вот уже более 200 лет в этой науке идет нескончаемый спор о ее предмете. Но надо все же как–то выбираться к ясности. Волей–неволей приходится обратиться к традиционной теме, с которой начинались все учебники политической экономии, к *предмету* этой науки. На этот сюжет написано изрядное количество литературы, но, видимо, ясности почему–то не хватает. Ограничимся в основном рассмотрением русской литературы по этому вопросу, ибо она ближе нам.

вполне созвучно современным представлениям. А.И. Татаркин и В.Л. Берсенева также пишут: «Экономическая теория К. Маркса фактически завершила эволюцию классической школы политической экономии» (*Татаркин А.И., Берсенева В.Л. Политическая экономия и еsonomics: особенное и общее // Журнал экономической теории, 2006, № 4. С. 6*).

²³ Леонтьев Л.А. Что такое политическая экономия. М.: «Московский рабочий» 1956. С. 11.

Если обратиться к старым русским политэкономам, то можно обнаружить в их работах более конкретные определения политической экономии. Так, М.И. Туган-Барановский пишет: «Изучая отношения хозяйства, политическая экономия вторгается в сферу хозяйственных интересов, являющихся, при господствующих условиях общественной жизни, наиболее мощными и доминирующими интересами современности. Но при наличии глубокого и неустранимого антагонизма хозяйственных интересов, характерного для существующего строя хозяйства, выводы политической экономии не могут не вступать в столкновение с хозяйственными интересами тех или иных групп населения»²⁴. Очень близка к этому позиция И.И. Янжула, утверждавшего, что в науке политической экономии следует «искать ответов и разъяснений на ... вопрос о пользе или вреде покровительственных пошлин, о причинах, которыми вызвано их существование, и, наконец, о необходимости или бесполезности их удержания и о их наиболее разумной организации»²⁵. Таким образом, политическая экономия изучает то, что связано с определенными экономическими интересами определенных групп, слоев и классов людей.

Из старых экономистов очень давно и очень точно это выразил Д. Рикардо. В письме к Т. Мальтусу 9 октября 1820 г. он писал: «По вашему мнению, политическая экономия есть исследование о природе и причинах богатства; я думаю, что ее следует скорее назвать исследованием о законах, на основе которых продукт труда распределяется между классами, участвующими в его создании»²⁶.

И действительно, если политическая экономия изучает отношения между людьми в производстве, т.е. производственные отношения, то изучение это идет вокруг вопроса о «пользе или вреде» той или иной экономической ситуации для определенных больших групп людей. Политическая экономия не может изучать поведение отдельного человека, индивидуума, поскольку их бесконечное разнообразие в конкретной практике не есть научное изучение. Научно изучать экономическое поведение людей возможно, лишь абстрагируясь от многих личностных характеристик и объединяя этих людей в большие социальные группы, в классы. Социальная проблема, т.е. проблема социального неравенства людей, проблема распределения социального продукта остается; противоречия между трудом и капиталом, если и не принимают взаимо-

²⁴ Туган-Барановский М.И. Основы политической экономии. — Петроград, 1915. С. 1–2.

²⁵ Янжул И.И. Избранные труды. — М., 2005. С. 372.

²⁶ Рикардо Д. Письма к экономистам. // Соч., — М.: Соцэкгиз, 1961. Т. 5. С. 110–111.

уничтожающих форм, все же остаются. Причем, эти проблемы остаются как основные проблемы общественной жизни. Остаются, стало быть, и функции политической экономии. Политэкономический подход к анализу социальных явлений по сути своей есть осмысливание и объяснение определенных экономических явлений и процессов с точки зрения политических интересов народа, отдельных его слоев и классов. Именно это дает понимание объективных закономерностей экономического и социального развития общества.

Политическая экономия и экономическая политика

Исчезновение или угасание политической экономии как «общетеоретической дисциплины и науки» в развитых странах Запада, возможно, есть свидетельство снижения напряженности социального противостояния, демократизации форм классовой борьбы, исчезновения самих классов и, наконец, страшно выговорить, угасания рыночной экономики. Возможно, рынок и собирается в текущем столетии угаснуть, но пока еще нигде не угас. А Россия, напротив, уже который год бодро осваивает рыночные премудрости. Так что, для России вопрос о судьбе политической экономии стоит особо.

Некоторые политэкономы, пытаясь активно влиять на сегодняшнюю экономическую политику, любят говорить, что они занимаются наукой, а не политикой. Это верно при самом общем, первом подходе. Конечно, они не занимаются политикой в смысле борьбы за власть в качестве партийных или сугубо политических деятелей. Но они занимаются экономической политикой (а это основная, главная политика) как экономические идеологи. Политэконом — не политик, но он анализирует и оценивает экономическую политику, которую проводит то или иное правительство. Значит, он оценивает политическую линию правительства в экономической области. Значит, хочет этого политэконом или не хочет, но он вынужден вторгаться в политическую сферу. То есть, с помощью политэкономического анализа констатировать, что в результате данной экономической политики государства выигрывают такие-то социальные слои и классы, а проигрывают такие-то. Так, от введения горизонтальной шкалы подоходного налога вместо прогрессивной существенным образом выиграли богатые слои населения. Политэконом может констатировать, что введение для всех ставки подоходного налога в 13% означает проведение экономической политики в интересах исключительно состоятельного класса. Таким образом, профессиональный политэкономический анализ приводит к актуаль-

ному политическому выводу. При этом политэконом действует, однако, не как политик, а как ученый, социальный мыслитель, экономический идеолог. И если у политэконома есть сердце, ум и гражданская позиция, то он не может оценивать положительно экономическую политику, в результате которой экономика России оказалась в затяжном кризисе, а население ее ежегодно сокращается на сотни тысяч человек. Может быть, поэтому и отменили политическую экономию «как общетеоретическую дисциплину»? Ведь любая общественная наука не может быть политически или идеологически нейтральной. Она может не давать практических рекомендаций, т.е. она будет сугубо позитивной, но постановка и выделение тех или иных проблем уже склоняет общественное мнение к определенным оценкам и решениям.

И это характерно не только для социальных наук, но и для некоторых естественных. Так, к примеру, паразитология изучает жизнь и поведение паразитов, и выводы этой науки направлены на охрану здоровья человека и животных. Но вот если бы вдруг во главе какой-либо страны оказались паразиты, то первое, что они бы сделали, думается, отменили бы такую науку как паразитология. Напрашивается простая аналогия с отменой у нас политэкономии. Почему ее так боится наш правящий класс?

Экономическая политика государства также есть выражение определенной экономической идеологии, тех или иных теорий и концепций, сформулированных в научных или политических трудах. Или просто в головах государственных деятелей тех стран, где общественная наука развита слабо, и правящие деятели опираются, главным образом, не на результаты науки, зафиксированные в монографиях и учебниках, а на собственное понимание и интуицию, но прежде всего на житейский опыт и национальные традиции. Справедливо такое общество называют традиционным. Но в традиционном обществе нет науки политической экономии. Политическая экономия базирует свои исследования и выводы на изучении и анализе теорий и концепций, которые уже стали историей и в той или иной мере воздействовали на формирование определенной экономической политики.

Таким образом, политическая экономия есть по сути дела экономическая идеология наиболее прогрессивного класса в классовом обществе, т.е. в обществе, которое осваивает товарное производство и рыночный механизм. Когда-то таким классом была буржуазия, и политическая экономия была идеологическим обоснованием и прикрытием ее борьбы за господствующее положение в обществе. Когда такое господство было достигнуто полностью в начале XX в. (если

брать христианский мир, то окончательно феодальные отношения в нем были сломлены только в 1917 г. в России), то политическая экономия как таковая перестала развиваться, но окончательно не утратилась. В ее поле зрения оказались проблемы не развития рыночных отношений и товарного производства, а наоборот, проблемы государственного регулирования рынка, его ограничений, «провалы рынка». Класс, который оказался заинтересованным в этих проблемах, — не столько рабочий класс, сколько вообще трудящиеся или, точнее, средние слои современного общества. Политические их интересы состоят не столько в поддержании рыночного равновесия и рыночного саморегулирования (хотя в какой-то части это тоже их интересы), сколько в укреплении государства и государственной или общественной поддержки таких нерыночных сфер как культура, образование, наука, здравоохранение и др. Эти политические интересы в современном западном обществе и выражает социал-демократия. Поэтому представляется, что актуальный вывод из современной политической экономии возможен в понятиях и категориях социал-демократизма, понимаемого не в качестве партийной доктрины, а как социально-экономическая концепция современного общества.

Политическая экономия и буржуазное общество

Тем не менее, мало кто из специалистов будет возражать против утверждения, что политическая экономия, возможно, та единственная наука, которая дает понимание глубинных основ общества, в котором живешь, своей гражданской позиции, динамики общественного развития.

Отмена политической экономии как научной и вузовской дисциплины очень выгодна тому правящему классу, который хочет навязать свою правоту всему остальному населению как раз в тот момент, когда этот класс переходит к разворачиванию именно товарно-капиталистических отношений. А без политэкономического знания население неспособно понимать ни экономического устройства общества, ни активно принимать участие в его совершенствовании. Об этом еще в самом начале XIX в. писал Ж.-Б. Сэй: «В стране, пользующейся представительным правлением, каждый гражданин обязан изучать политическую экономию уже потому, что там каждый призван к участию в обсуждении государственных дел»²⁷. Так, по Ж.-Б. Сэю выходит, что каждый граж-

²⁷ Сэй Ж.-Б. Тракта́т по политической экономии. Бастия Ф. Экономические софизмы. Экономические гармонии. — М.: Дело, 2000. С. 24.

данин обязан изучать политическую экономию, если хочет быть активным участником гражданского общества. Т.е. гражданское общество и политическая экономия органически связаны. Уместно здесь привести слова и К. Маркса, «что анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии»²⁸. Политическая экономия, таким образом, объясняет классовое состояние общества и классовое распределение социального продукта. И в этом случае замена политической экономии неоклассической либеральной экономической теорией очень удобна, ибо последняя социальную проблему представляет как индивидуализированную проблему отдельных людей, «имеющих дело с ограниченностью ресурсов (редкостью) и одинаково озабоченных лишь максимизацией полезности хозяйственных благ»²⁹.

Вместо классов и социальных слоев в центре экономической науки оказывается методологический индивидуализм.³⁰ Однако, сколько бы не говорили о том, что классовое расслоение общества и классовая борьба уходят в прошлое, однако сами классы и классовая борьба в реальности остаются. Сказ о социальном партнерстве так и остался мифом, не вытеснив забастовочного и протестного движения во многих странах мира. И Россия в этом смысле превращается в обычное капиталистическое общество, даже более отсталое и дикое, раздираемое именно и прежде всего классовым противостоянием. Вот это классовое общество и есть предмет исследования политической экономии.

Итак, сделаем некоторые промежуточные выводы. Политическая экономия изучает общественное производство и отношения, которые при этом возникают, как отношения не атомизированных индивидумов, а объединенных в большие социальные группы, т.е. в классы. Политическая экономия есть, таким образом, наука о классовом обществе. Исчезновение классов должно неминуемо вести и к исчезновению политической экономии. Поэтому политэкономический метод изучения общества состоит в классовом анализе этого общества. Метод политической экономии — это не только восхождение от абстрактного к конкретному, диалектика и т.п., но прежде всего классовый анализ.

²⁸ Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., — М.: Госполитиздат, 1959. Т. 13. С. 6.

²⁹ Теория капитала и экономического роста. Под ред. С.С. Дзарасова. — М.: Изд-во МГУ, 2004. С. 100.

³⁰ Серьезный критический анализ такого методологического подхода содержится в цикле работ А.Я. Рубинштейна (см.: *Рубинштейн А.Я.* Введение в новую методологию экономического анализа. — М.: ИЭ РАН, 2012).

В свое время в буржуазном или капиталистическом обществе имелись два основных класса: рабочие и капиталисты. Имелись, конечно, и другие классы и слои. Но по мере развития современного буржуазного общества его социальная структура усложняется, численно рабочий класс сокращается. Основным классом становится средний класс. Это противоречит старой марксистской догме, что в конечном счете в капиталистическом обществе останутся только два класса. Впрочем, эта догма в самой же марксистской литературе была преодолена уже в конце XIX — начале XX вв. Тогда же был поставлен вопрос о кризисе политической экономии.

Сегодня политическую экономию в России отменили. В XX веке это делали дважды: в 1920-е годы, когда намечался переход к социализму и в 1990-е годы, когда наметился переход к капитализму. Странная аналогия. Оказывается, гонения на политическую экономию это давняя российская традиция. Самодержавие и политическая экономия, как она сложилась на Западе и развивалась в России, пишет А.В. Аникин, были по существу несовместимы. «Политическая экономия и занятия ею были обычно под подозрением у властей... Время от времени отменялось или ограничивалось преподавание политической экономии в университетах, запрещались отечественные и иностранные труды в этой области»³¹. Удивительным образом все повторяется и сегодня.

Итак, политическая экономия сегодня в России каким-то непонятным образом заняла место генетики сталинских времен, т.е. стала если не запрещенной, то явно гонимой наукой. Ее выгнали из наших университетов, из учебников, из государственных стандартов. Но если генетика в те незабвенные годы объявлялась буржуазной наукой, то сегодняшние российские власти, видимо, считают политическую экономию «социалистической наукой», неподходящей для нынешней буржуазной России. В истории многое повторяется, только с другим знаком. Если по поводу генетики трудно (или невозможно) определить ее отношение к пролетариату, то политическая экономия действительно буржуазная наука. Словосочетание «пролетарская политическая экономия» остается пустой красивой фразой. Маркс был критиком буржуазной политической экономии, но никакой пролетарской политэкономии он не создал и не собирался это делать. Все традиционные категории классической политической экономии принадлежат буржуазному спо-

³¹ Аникин А.В. Путь исканий: Социально-экономические идеи в России до марксизма. — М.: Политиздат, 1990. С. 14.

субу производства и никакого отношения не имеют к тому, что было до него и, возможно, будет после него. Кредит, процент, рента, капитал и т.п. категории, которые анализировал К. Маркс и которые как кирпичи составляют здание политической экономии, никакого отношения не имеют к пролетариату. Не может же быть «пролетарского кредита» или «пролетарского процента». Эти и подобные вещи есть категории буржуазного общества. Это не значит, что они плохие или хорошие, но они есть и составляют предмет научного изучения. Несколько перефразируя слова Рудольфа Гильфердинга можно сказать, что политическая экономия есть самосознание буржуазной эпохи. Такая интерпретация политической экономии в 1920–х гг. была широко распространена среди марксистских интеллектуалов. На одной дискуссии в Коммунистической академии в январе 1926 г. А.А. Богданов эмоционально воскликнул: «Я не стою за политическую экономию, само название этой науки буржуазно»³². Поэтому можно понять первых большевиков, которые в 1920–е гг. отменили в Советской России политическую экономию. Но как понимать нынешние российские власти?

Приведем еще одно важное положение Р. Люксембург: «Политическая экономия возникает как одно из важнейших идеологических орудий буржуазии в борьбе против средневекового феодального государства, за современное капиталистическое классовое государство»³³. Добавим сюда и такой факт. Оказывается, русские декабристы с увлечением изучали политическую экономию, труды физиократов и особенно Адама Смита. А.В. Аникин, специально исследовавший этот вопрос, в разделе «Декабристы и политическая экономия» пишет: «Смитианская политическая экономия была важным источником идей дворянских революционеров»³⁴. Здесь просится аналогия с современным российским государством, которое отменило (или запретило?) преподавание политической экономии в наших вузах. Создается впечатление, что оно боится российской буржуазии, которая может использовать политэкономия как «важнейшее идеологическое орудие» против феодального государства? Так что — Россия под лозунгами модернизации и инновации строит средневековое государство? Вот ведь какие ассоциации вызывает неторопливое чтение политэкономических текстов. Наверное, действительно, политическая экономия — опасная наука.

³² Вестник Коммунистической академии. — М., 1926. Кн. XV. С. 214.

³³ Люксембург Р. Введение в политическую экономию. — М., 1960. С. 93.

³⁴ Аникин А.В. Путь исканий: Социально-экономические идеи в России до марксизма. — М.: Политиздат, 1990. С. 130–131.

Сегодня российское общество опять является буржуазным, капиталистическим обществом. Значит, должно сохраняться противостояние классов. В России в силу ее специфики и особенностей исторического развития в настоящее время наиболее активными классами (или слоями) общества являются: (а) владельцы крупных капиталов ("олигархи"); (б) бюрократический класс; (в) трудящиеся классы.³⁵ И именно социальный конфликт (или социальная проблема) между этими классами как основной конфликт в распределении социального продукта и должен быть предметом изучения политической экономии. Если такого конфликта нет, то, стало быть, и политической экономии изучать нечего. Стало быть, и политическая экономия уже не нужна. Но в сегодняшней России социальная проблема, т.е. проблема социального неравенства людей, проблема распределения социального продукта остается; противоречия между трудом и капиталом, если и не принимают взаимоуничтожающих форм, все же остаются. Причем, эти проблемы остаются как основные проблемы общественной жизни. Остаются, стало быть, и функции политической экономии. На эту функцию политической экономии еще в начале XX в. указал С.Н. Булгаков: «Социальный вопрос — вот главная и даже единственная проблема, определяющая все содержание политической экономии, ее нравственный центр»³⁶. И классовый конфликт в современной России есть. И в декабре 2011 г. — марте 2012 г. он вылился на улицу крупных городов в виде массовых митингов, организуемых по четкому классовому признаку. Это означает, что политической экономии есть что изучать в современной буржуазной России.

Политэкономическое исследование — это не только и даже не столько сугубо экономическое исследование материального процесса. Последним занимаются конкретные экономические дисциплины — или отраслевого разреза: экономика промышленности, экономика транспорта, экономика туризма, экономика строительства и т.п., или народнохозяйственного: финансы и кредит, денежное обращение, экономическое планирование, размещение производительных сил и т.п. Этим, наконец, призван заниматься *economics*. Политическая экономия изучает преимущественно идеологию этого процесса, то есть, что и как отражается в головах и поведении людей в связи с их отношениями по производству вещей. Ведь производственные отношения проявляются в человеческом поведении, а осмысление это процесса в головах. За производст-

³⁵ Эти проблемы подробно рассматриваются в гл. 6.

³⁶ Булгаков С.Н. Задачи политической экономии // Булгаков С.Н. Труды по социологии и теологии. Т. I. От марксизма к идеализму. — М.: Наука, 1999. С. 276.

вом вещей политэкономия видит людей и объясняет их действия. Таким образом, политическая экономия состоит из различных концепций и воззрений, которые интерпретируют живую материю экономического процесса, и служат основой для формирования той или иной экономической политики. В конце концов, политическая экономия — это идеологическая и политическая наука. «Ведь идеология, — справедливо писал венгерский экономист Г. Рипп, — по сути своей является осознанием с точки зрения определенного класса его положения в обществе и содержания социальных конфликтов»³⁷.

Конечно, это не означает, что политическая экономия должна отражать или выражать только идеологию «марксизма–ленинизма», как, видимо, думают ее гонители. Идеологий, в том числе экономических, множество. Наука, которая отражает (можно сказать точнее, формирует) экономическую идеологию буржуазного общества, ее разрабатывает, развивает, и носит название политической экономии. Если выхолостить из политической экономии идеологические и политические сюжеты, по необходимости все сведется к «экономиксу». Это, собственно говоря, и происходит в западной (англизоязычной) литературе, где политические и идеологические проблемы все больше отходят к политологии или социологии.

1.3. О границах политической экономии

Теперь рассмотрим вопрос о границах политической экономии. Вопрос этот имеет определенную историю. О конце политической экономии много говорилось у нас в 1920–х гг., вслед за немецкими социал–демократами, точнее, катедер–социалистами. Хотя справедливости ради надо отметить, что эта позиция восходит к основоположникам марксизма, ибо они были «отцами» немецкой социал–демократии. Так, Ф. Энгельс еще в 1859 г. писал: «Политическая экономия есть теоретический анализ современного буржуазного общества и предполагает поэтому развитые буржуазные отношения...»³⁸. Это положение было типичным для марксистской литературы конца XIX и начала XX веков. Так, в немецком журнале «Neue Zeit» в начале XX века Р. Гильфердинг вывел очень емкую формулу: «История политической экономии представляет самопознание буржуазного общества»³⁹.

³⁷ Рипп Г. Политическая экономия и идеология. — М.: Прогресс, 1977. С. 19–20.

³⁸ Энгельс Ф. Карл Маркс. «К критике политической экономии» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 489.

³⁹ Гильфердинг Р. Постановка проблемы теоретической экономии у Маркса. // Основные проблемы политической экономии. Сб. статей. Под ред. Ш. Дволайцкого и И. Рубина.

Наш М.И. Туган-Барановский, повторяя немцев, писал: «Есть полное основание признавать судьбу политической экономии, как своеобразной науки о причинно-функциональных соотношениях хозяйственных явлений, тесно связанной с современным народным хозяйством. Вместе с ним она возникла и развилась и вместе с ним должна сойти со сцены. В социалистическом строе для этой науки места не будет, хотя именно в этом строе практические знания, относящиеся к области экономической политики, и все необходимые для этого вспомогательные научные дисциплины — например, статистика — должны получить чрезвычайное развитие. Политическая же экономия частью превратится в теорию экономической политики, а частью войдет в состав более общей науки об обществе — социологии»⁴⁰. Поразительно, как Туган-Барановский угадал судьбу политической экономии и предсказал то, что сегодня происходит с нею в западных странах.

Но Туган-Барановский был не одинок. То же самое говорила Роза Люксембург в своих лекциях, достаточно точно определяя границы и специфику политической экономии. Итак, в своих лекциях еще перед Первой мировой войной, которые она потом обобщила в работе «Введение в политическую экономию», она писала: «Политическая экономия представляет собой науку о специфических законах капиталистического способа производства, то ее существование и функции связаны с последним, и она теряет свою базу, коль скоро прекращается этот способ производства... Победа современного рабочего класса и осуществление социализма означают, таким образом, конец политической экономии. Тут обнаруживается особая связь между политической экономией и классовой борьбой современного пролетариата»⁴¹. В начале 1920-х гг. среди марксистских теоретиков это был очень распространенный взгляд. Тогда политическую экономию в марксистской литературе прочно связывали с товарно-капиталистическими отношениями и рыночной экономикой. Вот что в этой связи писал Н.И. Бухарин, будучи одним из ведущих теоретиков большевистской партии: «Теоретическая политическая экономия есть наука о социальном хозяйстве, основанном на производстве товаров, т.е. наука о неорганизованном социальном хозяйстве... Конец капиталистически-товарного общества будет концом и политической экономии»⁴². А вот что писал по этому вопросу И.И. Рубин, ведущий тео-

— М.: Госиздат, 1922. С. 108.

⁴⁰ Туган-Барановский М.И. Основы политической экономии. 3-е изд. Петроград. 1915. С. 20.

⁴¹ Люксембург Р. Введение в политическую экономию. — М., 1960. С. 97–98.

⁴² Бухарин Н.И. Избранные произведения. — М.: Экономика, 1990. С. 82–83.

ретик меньшевистской партии: «Политическая экономия изучает определенную экономическую формацию общества, а именно товарно-капиталистическое хозяйство»⁴³. Об этом тогда писали многие, в т.ч. и Роза Люксембург: «Последняя глава политико-экономического учения — это социальная революция мирового пролетариата»⁴⁴. Казалось бы, после «пролетарской революции» 1917 г. в СССР не должно было быть места для политэкономии. И поначалу ее, действительно, не было.

Однако в конце 1920-х — начале 1930-х гг. в СССР придумали формулу о «политической экономии в широком смысле», что позволило сохранить ее, а заодно и политэкономов в советском социализме. Действительно, тут была проблема. С одной стороны, в советской жизни сохранялись все основные категории рыночной экономики (товар, деньги, цена, кредит и т.д.), которые изучает и объясняет политэкономия. С другой стороны, собирались строить коммунизм, где не будет товарного производства и рыночных категорий и, стало быть, политэкономия не нужна. Как соединить социализм и рынок, товарное производство? Поэтому и запустили в оборот формулу о политической экономии «в широком смысле слова» «как единой экономической теории, изучающей главным образом и прежде всего специфические, свойственные каждой формации исторически ограниченные законы, а также общие законы, свойственные всем общественным формациям»⁴⁵. Однако никто из советских экономистов никаких «общих законов» политической экономии так и не продемонстрировал.

Иногда в качестве такого вечного закона, свойственного всем общественным формациям или стадиям общественного развития, называют закон экономии времени. Однако, ближайшее рассмотрение убеждает, что такого экономического закона в принципе нет, тем более для всех стадий общественного развития. Чтобы не лезть в глубокую древность и не ворошить прах египетских фараонов, рассмотрим этот вопрос на примере двух общественных систем: феодализма и капитализма. В условиях капитализма и рыночной экономики безусловно действует этот закон экономии. Но лучше его называть не законом экономии времени, ибо последнее, с экономической точки зрения, понятие очень неопределенное, а законом экономии (минимизации) издержек производства, соизмерения затрат и результатов. Механизм рыночной конкуренции выбрасывает с рынка производителей

⁴³ Рубин И.И. Очерки по теории стоимости Маркса. — М.—Л.: Госиздат, 1929. С. 5.

⁴⁴ Люксембург Р. Введение в политическую экономию. — М., 1960. С. 103.

⁴⁵ Пашков А.И. Вопросы экономической науки. — М., 1973. С. 474.

с наибольшими издержками производства, заставляет всех участников рынка минимизировать (экономить) свои затраты. Вот тут этот закон действует в полную силу, и в классической политической экономии его называют законом стоимости. В феодальном производстве такого закона нет.

Рассмотрим хозяйство феодального крестьянина. Конечно, он стремится экономить свои усилия, беречь свой труд, если угодно, «экономить время». Но это сбережение усилий (труда) не есть, собственно, экономическое явление. Крестьянское сбережение усилий есть естественная реакция организма преодолевать препятствия в процессе удовлетворения жизненно важных потребностей наиболее оптимальным путем. Так, любое животное произвольно выбирает кратчайший путь к пище, не задумываясь о законе экономии времени. Феодальный крестьянин также не погружается в долгие политэкономические размышления, все его хозяйственные действия определяются естественными условиями производства, его крайне ограниченными возможностями, традициями. Главная цель крестьянского хозяйства — это обеспечение воспроизводства своего хозяйства и семьи. Короче говоря, главная задача для крестьянина — выжить. И далеко не всегда с этой задачей он справляется вполне благополучно. Крестьянин не ищет сферы более прибыльного вложения своего труда, ибо такого выбора у него просто нет. Природа и объективные условия на века определили стратегию его хозяйственного поведения. Дай Бог ему собрать хороший урожай и обеспечить свою семью на год вперед. И только. Если и появится у него где-то экономия времени, то лишний свободный час он посвятит не более прибыльной или дополнительной экономической деятельности, а отдыху, религии, развлечению. Выбора для более эффективного вложения труда у него просто нет, как нет и понятия эффективности производства.

Таким образом, мы видим, что даже у двух исторически соседних общественных систем (феодализма и капитализма) нет общих экономических законов как демиургов развития. Не удивительно в этой связи и то, что политическая экономия как наука появляется лишь на этапе разложения феодальной системы, хотя хозяйственные проблемы мучили человечество с древнейших времен. «Действительно странно, — пишет Р. Хайлбронер, — человечество начало сталкиваться с экономическими проблемами задолго до эпохи фараонов, и на сцену успело выйти бесчисленное количество философов, множество ученых, политических мыслителей, историков и художни-

ков, тысячи государственных деятелей. Почему же мы не знаем ни одного экономиста?»⁴⁶.

Вместе с тем, формула о политической экономии в широком смысле слова давала надежду на вечное существование этой науки. По крайней мере, она очень была кстати советским политэкономам для объяснения сосуществования политической экономии с социализмом и даже обоснования особой науки — политической экономии социализма.

Немного остановимся на этом вопросе, ибо он чрезвычайно важен для всей нашей темы. Из наиболее крупных советских политэкономов обратимся к работам Я.А. Кронрода. Вот что он пишет: «Разумеется, политическая экономия исторически возникла и развилась как наука о производственных отношениях капитализма. Но из этого вовсе не следует, что ее предмет исчерпывается специфически капиталистическими отношениями. Все дело в том, что при специфичности характера, присущего системе общественных отношений производства каждой исторически определенной формации, все исторически сменяющие друг друга формации своим экономическим фундаментом имеют систему производственных отношений»⁴⁷. Вот, это главный аргумент в защиту расширительной версии политической экономии. Но этот аргумент не работает. Как мы старались показать несколько выше, в феодальном хозяйстве крестьянина экономические, производственные отношения не являлись основными, определяющими. В крестьянской семье организация работ, само производство и распределение продукции покоилось не на экономическом принципе, а на семейных, родовых отношениях. Слабый работник имел точно такие же права на продукт, как и лучший работник. Работа и продукт распределялись между членами семьи не на эквивалентной основе, а согласно демографическим и физиологическим особенностям членов семьи, историческим традициям. То же самое относится и к латифундии помещика. В феодальном обществе господствовали не производственные (экономические) отношения, а отношения непосредственной зависимости, физического насилия. Политическая экономия появилась и развилась, когда появился предмет ее изучения — рыночная экономика. И не как случайный обмен на периферии хозяйственной жизни, а как основополагающий момент жизнедеятельности всего общества.

⁴⁶ Хайлбронер Р.Л. Философы от мира сего. — М., 2008. С. 18.

⁴⁷ Кронрод Я.А. Законы политической экономии социализма. Очерки методологии и теории. — М.: Мысль, 1966. С. 21–22.

Таким образом, нельзя утверждать, что есть какие-то экономические законы, которые действуют или могут действовать, например, в рабовладельческом и посткапиталистическом обществах в равной мере и силе. Однако никто из советских экономистов никаких «общих законов, свойственных всем общественным формациям» политической экономии так до сих пор и не продемонстрировал. По мнению Люксембург, а также советских марксистских интеллектуалов 20-х годов (Н. Бухарина, Е. Преображенского, И. Рубина и др.) это был нонсенс. Но Роза Люксембург погибла в 1919 г., а советских марксистов, которые так думали, расстреляли в конце 1930-х гг. И до конца существования СССР в этом вопросе все было ясно и спокойно. Теперь другой расклад. Теперь, вполне свободно можно подвергнуть сомнению тезис, что в обществах с принципиально различной экономикой может действовать один и тот же экономический закон. В чем же тогда их принципиальное отличие?

Центральное место в обсуждении этого вопроса занимает дискуссия 1925 г. в Комакадемии. Об этой дискуссии в советский период довольно много писали, еще больше о ней упоминали, превратили ее в легенду советской политэкономии. Но, как правило, все исследователи этого периода, писали, что правильную, т.е. «марксистскую» позицию там заняли кроме докладчика, еще один или двое участников. Все остальные, включавшие крупнейших марксистских идеологов того времени (например, Н.И. Бухарина, Е.А. Преображенского и др.) выступали с «неправильных» позиций, за что в советский период эти идеологи считались плохими марксистами. По сути дела, все участники дискуссии кроме самого докладчика (И.И. Скворцова-Степанова) и историка М. Покровского держались, по мнению советской литературы, «неправильной», «немарксистской» точки зрения. И, тем не менее, делался очень странный вывод, что эта дискуссия послужила первым шагом к формированию правильного вывода о политической экономии в широком смысле. Детальный анализ этой дискуссии в советский период встречался очень редко.⁴⁸ Однако, при всем уважении к авторам такого анализа, ибо они в жестких условиях советской идеологической

⁴⁸ Пожалуй, наиболее развернутый и обстоятельный анализ дискуссии 1925 г. в советский период дан в следующих работах: *Маневич В.Е.* Проблемы методологии политической экономии в советской литературе 20-х годов. — М.: Наука, 1970; *Широкоград Л.Д.* Методологические проблемы политической экономии социализма в советской экономической литературе переходного периода — Л.: Изд-во ЛГУ, 1974; *Широкоград Л.Д.* Идеологическая борьба и развитие политической экономии социализма в СССР в переходный период. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. Современные представления об этой дискус-

цензуры, делали почти невозможное, честно излагая действительную суть дела, все-таки их анализ и общие выводы делались, как теперь можно сказать, с неправильных методологических позиций. Поэтому, остановимся на этой дискуссии подробнее.

Эта знаменитая дискуссия была организована в Коммунистической Академии в начале 1925 г. по докладу И.И. Степанова-Скворцова «Что такое политическая экономия?»⁴⁹, где впервые для отечественной экономической литературы был поставлен вопрос о политической экономии в широком смысле. Хотя именно таким термином ни сам докладчик и никто из его оппонентов тогда не пользовался. Термин «политическая экономия в широком смысле» тогда еще не был в ходу. Итак, советская энциклопедия «Политическая экономия» писала в 1979 г., что И.И. Скворцов-Степанов «в докладе «Что такое политическая экономия?» восстановил марксистско-ленинское понимание исторических границ предмета политической экономии, подвергнув решительной критике взгляды Н.И. Бухарина и его сторонников, отрицавших необходимость и возможность создания политической экономии в широком смысле слова, политической экономии социализма».⁵⁰ Удивительно, как все или почти все в советский период переворачивали с ног на голову. В этом докладе Степанов никого не критиковал, тем более Бухарина. Наоборот, все выступающие и первый среди них Бухарин критиковали докладчика. Ни о какой политической экономии социализма докладчик прямо не говорил, ограничиваясь некоторыми намеками. Далее, докладчик не «восстановил марксистско-ленинское понимание», ибо такого в природе тогда не было, а просто запутал марксистское понимание политической экономии как таковой.

Первым в дискуссии выступил Бухарин и, говоря прямо, камня на камне не оставил от всех построений Скворцова-Степанова. Он в частности сказал: «И.И. ссылается на широкое понятие политической экономии у Энгельса. Что сказано у Энгельса, если лучше посмотреть? Там сказано — что это есть наука, изучающая «отношения производства и обмена» и т.д. Если вы, И.И. мне докажете, что обмен существует в натуральном хозяйстве, а не в товарном, тогда я с вами поговорю». «Для т. Скворцова буржуазной политической экономии не существует, он борется лишь с «троцкизмом» в политической экономии». И конеч-

сии см.: *Гловели Г.* Политэкономия в широком смысле: элементы институционализма и утопизма. // Вопросы экономики, 2010, № 10.

⁴⁹ Вестник Коммунистической Академии, 1925. Кн. XI. С. 257–346.

⁵⁰ Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 3. М., 1979. С. 562.

ный вывод Бухарина: «Политическая экономия есть теория капиталистического хозяйства»⁵¹. Именно в данной фразе содержится зерно, которое давало повод советским экономистам приписывать влиянию Бухарина распространение узкой трактовки предмета политической экономии, которое превратилось «чуть ли не в догму».

Интригующе и в общем-то провидчески Скворцов-Степанов закончил свое выступление: «Итак, товарищи, еще раз повторяю: я не ожидал, что нападки на меня будут так мягки... Ясно, что первобытная чистота и наивность в области политической экономии скоро будут вами утрачены»⁵². И это оказалось верным. Были «утрачены» не только «чистота и наивность» многих участников дискуссии, но в конце 1930-х гг. были «утрачены» почти все участники этой дискуссии за исключением самого докладчика. Но что бы это могло значить, что имел в виду докладчик? Остается не ясным.

Итак, чем важна эта дискуссия сегодня? Тем, что она возвращает нас на исходные позиции развития политической экономии в России, после которых уже в конце 1920-х годов был взят принципиально неверный курс на политическую экономию социализма. Поэтому, чтобы понять место и функции политической экономии в современном общественном знании, надо и переосмыслить ту дискуссию.

Вместе с тем, формула о политической экономии в широком смысле слова давала надежду на существование этой науки в советском социалистическом обществе. Когда, в начале 1920-х годов сочли, что политическая экономия не нужна в строительстве социализма, у многих политэкономов появилась некоторая раздвоенность, интеллектуальная неуютность. Как же так! С одной стороны, политическая экономия хорошая наука, которая как никакая другая способна объяснить экономический процесс, характерный не только для более передовых западных стран, но и для советской экономики. Ведь все 1920-е годы почти официально экономический строй в СССР назывался государственным капитализмом и все товарно-денежные категории (товар, деньги, цена, кредит и т.п.), традиционные для классической политической экономии, активно использовались в реальной жизни. С другой стороны, надо отказываться от этой науки, потому что неуклонно приближается социализм, где отношения между людьми не будут опосредоваться вещами. А ведь тогда не вызывало возражений марксистское положение, кото-

⁵¹ Вестник Коммунистической Академии, 1925. Кн. XI. С. 296, 298.

⁵² Там же. С. 346.

рое Рубин сформулировал так: «Политическая экономия как наука о товарном хозяйстве имеет дело с вещными категориями»⁵³. Социалистические отношения теряют вещную оболочку, а значит, теряют свое содержание и смысл традиционные товарно-денежные категории. Значит, должна терять смысл и политическая экономия. Все логично. Но в реальной жизни и в 1920-х годах, и в 1930-х и дальше люди все-таки зависели и зависят от вещей и их производства. Такие категории как стоимость, товар, цена и т.п. продолжают играть существенную роль. Без них невозможно представить нормальное функционирование даже планового советского хозяйства. Тут как нельзя кстати подвернулась формула о политической экономии «в широком смысле». И, видимо, многие искренне ухватились за эту формулу, оправдывающую их многолетнюю деятельность и даже существование как политэкономов в советском социализме. В общем и целом это понятно.

Рубин четко очерчивал границы политической экономии: «Я прямо утверждаю, что все экономические явления, изучаемые нашей наукой, связаны именно с данной, капиталистической, системой хозяйства и при другой системе хозяйства не могут иметь места»⁵⁴. При этом Рубин специально выделяет слова социальная форма или социальная сторона экономического процесса. Это породило громадную дискуссию в советской литературе о включении в предмет политической экономии производительных сил и обильные обвинения Рубина в протаскивании идеализма в политическую экономию.

1.4. Политэкономия и Россия

Политэкономия в отечественной интеллектуальной традиции

Использование термина и понятия «политическая экономия» является отечественной научной традицией. Наверное, начиная с Н. Чернышевского, общетеоретические экономические исследования в России развивались как политэкономические, хотя становление политической экономии как науки в России следует отнести на более поздний период. Отечественные исследователи за более чем 150-летний период выработали понятийный аппарат, инструментарий, набор категорий и понятий и в общем привыкли к политэкономическому дискурсу. Еще в 1818 г. будущий декабрист Н.И. Тургенев, ссылаясь на Ж-Б. Сэя писал, что

⁵³ Рубин И.И. Очерки по теории стоимости Маркса. — М.—Л.: Госиздат, 1929. С. 45.

⁵⁴ Рубин И. Диалектическое развитие категорий в экономической системе Маркса. // Под знаменем марксизма, 1929, № 4. С. 93.

даже иностранцы, занимающиеся политической экономией, «с удовольствием замечают, что во всех российских университетах учреждены для политической экономии особенные кафедры, и что она входит в круг наук, которые были преподаваемы великим князьям российским»⁵⁵.

Сегодня все наоборот. Переименование многих бывших кафедр «политической экономии» в кафедры «экономической теории» носит в большинстве случаев поверхностный, конъюнктурный характер. Там же, где в действительности отказались от политэкономии, преподавание свелось к пересказу компиляций из западного «экономикса», имеющего мало отношения к реальной российской экономике. Отказ от понятия «политическая экономия» надолго дезориентирует отечественных экономистов и преподавателей, в конечном счете, окончательно сведет русскую экономическую мысль к подражанию моделям западного экономикса.

Суть политэкономического подхода в отечественной (и не только в отечественной) общественной науке заключается в том, что при изучении соответствующих проблем захватываются их социальные и политические аспекты. Это не только то, что сегодня называют макроэкономикой или микроэкономикой, но и то, что в западных странах обычно изучается в курсах политики, истории и, особенно, социологии. У нас же нет такой традиции. Возможно то, что традиционно изучалось у нас политической экономией ныне отходит к институциональной экономике. Но и тут имеются некоторые сложности. Первая — пока еще институционализм даже в лучших своих представителях по масштабам и глубине не в силах конкурировать с достижениями классической политической экономии. Вторая — в нашей отечественной научной и преподавательской практике, несмотря на бурное развитие институционализма, политэкономическая традиция и ее научные накопления значительно превосходят ростки институциональной экономии. Скорее всего, следует ожидать синтеза этих ростков с обновленной политэкономией. В англо-саксонской практике преподавания многие вопросы, которые у нас изучает политическая экономия, относятся к социологии, к ее многочисленным ответвлениям. У нас же социология не имеет такого развития и широты охвата. Отказ от понятия «политическая экономия» поведет к тому, что многие проблемы вообще не будут изучаться.

В отечественной экономической науке сложилась определенная схема, классификация, традиция в соотношении различных ветвей. Конечно, эту схему можно совершенствовать и развивать, что будет

⁵⁵ Тургенев Н.И. Опыт теории налогов. — М., 1937. С. 4.

означать большую детализацию, уточнение, наконец, усложнение. Простая замена термина «политическая экономия» на термин «экономическая теория» упрощает схему экономических наук. Тогда по логике остается лишь два направления «экономическая теория» и «экономическая практика», что делает всю схему очень примитивной. Более того, такая замена требует все ваковские специальности свести к двум: теория и практика. Все это внесет очень большие трудности в определение специализации каждой диссертационной работы. ВАК значительно прибавит себе работы и проблем.

К сегодняшнему дню у нас и так очень много всего переименовали и изменили. Далеко не все оказалось к лучшему. И в случае переименования «политической экономии» следует поступать осторожно: семь раз отмерить. Прежде всего следовало бы спросить об этом научную и преподавательскую общественность. Необходимо провести серию «круглых столов», семинаров, наконец всероссийскую научную конференцию. В отказе от термина «политическая экономия» просматривается исключительно политический ход: пересмотреть все, что было раньше. Но глупо отказываться от старого только в угоду новому экстремизму.

Иногда говорят, что российская традиция политэкономии начинается с «Курса политической экономии» Андрея Карловича Шторха, что он был «первым российским академиком по специальности политическая экономия и статистика», что его работы были широко известны на Западе и «получили высокую оценку», а «это значит, что уже в начале XIX в. российская школа экономической мысли была одним из лидеров мировой политико-экономической теории»⁵⁶. Почему же ни у М.И. Туган-Барановского, ни у П.Б. Струве, ни у С.Н. Булгакова и других авторов, от которых действительно идет традиция российской политэкономии, про Шторха вообще ничего нет. В знаменитой книге Тугана «Основы политической экономии» есть одна сноска на Heinrich(a) Шторха как на статистического описателя хозяйственного строя России. Причем дается ссылка на его статистический труд «Historisch-statistische Gemalde des russischen Reichs», его же «Курс политической экономии», вдруг ныне ставший модным, Туган вообще не упоминает. Что и кому Шторх преподавал? Он даже русского языка не знал. От благожелательных к нему современных авторов мы узнаем, что Шторх преподавал на французском языке историю и литературу в кадетском

⁵⁶ Абалкин Л.И. Российская экономическая мысль: история и современность. — М.: ИЭ РАН, 2008. С. 109–110.

корпусе. Затем преподавал разные предметы великим князьям, а курс политэкономии преподавал императрице Марии Федоровне. Конечно, в этом ничего дурного нет, но нельзя же считать Марию Федоровну связывающим звеном между Шторхом и русскими политэкономами.

В обстоятельном и педантичном исследовании Й. Цвайнерта «История экономической мысли в России», хотя сам автор придерживается уклончивой позиции и считает этот вопрос второстепенным, специально подчеркивается, что в «германской канонической литературе по истории экономических учений Шторха в большинстве случаев называют немецким экономистом», а также в «дореволюционной российской и советской литературе преобладает идентификация Шторха как немца»⁵⁷. Шторх превращается в русского экономиста у тех авторов, которые обижены на сегодняшнюю вестернизацию (точнее, американизацию) российского образования, и которые патриотически встают на защиту отечественной науки. Патриотизм — чувство хорошее, но искать приоритет отечественной науки там, где его не было, слишком опрометчиво. Более того, Й. Цвайнерт честно приводит следующее мнение Ж–Б. Сэя по поводу основного труда Шторха: «Три четверти его книги дословно скопировано из работ Адама Смита (в переводе Гарнье), Джереми Бентама, Сисмонди, Дестюта де Траси и моей. Он использовал мою работу столь вольно, что я обнаружил в его книге целые главы из моей книги «Трактат политической экономии», с первого до последнего слова, включая названия глав!»⁵⁸. Таким образом, вопрос со Шторхом состоит не в том, кто он — русский или немецкий экономист, а в том — заурядный ли это компилятор или искусный плагиатор.

Кроме того, непонятно почему вдруг немец Шторх стал основателем русской политической экономии, хотя его «Курс политической экономии» был издан в 1815 г. на французском языке. А вот другой немец Христиан фон Шлёцер, который с 1801 г. преподавал политическую экономию в Московском университете, издал на русском языке свой политэкономический труд «Начальные основания государственного хозяйства, или науки о народном богатстве» в 2-х тт. уже в 1805–1806 гг. Т.е. на десять лет раньше Шторха. И, как вполне справедливо его аттестует Цвайнерт, был «первым академическим ученым-экономистом России». Но Шлёцера современные российские экономисты вспоминают намного реже.

⁵⁷ Цвайнерт Й. История экономической мысли в России. 1805–1905.— М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. С. 68.

⁵⁸ См.: Там же. С. 70.

Мы же говорим о российской традиции в политической экономии. Считать Шторха основоположником русской политэкономии также нелепо, как И.С. Тургенева французским писателем лишь на том основании, что последний значительную часть жизни прожил во Франции. Но главное другое. Как в стране может появиться наука, если предмета этой науки в этой стране еще нет? Шторх выпустил свой труд за 46 лет до отмены крепостного права. Капитализм как общенациональная система в России стал складываться лишь в последней четверти XIX века, но так и не сложился. Как можно иметь науку, которая описывает капиталистические производственные отношения, когда таковых в стране еще не было? Непонятно.

И еще. Возвращаясь к российской политэкономической традиции, надо иметь в виду, что, в общем и целом, она была возвращена в лоне марксизма. Как отмечал еще Н.А. Бердяев, марксизм был процессом европеизации русской интеллигенции. Российскому интеллигенту в начале XX века чтобы выглядеть современно и умно надлежало быть марксистом. Конечно, с тех пор много утекло воды. Был Сталин, который вырезал многих марксистских интеллигентов (Н. Бухарина, Е. Преображенского, И. Рубина и др.), теперь американская мысль, которая часто путает марксизм и сталинизм (Л. Мизес, Ф. Хайек). Но есть Россия, есть российская интеллигенция, пронизанная марксизмом — дело осталось за политической экономией.

Речь должна идти не о воссоздании марксистской политической экономии. Такой нет и быть не может. Маркс был критиком классической политической экономии, он создал ее завершение, вершину. Выражение «пролетарская политическая экономия» бессмысленно, ибо цель пролетариата состоит в упразднении классов и, стало быть, самого себя (Д. Лукач). Вот этот процесс уничтожения («снятия») классов и вещного мира и призвана объяснять постклассическая политическая экономия, которая корнями уходит в марксизм.

Политэкономия и национальный характер

В современной литературе поставлен вопрос и о национальном характере политической экономии, который в последнее время приобрел некоторую остроту. Здесь стоит выделить работы профессора В.Т. Рязанова из Санкт-Петербургского университета, посвященные обсуждению исторического значения «русской школы национальной экономики или политической экономии особенного». Автор справедливо считает, что заслуга данной школы состоит в разработке альтернатив-

ного варианта осуществления программы обустройства России «через проведение не либерально–рыночных, а национально–ориентированных реформ». Речь идет о разработке модели экономики с «неоднородной структурой». «Этим, — пишет автор, — предлагался курс реформ, опирающийся не на достижения каких–либо абстрактных целей, а на реальные возможности и приоритет национальных интересов». Конечно, национальная ориентация, или лучше сказать, учет национальных особенностей при формировании и развитии современной экономической теории России является настоящей потребностью времени. Для России пагубно простое и бездумное копирование американского «экономикса». Россия, как известно, не Америка. Но трудно согласиться с конечным выводом автора, что главное направление исследовательской традиции в русской экономической школе или «политическая экономия особенного превратилась через философию хозяйства в "богословие хозяйства", обозначив по сути дела возвращение к поискам христианских оснований экономической деятельности»⁵⁹. Тут уж остается только разводиться руками...

При этом некоторые авторы как бы впадают в крайности национализма и, так сказать, самобытности. Именно этим характеризуются в своем роде оригинальные работы профессора МГУ В.М. Кулькова. Он считает, что должна быть создана экономическая теория «национального экономического строя», куда входят «и особые национальные экономические законы». Автор также полагает, что должен проявиться и «национальный стиль исследования» и «особенности национального экономического мышления»⁶⁰. К сожалению, профессор В.М. Кульков не проясняет, что такое «национальный экономический строй», «национальный стиль исследования» и «национальное экономическое мышление». Неужели теперь экономический строй какой–либо страны надо различать не по способу производства, не по характеру и степени развития техники и технологии производства, а по ее географическому расположению и климату? Неужели экономическое мышление можно разделять по национальному или расовому признаку? То есть, если, допустим, человек жил в Москве и работал ученым в МГУ, то, значит, он обладал русским экономическим мышлением и владел русским

⁵⁹ Рязанов В. Политическая экономия особенного: начала русской исследовательской традиции // Российский экономический журнал, 2011, № 5. С. 38, 42, 43.

⁶⁰ Кульков В.М. Альтернативные научные основы модернизации экономики // «Капитал» и экономикс. Вопросы методологии, теории, преподавания. Вып. 4. Под ред. В.Н. Черковца. — М.: ТЕИС, 2011.

«национальным стилем исследования». А потом, переехав в Париж и работая в Сорбоне, получив при этом французское гражданство (т.е. став французом) этот же человек сразу начинает мыслить по-французски. Какая-то странная логика.

Однако было бы неосмотрительно вообще отрицать национальные особенности в политической экономии и считать, что только западные экономические теории способны вывести Россию на дорогу благосостояния и благополучия. Все дело, мол, в том, чтобы выбрать для России хорошую западную теорию, а не ту, которая породила кризис 1990–х гг. Такова, например, книга известного российского экономиста С.С. Дзарасова.⁶¹ Автора волнует главный вопрос: какая экономическая теория подходит сегодня для России, согласно какой экономической теории российская экономика может развиваться наилучшим образом? На это место автор прочит теорию Д. Кейнса, а точнее, посткейнсианство, т.е. те добавления и усовершенствования, которые сделали ученики и последователи Кейнса в противовес «экономикс», т.е. либеральной неоклассической тенденции в современной экономической науке, которая заполонила все наши учебники и университеты. Дзарасов резко критически относиться к этой теории, считая, что именно она персонально виновата в провале российских экономических реформ 1990–х гг.

При этом Дзарасов признает неизбежность рыночной экономики и не выступает против нее в целом. Более того, Дзарасов во многих местах указывает, что нам нужна планово–рыночная модель экономики и к ней мы, видимо, должны были переходить в свое время. Но перешли к либерально–рыночной модели, которая за последние 20 лет продемонстрировала неспособность развития российской экономики. Это все правильно. Но Дзарасов считает, что все дело в том, что мы, т.е. Россия выбрала не ту модель экономики. Коренную причину негативных последствий экономических реформ, пишет Дзарасов, «я усматриваю в принятии не соответствующей нашим условиям неоклассической модели рынка» (с. 14). Получается, что мы читали как бы не те книжки. А нам надо было читать другие книги и выбрать, по мнению Дзарасова, модель Кейнса. Вот в этом пункте у меня самые большие расхождения с автором книги. Хотя лично к Кейнсу у меня больших претензий нет, да и его теория заслуживает внимательного изучения. Но вопрос намного сложнее и шире. Рассмотрим все это не спеша.

⁶¹ Дзарасов С.С. Куда Кейнс зовет Россию? — М.: Алгоритм, 2012.

Дзарасов приводит опыт советской экономики как положительный пример бескризисного развития. Но ведь тогда, в советское время мы не жили по модели Кейнса. И жили лучше, чем сейчас. Сам же автор пишет, что советская политэкономия, несмотря на свою догматичность «была если не полным, то все-таки отражением нашей ситуации и для ее понимания давала определенные ориентиры» (с. 7). Золотые слова. А вот какую российскую ситуацию может отражать теория Кейнса? Более того, у нас был вполне успешный опыт смешанной экономики первой половины 1920-х годов, когда еще Кейнс не создал своей знаменитой теории. И об этом пишет сам же Дзарасов: «То, что Кейнс предлагал в «Общей теории» на другой основе, делалось в Советском Союзе задолго до него и в более полном объеме» (с. 122). Зачем же нам тогда Кейнс? Разве теория Кейнса отвечает специфике нашей страны, нашим ценностям культуры и ментальности нашего народа? Очень сомнительно.

У нас самих накоплен колоссальный опыт регулирования экономического развития. Вспомним нашу систему народнохозяйственного планирования. Да, там было много нелепостей и дурости. Но сам принцип планового начала (в виде индикативного планирования, векторного, программно-целевого) являлся большим достижением советской экономической науки и экономической практики. Да и сам Дзарасов совершенно справедливо на это указывает: «Планирование — это то, что мы умели, как никто другой, и отказ от него явился для нас роковым. Каковы бы ни были теперь трудности его возобновления, другим способом выживания мы не располагаем» (с. 210). Замечательные слова. Хотя зануда рецензент тут же спросит: а как же теория Кейнса? Выходит, что ее одной маловато.

Пойдем дальше. Дзарасов, справедливо критикуя «наш капитализм», полагает, что он представляет «единственный случай создания рынка и капитализма по чертежам неоклассической ортодоксии» (с. 151). Однако очень опрометчиво считать, что российские реформаторы 1990-х гг. разваливали отечественную экономику, устраивали сомнительную с юридической точки зрения приватизацию, обогащались и т.д. в точном соответствии с учебниками «экономикс». Еще большой вопрос — какие книги они читали и читали ли вообще что-нибудь. Они действовали в своих личных интересах, а неоклассическая экономическая теория тут по большому счету не причем. Можно привести немало фактов несоответствия реформ 1990-х «чертежам неоклассической ортодоксии». Например, уровень безработицы у нас был ниже, чем это следовало бы по теории, а ставка рефинансирования, наоборот, выше,

и т.д. И никак нельзя принять следующий вывод автора, что «теоретические истоки постигшего нас разочарования надо видеть в неоклассической теории» (с. 151). Иными словами, воровство, коррупция, обман, уголовные и государственные преступления, к чему сводились реформы 90-х, есть лишь следствия «неоклассической теории». На самом деле, теория тут не причем. Для воровства совсем не нужна специальная экономическая теория. Виновата не теория, а люди. Теория использовалась лишь для прикрытия, камуфляжа соответствующих действий.

Пойдем еще дальше. В прекрасной работе Дзарасова есть какой-то трудно воспринимаемый мотив преклонения перед иностранными учеными, как говаривали когда-то «низкопоклонство перед Западом». У читателя создается впечатление, что все умные экономисты располагаются только на Западе. И вот наши экономические неудачи связаны с тем, что мы почему-то слушали (или читали) не тех экономистов. А вот если взять других, но тоже западных экономистов (в первую голову, конечно, Кейнса), то у нас бы получилось все прекрасно. И автор обильно цитирует этих других экономистов (G. Arrighi, O. Blanchard, J. Eatwell, J. Harcourt, H. Minsky etc), которые действительно работают в иной парадигме, чем неоклассическая. При всем уважении к этим экономистам и их научному творчеству, оказывается, что многие их мысли, которые цитирует Дзарасов, давно известны отечественному читателю. Возьмем того же Хьюмана Мински, необычайно популярного сегодня в гетеродоксальных кругах западной экономической науки. Дзарасов приводит его следующий капитальный вывод: «Нестабильность является результатом внутренних процессов в капиталистической экономике» (с. 168). Все правильно. Но об этом давно (лет на 50 раньше) много и аргументировано писали советские экономисты. Возьмите книги Е. Варги, Э. Брегея, Л. Мендельсона, И. Трахтенберга, наконец, Н. Цаголова и многих других, все это там есть. Для нас положение о нестабильности капитализма — совершенно банальная фраза, сотни раз прописанная в любом советском учебнике политической экономии.

Или в другом месте Дзарасов пишет, что «особый интерес для нас представляет концепция децентрализованного (индикативного) планирования, предложенная американским ученым А. Эйхнером» (с. 189). Но ведь задолго до этого американского ученого в СССР в середине 1920-х гг. была разработана теория и практика индикативного планирования в виде так называемых «контрольных цифр Госплана». Эта уникальная работа была осуществлена под руководством В.Г. Громана в сотрудничестве с целой группой выдающихся российских экономистов.

И совсем уже печальный вывод Дзарасова, что «в итоге мы теперь пожинаем плоды печального отставания советской экономической мысли от мировой» (с. 171). В чем отечественная экономическая наука отстала от западной, а она в чем-то действительно отстала, это интересный и специальный вопрос. Но то, что неоклассическая теория нам не подходит — это мы знали намного раньше даже умных западных экономистов. Да, мы отстали от западного, точнее, американизированного «экономикса», который ныне массировано преподается во всех наших университетах. Его, конечно, надо знать, но можно ли его класть в основу нашей экономической политики? Именно против этого справедливо восстает Дзарасов. Тогда зачем же нам его догонять? Поэтому и об отсталости российской экономической мысли от западной надлежит говорить осторожно и продумано. Соревноваться с американским «экономиксом» нам совсем не к чему, ибо он сам — вчерашний день мировой экономики.

Итак, все очень сложно. С одной стороны, нельзя замыкаться в своей исторической исключительности и искать только российские корни экономической действительности. С другой стороны, нельзя забывать свои корни и искать только по западным прилавкам что-то по красивей. Как уже неоднократно говорилось, нужно использовать все рациональные достижения мировой экономической науки и, прежде всего, западной. Ибо, Россия все еще существенно отстает в экономическом развитии от стран Запада. В том числе, могут пригодиться многие положения и элементы так ныне критикуемого «экономикса». Но также нужно учитывать российские национальные особенности экономического развития и достижения российской экономической мысли, в том числе и советского периода.

Возрождение политэкономии в России

Выше отмеченные крайности в поиске национальных особенностей политэкономического знания есть оправданная реакция на навязывание нам западного экономикса и американизированной экономической теории. Естественно, что отечественные ученые ищут точку опоры для возрождения политической экономии в России. И что-то в этом отношении начинает делаться у нас, но трудно, мучительно и противоречиво. Еще в 2009 г. академик Л.И. Абалкин писал: «Современное возвращение к политической экономии — трудный и мучительный процесс. Он требует серьезных раздумий и переосмысливания многих стереотипов массового сознания»⁶². Однако, этот процесс, как говорится, пошел.

⁶² Абалкин Л.И. Размышления о будущем России. — М.: ИЭ РАН, 2009. С. 3.

Наконец и отечественные экономисты перестали стенать и жаловаться на «отмену» политической экономии и собрались для обсуждения актуальных проблем развития политэкономического знания. В Москве 16–17 апреля 2012 года состоялся Первый международный политэкономический конгресс стран СНГ и Балтии. Организатором Конгресса выступила Международная политэкономическая ассоциация, соорганизаторами — Институт экономики РАН, экономические факультеты Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и Санкт–Петербургского государственного университета, Южный федеральный университет, Московский финансово–юридический университет, Вольное экономическое общество России, Новая экономическая ассоциация и Фонд «Альтернативы». В работе Первого международного политэкономического конгресса приняли участие более 500 участников — представителей академической и вузовской науки из 40 регионов России, а также более 30 зарубежных экономистов из Белоруссии, Казахстана, Молдавии, Украины, США и Франции.

Открыл Конгресс вице–президент Российской академии наук, академик РАН А.Д. Некипелов, который сказал, что новая волна интереса к политической экономии весьма оправдана.⁶³ Политэкономический подход может стать принципиально важным слагаемым в решении ряда фундаментальных проблем экономической теории. Во–первых, политэкономический подход позволяет успешно решать задачи преодоления теоретической нестыковки между проблемами индивидуального и социального выбора, а эта проблема, в частности, указывает на важность органичной интеграции политического в экономическую теорию. Во–вторых, в политэкономической теории содержатся важные предпосылки для формирования органичного представления не только о функционировании экономических систем и институтов, но и об их становлении, развитии и прехождении. Именно здесь возможно и актуальное критическое использование марксистской парадигмы в логике политической экономии.

Конечно, это будет другая политэкономия, которая не только критически унаследует, но и подвергнет отрицанию ряд прежних установок и, особенно, догм, но и откроет путь к использованию принципиально новых возможностей, среди которых особенно отметил А.Д. Некипелов

⁶³ См.: *Некипелов А.Д.* Кризис общей экономической теории: вызовы политэкономии будущего. // Политэкономия: социальные приоритеты. Материалы Первого международного политэкономического конгресса. Т. 1. От кризиса к социально–ориентированному развитию: реактуализация политической экономии. — М.: ЛЕНАНД, 2013.

перспективы «виртуальной экономики» — математического комплекса, моделирующего выведенные дедуктивным путем взаимосвязи и ряд других новых, перспективных направлений развития политической экономики, у которой, несомненно, есть будущее. Но перед этой политической экономией будущего стоят и очень сложные задачи — задачи ответа на вызовы рождающейся новой мировой экономики и общества, задачи поиска оптимальных путей социально-экономического развития России.

На Пленарном заседании был сделан ряд принципиальных докладов, предопределивших основные пункты дискуссий, проходивших на семинарах, круглых столах и конференциях конгресса. Ввиду исключительной исторической важности события несколько подробнее рассмотрим некоторые доклады этого заседания.⁶⁴

В докладе директора Института экономики РАН член-корреспондент РАН Р.С. Гринберга и профессора А.Я. Рубинштейна «Экономическая социодинамика: политэкономический взгляд» были затронуты теоретические и прикладные аспекты экономической социодинамики. Речь шла о рынке «опекаемых благ» — особой группе товаров и услуг, в отношении которых имеются нормативные интересы общества. В эту группу, по мнению авторов доклада, входят все блага, в процессе производства и потребления которых принимает участие государство. В современной экономике такие ситуации встречаются все чаще и чаще. «Опекаемые блага» выпадают из-под рыночного саморегулирования и требуют специальных мер со стороны общества по модификации рынка. Объяснение этого процесса и составляет новое проблемное поле политической экономики.

Доклад профессора МГУ А.В. Бузгалина и д.э.н. А.И. Колганова был посвящен новым политэкономическим проблемам в условиях глобальной экономики знаний. Они в частности считают, что за пределами еsonomics, который ныне доминирует во всех учебных курсах, остаются вопросы исследования не-рыночных экономических систем и не-рыночных экономических отношений. Все, что нерынок для экономикса не существует или оценивается исключительно как «провалы» рынка, которые должны быть сведены к минимуму. Еsonomics дает теоретические основания только для исследования механизма функциональных взаимосвязей между различными экономическими агентами. Лежащие в глубине проблемы сущности «рыночной экономики» — сложную систему производственных отношений капитализма, законо-

⁶⁴ Полные тексты докладов см.: Горизонты экономики, 2012, № 2.

мерности его эволюции, его противоречия, причины рождения, развития и заката эта теория даже не ставит и не может ставить. Для успешного развития экономической теории вообще, считают авторы доклада, а в эпохи перемен в особенности, должны быть характерны плюрализм, равноправие и диалог различных теоретических школ при доминировании междисциплинарного подхода. В эпоху перемен ученый (и его собрат—педагог), желающий оказаться, что называется, «на передовых рубежах», должен быть способен к критическому восприятию любых устоявшихся теорий, к сомнению в аксиомах, открыт к диалогу с новым, уметь видеть *странное* в обыденном, привычном мире.

Член—корреспондент НАН Украины, заместитель директора Института экономики и прогнозирования НАН Украины А.А. Гриценко убеждал собравшихся, что политическая экономия возрождается. Более того, она становится модной. В поисках ответов на сложнейшие вопросы современного общественного бытия к политической экономии сознательно или интуитивно обращаются не только экономисты, но и представители других областей обществоведения. Термин «политическая экономия» все чаще звучит из уст политиков и бизнесменов. Появилось множество разновидностей политической экономии. Мы встречаем радикальную, сравнительную, международную, неортодоксальную, институциональную, феминистскую, экологическую, структуралистскую, конституционную политическую экономию, политическую экономию развития, власти, новую политическую экономию (с разными смыслами) и другие разновидности политической экономии.

Кажется, говорил докладчик, что при таком разнообразии подходов и смыслов, вкладываемых в понятие «политическая экономия», его границы расплываются, становятся субъективными, зависимыми просто от того, какое содержание вкладывает в него тот или иной автор. Но это не так. Даже если авторы не задумываются глубоко о содержании этого понятия и используют его по наитию, интуитивно, без должного обоснования, сам этот факт достоин теоретического осмысления. Поэтому все случаи использования понятия «политическая экономия» в научных исследованиях достойны внимания и осмысления. Чтобы разобраться во всём многообразии политэкономических подходов, необходимо выяснить их логико—историческое основание и способы его превращения в конкретные формы политико—экономических исследований.

В своем докладе заведующий кафедрой политической экономии и экономической политики Южного федерального университета (Ростов—на—Дону) профессор О.Ю. Мамедов отметил, что в системе

социальных наук политическая экономия занимает место фундаментального знания, представляя предметный, методологический и концептуальный уровни экономической теории. При неизбежной абстрактности и глобальности принципиальных положений политической экономии именно они образуют гносеологические координаты всех отраслей экономического знания. Поэтому профессионализм экономиста и сегодня определяется, прежде всего, степенью освоения им «философии» политической экономии.

Экономикс, заменив в учебных аудиториях политэкономия, не смог проделать это же в хозяйственной практике. Оказалось, что социальное строение производства упрямо продолжает оставаться «политико-экономическим», по-прежнему порождая политико-экономические проблемы и противоречия. Сколько же ещё должно взорваться «мин», чтобы и общество, и экономисты осознали — абстрактно-математические конструкции не в состоянии отразить реальные социальные отношения и противоречия сферы общественного производства. В своё время политическая экономия пришла в учебные аудитории прямо с горячих площадей. И похоже, что это — единственный, хотя и не самый «академический», способ возрождения политико-экономической науки, заключил выступающий.

Доклад заведующего кафедрой политической экономии МГУ профессора А.А. Пороховского был посвящён роли политической экономии в развитии фундаментального экономического образования. В частности он сказал следующее. Взрыв противоречий современного социально-экономического развития, эхом прокатившийся по всему миру и прежде всего по развитым странам в первые десятилетия XXI века, вынудил широкую общественность, государственных мужей, предпринимателей и исследователей «мозговых центров» обратиться к экономической науке вообще и экономической теории в особенности за поиском решения проблем. Стало бесспорным, что выход находится не в частностях, а в системном решении. Теоретический поиск в рамках господствующего мейнстрима столкнулся с тем, что свойственный ему методологический индивидуализм не настроен сформировать целостную, внутренне взаимосвязанную и субординированную систему категорий и законов, отражающую экономику как систему. В сложной структуре современной экономической теории только политическая экономия даёт системное видение экономического развития.

Заведующий кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского госуниверситета профессор В.Т. Рязанов остановился на проб-

лемах проблемного поля современной политической экономии. Как альтернатива неоклассики, политэкономия должна включать как всеобщие, так и особенные формы проявления экономической деятельности. Одновременно современная политэкономическая парадигма, соединяя эти два подхода, приобретает важное конкурентное преимущество, позволяющее помимо всего прочего уйти от чрезмерной отвлеченности от реальной экономики. И возможность такая имеется, ибо даже традиционный предмет политической экономии в отличие от узкого поведенческого ракурса неоклассицизма несравнимо более широк. Экономические отношения между хозяйствующими субъектами в воспроизводственном процессе, его характеризующими, не отвергают включение в их состав национальных сообществ, т.е. «национального человека» как хозяйствующего агента. Поэтому и сама система экономических отношений может рассматриваться как система национальных экономических отношений, в конечном счете отражаясь в многоликости национальных хозяйственных систем, реальное многообразие которых подтверждает важность учета национального аспекта в формировании и развитии экономических отношений между людьми.

Автор этой книги в своем докладе «Политическая экономия как самосознание буржуазного общества» развивал положение, что политическая экономия есть самосознание буржуазного общества, о чем уже много говорилось в этой главе. Но, увы, этот тезис, хотя и высказанный Р. Гильфердингом еще 100 лет назад, не нашел всеобщего понимания. Основные свои усилия участники дискуссии потратили на противопоставлении экономикса и политической экономии, выясняя вопрос: что лучше? Однако же есть и то, и другое. И одно полностью заменить другим нельзя и не нужно. Поэтому необходимо более четкое определение проблемного поля этих родственных, но все же разных наук. Но об этом подробнее мы будем говорить ниже.

В докладе группы сотрудников Института экономики РАН «*Политическая экономия и экономическая политика*», посвященном памяти академика РАН Л.И. Абалкина, который был представлен член-корреспондентом РАН Д.Е. Сорокиным, говорилось, что для разных поколений экономистов Л.И. Абалкин являлся, является и будет являться Ученым не только в прямом смысле этого слова, но и примером бескорыстного служения науке, рыцарского отношения к ней, ее организатором и защитником, показывающим обществу и власти возможности экономической науки и, прежде всего, ее академической ветви.

На протяжении всей своей научной деятельности он всегда выступал за исследование реальных механизмов хозяйственной жизни, за разработку научных основ экономической политики в условиях рыночной экономики советского и постсоветского периодов. Особое место в научном творчестве Л.И. Абалкина занимали проблемы политической экономии. В своем творчестве он стремился к очищению ее от догматизма и мифотворчества в советское время и много сделал для сохранения политической экономии как научной и учебной дисциплины в современной России.

В рамках Конгресса было проведено 9 семинаров, посвященных проблемам обновления политэкономии как науки, дающей новые импульсы для разработки социально-экономических стратегий развития, а также вопросам включения обновленной политэкономии в круг базовых учебных дисциплин вузов. Перечислить все и всех нет никакой возможности; назовем лишь некоторые проблемы и фамилии:

- *Политэкономия: роль в развитии экономической теории и экономического образования* (доклады: д.э.н. В.В. Каширин — МГУ; д.э.н. В.Н. Тарасевич — Украина; д.э.н. О.Л. Рогова — ИЭ РАН; д.э.н. К.А. Хубиев — МГУ и др.)
- *Политэкономия: национальные хозяйственные системы и глобальный контекст* (д.э.н. К.С. Айнабек — Караганда; д.э.н. А.Е. Городецкий — ИЭ РАН; член-корр. НАН Украины В.С. Савчук — Киев и др.)
- *Методология политической экономии* (проф. О.И. Ананьин — ВШЭ, ИЭ РАН; д.э.н. В.С. Афанасьев — МосГУ; д.э.н. Н.П. Гибало — Кострома; д.э.н. Ю.К. Зайцев — Киев; д.э.н. Д.Ю. Митропольский — СПб и др.)
- *Историзм в политэкономии и история политической экономии* (д.э.н. Г.Д. Гловели — ВШЭ; д.э.н. М.Г. Покидченко — МГУ; д.э.н. Л.Д. Широкоград — СПб и др.)
- *Политэкономия интересов: социальная структура и гражданское общество* (д.э.н. С.В. Кадомцева — МГУ; д.э.н. Ю.Г. Павленко — ИЭ РАН; д.э.н. И.В. Соболева — ИЭ РАН; д.э.н. М.В. Черников — Воронеж и др.)
- *Марксизм и политэкономия сегодня* (член-корр. РАН В.А. Медведев; д.э.н. Л.С. Гребнев — МГЮА; д.э.н. А.Г. Худокормов — МГУ и др.)
- *Аграрный вопрос в политической экономии* (д.э.н. В.И. Гайдук — Краснодар; д.э.н. Р.С. Гайсин — МСХА им. К.А. Тимирязева; д.э.н. Д.Д. Лукманов — Уфа; д.э.н. Н.З. Сафиуллин — Казань и др.)

- *Политическая экономия и философия хозяйства* (д.э.н. Ю.М. Осипов и др.)

К ключевым результатам конгресса следует отнести многостороннее обсуждение путей социально-ориентированного развития во взаимосвязи с проблемой человека как субъекта творческой деятельности. Внимание докладчиков и выступающих было сконцентрировано на одном из важнейших условий развития — на формировании человеческого потенциала для успешного развития экономики и общества. Кроме того, участники конгресса попытались проанализировать экономические причины назревающего социального конфликта, к которым они, прежде всего, отнесли известные структурные диспропорции национального хозяйства России; гипертрофированное развитие сырьевых отраслей по сравнению с секторами обрабатывающей промышленности и др. В дискуссиях на конгрессе подчеркивалось, что политэкономия — наука, принципиально открытая для диалога с другими общественными науками, для использования их языков, методов, подходов. И в этом ее важное преимущество перед «экономическим империализмом» неоклассики, навязывающей свой специфический подход другим общественным наукам. Таким образом, сегодня процесс возрождения политэкономического знания активно разворачивается. И примечательно то, что российские ученые сразу включились в этот процесс, а не оказались на его обочине, «как всегда». Тем острее стоят дискуссионные вопросы политической экономии.

ГЛАВА 2. МАРКСИЗМ И ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Рассуждая о судьбе политической экономии, особенностях ее существования в советский период и перспективах ее возрождения в нашей стране нельзя, невозможно обойти вопрос о соотношении политической экономии и марксизма. Некоторые люди думают, что в СССР существовала исключительно марксистская политэкономия, которая в постсоветский период была отменена вслед за отменой марксизма. Вопрос этот не простой и требует особого рассмотрения. Но начнем с марксизма.⁶⁵

⁶⁵ В данной главе использованы переработанные доклады и выступления автора на семинаре «Экономическая теория марксизма и современность», проходящем в Институте экономики РАН под руководством член-корреспондента РАН В.А. Медведева.

2.1. Марксизм и советское общество

Итак, марксизм

Ныне в России марксизм не моден среди некоторой части идеологического истеблишмента. Его пытаются обругать или оболгать (что попроще), замолчать и забыть. Но как-то не получается. Марксизм живет и развивается даже в России. Масштабы популярности марксизма в европейских странах просто поражают. Во всех передовых в экономическом и культурном отношении странах растет число марксистских журналов и издательств, ежегодно проводятся десятки семинаров и конференций по марксистской тематике. Так, ежегодные конгрессы ученых марксистов в Нью-Йорке и Париже собирают до 1000 участников. Как ни странно, но после развала «социализма» в СССР, марксизм не только не умер, а наоборот, демонстрирует бурное возрождение. Что-то, конечно, происходит и в России. Выходит множество книг о К. Марксе и марксизме.⁶⁶ Сформировалось даже специальная школа критического марксизма, которая уже успела выпустить немало толстых книг.⁶⁷

При этом надо различать «марксизм–ленинизм» и собственно марксизм. «Марксизм–ленинизм» была искусственная идеологическая конструкция, созданная в сталинский период нашей истории для фразеологического камуфлирования по сути буржуазных отношений (если не сказать проще: тоталитарного режима) советского общества. Марксизм же в точном и узком его понимании есть комплекс текстов и высказываний самого Карла Маркса. Даже некоторые положения Ф. Энгельса, а тем более К. Каутского и других ближайших наследников марксизма, порой трудно отнести к аутентичному марксизму. Конечно, в широком смысле под марксизмом можно понимать очень разнообразный комплекс идей и положений многих интеллектуалов, работающих в марксистской парадигме. Например, неомарксизм, фрейдомарксизм, аналитический марксизм и т.д.⁶⁸

⁶⁶ Так, в электронном каталоге издательства УРСС можно насчитать до сотни книг по марксизму, выпущенных в последние годы.

⁶⁷ См.: Критический марксизм: русские дискуссии. Под ред. М.И. Воейкова. — М.: Экономическая демократия, 1999; Критический марксизм: продолжение дискуссий. Под ред. А.В. Бузгалина и А.И. Колганова. — М.: Слово, 2002; Социализм–21. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма. — М.: Культурная революция, 2009; Марксизм: Альтернативы XXI века (дебаты постсоветской школы критического марксизма). Под ред. А.В. Бузгалина. — М.: ЛЕНАНД, 2009; Дорога к свободе. Критический марксизм о теории и практике социального освобождения. Под ред. Б.Ф. Славина. — М.: ЛЕНАНД, 2013 и др.

⁶⁸ См. об этом: *Андерсон П.* Размышления о западном марксизме. — М.: Ингер–Версо, 1991; *Грецкий М.Н.* Западный марксизм. // Экономико–философские тетради. Вып. 2.

Но «марксизм–ленинизм» — это особый случай. Это не есть результат естественного развития классического марксизма, а механическая легитимация с помощью марксистской фразеологии социальных отношений авторитарного (или временами, тоталитарного) общества. Некоторые добрые люди различия между классическим марксизмом и «марксизмом–ленинизмом» не делают и попадают впросак. «Избавляясь от марксизма–ленинизма, они думали, — пишет И. Валлерстайн, — что избавляются от самого Маркса. Но это не так–то просто. Выпроводишь Маркса в дверь, а он грозитя пролезть в окно. Ибо Маркс не исчерпал своего политического значения и своего интеллектуального потенциала (как раз наоборот)».⁶⁹

Но, конечно, Россия и российские интеллектуалы сильно отстают от европейского освоения и развития марксизма. Странно поэтому иногда слышать мнение, что именно в России (СССР) марксизм нашел свое полное воплощение, именно в СССР он получил мощное развитие, что именно в нашей стране марксизм сохранился и расцвел. Так могут думать и говорить несчастные люди, которые не только лишены какого–либо представления о современном состоянии мировой общественной мысли, но даже плохо знают сам марксизм и, видимо, после изучения «Краткого курса Истории ВКП(б)» ни одной книги на эту тему не открывали. К сожалению мы потеряли много времени.

Мы теряли время не только в последние годы «горбачевской перестройки» и нынешней разрухи, но и в предшествующие более благополучные годы, когда находились под прессом «догматизированного марксизма». Что и как теряли советские обществоведы в не столь далеком прошлом — является само по себе интересной научной проблемой. Однако разные исследователи толкуют ее по–разному. О потере времени советскими обществоведами в условиях господства «догматизированного марксизма» пишет, например, Р. Косолапов. Но он почему–то все дело сводит, так сказать, к лености мышления советских ученых. Обществоведы, пишет Р. Косолапов, разучились отличать «кажимость решения» от «действительного научного анализа, следование которому, понимание которого осложнено уже тем, что требует внимания, труда и времени. Фактически работал тот же пресловутый принцип "экономии мышления", который дорого обошелся социализму. Вдумчивое обращение с ним и как с практикой, и как с наукой не стало повсе-

— М.: УРСС, 2004; *Bensaid D. Marx for Our Times. Adventures and Misadventures of a Critique.* — L.: Verso, 2002.

⁶⁹ Валлерстайн И. После либерализма. — М.: УРСС, 2003. С. 210.

местной нормой. Вместо этого бытовал нерациональный метод проб и ошибок, который не только истощал наши ресурсы, но, что гораздо хуже, ... отнимал у нас драгоценное историческое время»⁷⁰. Конечно, вся эта леность ума была и дорого обошлась социализму. Но ведь главная причина «экономии мышления» (надо же, какое изящное выражение!) советских обществоведов состояла вовсе не в их лености или недогадливости, а в том, что со времен Сталина более догадливым из них просто затыкали рот.⁷¹ Почти невозможно было поставить под сомнение то или иное положение марксизма и тем более объявить его устаревшим. А таковых было и есть немало. Например, тенденция средней нормы прибыли к понижению и автоматического краха капитализма⁷² или положение об абсолютном обнищании пролетариата. Совершенно очевидно, что ни автоматического краха капитализма, ни абсолютного обнищания сегодня в мире не наблюдается. Значит, эти положения марксизма при общем подходе не подтвердились жизнью, оказались неправильными, если их воспринимать буквально.

Однако будет весьма опрометчивым делать на этой основе общий вывод о том, что марксизм в целом был ошибочным или устарел. Прежде всего, надо иметь в виду, что мир капитализма не стоял на месте, он видоизменялся и продолжает видоизменяться. Менялся в том смысле, а, может быть, и прежде всего под влиянием марксистской критики и успехов социалистического движения в европейских странах. «Следует еще раз подчеркнуть, — писал бывший премьер-министр Франции Мишель Рокар, — что сделать проявления капитализма умеренными позволили десятилетия пролетарской борьбы и побед, доставшихся большой ценной»⁷³. Поэтому просто неразумно брать конкретные описания Маркса капиталистического общества 150-летней давности и прикладывать их к современному западному обществу. В этом смысле, конечно, марксизм устарел. Но устарел так же как «устаревают» родители по отношению к своим детям. А если же детей еще нет, то, значит,

⁷⁰ Косолапов Р. Полет совы. Философско-исторические этюды Смутного времени. — М., 1994. С. 61–62.

⁷¹ См. об этом в моей статье на примере творческой судьбы крупнейшего советского политэконома Я.А. Кронрода (Воейков М. И. Экономическая теория социализма: политический режим и ученый. К 80-летию Я.А. Кронрода. — М., 1992).

⁷² Более сложное понимание формулы «автоматического краха капитализма» обсуждается в очерке о Розе Люксембург в гл. 7.

⁷³ Рокар М. Социалистическая политика сегодня. — «Социализм будущего», 1992, № 2. С. 4.

и родители еще не устарели. Есть ли сегодня дети у марксизма — это особый вопрос, который пока мы не будем затрагивать.

Далее, что более существенно. Марксизм как сложное учение состоит из ряда положений, некоторые из которых являются основными, так сказать, конституирующими марксизм, и другого ряда положений, которыми в общем случае можно пренебречь. Вообще каждый человек, ученый, мыслитель за свою жизнь высказывает массу самых разных мыслей, взглядов, положений. Чем умней и образованней такой человек, тем больше дельных мыслей он высказывает. Гениальные люди высказывают чрезвычайно глубокие и интересные мысли, что и делает их, собственно, гениальными. Но такого рода высказываний даже у гениев не так уж много; большинство их мыслей тривиальны, мелки или даже ошибочны. Люди ценят гениев за их прозрения, а не за их ошибки или банальности. Поэтому будет чрезвычайно глупо каждое высказывание или действие К. Маркса или Ф. Энгельса принимать за божественную истину и биться за нее «до последнего». Если, конечно, не превращать марксизм в религию.

Значит, надо выделить главные составляющие марксизма, которые и определяют его суть, без которых марксизм не может быть марксизмом. Здесь также имеются известные трудности. Разные исследователи и комментаторы берут различные положения и высказывания Маркса в качестве главных. И это характерно для крупнейших исследователей и пропагандистов марксизма. Например, В.И. Ленин писал в статье «Исторические судьбы учения Карла Маркса» (1913 г.): «Главное в учении Маркса, это — выяснение всемирно-исторической роли пролетариата как создателя социалистического общества»⁷⁴. То есть, по сути дела, Ленин главное в марксизме полагал в учении о классовой борьбе. Другой виднейший русский теоретик марксизма М.И. Туган-Барановский указывал иное: «Центральной идеей марксизма, как теории современного общественного развития, следует признать учение о концентрации средств производства»⁷⁵. Приведем самое свежее мнение по этому вопросу: «В основе учения Маркса лежат два главных тезиса. Первый из них — главенствующая роль экономики в общественной жизни; второй — преемственность и последовательность смены способов производства в истории»⁷⁶. Можно приводить и другие высказывания авторитетных исследователей этого вопроса,

⁷⁴ Ленин В.И. Полн. Собр. соч., Т. 23. С. 1.

⁷⁵ Туган-Барановский М.И. К лучшему будущему. — М., 1996. С. 244.

⁷⁶ Иглтон Т. Почему Маркс был прав. — М.: Карьера Пресс, 2012. С. 61.

которые в силу разных обстоятельств выдвигали на центральное место различные положения или высказывания основоположников марксизма. Однако, как бы не были интересны эти и другие положения, сами основоположники марксизма выделяли другое.

Обычно считается, что наибольшее значение в теории Маркса имеют следующие два положения: учение о прибавочной стоимости и материалистическое понимание истории (экономический детерминизм). На эти два положения совершенно определенно указывал Энгельс: «Маркс открыл закон развития человеческой истории: тот, до последнего времени скрытый под идеологическими наслоениями, простой факт, что люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т.д.; что, следовательно, производство непосредственных материальных средств к жизни и тем самым каждая данная ступень экономического развития народа или эпохи образуют основу, из которой развиваются государственные учреждения, правовые воззрения, искусство... Но это не все. Маркс открыл также особый закон движения современного капиталистического способа производства и порожденного им буржуазного общества. С открытием прибавочной стоимости в эту область была сразу внесена ясность... Двух таких открытий было бы достаточно для одной жизни»⁷⁷. И в другом месте о том же самом: «На этих двух важных основаниях зиждется современный научный социализм»⁷⁸.

Все остальные высказывания и положения Маркса и Энгельса, какое бы они значение не приобретали в то или иное время, нельзя рассматривать в одном ранге с двумя вышеназванными. Ни классовая борьба, ни диктатура пролетариата, ни учение о концентрации средств производства, ни тенденция понижения средней нормы прибыли, ни даже теория социальной революции и т.д. не могут рассматриваться самостоятельно и составлять ядро марксизма. Все остальные положения марксизма при всей их важности есть или следствие двух основных положений, или характерны лишь для конкретного исторического периода и своеобразия конкретных условий.

Возьмем, например, такое положение марксизма как абсолютное обнищание пролетариата, которое уже к концу XIX века стало очевидно устаревшим. Хотя многие догматики весь XX век с ним бесконечно носились

⁷⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 350–351.

⁷⁸ Там же. С. 115.

и сегодня оружие по этому вопросу еще полностью не сложили. Так вот, М.И. Туган-Барановский еще в 1902 г. убедительно показал, что это положение марксизма, несмотря на изощренные попытки К. Каутского его защитить, находится «в самом резком противоречии с фактами». И тут же Туган-Барановский пояснил, что социальные воззрения Маркса сложились в 40-е годы XIX века — в период понижения заработной платы, хронической безработицы, огромного роста бедности и нищеты. Формулируя свое положение об абсолютном обнищании пролетариата, пишет Туган-Барановский, «Маркс стоял на почве современных ему исторических фактов и высказывал взгляд, общий всем серьезным экономистам того времени. Рикардо и Мальтус смотрели на положение и будущность рабочих классов не менее мрачно»⁷⁹. Но из этих фактов ни Туган-Барановский, ни любой другой серьезный исследователь не делал выводов о неверности или легковесности марксизма в целом. К тому же можно вспомнить, что еще в 1891 г. Энгельс, рассматривая проект программы Социал-демократической партии Германии и наткнувшись на фразу проекта «нищета пролетариев все больше возрастает», заметил: «В такой абсолютной форме, как сказано здесь, это не верно. Организация рабочих, их постоянно растущее сопротивление будут по возможности создавать известную преграду для роста нищеты»⁸⁰.

Но вернемся, однако, к экономической теории марксизма. Разных теорий, в том числе экономических, довольно много. И нельзя сказать, что все они или многие из них плохие и ничего не стоят по сравнению с марксистской. Многие экономические, так сказать, немарксистские теории, концепции, положения знать нужно и полезно. Нелепо же считать, что экономическая теория Маркса исчерпала все и вся. Есть очень большой круг экономических явлений и процессов, которые экономическая теория марксизма вовсе не касается или нейтральна. Например, вопросы экономического роста, глобальной экономики, транзакционного сектора, проблемы менеджмента и т.д. Да и многие положения самой экономической теории марксизма требуют серьезного переосмысления.⁸¹ Но в данном случае речь идет, собственно, о самом главном в экономике, о теории экономического процесса, теории экономического строя общества. Марксизм здесь проделал колоссальную работу. Конечно, у марксистской экономической теории по этому кругу

⁷⁹ Туган-Барановский М.И. Цит. соч. С. 242.

⁸⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 233.

⁸¹ См. об этом: Колганов А.И. Экономическая теория К. Маркса: pro et contra. — В кн.: Критический марксизм: русские дискуссии. Под ред. М.И. Воейкова. — М., 1999. С. 129–135.

вопросов есть конкуренты, но без экономической теории марксизма дать внятное описание этой темы, на мой взгляд, просто невозможно.

Амбициозные современные экономические теории (например, *экономикс*), что называется, имеют больше «амбиций, чем амуниций». Это отмечал еще А. Грамши в начале 30-х годов XX века, сопоставляя марксистскую политическую экономию и «чистую экономическую теорию», и отмечая в последней начетничество и схоластическую манию «рядить в пышные наукообразные одежды самые плоские банальности обыденного сознания и самые пустые общие места»⁸². И действительно, часто встречается, когда одни и те же экономические явления марксизм объясняет просто и ясно, а «экономикс» сложно и противоречиво.

Некоторые исследователи (например, Э. Райт) считают теоретическим ядром марксизма три вещи: трудовая теория стоимости как основа анализа капитализма, исторический материализм как основа для изучения различных эпох исторического развития, классовая структура и классовая борьба как основа для понимания государства и идеологии.⁸³ Две последние позиции (т.е. исторический материализм и классовая теория) хотя и подвергаются некоторым сомнениям и дискуссиям, но тотальному отрицанию не подвержены. Другое дело — трудовая теория стоимости, которая органически связана с теорией прибавочной стоимости. Здесь есть вопросы, которые имеет смысл обсудить специально.

Итак, остановимся на двух положениях: учении о прибавочной стоимости и экономическом детерминизме. В этой связи стоит специально остановиться на позиции К. Поппера, который приобрел некоторую моду как «сокрушительный» критик марксизма. Действительно, Поппер в книге «Открытое общество и его враги» развивает достаточно серьезное критическое исследование основных положений марксизма. Однако в самом тексте книги Поппер отнюдь не выступает против всего учения Маркса. Более того, он отдает должное Марксу и марксизму, как «действительно гуманистическому движению», «не может быть сомнения в гуманистическом импульсе, лежащем в основе марксизма». Труды Маркса, — пишет далее Поппер, — «не пропали даром. Он на многое открыл глаза и обострил наше зрение. Возвращение к домарксистской общественной науке уже немыслимо. Все современные исследователи проблем социальной философии обязаны Марксу, даже если они этого не осознают»⁸⁴.

⁸² Грамши А. Тюремные тетради. Ч. 1. — М.: Политиздат, 1991. С. 306.

⁸³ Райт Э.О. Что такое аналитический марксизм? // Вопросы экономики, 2007, № 9. С. 121.

⁸⁴ Поппер К. Открытое общество и его враги. — М., 1992. Т. 2. С. 98.

Обратим внимание и на то, что Поппер полностью признает «исторический материализм» Маркса и совершенно определенно ставит это ему в заслугу. «Экономизм (или «материализм»), — пишет Поппер, — т.е. утверждение, согласно которому экономическая организация общества, организация нашего обмена веществ с природой, является фундаментальной для всех социальных институтов, особенно для их исторического развития. Это утверждение, по моему мнению, совершенно верно, если мы принимаем обычный, достаточно неопределенный смысл слова «фундаментальный», не придавая ему слишком большого значения. Другими словами, нет никакого сомнения, что практически все социальные исследования — институциональные или исторические — могут выиграть, если они проводятся под углом зрения их координации с «экономическими условиями» общества. Даже история такой абстрактной науки, как математика, не является исключением. В этом смысле можно сказать, что экономизм Маркса представляет весьма ценный прогресс в методах социальной науки»⁸⁵. Таким образом, даже крупнейший западный критик Маркса признает, что исторический материализм или экономический детерминизм составляет существенный вклад в социальную науку. Тем более это важно для нас.

Поэтому нам и надо, не куда не торопясь, разбираться с марксизмом и спокойно обсуждать возникающие здесь проблемы. Думается, что кардинальным является вопрос, который прямо поставлен в докладе В.А. Медведева: сохраняет ли марксизм свою ценность как теория познания и инструмент преобразования современного мира или он ушел в небытие вместе с неудачей планов построения социализма в нашей стране?⁸⁶ И другой, с этим тесно связанный, вопрос — насколько можно говорить о последовательной реализации марксистской теории в советской практике. Был ли «советский социализм» марксистским? И дальше: есть ли у нас какая-то иная теория, которая лучше и полнее объясняет наш современный мир? Есть ли, наконец, марксистская политическая экономия? Эти вопросы не очень простые.

В экономической теории марксизма есть много положений, которые совершенно не устарели и которые помогают нам лучше понять современное капиталистическое общество. Ведь не надо забывать, что марксизм объясняет механизм рыночной экономики и эволюцию капиталистического общества. Стало быть, покада Россия находится в лоне того

⁸⁵ Там же. С. 126.

⁸⁶ См.: Экономическая теория марксизма и современность. Труды научного семинара. Вып. 1. Под ред. В.А. Медведева. — М.: ИЭ РАН, 2009. С. 19.

и другого, марксизм продолжает оставаться для нас весьма актуальной научной теорией. Конечно, это не марксизм советского образца, который под названием «марксизм–ленинизм» представлял собой искусственную идеологическую конструкцию, изготовленную в сугубо политических целях обоснования авторитарного (временами — тоталитарного) режима. Этот «марксизм», конечно, закатился и обновлять тут нечего.

Но есть другой, а на самом деле, действительный марксизм, который критически пересматривает не только советский «марксизм–ленинизм», но и некоторые положения классического марксизма. Вот, например, как быть с социализмом, про которого у Маркса почти ничего нет, остается неясным. То есть, если общество перейдет в посткапиталистическую стадию, станет обществом «знаний», где рыночный механизм утратит свою регулирующую функцию, нужна ли будет экономическая теория марксизма? Вот в чем вопрос.

Давайте будем откровенны. Ведь в начале и в первой половине XX века можно назвать несколько крупных имен экономической науки, которые работали или были близки к марксистской парадигме. Назову первые, пришедшие на память, имена: Р. Гильфердинг, В. Зомбарт, Р. Люксембург, М. Туган–Барановский, Н. Кондратьев, П. Сраффа. А что дала вторая половина XX века? Почти ничего. Конечно, можно назвать таких ученых как П. Баран, П. Сьюзи, М. Калецкий, О. Ланге, М. Добб, Э. Мандел но они уже не того ряда, да и сформировались и получили признание как ученые еще в первой половине XX века. А что сегодня?

Среди философов и социологов и сегодня в западных странах есть много крупных ученых не порывающих в том или ином виде с марксизмом, труды которых входят в самый первый ряд интеллектуального дискурса. Там марксизм жив и идет в будущее. А вот, как быть с экономической теорией марксизма? Не сохранять же нам на вечные времена российский дикий капитализм с единственной целью — увековечить марксистскую экономическую теорию.

Социализм в марксистской традиции

Мало кто спорит с тем, что марксизм впервые дал научное понимание социализма. Но по самой теории социализма идут бесконечные дискуссии. И действительно, здесь есть о чем спорить. Для начала коснемся одной из сложнейших проблем марксизма, так называемой его двойственности («дуализма»).

С одной стороны, марксизм есть строго научная материалистическая теория развития общества (построенная на обобщении фактов, системе

аргументов), согласно которой смена общественно-экономической формации происходит только тогда, когда вызревают необходимые для этого объективные условия. Основными такими условиями являются развитие производительных сил общества и соответствующий культурный уровень населения. Только их достаточно высокое развитие даст возможность смены производственных отношений, что совершается в общем и целом эволюционным путем или можно определить как эволюционные изменения. Конечно, этот путь не отрицает революционных периодов, т.е. резких скачков в развитии. Но эти революционные скачки все же остаются моментами в целом эволюционном развитии общества. И не они доминируют. Согласно классическому марксизму, сменить, например, капиталистические производственные отношения на социалистические, любым путем и в любое время, в стране со слабо или среднеразвитыми производительными силами невозможно. Это абсурд. Это направление можно обозначить как эволюционный марксизм.

С другой стороны, в марксизме есть и другая составляющая, согласно которой сознательная, революционная деятельность масс ускоряет процесс исторических преобразований, революция способствует ускорению развития производительных сил. С этой точки зрения нет нужды ждать «автоматического краха капитализма», а можно сознательно его ускорить, революционным путем установить новые производственные отношения. Эта сторона марксизма основывается на теории классовой борьбы, необходимости социальной революции, особой роли пролетариата. Это направление можно определить как революционный марксизм. Понятно, что это направление не отрицает в целом эволюционный характер общественного развития, но упор делает на революционные, скачкообразные перемены.

Дуализм марксизма можно правильно понять только беря его исторически. В обществе, менее экономически и культурно развитом, экономический детерминизм определяет почти все или очень многие стороны общественного устройства и развития. Причем, в более архаических обществах экономическая доминанта проявляется сильнее, подчас закрепляясь в мистических или религиозных нормах как этический или моральный императив. Здесь бессознательные ощущения экономической необходимости превращаются в якобы сознательно формируемые нравственные (точнее, мистические) нормы.

По мере развития производительных сил и экономического базиса общества появляются все большие возможности для более свободного развития людей, для действительного понимания исторического про-

цесса. В обществах более развитых социальный фактор начинает играть все большую роль. И не потому, что люди вдруг смогли освободиться от материальной необходимости и стали такими могущественными, а потому, что они теперь могут ее глубже изучить и лучше понять на основе более развитой материально-технической базы производства. И главное, эта более развитая материальная база предоставляет людям значительно большие возможности для удовлетворения своих потребностей. В результате общество может быть более свободным и в своем социальном выборе, может рассуждать о социально-экономических альтернативах. Поэтому проблема социальных альтернатив возникает только на очень высокой стадии экономического развития, когда, собственно, экономическое развитие перестает быть доминирующим фактором. И на первый план выходят идеальные цели лучшего общественного устройства. Такое общество можно будет сознательно (плановмерно) формировать так, как это будет считать разумным его большинство. Только в этом случае, т.е. на очень высокой стадии развития, можно говорить, что идеи становятся формирующим обществом фактором.

Дуализм марксизма или противоречие между его сторонами проявилось, кроме всего прочего, в двух существенно разных интерпретациях теории социализма как будущего общества. Эти два толкования или версии в развитии теории социализма можно обозначить как механистическое (или экономическое) и гуманистическое или этическое. Первая версия в конце XIX и начале XX века была господствующей, почти общим местом у всех социалистических писателей. Вторую — можно обнаружить с трудом только у очень немногих мыслителей в их отдельных высказываниях. Превратится эта этическая версия в более или менее заметное явление лишь в 20-х годах XX века и обычно связывается с появлением неомарксизма. Итак, рассмотрим этот вопрос по порядку.

Известно, что основоположники марксизма специально не разрабатывали деталей социалистического общества. Однако они оставили высказывания, которые позволяют различно трактовать социалистическое общество, «социализм». Первое положение, которое восходит к «Манифесту Коммунистической партии» и ранним работам К. Маркса, состоит в следующем утверждении: «На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех».⁸⁷ Эту версию можно назвать эти-

⁸⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 4. С. 447.

ческим социализмом, как предусматривающую прежде всего развитие свободы и демократии в обществе.

Вторая — механистическая, или экономическая, версия сводилась к положению о более рациональном, планомерном экономическом устройстве общества, когда бы общественный труд не растрачивался впустую, а сознательно и целесообразно распределялся по различным секторам общественного производства. В «Критике Готской программы» Маркс писал: «В обществе, основанном на началах коллективизма, на общем владении средствами производства, производители не обменивают своих продуктов; столь же мало труд, затраченный на производство продуктов, проявляется здесь как стоимость этих продуктов, как некое присущее им вещественное свойство, потому что теперь, в противоположность капиталистическому обществу, индивидуальный труд уже не окольным путем, а непосредственно существует как составная часть совокупного труда»⁸⁸. Несколько позже Ф. Энгельс писал в «Анти-Дюринге»: «Раз общество возьмет во владение средства производства, то будет устранено товарное производство, а вместе с тем и господство продукта над производителями. Анархия внутри общественного производства заменяется планомерной, сознательной организацией».⁸⁹ И в другом месте: «Социалистическое производство, ведущееся в интересах всего общества и по заранее намеченному плану».⁹⁰ Таким образом, уничтожение товарного производства, рыночных отношений, планомерная организация всего общественного производства из одного центра становятся согласно этой версии конституирующими моментами социалистического общества.

Это толкование можно назвать экономическим, что предполагало существенную роль государства в организации экономической жизни и планирования всей экономики из одного центра. Согласно этой версии считалось, что социалистическое общество экономически более эффективно, более рационально, чем капиталистическое общество. Ведь в данном случае весь общественный труд и продукт распределяются не косвенным путем через рыночный механизм, методом «проб и ошибок», а прямо и непосредственно сразу туда, куда надо. Приведем по этому вопросу подробную цитату из Августа Бебеля не только потому, что эта наивная точка зрения была очень популярна среди социалистов в начале XX века, но и сегодня немало людей в глубине души

⁸⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 19. С. 18.

⁸⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 20. С. 294.

⁹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 22. С. 234.

думают так же. А. Бебель пишет в 1879 году о производственных отношениях социалистического общества: «В социалистическом обществе все эти отношения будут полностью упорядочены, все общество соединено будет солидарной связью. Все будет совершаться по плану и по порядку, благодаря чему окажется весьма легким определение размера разнообразных потребностей. При наличии некоторого опыта все дело не будет представлять никакого затруднения. Раз будет, например, статистически установлено, какова в среднем потребность в хлебе, мясе, в обуви, белье и т.д., и будет, с другой стороны, точно известна производительность соответствующих предприятий, то окажется возможным определение средней продолжительности ежедневного общественного необходимого труда. Можно будет также определить, нужны ли новые предприятия для производства некоторых товаров или, если имеется избыток таких предприятий, нужно ли их ликвидировать или использовать для других целей»⁹¹. Именно такая трактовка социализма получила очень большое хождение в первой половине XX века и была камнем преткновения во многих дискуссиях среди сторонников социализма и их противников.

Из противников такого социализма можно привести в пример В.Д. Бруцкуса, который писал в 1922 г., наблюдая конец «военного коммунизма» и начало нэпа: «Мы получаем молоко, выпекаем хлеб, чиним вагоны, перевозим уголь, но никто не может сказать, во что обходится молоко, выпечка хлеба, починка вагонов, перевозка угля. Такое положение неминуемо должно было привести народное хозяйство к катастрофе, и оно его к ней привело... Без ценностного учета никакое рациональное хозяйствование ни при каком социально-экономическом строе невозможно»⁹². Между прочим, правильно писал Б.Д. Бруцкус.

Господство нетоварной концепции социалистического общества породило множество, так сказать, механистических представлений об экономическом устройстве будущего общества. Представители социалистической мысли искренне верили, что вот они сейчас должны и могут построить социалистическое общество, т.е. общество без рыночных отношений. Тем самым будет создано общество экономически более эффективное и более рационально устроенное. Но проблема заключалась в том, что в данном обществе надо было как-то распределять общественный труд и ресурсы, а без рыночного механизма это

⁹¹ Бебель А. Женщина и социализм. — М.: Госполитиздат, 1959. С. 444.

⁹² Бруцкус Б.Д. Социалистическое хозяйство. М. 1999. С. 20–21.

сделать эффективно почти невозможно. До сих пор во многих крепких головах и горячих сердцах сидит вера в возможность планом (т.е. точным, адресным подсчетом) заменить рынок. Однако, это величайшая иллюзия или наивность. Невозможно миллионы интересов и потребностей, меняющиеся каждый день запихнуть в единый план, который составляется раз в год. Это нонсенс. Более того, люди порой не знают того, что хотят сами. Как не крути, но без рыночного механизма невозможно было рассчитать экономическую эффективность распределения ресурсов для массового производства в XX веке.

Справедливости ради надо сказать, что четкого различия и противопоставления двух толкований социализма в то время еще не было. Но механистическая версия была проще, понятней и достижимей. Естественно, что большевики как представители более радикального крыла русских социалистов почти целиком разделяли эту механистическую версию социализма. Более того, они попытались эту версию осуществить и практически. Таким образом, понимание социализма как в высшей степени рациональной, планомерной организации всего хозяйства из одного центра не только достаточно широко распространилось среди социалистов, но и служило аргументом в пользу социализма как более экономически эффективной системы хозяйства. Считалось, что социализм превосходит капитализм за счет более рационального и планомерного расходования общественного труда, более высокой производительности труда. Но практически ничего подобного нигде не наблюдалось.

Невозможность рационального экономического расчета в безрыночном социалистическом хозяйстве породила постепенный отход от механистической трактовки социализма в сторону его гуманистической версии. Уже первые, так называемые, ревизионисты указывали на такую необходимость. Так, Э. Бернштейн, которого считают одним из первых разработчиков этической версии социализма, писал: «Современный социализм есть выражение духовного содержания политических, экономических и общекультурных стремлений рабочих, осознавших свое классовое положение, а также и стремлений стоящих наравне с ними других общественных слоев в странах капиталистического развития, — и борьба за осуществление этих стремлений»⁹³. Он же писал в письме К. Каутскому 20 февраля 1898 г.: «Для меня социализм означает в последней инстанции демократию, самоуправление»⁹⁴. В опре-

⁹³ Бернштейн Э. Спорные вопросы социализма. Берлин: Изд-во С. Ефрон. (б. г.). С. 17.

⁹⁴ Цит. по: Концепция «Демократического социализма» — теоретические работы последних лет. — М., 1981. С. 239.

деленной мере такого понимания социализма держались легальные марксисты (например, Н. Бердяев, С. Булгаков, С. Франк и др.) и впоследствии некоторые меньшевики. Для советского периода эта этическая версия представлялась неправильной и даже вредной. И действительно, ничего хуже нельзя было придумать как прямое противопоставление советского «социализма» и гуманизма этической версии социализма. В советской обществоведческой литературе этическая версия социализма на долгие годы (десятилетия) была предана анафеме.

Нужно было ждать появления гуманистической версии марксистского социализма со стороны революционных ортодоксов. Среди них первое место принадлежит Дердь (Георгу) Лукачу. Иная, более гибкая интерпретация социализма, которую начал развивать Лукач, а затем представители Франкфуртской школы, лучше воспринималась традиционными социалистами и социал-демократами. Если версия «легальных марксистов» воспринималась почти как «буржуазный идеализм», то теоретические изыскания Д. Лукача были восприняты как выступление своего, хотя и не были в то время достаточно адекватно приняты. Да и все последующие годы на Лукача смотрели косо.

Приведем несколько положений Лукача, которые носят принципиальный характер для всей нашей темы. В противоположность конструкции Каутского — Ленина о социалистическом обществе как «единой фабрике», Лукач вообще снимает эту проблему. Вот что он пишет в статье «Старая культура и новая культура»: «Социалистическая организация экономики означает упразднение автономии экономики... В последнем счете, коммунистический общественный строй знаменует собой упразднение самоценности экономики». И дальше: «Экономика утрачивает приоритет»⁹⁵. Таким образом, «вопрос производства тем самым становится моральным вопросом»⁹⁶. И все это становится реальностью не тогда, когда захочется и даже не тогда, когда пролетарская партия придет к власти, а только тогда, когда для этого появятся объективные материальные условия. Это была принципиально иная версия социализма, социализма как культуры.

К концу 1920-х против механистической версии социализма стали все чаще выступать разные представители социалистического движения. Итальянский социалист Карло Россели давал определение социализма ничего общего не имеющего с механистической его трактовкой:

⁹⁵ Лукач Д. Политические тексты. М., 2006. С. 163–164.

⁹⁶ Там же. С. 86.

«Социализм, по своей сути — это прогрессивное осуществление идеи свободы и справедливости между людьми... это усилие обеспечить всем людям равную возможность прожить именно такую жизнь, которая только и может зваться жизнью, избавляя их от рабской зависимости от материи и материальных нужд... это возможность свободного развития и совершенствования своей личности в постоянной борьбе против примитивных животных инстинктов и против развращающего влияния цивилизации, попавшей во власть демона успеха и денег»⁹⁷. Надо сказать, что при всем ревизионизме автора, он дает определение социализма куда ближе к классическому положению «Манифеста Коммунистической партии».

В современной европейской социал-демократии утвердилось именно это, этическое понимание социализма. На первое место в нем ставится уже не экономическая эффективность, а социальная справедливость и свобода. Достаточное представление об этом дают работы Вилли Айхлера, ведущего теоретика социал-демократической партии Германии послевоенного периода. Так, Айхлер пишет: «Социализм — это требование справедливости. Социалист судит о существующих условиях, оценивая их с точки зрения идеалов свободы, справедливости и солидарности». Таким образом, считает Айхлер, идеал социалистического общества, если даже он «не обоснован максимальной производительностью», «означает такую его организацию, чтобы в этом обществе каждый человек, в соответствии с требованиями своего достоинства, имел равные возможности для достижения благосостояния и получения образования»⁹⁸.

Обратимся теперь к советскому социализму. Современные исследователи достаточно много привели критических положений и соображений по поводу советского социализма, суть которых можно свести к тому, что советское общество назвать социалистическим невозможно. И действительно, многие задачи, которые были успешно решены советским социализмом, носили чисто буржуазный характер. Это и индустриализация, и урбанизация, культурная революция (в смысле ликвидации безграмотности и развития общего и технического образования). Ведь творческий характер труд получает на постиндустриальной стадии развития, а не в процессе формирования рутинного машинного, даже крупного производства. Таким образом, советский период нашей истории был не социалистическим обществом, а становлением буржуазного общества

⁹⁷ Там же. С. 108–109.

⁹⁸ Айхлер В. Этический идеал и социальная демократия. Избранные труды. — М., 1996. С. 47, 48.

и, соответственно, буржуазных отношений, камуфлированных социалистической фразеологией. Это типичный путь развития для основных европейских стран. Россия проходила этот путь ускоренной модернизации в условиях авторитарного, порой диктаторского политического режима, что способствовало замедлению развития буржуазных отношений и консервации феодальных. Следовательно, в России к началу XX века не было устойчивого капиталистического общества, которое казалось тогда буржуазным идеологам лишь радужным будущим.

В этой связи большой интерес представляет другой вопрос — была ли Октябрьская революция социалистической. Ведь если не было капитализма, то, видимо, и революция была не социалистическая. Одно дело, те названия, которые по разным причинам дают политические деятели, и другое — объективные законы истории, которые не подчиняются самоназваниям. Скажу сразу, что Русская революция 1917 года и Октябрьский ее этап есть великое событие не только истории России, но и мировой истории.

Вопрос о характере революции по сути дела сводится к определению степени развитости капитализма в России к 1917 г.⁹⁹ Прежде всего, заметим, что нельзя распространять господство капиталистического строя в России на период второй половины и конца XIX века, не объяснив, куда девалась община. Ведь более 80% населения страны в начале XX века составляло сельское население, и все или почти все это население было охвачено общинными и натуральными производственными отношениями. По имеющимся данным, 83,2% крестьянской земли в Европейской России в 1905 г. было в общинном пользовании. Показатели товарности крестьянского сельскохозяйственного производства свидетельствуют о преобладании натуральной формы производства. Специалисты отмечают, что середняки и бедняки, производя половину всего хлеба, давали его товарность лишь 14,7%. Иными словами, несколько более 85% производства подавляющего большинства населения страны оказывалось натуральным. В деревенской России господствовали натуральные, архаические отношения.

Теперь о численности пролетариата. К пролетариату, собственно, можно отнести 3–5 млн. человек на почти 160 млн. населения страны в 1917 г. Другими словами можно сказать, что пролетариата в точном смысле этого слова перед революцией 1917 г. в России было примерно 2–3%

⁹⁹ Подробнее см.: *Воейков М.И.* Политико-экономическая интерпретация Русской революции. // *Экономико-философские тетради.* Вып. 1. — М.: УРСС, 2003.

от всего населения страны. К этому следует добавить, что даже этот ничтожный процент в большинстве своем охватывал рабочих, которые имели давние корни в деревне, далеко еще не оборвали свои связи с сельскохозяйственным производством, психологически были близки к мелкобуржуазной стратегии поведения, в целом разделяя буржуазные (точнее, мелкобуржуазные) идеологические стереотипы.

Таким образом, в начале XX века в стране нужно было создавать пролетариат, как и само крупное промышленное производство. В этом и состояла историческая задача Русской революции. Объективная неизбежность революции 1917 г. как модернизационного проекта для России становится ясной. Но вот каков был характер самой революции — этот вопрос вызывает большие споры. Действительно ли революция носила социалистический характер, действительно ли большевики сознательно, планомерно и поступательно развивали именно социалистические отношения после революции?

Даже в первых декретах новой советской власти при внимательном рассмотрении можно обнаружить преследование буржуазных принципов (отобрать и поделить по-новому). После периода «военного коммунизма» буржуазные принципы в экономической политике стали проявляться все больше и больше. И не как остатки прежней системы или незаконченности прежних мероприятий, а как принцип и новой власти. В чем выражалась эта буржуазность? Прежде всего, конечно, в императивах экономического регулирования нормального хозяйственного развития. В усилении и укреплении денежного обращения и вообще всей финансово-кредитной системы, развитии хозяйственного расчета, рыночного оборота, торговли, развитии материального стимулирования труда, коммерческой самостоятельности государственных промышленных предприятий и т.д. Конечно, все эти меры были объективно необходимы, вызваны объективными обстоятельствами и были исторически оправданы. Но они никак не вытекали из марксистской социалистической доктрины. Отсюда и известное выражение, что НЭП — это отступление. Итак, ничего другого не остается делать, как признать Русскую революцию 1917 года как единую революцию с двумя крупными этапами (Февраль и Октябрь) и носящую в целом буржуазно-демократический характер. А если революция не являлась по своему объективному характеру социалистической, то откуда было бы взяться социализму. Его и не было.

Конечно, в советском социализме были заметны элементы действительного социализма, но главным образом в распределительной и духовной сферах. К ним можно отнести низкую дифференциацию

материального положения основной массы трудящихся, гарантированное обеспечение минимальных потребительских нужд, духовность и гуманизм как общенациональные задачи развития общества, государственная поддержка стремления к образованию и культуре и др. Большинство этих элементов не имели прочной экономической базы, были как бы искусственно встроены и при любом кризисе первыми разрушались. Конечно, жалко было бы утратить эти элементы, которые мы все еще хорошо помним. До сего дня некоторые из этих элементов сохранились и, видимо, не так-то просто их окончательно ликвидировать. В какой-то мере остатки этих элементов советского социализма будут тормозить или модифицировать развитие капитализма в современной России. Но в любом случае эти элементы нельзя принимать за «ранний социализм». Фундаментом для действительного социализма должна быть иного качества материальная база, а не социализация перераспределительных и духовных тенденций.¹⁰⁰

Все понимание советского социализма сводилось к двум требованиям: государственной собственности на средства производства (которую называли еще и общенародной) и планированию народного хозяйства. В теории, конечно, были более красивые и витиеватые построения, но практически требовались лишь эти два момента. Где есть госсобственность и централизованное планирование — означало, что там есть и социализм. Другие же теоретические построения, которые в своей витиеватости поднимались до более сложных и более трудно понимаемых вещей (например, построения Д. Лукача), для простоты дела объявлялись ревизионизмом. Эта механистическая версия социализма, заложенная еще Лениным, продолжает господствовать и сегодня как среди ортодоксальных коммунистов и близких к ним интеллектуалов, так и среди их противников, ортодоксальных либералов. Тут они сходятся, так сказать, спинами.

В модернизированном виде эта версия, пытающаяся соединить в одном понятии социализма высокую экономическую эффективность и гуманизм нового общества, развивалась во многих работах Б.Ф. Славина, который в своих текстах добивается предельной ясности и четкости. Под основными чертами «нового социализма» он понимает: (1) рассмотрение его как посткапиталистического общества; (2) адекватную технологическую и экономическую базу; (3) формы собственности, которые «дают более высокую эффективность производства»; (4) «соци-

¹⁰⁰ Подробнее см.: *Воейков М.И.* Природа социально-экономической системы СССР. // СССР. Незавершенный проект. Под ред. А.В. Бузгалина, П. Линке. — М.: ЛЕНАНД, 2012.

ализм экологический»; (5) мощную социальную сферу; (6) широкую демократизацию общества; (7) «общество, открытое внешнему миру»¹⁰¹. Не ввязываясь сейчас в дискуссию, все же заметим, что «более высокую эффективность производства» дает только частная собственность и рыночный механизм. Другого ничего не было и нет. Ибо только рынок и частная собственность могут безжалостно отбрасывать все неэффективные человеческие действия.

Противоположную оригинальную и чрезвычайно плодотворную трактовку социализма предлагает В.М. Межуев, которая, как уже отмечалась, в целом лежит в русле столетнего дискурса от Бернштейна, через Бердяева и Лукача до современных исследователей. По Межуеву, в истоке социалистической мысли лежит гуманистическая установка европейской культуры. «При всем расхождении между различными вариантами социализма, — пишет он, — все они являются следствием, с одной стороны, осознания западными интеллектуалами образовавшегося разрыва между гуманистической установкой культуры на свободную индивидуальность и реальными (частными) формами жизни людей в условиях цивилизации, а с другой — поиска путей преодоления этого разрыва в пользу культуры». И далее: «В самом общем виде социализм есть идея общества, живущего по законам культуры, отдающего им приоритет перед законами экономики и политики. В соотношении «экономика — политика — культура» он ставит культуру на первое место, делает «базисом» общества, подчиняя ему остальные отношения, институты и учреждения. Социалистическое видение общества в отличие от экономического и политического можно, условно говоря, назвать культурологическим (точнее, гуманистическим), или собственно человеческим». Социализм, таким образом, это общество, преодолевающее рыночную цивилизацию и, более того, вообще экономическую цивилизацию. Это видно из следующих слов Межуева: «Сутью социализма является близкое к христианству истолкование общественного богатства не как вещного или денежного, а как такого, основу которого образует сам человек во всей сложности и многосторонности своей душевной и духовной жизни. А формой этого богатства является культура, воплощающая в себе все, что достигнуто человеком в плане своего духовного развития»¹⁰².

Конечно, с позиций гуманистического социализма назвать бывшее советское общество социалистическим очень трудно, даже невозможно.

¹⁰¹ Славин Б.Ф. Социализм и Россия. — М., 2004. С. 88–89.

¹⁰² Межуев В. Социализм как пространство культуры. Альтернативы, 1999, № 2. С. 12, 13, 21.

Но выше перечисленные принципы Б.Ф. Славина, в том числе и самоуправление, скорее ориентир куда следовало бы двигаться, чем математические критерии лабораторного анализа. Конечно, куда проще, прибрав власть под себя, как это сделал И. Сталин, объявить эту власть социализмом, а всех, кто смел усомниться в этом, начать энергично «перековывать». Простые решения, как показывает история, не самые лучшие решения.

Итак, подытожим.

- Следует различать две версии социализма, которые имеют общий исток — классический марксизм. Одна, экономическая версия сегодня представляется утопичной. Другая — гуманистическая — есть будущее человечества. Иначе у человечества нет будущего.
- В советский период была попытка реализации экономической версии социализма, и в смысле экономического развития страны советская система достигла многого. Но это не было социализмом. И современный Китай, успешно экономически развиваясь, столь же успешно уходит от социализма.
- К социализму ближе те страны, где не только люди живут материально лучше, но где больше демократии, свободы, гуманности. Ясно, что такими странами являются экономически высокоразвитые страны Запада.
- И в этом состоит главный смысл марксизма и его современность. Не может экономически и культурно отсталая страна впереди других, более развитых стран перейти в посткапиталистическую стадию. По известному высказыванию К. Маркса, «страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего»¹⁰³. Россия не может быть исключением из этого общего правила.

2.2. Стоимость, прибавочная стоимость и человеческий капитал

О социальной версии стоимости

Проблема теории стоимости и полезности, поднятая на сегодняшнем семинаре, очень интересная, но не очень ясная.¹⁰⁴ О.И. Ананьин прав,

¹⁰³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 9.

¹⁰⁴ Дискуссию по этому вопросу см.: Экономическая теория марксизма и современность. Труды научного семинара. Вып. 1. Под ред. В.А. Медведева. — М.: ИЭ РАН, 2009. С. 238–300.

что русские и российские ученые надолго «завязли» в дискуссии по этой теме — стоимость или полезность.

Как в самом начале нашего заседания сказал Л.И. Абалкин, дискуссия началась с конца XIX в. — начала XX в. Тогда в ней принимали активное участие не только экономисты, но и философы. Например, известный русский философ Семен Франк 100 лет назад написал книгу «Теория ценности Маркса и ее значение» (СПб., 1900). Известно также, что Г.В. Плеханов обращался к этой книге несколько раз и даже опубликовал критическую статью «О книге С. Франка» («Заря», 1901, № 2–3). Потом философы отпали и это, видимо, не случайно. С той поры в российской интеллектуальной традиции утвердились две линии (или два подхода), которые и сегодня присутствуют. Одна линия в сегодняшнем семинаре проявилась у академика А.Д. Некипелова, другая — у академика Л.И. Абалкина. Линия или подход Некипелова сводится (вернее сводился раньше) к пониманию стоимости как затрат живого и овеществленного труда по производству определенного товара. Это была доминирующая позиция в советской экономической науке. Подход Абалкина более широкий, учитывающий в определении стоимости наряду с затратами труда и общественную потребность в данном товаре. Это два принципиально разных подхода в трактовке стоимости. Мне представляется, что эти выдающиеся наши ученые в немногих словах концентрировано выражают разные позиции множества отечественных экономистов. Они как бы говорят на разных языках или о разных вещах, хотя на одну и ту же тему.

Итак, как быть с трудовой теорией стоимости. В докладе В.А. Медведева на нашем семинаре предлагается синтез последней с теорией предельной полезности. В общем и целом против такого подхода особых возражений нет, ибо вопрос упирается в ту или иную трактовку теории стоимости. Правда, основоположником такого подхода для русской литературы был не В.С. Афанасьев, на которого почему-то ссылается Медведев, а М.И. Туган-Барановский. Но вопрос тут более тонкий.

Еще на первой дискуссии В.А. Медведев в своем докладе и сегодня во вступительном слове доказывал, что есть некое противоречие между первым и третьим томами «Капитала», которое заключается в том, что в первом томе Маркс при определении стоимости товара исходит из фактических затрат труда, а в третьем томе уже учитывает общественную потребность в нем. В докладе приводится соответствующая цитата из третьего тома: «...раз определенный товар произведен в количестве, превышающем наличную общественную потребность, часть

общественного рабочего времени оказывается растроченной попусту, и вся масса товаров представляет тогда на рынке гораздо меньшее количество общественного труда, чем то, которое в ней действительно заключается»¹⁰⁵. И Медведев делает соответствующий вывод, что «приведенные цитаты не оставляют сомнения в том, что Маркс вплотную подошел к признанию влияния общественной потребности, т.е. востребованной рынком потребительной стоимости товаров, на формирование их стоимости... Эта проблематика в "Капитале" не нашла своего развития, затронута как бы вскользь»¹⁰⁶. На мой взгляд, это вполне реалистичный комментарий, но требующий некоторого уточнения. Действительно, Маркс в своей теории стоимости упор делал на затраты по производству товара, а не его полезностные качества, чем увлекается теория предельной полезности. Ведь даже самый полезный продукт без затрат, и прежде всего, затрат труда не будет иметь стоимости и, следовательно, цены. Например, воздух обладает наибольшей полезностью, но стоимости и цены не имеет, ибо для удовлетворения потребности в нем пока (к счастью) не требуется никаких затрат труда. Лишь затраты общественного труда (живого или овеществленного) дают основания говорить о стоимости и цене какого-либо продукта.

Маркс нигде и никогда не отрицал значение общественной потребности в формировании стоимости. Без общественной потребности или полезности продукт не становится товаром. Это элементарное положение марксистской теории стоимости. Даже в первом томе «Капитала» можно найти высказывание Маркса, где ограничителем трудозатрат выступает общественное признание. Вот это место: «Общественно необходимое рабочее время есть то рабочее время, которое требуется для изготовления какой-либо потребительной стоимости при различных общественно нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда»¹⁰⁷. Но отсюда совершенно не следует, что стоимость есть отраслевые фактические затраты труда. Здесь Маркс подчеркивает главное, основное, что субстанцией стоимости является труд, рабочее время. Более того, из этой же цитаты видно, что не всякое рабочее время определяет величину стоимости, а лишь то, которое общество признает за необходимое для производства определенного товара.

¹⁰⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 1. С. 205.

¹⁰⁶ Медведев В.А. Вступительное слово. // Экономическая теория марксизма и современность. Труды научного семинара. Вып. 1. Под ред. В.А. Медведева. — М.: ИЭ РАН, 2009. С. 243.

¹⁰⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 47.

Все дело в том, как понимать и трактовать общественно-необходимый труд. Некоторые, а возможно, многие, исследователи и комментаторы марксовой теории стоимости под затратами труда понимали чуть ли не фактические трудозатраты индивидуального производителя. Но более тонкий комментарий марксовой теории стоимости (И. Рубин) утверждает, что общественно-необходимые затраты труда — это не фактические трудозатраты, а те, которые признаются обществом, т.е. осуществляются в рамках общественной потребности в данном товаре. Ясно, что общественная потребность может быть выявлена только через полезность товара. Тем самым уже в марксовой теории стоимости находится определенное место и полезности. Именно развивая трудовую теорию стоимости, еще М.И. Туган-Барановский считал, что между нею и теорией предельной полезности нет противоречия. «Предельные полезности производимых продуктов, — писал он в своем учебнике «Основы политической экономии», — пропорциональны их трудовым стоимостям»¹⁰⁸. Но в советский период с мнением Туган-Барановского мало считались.

Здесь нет возможности подробно останавливаться на деталях вопроса. Вообще говоря, эта проблема была предметом длительной и живой дискуссии в советской экономической литературе еще с 30-х годов прошлого века. В этой дискуссии столкнулись две версии трудовой теории стоимости: социальная, учитывающая общественную потребность (полезность) и механистическая, сводящая стоимость к фактическим затратам труда. Это была очень интересная дискуссия, где социальная версия очень близко подошла к теории предельной полезности, но при этом не покидала рамок марксистского анализа. Эти две версии или линии в трактовке стоимости подспудно боролись в русской литературе почти весь век.¹⁰⁹

Все это имело практическое значение для нормализации ценообразования в советской экономической системе. Стоял практический вопрос: как надо делать цены в безрыночном плановом хозяйстве. Многие тогдашние экономисты считали, что цены надо делать по затратам труда на изготовление определенного продукта. Вот, и В.А. Медведев, когда дискутировал с О.И. Ананьиним, как раз понимал стоимость как затраты, то есть как у Д. Рикардо. Мне кажется, у Маркса все это дано более тонко. Конечно, из текстов Маркса можно вытягивать многое, потому—то рубинцы и механисты вытягивали совершенно различные вещи именно из одних и тех же текстов Маркса.

¹⁰⁸ Туган-Барановский М.И. Основы политической экономии. Петроград, 1915. С. 56.

¹⁰⁹ Подробнее об этой дискуссии см. в очерке о И.И. Рубине в гл. 8.

В этой связи к социальной версии стоимости лучше подходит слово «ценность», а не «стоимость». Ибо «стоимость» в русском языке ассоциируется прежде всего с фактическими затратами труда, а «ценность» с общественным ценением. Вот почему, когда получила преобладание механическая версия стоимости, т.е. сведение последней к фактическим затратам, то философы из этой дискуссии выпали. Однако, все же немецкое слово «wert» я бы переводил как «ценность», ибо для слова «стоимость» в немецком языке есть особый термин «kosten». Более того, можно утверждать, что перевод слова «wert» как «стоимость», утвердившийся в нашей литературе, оказался очень удобен для механистической практики не только советского «планового ценообразования», но и для соответствующего понимания социализма.

Итак, две линии или версии стоимости (социальная и механистическая) до сих пор сидят в головах отечественных ученых и никак не могут примириться. Так, например, если с точки зрения механистической школы надо дополнять теорию стоимости Маркса теорией предельной полезности, ибо согласно этой версии, у Маркса доминируют фактические затраты труда без учета социальной потребности (полезности) продукта. С точки зрения социальной версии ничего дополнять не надо, ибо трудовая теория стоимости Маркса уже включает в себя момент социальной полезности товара. С точки зрения социальной версии стоимости она там уже есть. В работах некоторых ученых из ЦЭМИ это версия уже в 1960–е годы получила довольно значительное представительство. Так что, эта социальная версия стоимости в теории Маркса уже «сидит».

Теперь другой интересный вопрос — что устарело. Мне кажется, что сегодня устарело и то, и другое, и третье. Теория трудовой стоимости хороша была и продолжает быть хороша для объяснения цены на товары массового производства, где значительную долю имеет физический или материальный труд (т.е. живой и овеществленный). Вообще, для чего нам нужна теория стоимости? Она нужна для объяснения цены. Как совершенно точно подметил А.Д. Некипелов, экономические категории нуждаются в объяснении. В «экономиксе» категории берутся как данные, наука же требует их объяснений. Экономическую теорию занимает вопрос — есть ли объективные основы у цены? И трудовая теория стоимости достаточно удовлетворительно объясняла природу цены по производству массовых товаров, где затраты труда (живого и прошлого) имели большое значение. Профессор А.А. Пороховский совершенно справедливо об этом говорил, что если производятся стулья, с которых падают люди, значит стулья плохие, на их производстве где-то эконо-

мили, а если бы больше затрат сделали, люди бы не падали с них и полезность этих стульев была бы больше. Значит, больше была бы и цена.

Но если мы переходим к производству компьютеров и другой электронной технике (в данном случае, я имею в виду под компьютером железный ящик или мобильный телефон, как металлическую или пластмассовую коробочку), там уже затраты материального труда, издержки материального производства не играют большой роли. Потому что можно сделать более мощный компьютер с теми же самыми затратами физического труда, в том же самом железном ящике. Мощность компьютера, т.е. полезность этого товара уже не определяется количеством труда, пошедшего на его изготовление. В определении цены здесь уже основную роль играет полезность. Т.е. в более современной теории стоимости сторона полезности, качество этого продукта начинает доминировать. И в этом была «правда» маржинализма.

Почему я говорю, что и это тоже устарело. Потому что, если мы переходим к интеллектуальному труду, скажем, производим информационный продукт, компьютерные программы, там вообще никакой роли не играют ни стоимость, ни затраты труда. Потому что затраты труда в информационном производстве могут быть совершенно одинаковые у продуктов разной полезности и разной цены или вообще ничтожные по сравнению с ценой. И, главное, полезность, качество этого продукта просто не с чем сравнивать, ибо он уникален. Если появляется рыночная цена у информационного продукта, а в рыночной экономике это так и есть, то у неё нет объективной основы. Кроме того, для информационного продукта рыночной цены вообще быть не может. Ибо нет здесь конкурирующего предложения. В производстве стульев или столов может принять участие множество производителей, и каждый свой продукт вынесет на рынок, где в результате конкуренции сложится равновесная цена. В информационном производстве есть только один производитель, и он диктует свою цену. Никому в голову не придет выносить на рынок тот же самый информационный продукт, который там уже есть. Если появится другой производитель информационного продукта, то он вынесет на рынок уже другой продукт. Но конкуренции опять же не будет, ибо аналогов этого продукта нет и не будет. Стульев на рынке может быть много, информационный продукт только один. Нет смысла всем изобретать один и тот же велосипед.

Если взять движение хакеров, то оно показывает, что они за один процент рыночной цены способны копировать этот самый продукт. Стул нельзя сделать за одну сотую или даже десятую часть цены, надо полно-

стью в него вложить все что требуется: и труд и материалы. А хакерское движение нам показывает другое. И когда начинают бороться с хакерами как со средневековыми пиратами, то получается полная бессмыслица, потому что с течением времени всё население земли будет хакерами. С одной стороны, рынок назначает на информационный продукт произвольно высокую цену, с другой стороны, тот же самый рынок заставляет миллионы людей воспроизводить этот продукт за минимальную цену. Собственно говоря, в последнем случае воспроизводится не сам информационный продукт, а его материальный носитель. Здесь, конечно, есть и издержки производства и конкуренция и, естественно, стоимость этого носителя. Хакеры этот продукт продают по его стоимости, которая ничтожна по сравнению с рыночной ценой всего информационного продукта. То есть, хакеры по сути дела продают не сам информационный продукт, а лишь его материальный носитель. Рыночная цена самого информационного продукта не имеет объективной основы, ибо информация по природе своей товаром быть не может.

Для демонстрации этого вывода проведем небольшой эксперимент. Пожалуйста, поднимите руку те, кто из присутствующих здесь, имеющих дело с компьютерами, пользуется только лицензионными дисками и программами. Нет таких. Видите, среди более 30 участников нашего семинара не нашлось никого, кто бы пользовался только лицензионными программами. А почему? Потому что мало кто желает быть обманутым и оболваненным (обобраным) рыночным монополистом. У цены информационного продукта нет объективной основы, его цена произвольна. Есть объективная цена у материального носителя, т.е. железки, из чего сделан диск. Но это копейки.

Итак, трудовая теория стоимости и теория предельной полезности хороши и применимы для определенных условий производства. И по большому счету, они не противоречат друг другу, а последовательно замещают друг друга. Но если речь идет о новом «обществе знаний», то эти хорошие теории там не нужны. Они там ничего объяснить не могут.

К проблеме прибавочной стоимости

Обсуждая проблему прибавочной стоимости, я думаю, что не надо чрезмерно абсолютизировать ни Ленина, ни Маркса, ни всех остальных. Надо не торопясь разбираться в том, что есть, и надо читать и знать всех, все точки зрения, в том числе, конечно, и оппонентов марксистской теории прибавочной стоимости. Проблема прибавочной стоимости имеет острое политическое звучание, ибо она объясняет эксплуатацию и клас-

совое противостояние в обществе. Многие марксисты именно эту политическую составляющую ставят в центр своего внимания. И раньше, и теперь у многих марксистских писателей, собственно, научная проработка теории прибавочной стоимости находилась как бы на заднем плане их интересов. Некоторые из них, особенно Ленин, писали, как говорится, под горячую руку. Поэтому у Ленина можно найти всякие интересные вещи, которые не всегда отвечают строгим научным критериям.

Я бы начал с тезиса В.А. Медведева.¹¹⁰ Мне очень понравились его мысль о том, что теория прибавочной стоимости Маркса была чисто логической конструкцией. Я согласен с тем, что все остальные теории прибыли хуже. Теория Маркса единственная, которая более или менее логично и убедительно объясняет, откуда берется прибыль, прибавочная стоимость, богатство. Но вместе с тем остается много вопросов.

Говоря о прибавочной стоимости, давайте, сравним Север и Юг, о чем уже говорилось на нашем семинаре. Давайте возьмем богатый Север, золотой миллиард населения. Допустим, здесь производится прибавочная стоимость. И все население становится богаче и богаче. И рабочие, которые живут и работают на богатом Севере, тоже живут лучше, если взять последний век. Как быть тогда с прибавочной стоимостью? Больше ее становится или меньше? Кто кого эксплуатирует? Если богатый Север эксплуатирует бедный Юг, то получают ли рабочие на Севере часть прибавочной стоимости, произведенной на Юге? А производят ли они сами прибавочную стоимость и куда она идет? И возможно ли положение, когда северные рабочие, производя прибавочную стоимость и отдавая ее своим хозяевам, с другой стороны, сами получают часть прибавочной стоимости через своих хозяев? В общем, вопросов много, а ответов мало.

Б.Ф. Славин говорил здесь о безлюдной технологии. Действительно, есть предприятия, где нет или почти нет рабочих. Есть вахтер, охранник, уборщица, которая подметает в кабинете директора. Есть директор, менеджер. Но практически нет собственно рабочих. Тогда получается, что охранник, уборщица и директор, как наемные работники, производят прибавочную стоимость для акционеров (хозяев). Конечно, можно сказать, что производственное оборудование, т.е. аппараты, машины кто-то сделал, и в тот момент, когда их делали и реализовывали, и обнаруживалась прибавочная стоимость. А затем уже идет распределение и

¹¹⁰ См.: Экономическая теория марксизма и современность. Труды научного семинара. Вып. 1. Под ред. В.А. Медведева. — М.: ИЭ РАН, 2009. С. 302–307.

перераспределение этой самой прибавочной стоимости. Все правильно, эти машины, конечно, кто-то сделал. И можно объяснить, когда производятся эти машины, там создается прибавочная стоимость. И хозяин этого предприятия ее получает. Но на другом предприятии, где эти машины работают, производятся другие товары. Скажем, синтетические ткани, и создаются они по условиям безлюдной технологии. Вот и возникает вопрос — где создается прибавочная стоимость? В производстве машин и оборудования, где кроме уборщицы и директора, есть нормальные рабочие, или в производстве тканей, где собственно рабочих нет? В производстве тканей при безлюдной технологии создается прибавочная стоимость или нет? Разве эти машины создают прибавочную стоимость? Во всем этом есть какая-то неясность, и чем дальше, тем больше.

«Экономикс» вообще не признает такой категории, как прибавочная стоимость. Есть прибыль как процент на капитал, и все. «Экономикс» фиксирует факт и ему легче, ибо он никак не объясняет этот феномен. Но наука требует объяснений. Но вразумительно объяснить феномен прибавочной стоимости мы так и не можем.

Теперь по ряду выступлений. Так, Л.В. Никифоров в своем очень интересном и творческом докладе вообще стал говорить о том, что стоимость рабочей силы определяется не затратами на ее воспроизводство, а продуктом, который она производит.¹¹¹ Тогда вообще не получается прибавочной стоимости, ибо величина стоимости продукта определяется рыночной ценой и пропорционально распределяется между трудом и капиталом. Т.е. выходит, что рыночная цена продукта и есть стоимость рабочей силы. Отсюда невозможно вывести прибавочную стоимость, так как по этой логике стоимость рабочей силы совпадает с ценой продукта. В других выступлениях тоже звучало нечто подобное. Таким образом, объяснить проблему, куда девается или откуда берется прибавочная стоимость в современном производстве, я тоже удовлетворительно не могу. Значит, мы не можем объяснить феномен прибыли.

Вывод о том, что продукт распределяется очень неравномерно между богатыми и бедными, директорами и рабочими, абсолютно правильный. И в этой связи противоречия между трудом и капиталом сохраняются. Более того, сегодня это внутрикорпоративное неравенство приобрело настолько впечатляющие масштабы, что начинает беспокоить и правительства капиталистических стран. Возможно, эти противоречия не носят антагонистического характера, как справедливо говорил

¹¹¹ Там же. С. 330–338.

В.А. Медведев, но они есть. Есть же противоречия между продавцом и покупателем в рыночной экономике. Значит, откуда сохраняется рыночная экономика, сохраняются и противоречия между основными агентами производства. Но это не объясняет вопроса, есть ли сегодня прибавочная стоимость? Возьмите современные технологии в информационном производстве. Здесь стоимость пропадает вообще, а прибыль остается. Тут, приходится объяснять феномен прибавочной стоимости, выходя за пределы стоимости. Как это объяснить, я не знаю. Может быть, в дальнейшем через несколько лет мы как-то выйдем на это объяснение. Но объяснить феномен прибавочной стоимости с точки зрения самой прибавочной стоимости, мне кажется, невозможно. И еще более сложно понять происхождение прибыли в информационном производстве.

Человеческий капитал

Вопрос, который мы сегодня обсуждаем, сложный и, пожалуй, сильно запутанный. А тут мы еще добавили путаницы. Дело в том, что, на мой взгляд, рабочая сила вообще товаром не является и не может являться ни при каких обстоятельствах и условиях. Я в этом вопросе скорее сторонник не К. Маркса, а К. Поланьи. Он рассуждает следующим образом. Рыночная экономика должна охватывать все факторы производства: труд, землю и капитал (в его терминах — деньги). Это общее место из любого современного учебника экономики. Но также общим местом является утверждение, что в рыночной экономики все продукты производятся для продажи, как товары. Следовательно, труд и земля в рыночной экономики являются товарами. И действительно, мы говорим о рынке труда или рынке земли. Но вся штука в том, что труд не есть товар в рыночном смысле, никто не производит рабочую силу на продажу. «Труд, — пишет Поланьи, — это лишь другое название для определенной человеческой деятельности, теснейшим образом связанной с самим процессом жизни, которая, в свою очередь, «производится» не для продажи, а имеет совершенно иной смысл; деятельность эту невозможно отделить от остальных проявлений жизни, сдать на хранение или пустить в оборот... Характеристика труда, земли и денег как товаров есть полнейшая фикция»¹¹². Нетоварная природа труда и объясняет феномен классовой борьбы в капиталистической экономики. Ведь, когда встречаются на рынке для обмена два товара (например,

¹¹² Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. — СПб.: Алетейя, 2002. С. 86–87.

холст и сапоги), ни один из них не возмущается снижением своей цены. Если сделка не устраивает владельцев этих товаров, они спокойно расходятся до лучшего случая. Труд не может ждать лучшего случая. Труд объединяется и противостоит капиталу как могучая сила.

Таким образом, нет такого товара как рабочая сила, который где-то изготавливают, упаковывают, хранят для того чтобы в совершенно готовом виде поставлять на рынок. Естественно у рабочей силы нет стоимости и не должно быть цены. Но в рыночной экономике, как совершенно верно отметил Л.И. Абалкин, рабочая сила приобретает форму товара и, так или иначе, функционирует как товар. Хотя на самом деле никакой товарной основы у рабочей силы там нет, потому что рабочую силу не производят с целью рыночной продажи, не складировуют и не придерживают с тем, чтобы в хорошее конъюнктурное время выбросить на рынок. Рабочая сила не может быть продуктом, изготавливаемым на продажу, как кирпич или пиво. Тут К. Поланьи прав.

Однако, в рыночной экономике, конечно, рабочая сила приобретает вид товара. Но это есть свидетельство чего-то ненормального в самой рыночной экономике, что последняя и общечеловеческие ценности плохо совмещаются. И тут, конечно, К. Маркс прав, что в рыночной экономике, в буржуазном обществе человек не дорастает до своей человеческой сущности.

Другой вопрос: что собственно продается — рабочая сила или труд? Мы сегодня чаще говорим — рынок труда, а не рынок рабочей силы. Я тут больше согласен с И. Соболевой, что, конечно, в современных условиях высококвалифицированного труда продается не рабочая сила как таковая, а труд, труд как услуга.¹¹³ Говорить же о продаже рабочей силы можно только применительно к прошлым векам, к неквалифицированной рабочей силе. Сегодня это у нас можно отнести к гастарбайтерам, которые стоят на перекрестке улиц и ждут, когда их наймут. Они мало что умеют и не знают, что с них потребуют. И хозяин нанимает их как простую физическую рабочую силу, чтобы сделать какую-то неквалифицированную работу в коммерческих целях, а, может быть, и нет. Вот это есть классическая рабочая сила. И во времена Маркса рабочий рассматривался в основном именно так, хотя были и квалифицированные рабочие. Но важно, что доминировало. Сейчас доминирует квалифицированный труд, даже можно сказать, креативный, т.е.

¹¹³ Соболева И.В. Рабочая сила в современной экономике: товар или капитал? // Экономическая теория марксизма и современность. Труды научного семинара. Вып. 2. Под ред. В.А. Медведева. — М.: ИЭ РАН, 2011. С. 168–178.

творческий квалифицированный труд. Естественно он выпадает из тех категорий, в формате которых написан «Капитал» Маркса.

И вот встает вопрос: устарела ли марксистская методология «Капитала» в анализе трудовых процессов в рыночной экономике? Однозначно ответить на этот вопрос трудно. Смотря о какой методологии идет речь. На мой взгляд, в этом вопросе есть две методологии и обе марксистские. Одна методология «Капитала», такого классического сочинения, которое описывает рыночный механизм капиталистического общества XIX века, и которую сегодня можно представлять в терминах неоклассического направления экономической науки. И доклад И.В. Соболевой написан именно в этом ключе. И эта методология, мне кажется, устарела. Она пригодна только для физического, простого труда. А для более сложного, креативного труда эта методология не подходит. Там должна быть уже другая методология. А вот неоклассическое направление экономической науки пытается на новые виды труда и деятельности одеть старую классическую, в том числе и марксистскую или рикардianскую методологию. Это получается не очень понятно. Хотя старая методология технические (функциональные) связи улавливает удовлетворительно, но содержательно процессы остаются непонятными.

Вот, например, возьмем понятие «человеческий капитал». В наш обиход такое понятие вошло довольно широко. Я полностью согласен с профессором С.С. Дзарасовым, что с экономической точки зрения это понятие совершенно никак не работает. Человеческий капитал невозможно ни посчитать, ни оценить. В современной отечественной литературе уже приводится ряд критических аргументов против использования понятия «человеческий капитал». Так, например, наш сегодняшний докладчик И.В. Соболева в исследовании о человеческом потенциале указывает, что понятие «человеческий капитал» очень неопределенное. При этом она ставит резонный вопрос о его конкретной наполняемости — «является ли капиталом сам человек, или он лишь выступает в роли материального носителя нематериального экономического блага?»¹¹⁴. Хороший вопрос. Действительно, человек без этого капитала все же остается человеком или превращается в пустую оболочку?

Вообще говоря, наука тогда добивается успеха, когда для новых явлений и процессов вырабатывает новые понятия и термины. Распространять же старые понятия и термины, прилично отражающие уже усто-

¹¹⁴ Соболева И.В. Человеческий потенциал российской экономики: проблемы сохранения и развития. — М.: Наука, 2007. С. 16.

являющиеся и хорошо изученные явления, на новые области подобно тому, что разбавлять старое, доброе вино водой. Или же использование термина человеческий капитал — это просто идеология? Конечно, идеологии тут много. Но идеологии много у всех. И вообще, когда есть идеология, ничего страшного в этом нет, даже становится интересно читать. Например, возьмите книги Ф. Хайека или Л. Мизеса, насквозь пронизанные идеологией, их очень интересно читать, хотя соглашаться с ними трудно, а порой и невозможно. Без идеологии экономические тексты будут чисто математические или статистические и читать их неинтересно. Хотя, может быть, пользы от экономико-статистических текстов будет больше.

Дело в том, что понятие «человеческий капитал» как оно вошло сегодня в литературу и как оно используется, мне кажется, становится понятием уже не экономической науки, а социологической науки. И там оно работает. А если чисто экономически подходить к понятию «человеческий капитал» на основе методологии «Капитала» Маркса, то здесь мы ничего не поймем и «капитал» этот не подсчитаем, а вот на основе неомарксизма, когда социальные проблемы, социальность и гуманитарность выдвигаются на первый план, понять что-то можно.

Вот это я и называю другой методологией, которая представлена как раз в докладе А.Б. Вебера.¹¹⁵ Я бы назвал эту методологию неомарксизмом, которая начала развиваться с начала XX века. Основы ее, конечно, содержатся у Маркса. Но это уже не совсем «Капитал». Может быть, в ранних работах Маркса или же еще в каких-то других, где развиты более сложные отношения к проблеме рабочей силы, к проблеме человека, где человек в большей мере предстает не как просто рабочая сила и товар, а как субъект общества, как человек перешагнувший рынок. Марксизм тем и интересен, что очень глубок и содержит несколько методологических пластов, некоторые из которых могут быть востребованы в полной мере и сегодня.

2.3. Капитализм, постиндустриализм и детерминизм

Капитализм сам себя подрывает

Рассуждая о современном мировом финансовом кризисе, естественно обратиться к марксистской теории кризисов. Хотя, как справедливо заметил В.А. Медведев, у Маркса нет специальной толстой книги, посвященной экономическим кризисам. В отличие, например, от

¹¹⁵ Вебер А.Б. Метаморфозы рабочей силы как политэкономической категории. // Экономическая теория марксизма и современность. Труды научного семинара. Вып. 2. Под ред. В.А. Медведева. — М.: ИЭ РАН, 2011. С. 178–185.

М.И. Туган-Барановского или И.А. Трахтенберга. Итак, книги о кризисах у Маркса нет, но теория такая есть.

Не вдаваясь сейчас в суть этой теории, хотелось бы отметить, что одним из важнейших выводов марксистской теории кризисов является положение об объективной неизбежности кризисов при капитализме. В любом виде и форме кризис есть необходимый атрибут капитализма, средство его взбадривания. Некоторые праволиберальные экономисты считают, что это и хорошо, ибо кризис как генеральная уборка помещения, выметает из общества все дряхлое и нежизнеспособное. Конечно, это верно, мусор надо выметать. Но лучше это делать каждый день, сознательно и планомерно, а не ждать когда грянет буря и разбив стекла, ворвется в помещение и перевернет там все верх дном. Как показал последний финансовый кризис, некоторые люди в его результате покончили жизнь самоубийством. Что же тут хорошего?

Во вступительном слове В.А. Медведева и в докладе А.И. Колганова указывалось, что нынешний финансовый кризис можно рассматривать в рамках марксистской классической теории кризисов.¹¹⁶ Что имело место некое перепроизводство и что неограниченное стремление капитала к самовозрастанию, ненасытная жажда прибыли, привели к тому, что производство рано или поздно наталкивается на ограниченные возможности рынка и т.д. Однако думается, что в данном случае мы имеем принципиально новые явления. Марксистская схема остается как рамочная концепция, но для объяснения конкретного механизма и сути современного кризиса нужны новые подходы.

Не погружаясь в фактологическое описание современного кризиса, отметим его некоторые особенности. Во-первых, представляется, что этот кризис при всей его похожести на классические экономические кризисы, не является обычным циклическим кризисом капиталистического воспроизводства. Прежде всего, это денежный кризис, который начался в финансовой сфере и там произвел определенные опустошения. Конечно, он затронул и реальный сектор экономики. Но в реальной экономике опустошения не будут столь значительными, как это, например, было в эпоху мирового кризиса 1929–1932 гг. Перепроизводства товаров в капиталистическом мире пока нет. Таким образом, можно согласиться с той литературой, где отмечается, что этот кризис имеет ряд важных особенностей. Одна из этих особенностей, о кото-

¹¹⁶ См.: Экономическая теория марксизма и современность. Труды научного семинара. Вып. 2. Под ред. В.А. Медведева. — М.: ИЭ РАН, 2011. С. 88–124.

рой, правда, пишут меньше, состоит в том, что этот кризис заставляет задуматься об основополагающих элементах и принципах рыночной экономики. Даже политические лидеры ведущих стран мира, заявляют о чрезвычайной опасности современного кризиса для всей капиталистической системы, что капитализм после кризиса должен стать иным. Если оставить за скобками политическую риторику, то, тем не менее, в заявлениях о настоятельной необходимости изменения капитализма есть объективная составляющая. Это касается, прежде всего того, что рыночная экономика как материальная база капитализма угасает. Рассмотрим этот процесс на примере денег, которые являются, как известно, основным конституирующим элементом рынка.

К. Маркс писал о деньгах в «Капитале» следующее: «Именно потому, что все товары как стоимости представляют собою овеществленный человеческий труд и, следовательно, сами по себе соизмеримы, — именно поэтому все они и могут измерять свои стоимости одним и тем же специфическим товаром, превращая таким образом этот последний в общую для них меру стоимостей, т.е. деньги»¹¹⁷. Во времена Маркса деньгами выступали драгоценные металлы (золото и серебро) или бумажные деньги, свободно конвертируемые в золото. В современном мире никакие бумажные деньги на золото не размениваются. Что же представляют собой современные бумажные деньги? Ведь человеческий труд, заложенный в производство бумажной купюры ничтожен по сравнению с ее номиналом.

Надо сказать, что даже в тех странах, где было в ходу золотое обращение, т.е. размен банкнот на золото, полного или 100% золотого обращения на деле не было. Так, в США, где до Первой мировой войны действовал золотой стандарт, выпускались бумажные деньги, банковские депозиты. Количество золота в виде монет или золотых сертификатов составляло в разные годы от 10 до 20% денежной массы. Остальные 80–90%, как пишет М. Фридман, состояли из «серебра, фидуциарных (неполноценных — М.В.) денег и банковских депозитов, не обеспеченных золотым резервом». Но это было давно и сегодня про золото или серебро как основы денежной системы почти уже никто кроме фундаменталистов рыночной идеологии, не вспоминает. Любопытно современное признание П. Самуэльсона в его знаменитом учебнике: «Много лет назад эту роль (обеспечения ценности банкнот — М.В.) выполняло золото или серебро. Сегодня это уже не так, и все монеты и банкноты в США являются фидуциарными деньгами. Этот термин означает то,

¹¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 101.

что нечто может называться государственной валютой, даже если это нечто не имеет ценности»¹¹⁸. А мировой финансовый кризис 2008 года вообще выводит деньги и в целом финансовую систему развитых стран из под рыночного саморегулирования. Поразительно, как это деньги, по природе своей будучи самым рыночным инструментом регулирования экономики, сегодня становятся государственным рычагом регулирования рынка. В экономическом мире что-то переворачивается.

Переворачивается, несмотря на то, что рыночные фундаменталисты не сдаются и не снижают своей активности. Наоборот финансовые неурядица и кризисы они по-прежнему объясняют чрезмерной ролью государства. В пример приведем книгу американского экономиста М. Ротбарда «Государство и деньги». Так, он утверждает: «Если государство контролирует денежную систему, это значит, что у него в руках ключ к контролю над всей экономической системой, иначе говоря, до социализма рукой подать». И дальше: «Государство медленно, но верно брало в свои руки рычаги управления денежной системой, чтобы, во-первых, накачивать экономику заменителями денег по своему усмотрению, во-вторых, перейти к социалистическому управлению всей экономикой»¹¹⁹. Вот, если закрыть глаза на некоторые преувеличения, то по существу Ротбард прав. Государственное регулирование экономики, причем все более жесткое регулирование финансово-денежной системы, ведет в перспективе к плановому развитию экономики, что было характерно для Советского Союза и что в теории характерно для социалистического общества. Но ведь это неизбежно. Если деньги перестали быть рыночным товаром и стали фидуциарными, т.е. формой политического соглашения и политического регулирования, то это означает, что из под рынка выбит основной конституирующий его элемент.

Таким образом, марксистская теория кризисов в ее конкретном прочтении в целом для современного этапа почти не применима, ибо основные элементы экономики современного капитализма стали или становятся принципиально иными, чем это было во времена Маркса. Нет свободного рынка, нет свободной конкуренции, но есть деньги как политический институт, то есть уже не экономический. Это многое меняет. Экономика перетекает в политику. И здесь востребованной становится общая марксистская теория капитализма в целом, гласящая,

¹¹⁸ Самуэльсон П., Нордхауз В. Экономика. — М., 2005. С. 425

¹¹⁹ Ротбарт М. Государство и деньги. Как государство завладело денежной системой общества. — Челябинск: Социум, 2008. С. 114.

что капитализм сам себя подрывает изнутри. Частная же марксистская теория кризисов устаревает потому, что предмет ее себя исчерпывает.

На пути к постиндустриальному обществу

Хотелось бы начать с высказывания профессора В.С. Афанасьева, призвавшего задуматься о положительном значении правящего класса.¹²⁰ Конечно, правящий слой или класс всегда был и долгое время еще будет. Но если этот слой или класс делает что-то полезное для благополучной жизни народа, для процветания страны, то очевидно его положительное значение. Если же правящий класс довел народ до нищеты, страну до национального унижения, материальное производство сократилось почти вдвое, как все это было в России в 1990–е годы, тогда ни о каком положительном значении правящего класса говорить не приходится. Социальная наука, а мы все занимаемся именно этой наукой, приходит в столкновение с такими руководителями страны, уходит в оппозицию. Ибо общественная функция социальной науки состоит не в обслуживании личных интересов правителей страны, а в создании «хорошего общества» для всех людей. Что, например, надо сделать, чтобы прекратилась депопуляция в стране, чтобы жизнь значительного большинства людей стала лучше. Все это задача социальной науки.

Возможно, постиндустриальное общество и будет таким «хорошим обществом», но как туда попасть, что для этого надо делать — все это не есть простые вопросы. И будет наивно полагать, что правящий слой, даже обеспокоенный интересами страны и народа, знает туда дорогу. Хорошие руководители страны как раз опираются на науку, советуются с учеными. Я бы привел такой пример. Когда 16 января 1922 г. Г.Я. Сокольников назначает фактическим руководителем Наркомфина РСФСР, он через 10 дней собирает крупнейших буржуазных ученых в области денежного обращения и финансов, с которыми обсуждает основные контуры будущей денежной реформы. Большевик, революционер Сокольников опирается в создании червонца на буржуазную науку и достигает блестящего результата. Руководители России начала 1990–х годов сделали как раз наоборот: отстранили крупнейших ученых экономистов от проведения экономических реформ и устроили в стране шокотерапию. Т.е. повальный разгром производства и страны, что и сегодня еще в полной мере восстановить не удастся.

¹²⁰ Афанасьев В.С. Могут ли господствующие классы сыграть позитивную роль в современной трансформации? // Экономическая теория марксизма и современность. Труды научного семинара. Вып. 2. Под ред. В.А. Медведева. — М.: ИЭ РАН, 2011.

Вот в этом и сказывается роль науки. Марксизм, прежде всего, и говорит о науке и научном подходе к развитию и реформированию общества. На мой взгляд, главное в марксизме — это научный подход, постановка теоретического знания на первое, главное место в развитии общества. Т.е. общество должно развиваться не само по себе, как растет трава или куда указывает «невидимая рука рынка», а сознательно и целесобразно. И, стало быть, переходить к постиндустриальному обществу без четкого теоретического представления об основных характеристиках этого общества, не получится. И такие характеристики будущего общества должны разрабатываться научно. В этом, собственно, и состоит марксистский подход к преобразованию общества.

Теперь относительно постиндустриального общества и доклада А.В. Бузгалина.¹²¹ Об этом обществе пишут и говорят много. Даже создается впечатление, что многие авторы считают, что в развитых странах Запада уже такое общество как бы есть. И называю, к примеру, США, где почти 80% работающих занято в сфере услуг. Действительно, в США в 2004 г. в материальном производстве (сельское хозяйство, промышленность, строительство) было занято 22,4% от всей численности занятых. Все остальное услуги. Причем, в отрасли «торговля, гостиницы и рестораны» занято 21,5%, в финансовой деятельности — 17,3%, прочие услуги (куда попадает «шоу-бизнес» и т.п.) — 13,9%. И спрашивается, какое отношение к постиндустриальному обществу имеют: торговля, рестораны, финансы и «шоу-бизнес»? Никакое. То что можно отнести к отраслям постиндустриального общества (наука, образование, здравоохранение и т.п.) охватывало в США в 2004 г. только 20,6% занятых. По этому показателю превосходят США только некоторые страны Северной Европы. Так, в Швеции на эти отрасли приходится 27,4% от всех занятых в экономике. Но не будем забывать, что в этой стране многие годы правящий класс состоит из социал-демократической партии, которая поначалу была партией рабочего класса. Но и в Швеции нет еще постиндустриального общества. Так что, пока еще ни одна страна не может быть названа постиндустриальной. Все это еще впереди.

Вернемся теперь к докладу А. Бузгалина. Он обсуждает пути формирования постиндустриального общества следующим образом. Будет беспредельно развиваться самодеятельность трудящихся, так сказать, «живое творчество масс», постепенно все станут «креативным клас-

¹²¹ Бузгалин А.В. Ответы критического марксизма на вызовы постиндустриальных трансформаций. // Экономическая теория марксизма и современность. Труды научного семинара. Вып. 2. Под ред. В.А. Медведева. — М.: ИЭ РАН, 2011.

сом», творцами и изобретателями и т.д. Например, рабочий будет не просто механически закручивать гайку, а придумает новую, улучшенную и он уже не просто рабочий, а творец нового. Но такая схема не реальна, да и к действительному марксизму отношения не имеет. Возможно, в начале ранней стадии индустриализации рабочее изобретательство имело некоторое значение. Так еще А. Смит писал, что в его время часто можно было встретить мануфактуры, где были весьма хорошие машины, «изобретенные самими рабочими в целях ускорения и облегчения выполняемой ими специальной работы». Было это явление, конечно, и в России, возможно в период индустриализации. Но уже в позднесоветское время движение рационализаторов и изобретателей показало свою полную непригодность. Скажем, инженерный проект машины в определенном месте предполагал три гайки строго рассчитанного размера и прочности. Рабочему выгоднее было крутить одну гайку, а не три. Вот он и предлагает «рационализаторское предложение» по замене трех средних гаек одной, но большой. Инженеры годами разрабатывали конструкции сложных машин, рабочий своим изобретательством, своим «креативным творчеством» быстро доводил машину до поломок и т.п. Отсюда большая проблема — кто в постиндустриальном обществе будет действующим лицом: профессионал или дилетант, который лезет во «все дырки»? Кажется, ответ очевиден.

Тем не менее, некоторые ученые в своей голове имеют некоторые представления о посткапиталистическом устройстве общества и считают, что этого вполне достаточно и надо усиленно заниматься пропагандой и агитацией. Они же считают, что «живое творчество масс» соединившись с тем, что у них имеется в голове и создаст социализм. Однако «живое творчество масс» может создать не социализм, а хаос, что мы и видим на каждом шагу. Поэтому ростки социализма нужно видеть не в рабочем движении, протестных акциях и т.п., что в целом не выходит за рамки буржуазных отношений, а в теории. Социальная теория и есть та нить, которая выведет человечество из кошмара капитализма.

Для социализма занятие теорией имеет особое значение. Если предшествующие ему общества складывались стихийным образом, то социализм, по определению должен формироваться осмысленно и сознательно. Но для этого нужно развитие социальной науки и прежде всего теории. Нельзя же без конца развиваться методом «проб и ошибок», чем и характерно «живое творчество». Социализм должно отличать от предшествующих ему обществ как раз сознательная и целесообразная выработка предварительных проектов общественного усовершенствования.

вания, одобрение их большинством населения и затем уже планомерное проведение в жизнь.

То есть, в социалистическом обществе должно превалировать теоретическое знание над эмпирическим. Теоретики постиндустриализма давно подметили ту закономерность, что даже современная естественная наука характеризуется господством теоретического знания. Поэтому для социальной науки и прежде всего теории насущной задачей является исследование проблем именно совершенствования современного капиталистического общества, развитие его в сторону социализма. Можно даже сказать, что современная социальная наука есть антибуржуазная наука, наука которая социализирует общество, наконец есть наука социализма. Наука должна разрабатывать предложения по развитию общества в сторону все более лучшего удовлетворения потребностей все большего числа членов этого общества. Ибо капитализм уже достиг предела своего развития в смысле удовлетворения потребностей незначительного числа людей, собственников капитала. И в этом смысле дальнейшее развитие капитализма бессмысленно, наступает «конец истории». И в этом смысле социальная наука уже не нужна. Зачем она? Если капитализм подошел к предельной точке своего развития, что лучше уже быть не может, то зачем же наука, которая его будет развивать. Он и так прекрасен. Социальная наука нужна только в том случае, если общество уже насытилось этим капитализмом для немногих и хочет развить его в капитализм для всех, т.е. социализм.

Таким образом, социализм должен быть уделом профессионалов, а не любителей. Если в области технических проблем любители сегодня уже ничего путного сделать не могут в отличие от XVII века, то почему для социальных проблем должно быть исключение. Разве устройство общества намного проще, чем пылесоса?

Детерминизм мировой истории

Конечно, очень интересно и даже высокопрофессионально, когда начинают говорить или спорить о том, правильно или неправильно переводят такую-то страницу, фразу или слово Маркса. Но мне вспомнилось одно замечание о том, что если Карл Маркс гениальный писатель, то это совсем не значит, что каждая его страница также гениальна. Поэтому, мне кажется, что во всем этом есть какое-то крохоборчество: вот на такой-то странице то, а на такой-то — это. Ну, бог с ним. В конце концов, мы обсуждаем доклад В.Л. Иноземцева, а не самого К. Маркса.

У нас есть текст В. Иноземцева, и давайте разбираться в нем.¹²² Где-то Иноземцев совпал с Марксом, где-то, может быть, отошел от него. Ну и что? Давайте копаться в страницах Иноземцева.

И действительно, если покопаться в третьем тезисе Иноземцева насчет труда, мне кажется, Иноземцев здесь меня немножко запутал, и, может быть, не только меня. И Л.И. Абалкин правильно указал, что труд не всегда бывает в избытке. Хотя в современном мире и в Европе, если есть безработица, значит труд в избытке. А безработица даже в Японии есть. Хотя, с другой стороны, конечно, труд был, есть и, видимо, будет сохраняться в обозримом будущем. В человеческом обществе и в настоящем, и в будущем труд всегда являлся и будет являться доминирующим фактором. Другое дело — какой труд: физический, мускульный, военный (ратный), или же умственный, труд как деятельность и т.д. Меняется форма труда.

В.Л. Иноземцев правильно подметил то, что в марксизме, с одной стороны, есть люди труда — как доминирующая сила будущего общества, а с другой стороны (тоже по Марксу, но этого в тезисах Иноземцева нет), труд уничтожается. Есть у Маркса такое выражение в «Немецкой идеологии» — уничтожение труда. Вот это место: «Дело теперь не в том, чтобы освободить труд, а в том, чтобы этот свободный труд уничтожить»¹²³. Но в данном случае Маркс имеет в виду материальный труд, занятый в материальном производстве.

Поэтому у Маркса есть и то, и другое. Тут более запутанная ситуация. Вообще труд в материальном производстве в современном обществе уходит. И тут Маркс оказался совершенно прав. В соответствии с этим должно уйти и неравенство, связанное с материальным производством. Но исчезнет ли социальное неравенство вообще — вот интересный вопрос. Иноземцев считает, что должно быть неравенство не по труду, а по талантам. Но ведь талант тоже предполагает труд, и зачастую намного больший, чем у средне одаренного человека. Например, Лучано Паваротти был миллионером или, по крайней мере, был очень богатым человеком. Но никто не скажет, что это несправедливо, что надо было этого певца обложить налогами, чтобы он и пикнуть не смел.

Я так понимаю Иноземцева, что он не есть апологет общества социального неравенства, а заостряет внимание на социальном неравенстве, на том, как в современном мире неравенство между богатыми и бед-

¹²² См.: Иноземцев В.Л. Формационная методология: современное прочтение. // Экономическая теория марксизма и современность. Труды научного семинара. Вып. 1. Под ред. В.А. Медведева. — М.: ИЭ РАН, 2009. С. 102–123.

¹²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 192.

ными, грубо говоря, идет или должно происходить по талантам, по заслугам в творческом труде. У него в тезисах этого нет. Но в какой-то его книге я встречал положение, что в будущем постэкономическом «обществе знаний» будет два класса. Как по Марксу. Маркс тоже два класса имел в виду — наемный труд и капиталиста. По Иноземцеву, будут другие два класса — класс людей, которые упорно работают физически и ничего не понимают, и класс интеллектуалов, творцов. Иноземцев приводит даже статистику, что общество, особенно в развитых западных странах, все больше и больше делится на эти два класса. Я думаю, что не все так просто и однозначно. Адекватную статистику здесь привести очень трудно. Да и в целом, такая ситуация, когда общество расколото на два класса, грубо говоря, тупых и умных, не есть нормальное общество. Мне кажется, что и сам Иноземцев тоже не очень доволен этим обстоятельством. Я думаю, что отмеченная Иноземцевым тенденция, которая действительно кое-где встречается, заслуживает более глубокого изучения и обсуждения. Тут мы сталкиваемся с другим типом неравенства, это другое неравенство. Как с ним быть и как с ним жить, я, откровенно говоря, не знаю. Он правильно сделал, что заострил этот вопрос.

И последнее, что я хотел сказать, насчет цивилизационного и формационного подхода. Я полностью согласен с утверждением, что эти два подхода дополняют друг друга. Все верно. И цивилизации есть разные, уникальные, и в разнообразии цивилизаций сохраняется богатство мира. Но если поставить этот вопрос ребром и спросить все-таки, как по Марксу было: слаборазвитая или отстающая в экономическом и культурном отношении страна видит свое будущее, смотрясь в лицо развитой экономической стране или же идет своим неповторимым путем совсем в другую сторону? Я думаю, что все страны более или менее идут по одному пути. Мировая история едина.

Собственно говоря, формационный подход, а лучше его называть стадиальным, ибо формаций и переходных состояний обществ было намного больше, чем встречается в текстах Маркса, составляет суть материалистического понимания истории. То есть, составляет важнейшую часть марксизма, которую принимал даже такой западный философ, как К. Поппер. Если отрицать стадиальный подход, значит, надо отрицать материалистическое (экономическое) понимание истории, значит, от марксизма мало что остается. Надо быть последовательным. Если признается марксизм как цельное учение, то признается и формационный (стадиальный) подход для всех живых цивилизаций. Цивилизационный подход выглядит здесь анахронизмом. Или, как справедливо

утверждает Иноземцев, он «совершенно бессодержателен как инструмент масштабного исторического прогнозирования».

Если же мы будем говорить, что есть отдельные цивилизации, у которых свой уникальный путь развития, например Япония, Китай, тогда надо доказать, что Китай не пойдет по пути западной цивилизации. У него свой путь развития, а по Марксу он не пойдет. Однако живая практика именно этого никак не подтверждает. Сейчас Китай штампует не какую-то особую китайскую технику, а обычную европейскую. При всем том я понимаю, что есть уникальные особенности — у российской цивилизации, скажем. И, безусловно, их надо учитывать. И нельзя в российскую цивилизацию впихивать все западное, которое в чистом западном виде плохо адаптируется к российским условиям. Но все-таки, мне кажется, что мировая история едина и все страны движутся в одну сторону единой всемирной цивилизации. Все развиваются по Марксу.

В этой связи есть смысл обратиться к старой проблеме, вокруг которой накопилась изрядная путаница. Действительно, что первично — экономика или политика, материальный базис или культура, идеология, устарел или нет экономический детерминизм. Все это возвращает нас к старому философскому спору между идеализмом и материализмом. Но сегодня этот спор, видимо, приобретает новый ракурс.

Мне думается, что во многих этих дискуссиях присутствует некая абсолютизация. Мы как-то забываем, что мир меняется не только на наших глазах, но он менялся всегда и, видимо, будет меняться еще очень долго. То есть, неправильно, некорректно брать категорию экономического детерминизма и считать, что она верна для всех эпох, всей истории. Некорректно также считать, что эпоха экономического детерминизма должна замениться сегодня системным подходом. Но система — это не каша, в ней есть основные элементы, ядро, периферия и т.д. Мир всегда системен, другое дело, что в этой системе главное, определяющее, а что вторичное, производное. В эпоху экономического детерминизма экономическая деятельность (экономика) составляет основное, определяющее звено всей системы. Экономика здесь определяет культуру. При том, конечно, что политика, идеология и прочее оказывают большее или меньшее обратное влияние на экономику. Тут не о чем спорить. Но определяющее, детерминирующее влияние в эту эпоху имеет экономика. Можно представить и другую эпоху, назовем ее постэкономической, где уже не экономика будет определяющей, а политика (культура) будет диктовать функционирование экономики. Собственно, уже сегодня можно наблюдать начальные явления этой эпохи.

Хотелось бы в этой связи поддержать тезис О.Т. Богомолова о том, что действительно на какое-то короткое (по историческим меркам) время идеи могут определять экономику.¹²⁴ Это было, например, у нас в 1918–1920 гг. или на наших глазах в 1990-е годы. Но в более длительной перспективе экономика все же берет свое и заставляет руководителей страны выстраивать адекватную экономике политику. Так, большевики перешли к НЭПу, казалось бы, совершенно чуждой для них политики. Экономический блок нынешнего российского «либерального» правительства постепенно, но неуклонно повышает роль государства в экономике.

Очень кстати В.С. Степин вспомнил, что у Маркса есть такая триединая формула.¹²⁵ Первое — это непосредственное отношение человека к природе. Второе — его отношение к другим людям и слоям общества, т.е. производственные отношения. И третье — отношение к духу, духовности, т.е. к идеологии и культуре. Так вот, я думаю, что когда-то человечество ограничивалось первым: отношением к природе. До середины, даже конца феодализма перед человечеством стояла проблема физиологического выживания. В России до начала XX века для массы населения (напомним, что на 80% это были крестьяне) основной проблемой была угроза голода. Крестьянская семья, платившая оброк или отбывавшая барщину не могла себя прокормить. Отсюда отходники, кустари, нищие и т.д. У крестьян не было экономического выбора, их хозяйственное поведение детерминировали личная зависимость и природа. Никакого экономического детерминизма в докапиталистическую эпоху не было.

А когда складывается система капиталистических производственных отношений, когда есть что делить, тогда появляется и экономический детерминизм. Экономическую деятельность собственников капитала детерминирует получение избытка, прибыли, а рабочих — получение заработка, необходимого для продолжения существования. Вполне вероятно, что в будущем диктовать общественное развитие будет все более не экономика, а культура. И тогда экономический детерминизм будет преодолен. Мне кажется, такая диалектика более аутентична Марксу.

Конечно, эту тему за один семинар невозможно основательно и детально обсудить. Здесь накопилось много как догматизма, так всяких новых модных поветрий. Думается, наиболее продуктивным

¹²⁴ См.: Богомолов О.Т. Экономика и общественная среда: взаимосвязь и взаимовлияние. // Экономическая теория марксизма и современность. Труды научного семинара. Вып. 2. Под ред. В.А. Медведева. — М.: ИЭ РАН, 2011. С. 230–235.

¹²⁵ Степин В.С. Российская ментальность и рыночные отношения. // Там же. С. 236–243.

может быть путь соединяя полезных накоплений общественных наук с новыми достижениями. Поэтому старый спор материализма и идеализма сегодня, в новых условиях может получить продуктивное продолжение, что отчасти и показала наша дискуссия.

ГЛАВА 3. ВОЗМОЖНА ЛИ ПОЛИТЭКОНОМИЯ СОЦИАЛИЗМА?

Как-то академик Л.И. Абалкин, вспоминая полузабытого сегодня академика А.М. Румянцева как крупного деятеля политической экономики социализма, заметил: «Меня волнует и беспокоит больше всего — это попытка в очередной раз создать пустыню в истории отечественной мысли. Мы не раз этим занимались. Мы помним о горьких уроках прошлого. Но сегодня хотим устроить очередную пустыню, вычеркнув несколько десятилетий в развитии экономической, философской, социологической мысли в нашей стране. Это — очень опасная затея».¹²⁶ Вот сегодня и вычеркнули политическую экономию социализма, которую в нашей стране можно датировать с конца XIX века, с работ М.И. Туган-Барановского, хотя как сообщает М.Г. Покидченко, официальное признание политической экономики социализма произошло в 1936 году¹²⁷. Правда, в конце XIX — начале XX веков такого термина еще не было, но обсуждение экономических проблем «лучшего будущего» достаточно активно уже шло в научной литературе.¹²⁸

К сожалению, после революции 1917 года уже в 20-е годы многих экономистов конца XIX — начала XX вв. вычеркнули и забыли. Конечно, М.И. Туган-Барановского вычеркнуть и забыть было сложно, но В. Дмитриева, А. Кауфмана, А. Чупрова и некоторых других забыли основательно. Затем уже в 1940–1950-е годы «забыли» многих выдающихся экономистов 20-х годов: В. Базарова, В. Громова, Н. Кондратьева, Е. Преображенского, И. Рубина, Е. Слуцкого, А. Чаянова, Г. Фельдмана

¹²⁶ *Абалкин Л.И.* В поисках новой парадигмы социально-экономического развития. // Наука и власть. Воспоминания ученых-гуманитариев и обществоведов. М.: Наука, 2001. С. 16.

¹²⁷ *Покидченко М.Г.* Формирование «политической экономики социализма» (20–50-е гг.). // История экономических учений (современный этап). Под ред. А.Г. Худокормова. — М., 1998. С. 545.

¹²⁸ *Богданов А.А.* Вопросы социализма. — М., 1918; *Булгаков С.Н.* От марксизма к идеализму. — СПб., 1903; *Туган-Барановский М.И.* Очерки по новейшей истории политической экономики и социализма. — СПб., 1905; *Туган-Барановский М.И.* К лучшему будущему. — СПб., 1912; *Туган-Барановский М.И.* Социализм как положительное учение. — Пг., 1918; *Чернов В.М.* Социалистические этюды. — М., 1908.

и др. Да и сегодня, кроме Н. Кондратьева и А. Чаянова других вспоминать не спешат. Хотя почему—то вспомнили А. Шторха и еще 2–3 фамилии людей, которые скорее занимались компиляциями, чем оригинальным научным творчеством. Зато сегодня упорно вычеркивают таких деятелей советской политической экономии как В.Г. Венжер, Л.М. Гатовский, Я.А. Кронрод, В.В. Новожилов, А.И. Ноткин, Н.А. Цаголов и др. Как сказано, это очень опасная затея — кого будут вычеркивать завтра?

Чтобы двигаться дальше, т.е. развивать отечественную экономическую теорию и тем более говорить о возрождении политической экономии, нам надо проанализировать и оценить прошлую теорию. Оценив теорию, затем будет легче понять особенности общественного строя, который более чем 70 лет существовал в нашей стране. Еще в свое время А.И. Герцен писал: «Полнее сознавая прошедшее, мы уясняем современное; глубже опускаясь в смысл былого — раскрываем смысл будущего; глядя назад — шагаем вперед; наконец, и для того полезно перетрясти ветошь, чтоб узнать, сколько ее истлело и сколько осталось на костях»¹²⁹. Так вот и полезно посмотреть, что «истлело и сколько осталось на костях» советской политэкономии.

1.

Известно, что советская политэкономия состояла из двух частей: политэкономии капитализма и политэкономии социализма. Сегодня по этому поводу существуют разные оценки. Наиболее распространенная (и к которой с рядом оговорок склоняется автор настоящего текста) состоит в следующем. Политэкономия капитализма в целом изучала реальные экономические процессы, имевшие место в капиталистических странах Запада, там все же был предмет для изучения. Политэкономия социализма изучала неизвестно что. Но ведь она была! Что она изучала? Конечно, можно сказать, что она изучала советскую экономику, но это сказать мало. Была ли советская экономика экономикой социалистического общества? Вот в чем вопрос. Ведь политэкономическое изучение — это не столько аналитическое знание, а по преимуществу онтологическое. Политэкономия призвана объяснять существенное в экономическом бытии и формулировать оценочные суждения. А советское бытие еще ждет своего научного объяснения, в отличие от экономического бытия капиталистических стран. Хотя и в той и другой полит-

¹²⁹ Герцен А.И. Дилетанты—романтики. // Герцен А.И. Сочинения в 2-х тт. — М.: Мысль, 1986. Т. 1. С. 98.

экономии было много схоластики и болтовни, официальной идеологии и ложной фразеологии и т.д. и т.п., но разобраться во всем этом пора.

Думается, что понять и оценить сегодня труды советских ученых о политэкономии капитализма легче и проще. Если отбросить просто пустые и конъюнктурные произведения, то серьезные труды в этой области можно расценивать как более или менее полный пересказ и обобщение достижений западной экономической мысли. Но даже и эти хорошие и честные книги часто подвергались жесткой критике со стороны блюстителей «чистоты марксизма–ленинизма». В пример можно привести прекрасную книгу Е.С. Варги «Очерки по проблемам политической экономики капитализма» (М., 1964), которую, несмотря на высокое академическое положение автора, пытались ошельмовать в советской печати.

Но особый интерес, конечно, представляет политическая экономия социализма, которую кому–то хотелось бы выбросить и забыть. Но не получается. Тоже вопрос — почему? Потому ли, как считает В.А. Медведев, что «политическая экономия социализма имеет право на существование в том виде, в каком это соответствует современным общемировым реалиям»¹³⁰. Или потому, что «эта наука полезна для понимания будущего, которое называют постиндустриальным, информационным или даже постэкономическим обществом»¹³¹. Но зачем в постэкономическом обществе экономическая наука во главе с политической экономией? Что экономическая наука будет изучать в постэкономическом обществе?

Конечно, в политэкономии социализма было еще больше конъюнктурщины и болтовни, не ясен был предмет изучения и т.п., но в тоже время были интересные и содержательные научные постановки и дискуссии. Что это было? Изучить и оценить этот феномен, думается, долг современных политэкономов. Хотя с других методологических позиций, но совершенно верно пишет по этому поводу Хесус Де Сото: «Нельзя просто перевернуть ту страницу в истории, на которой написано «социализм», как если бы крах этой системы никак не повлиял на научные знания человечества. Дело в том, что история экономической мысли значительно пострадала бы, если бы теоретики стали в очередной раз фокусироваться на самых острых из актуальных проблем современности, пренебрегая фундаментальной необходимостью тщатель-

¹³⁰ Медведев В.А. Выступление. // Экономические исследования Института: итоги и перспективы. Материалы «Круглых столов». — М.: ИЭ РАН, 2000. С. 62.

¹³¹ Бузгалин А.В., Колганов А.И. Пределы капитала: методология и онтология. Реактуализация классической философии и политической экономии (избранные тексты). — М.: Культурная революция, 2009. С. 667.

ной критической переоценки и изучения существовавших до сих пор аналитических исследований социализма»¹³². Правда, этот автор хочет подробнее изучить социализм, чтобы его окончательно похоронить. Но мы торопиться не будем, надо разобраться.

Дело в том, что многие, особенно зарубежные, исследователи советского общества называют его по привычке социализмом, а науку, которая его описывает — «политической экономией социализма». Так все это называлось в советский период. Это было самоназвание. И научная задача состоит в том, чтобы выяснить насколько самоназвание «политическая экономия социализма» соответствует истине. Поэтому использование в данном тексте термина «политическая экономия социализма» носит технический, условный характер, чтобы было ясно, о чем идет речь. А вот что под ним скрывалось в реальности — есть задача научного исследования.

Развитие отечественной экономической теории невозможно без обращения к ее состоянию советского периода и прежде всего к политической экономии социализма как ее составной части. За последние годы появилось несколько публикаций, в которых делается серьезная попытка подойти к оценке советской политической экономии социализма¹³³. К сожалению, не все публикации отвечают высоким научным

¹³² *Де Сото Х.* Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция. — М., 2008. С. 27.

¹³³ *Покидченко М.Г.* Формирование «политической экономии социализма» (20–50-е гг.). // История экономических учений (современный этап). Под ред. А.Г. Худокормова. М., 1998; *Бузгалин А.В., Корчагина З.А.* (ред.) Политическая экономия социализма в экономической теории XXI века. *Материалы дискуссии.* — М.: Экономфак МГУ, ТЕИС, 2003; *Дзарасов С.С., Меньшиков С.М., Попов Г.Х.* Судьба политической экономии и ее советского классика. — М.: Альпина Бизнес Бкус, 2004; *Кирдина С.Г.* Блеск и нищета политической экономии социализма (гипотеза, основанная на институциональном анализе российского общества). // Журнал экономической теории, 2006, № 2; *Маневич В.Е.* Сталинизм и политическая экономия. // Подвладная наука? Наука и советская власть. — М.: Изд-во «Голос», 2010; *Ракитский Б.В.* Быль о том, как официальная политэкономия СССР выдумала идейного врага — «рыночный социализм» — и как с ним боролась. // Социализм после социализма. Новый интеллектуальный вектор. Под ред. М.И. Воейкова. — СПб.: Алетейя, 2011 и др. Позиция автора книги дается в следующих работах: *Воейков М.И.* Экономическая теория социализма: политический режим и ученый (К 80-летию Я.А. Кронрода). — М.: ИЭ РАН, 1992; *Воейков М.И.* Политическая экономия в Институте экономики. (К формированию «реальной школы»). — М.: ИЭ РАН, 2000; *Воейков М.И.* Политико-экономические эссе. — М.: Наука, 2004; *Воейков М.И.* Политическая экономия социализма: попытка современной интерпретации. // Журнал экономической теории, 2007, № 1; *Воейков М.И.* Противоречия экономической идеологии «застоя»: борьба в политэкономии. // Застой. Дисконтенты СССР. — М.: ТЭИС, Культурная революция, 2010.

требованиям. Если оставить за рамками рассмотрения откровенно конъюнктурные опусы, то можно обнаружить и немало просто слабых работ, несмотря на то, что их авторы искренне хотели бы разобраться в «блеске и нищете» политической экономии социализма.

2.

Таким образом, вопрос о политической экономии социализма представляется чрезвычайно трудным. Особенно после многих лет отрицания или забвения советской политической экономии. Сегодня чрезвычайно важно разобраться в той экономической системе, которая была господствующей в России большую часть прошедшего века. А чтобы понять ее, надо понять ее экономическую идеологию, которая формировалась и отражалась политической экономией. Без этого трудно развивать и современную отечественную экономическую теорию, т.е. трудно понять современную экономическую реальность.

В официальной советской литературе советское общество называлось «социалистической системой хозяйства», в зарубежной политологической литературе — «коммунистической системой». Однако в строго научном смысле назвать «советскую экономическую систему» социалистической, а тем более коммунистической, не представляется возможным. Ибо эта система кроме некоторых внешних параметров и элементов (равенство, экономическое планирование, распределение не по капиталу и т.п.) не соответствовала по многим важнейшим пунктам классическим представлениям о социалистическом обществе: преодоление отчуждения, ликвидация эксплуатации, свобода и демократия больше, чем формальные, социальная справедливость и фактическое равенство и т.п. «Ведь не может быть социализма там, — справедливо считает академик Л.И. Абалкин, — где не решена проблема продовольствия и население не обеспечено жильем, где существует массовый дефицит и карточная система, где отсутствуют демократические институты гражданского общества, а работник отделен от собственности, от экономической и политической власти».¹³⁴

Советская система имела и свою идеологию, и свою общественную науку. Хотя справедливости ради надо заметить, что официальная идеология, в том числе отраженная в общественной науке, далеко не всегда или не во всем совпадала с реальной идеологией советской экономичес-

¹³⁴ Абалкин Л.И. Взгляд в завтрашний день. М., 2005. С. 114. Хороший обзор проблем и различных позиций по теории и практике советского социализма дается в работе: Колганов А.И. Что такое социализм? Марксистская версия. — М.: «ЛИБРОКОМ», 2012.

кой и политической практики. То есть, было заметное расхождение между «словом и делом». Название давалось одно, подразумевалось нечто иное, в реальности порой делалось третье.¹³⁵ Если верить всем самоназваниям, то никакая наука уже не нужна. Вера и наука вещи разные, но как тогда во всем этом разобраться? Остается быть дисциплинированным и слушаться начальства. По этому вопросу более глубокое и фундированное мнение высказал американский историк Р. Даниелс: «Созданный Сталиным после 1917 г. синтез революционной риторики, традиционных ценностей и тоталитарных методов, это его амальгама из социализма, национализма и бюрократии, оставались фундаментом советского политического строя до самого конца»¹³⁶. Таким образом, имея в виду этим несовпадения, будем рассматривать советскую экономическую идеологию как функцию политической экономии социализма или того, что скрывалось под этим названием.

Итак, примем допущение, что важное место (с нашей точки зрения) в советской общественной науке занимала политическая экономия вообще и политическая экономия социализма в частности. Конечно, сегодня могут найтись люди, которые с некоторым основанием будут утверждать, что политэкономия социализма была вообще не наукой, а простой (или иногда затейливой) идеологической апологетикой существовавшего режима. В какой-то мере это верно, но только в какой-то мере.

В советской политической экономии социализма существовало несколько течений или направлений, которые пытались усовершенствовать существовавшую экономическую систему и которые никак нельзя отнести к апологетике. Это подтверждают довольно продолжительные и глубокие дискуссии между этими направлениями. Скептик и на это может ответить, что даже эти направления занимались не наукой, а выдумками, иллюзиями, мифотворчеством. С таким мнением я, конечно, не могу полностью согласиться. Но даже если это и так, то тоже нет ничего страшного. Как известно из истории, создание мифов, мифотворчество было первым шагом человечества к познанию самого себя, первым шагом к науке.

¹³⁵ Некоторые простодушные исследователи полагают, что название «социалистическое», которое страны соцлагеря давали сами себе, вполне достаточно для анализа их экономик именно как социалистических. «Зачем же искать названия, — пишет например Я. Корнаи, — отличные от тех, которые они давали себе сами?» (Корнаи Я. Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма. — М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2000. С. 35).

¹³⁶ Даниелс Р. Взлет и падение коммунизма в России. — М.: РОССПЭН, 2011. С. 425.

Есть еще одна методологическая трудность. С научной точки зрения такой науки как политическая экономия социализма быть не может. Это *contradictio in adjecto* (противоречие в определении). Политическая экономия изучает буржуазное общество, представляет анатомию гражданского общества и ничего больше. Эта позиция была преобладающей в советской литературе первой четверти XX века, что специально рассматривалось уже в гл. 1. С 1930-х гг. в СССР утвердилась и стала расширяться политическая экономия социализма именно как наука.

Как бы ни было, приходится исходить из непреложного факта существования политической экономии социализма с ее школами, дискуссиями и творцами. Все это было. Трудность состоит в том, как все это оценить сегодня.

3.

Итак, признаем факт существования советской политической экономии социализма как непреложный. Даже, несмотря на то, что, на мой взгляд, социализма в точном научном понимании у нас не было. Однако, здесь надо сделать две оговорки. Первая касается довольно широко распространенного взгляда на то, что у нас все же был социализм, но в искаженном или первоначальном виде. Вторая — касается того взгляда, что не может быть науки того, чего нет в реальности.

Относительно первой. Как уже говорилось ранее, социализма в том виде, который вытекал из классического марксизма, у нас не было и не могло быть. Не было и никакого первоначального социализма. Основной аргумент состоит в том, что производительные силы российского общества, экономический базис его был явно недостаточен даже для первоначального социализма.

Россия в начале XX века никак не могла прежде европейских стран приступить к социализму, ибо капитализм здесь только начинал развиваться. Все это, конечно, не значит, что экономика и культура страны не развивались. За годы советской власти многое удалось сделать, удалось превратить полуколониальную царскую Россию во вторую сверхдержаву мира. Это бесспорно. Но при всем при этом, СССР серьезно отставал от многих европейских стран не только в обеспечении материального благосостояния народа, но и в качественных показателях промышленности и эффективности всей экономики.

Другое дело и другой вопрос, что у нас были элементы социалистичности и в ряде случаев довольно существенные, но это в целом не меняло дела. В Швеции тоже имеются довольно значительные элементы

социализма. Таким образом, сделаем вывод, несмотря на то, что Советский Союз официальными властями объявлялся страной социализма, последнего тут не было и не могло быть. Это, конечно, создает большие трудности в выяснении того, что же здесь было, в том числе и с политической экономией социализма. Но об этом дальше.

Относительно второй. Действительно, трудно представить науку, которая изучает то, чего нет в реальности. Л.В. Никифоров на одной дискуссии 2000 г. воскликнул: «Была ли наука—то? Вот первый вопрос, который возникает. Думается, наука (имея в виду политическую экономию) была, при всех ущербных направлениях, которые в ней наблюдались. Конечно, сформировалась несоциалистическая система»¹³⁷. Л.И. Абалкин в этой связи пишет: «Поскольку отсутствовал предмет политической экономии социализма, то не могло быть и науки о том, чего не было»¹³⁸. Но ведь были же серьезные ученые—исследователи в этой области. Да и сам Л.И. Абалкин именно в тот период написал ряд глубоких книг по политической экономии социализма, которые в наши дни (в 2000 г.) переиздал в своем четырехтомнике. Например, книга Л.И. Абалкина «Политическая экономия и экономическая политика» (М., 1970) до сих пор имеет большое эвристическое значение, еще плохо оцененное критикой. Но это к слову.

Однако, с теорией социализма случай особый. Социалистическая мысль появилась задолго до того, как возникли какие—либо материальные предпосылки социализма. Если оставить в стороне утопические сочинения, а взять период, начиная с марксистской разработки вопроса¹³⁹, то обнаружим, что имеется довольно обширная научная литература, где серьезно обсуждаются различные проблемы социализма. Я имею в виду не только сторонников социализма, но и противников. Скажем, труды Л. Мизеса или Ф. Хайека, посвященные критике теории социализма, представляют собой нормальные научные произведения. И как бы это не казалось парадоксальным, но Л. Мизеса вполне можно рассматривать как специалиста по политической экономии социализма. Ведь критика теории как раз и есть ее развитие. Значит, если самого социализма нет, то наука о нем уже существует

¹³⁷ Никифоров Л.В. Выступление. // Экономические исследования Института: итоги и перспективы. Материалы «Круглых столов». — М.: ИЭ РАН, 2000. С. 89.

¹³⁸ Абалкин Л.И. Взгляд в завтрашний день. — М., 2005. С. 115.

¹³⁹ В данном тексте рассматриваются исключительно марксистские версии социализма (а их тоже много), ибо все советские сочинения по политической экономии социализма были выполнены именно в этой парадигме.

много десятилетий и насчитывает многие сотни, если не тысячи, серьезных научных сочинений.

Более того, по многим представлениям социализм не приходит в мир каким-либо стихийным образом, а сознательно вырабатывается обществом. Это вытекает прежде всего из классического марксизма и из работ почти всех других социалистических мыслителей. Например, возьмите работы М. Туган-Барановского, Н. Бердяева, «социальную инженерию» К. Поппера и др. Поэтому в данном случае можно говорить, что социальная наука социализма (и политэкономия социализма в том числе) это наука о том что будет, а не о том что есть. Можно даже сказать, что социализм это наука о будущем обществе, о будущем общественном устройстве.

Это достаточно важный момент. Он характеризует сложившуюся методологию отечественной общественной, в том числе экономической науки, которая полностью сохранилась и до сегодняшнего дня. Суть дела состоит в том, что почти все серьезные экономические сочинения советского периода были написаны в нормативном плане, т.е. содержали некие оценки или предложения по улучшению тех или иных сторон экономической системы.¹⁴⁰ Просто описательные работы, выполненные, как сейчас говорят, в дескриптивном методе не считались достаточно научными.

Широкое использование оценочных суждений в отечественном общественном знании восходит к давней русской традиции «субъективного метода» в общественных науках, когда оценивали действительность с точки зрения идеала. «Мы, — писал Н. Михайловский, — не можем общественные явления оценивать иначе, как субъективно»¹⁴¹. Более того, В. Чернов вообще полагал, что социалистическое общество должно строиться на основе научно разработанной и детально обсужденной программы преобразований. И в этой связи он резко критиковал большевиков за то, что у них не только не было такой программы, но и что они принципиально отрицали необходимость такого предварительного проекта будущего общества¹⁴². Большая роль аксиологического подхода в русской общественной мысли была замечена давно. Еще В.В. Зеньковский писал, что использование в познании оценочного момента есть

¹⁴⁰ Н.П. Федоренко в одной из книг специально указывал на необходимость «усиления нормативного характера экономической науки» (Федоренко Н.П. Вопросы оптимального функционирования экономики. 2-е изд. — М.: Наука, 1990. С. 42).

¹⁴¹ Цит. по: Кареев Н.И. Основы русской социологии. — СПб, 1996. С. 67.

¹⁴² Чернов В.М. Конструктивный социализм. — М., 1997.

«одна из коренных особенностей русской мысли вообще — сплетение теоретического и аксиологического (оценочного) подхода к бытию»¹⁴³.

Итак, в случае социализма можно говорить об общественной науке того, что на сегодняшний день еще не имеется. Мы можем повторить за современным российским философом В.М. Межуевым, что научный социализм — это «не фаза, не ступень будущего общества, а теоретическое выражение», «научная теория историко-экономического развития»¹⁴⁴. Таким образом, под словами «политическая экономия социализма» следует понимать политическую экономию или экономическую теорию, которая описывала будущее советское общество и пыталась «конструировать» его в определенном смысле.

4.

Без обращения к основам зарождения и формирования советской политэкономии и политэкономии социализма, в частности, трудно понять особенности и смысл основной дискуссии среди советских политэкономов в послевоенное время (1960–1980 гг.). На мой взгляд, основателями советской политической экономии являются два человека: Исаак Ильич Рубин (1886–1937) и Евгений Алексеевич Преображенский (1866–1937). Рубин создал основы методологии советской политэкономии, показывал и доказывал ее позитивистский характер. Преображенский заложил начальные подходы и концепции нормативного характера политической экономии социализма. Идеи и концепции этих двух выдающихся экономистов присутствовали почти во всех основных дискуссиях советских экономистов все последующие годы, как правило, без упоминания их имен. Или даже сопрягаясь с их уничижительной критикой. Но именно Рубин и Преображенский создали основы двух основных направлений в советской политэкономии. Рубин с его позитивистским подходом — то, что потом вылилось в реальное направление. Преображенский с его плановым началом («закон первоначального социалистического накопления») — в социальное направление.

Дискуссия в экономической науке по поводу альтернатив в 20-х годах прошлого века велась в разных терминах. В начале 20-х годов — между финансовым и производственным подходом, в середине 20-х годов — между равновесным и плановым подходом, в конце — между генетическим и телеологическим. Отголоски этой дискуссии в тех или иных

¹⁴³ Зеньковский В.В. История русской философии. — Л.: «ЭГО», 1991. Т. 1. Ч. 2. С. 83.

¹⁴⁴ Межуев В.М. Социализм — пространство культуры. // Альтернативы, 1999, № 2.

терминах и формах можно обнаружить в истории советской экономической мысли всего периода существования СССР. Например, по поводу соотношения плана и рынка в 60-х годах прошлого века. К сожалению, до сего дня эта макродискуссия в нашей литературе освещена слабо или, лучше сказать, односторонне. Поэтому приходится еще раз натываться на те же самые грабли.

Таковы были исходные предпосылки при создании «политической экономии социализма». Основы одного направления были заложены Рубиным, основы другого — Преображенским. Эти два направления и составили основной стержень политической экономии социализма.

С этой точки зрения и будем анализировать существовавшую не так давно советскую политическую экономию социализма. Она насчитывала многие сотни серьезных научных работ, в которых авторы стремились искренне разрабатывать черты и конструкции социалистического общества. Другое дело — что из этого получалось и как это выглядит сегодня. Тем не менее можно назвать такие интересные и заметные школы в политэкономии социализма как И.И. Кузьмина (Академия общественных наук при ЦК КПСС), Н.А. Цаголова (МГУ), Я.А. Кронрода (Институт экономики АН СССР), Н.П. Федоренко (ЦЭМИ АН СССР), Новосибирская школа (А.Г. Аганбегян, К.К. Вальтух), Ленинградские (тут можно выделить по крайней мере две: Н. Моисеенко и Н. Колесова), Одесская школа (А.К. Покрытан), Ярославская школа (А.И. Кашенко, Н.Г. Наровлянский) и ряд других менее известных или значимых.

Из всех них я бы выделил как наиболее интересные и развитые школы Я.А. Кронрода (Институт экономики АН СССР) и Н.А. Цаголова (МГУ), полемика между которыми задавала тон научной дискуссии и обеспечивала достаточно высокий уровень тогдашней экономической теории. К этим и другим школам и отдельным их представителям можно относиться по-разному. Это естественно и нормально. И вместе с тем следует признать, что эти научные школы смогли развернуть оживленные дискуссии по ключевым вопросам политической экономии социализма. Результаты этих дискуссий нельзя просто отбрасывать. Необходимо провести их инвентаризацию, найти рациональные зерна, осмыслить их заново, что в целом обеспечит преемственность отечественной экономической мысли. Ведь эти экономические школы пытались решать реальные экономические проблемы экономического развития страны, проблемы, которые во многом остались и сегодня.

Попытаемся теперь выделить функции политической экономии социализма, которые она выполняла в советский период. При первом под-

ходе можно выделить четыре функции. Первая была пропагандистской и в целом занималась апологетикой существовавшего режима. Почти все научные работы, в том числе, конечно, и серьезные в той или иной мере содержали элементы апологетики. Это было неизбежно. Поэтому сегодня при анализе политэкономических работ советского периода надо просто оставлять за скобками все апологетические места в этих книгах. Конечно, если таких мест в книге будет много, то придется оставить без внимания и саму книгу и, стало быть, автора.

Вместе с тем, можно выделить еще три функции советской политэкономии, которые носят научный характер.

Вторая — это объяснение существующего строя. Повторю, не оправдание, что относится к апологетике, а попытка объяснения. Авторы пытались как-то уточнить, детализировать и конкретизировать многие принципиальные положения, которые составляли основу официальных трактовок, основу политэкономической идеологии режима. Это было чрезвычайно трудно и удавалось в крайне незначительной степени. Основная трудность при этом заключалась не в репрессивности режима (это был лишь внешний фактор), а в том, что сами ученые находились в ловушке сталинского социализма. Т.е. авторы считали и верили, что они живут при социализме (с любыми эпитетами, не в этом сейчас дело) и пытались на основе марксистской методологии научно объяснить то общество. Но сделать это было невозможно. Последовательное уточнение какого-либо официального идеологического положения приводило в конце концов или к отрицанию социалистического характера общества или к отрицанию соответствия официального положения марксизму.

Третья — это попытки усовершенствования существовавшего строя. Здесь было много легче развернуться в теоретических построениях, высказывать различные взгляды, разворачивать дискуссии. Почти все основные дискуссии в советской экономической науке как раз охватываются этой функцией. Можно, например, назвать по крайней мере две крупные теоретические концепции, основы которых коренились именно в политической экономии. Это теория размещения производительных сил и теория эффективности новой техники и капиталовложений. Это уникальные разработки, которым нет аналога в мировой науке. Ибо советские ученые разработали совершенно оригинальные модели размещения производства и измерения эффективности инвестиций для условий безрыночного хозяйствования. Собственно говоря, эта функция и соответствует основному предназначению политической экономии социализма, если под последней понимать экономическую теорию социального государства.

Четвертая — это создание общей теории социализма. Такие попытки были у многих исследователей, но результат их усилий — чрезвычайно ничтожный. Главная причина состоит опять же в том, что советскую практику многие исследователи принимали за практику социалистического общества и никак не могли ее непротиворечиво увязать с классическим марксизмом, т.е. с основами той теории, на базе которой они и пытались развить новую теорию. Правда, В.Е. Маневич считает, что все же что-то удалось сделать: «В целом же, при всей противоестественности задачи, экономистам все же удалось сконструировать некое подобие системы, где были переплетены старинные идеалы социализма и коммунизма..., отблески реальности (товарно-денежные формы, признание недостатков), нормативные установки, элементы экономической политики. Эта система воплотилась в учебнике политической экономии, который готовился с середины 30-х гг. и вышел в 1954 г.»¹⁴⁵ Учебник, конечно, получился. Но надо еще разбираться — что это был за учебник.

Конечно, можно развивать общую теорию социализма и как немарксистскую. Есть разные взгляды и теории на этот счет. Например, народническая теория социализма. Я, правда, плохо представляю себе возможность разработки общей теории социализма без марксистской методологии, в частности, без экономического материализма. Но это другой вопрос. Дело же в том, что почти все советские политэкономы в той или иной степени разделяли марксистскую методологию и искренне пытались соединить марксизм и советский социализм («русский социализм»). Если же анализировать развитие советской политической экономии социализма без обращения к марксизму, без сопоставления с марксистской методологией, то из этого ничего не получится. Это было бы равносильно тому, как анализировать спиртной напиток не обращая внимания на количество и качество содержащегося в нем спирта. Поэтому никакой общей теории социализма или даже вообще новой общественной теории за советский период у нас создано не было. Однако отдельные элементы, детали и частности в ряде случаев были разработаны довольно глубоко.

Сам марксизм в советской его интерпретации был включен в, так называемый, субъективный фактор истории, когда оценочные характеристики и соответствующая политика их реализующая, превращались в действенный фактор исторического процесса. Или казалось, что так становиться.

¹⁴⁵ Маневич В.Е. Сталинизм и политическая экономия. // Подвластная наука? Наука и советская власть. — М.: Изд-во «Голос», 2010. С. 175–176.

В этих методологических рамках разворачивались политэкономические исследования. Основное противоречие с методологической точки зрения, в котором они оказались, состояло в том, что с одной стороны, нужно было соответствовать традициям «субъективного метода в истории» или социального подхода и активно формировать (или оправдывать) существовавшую экономическую политику, а с другой стороны, нужно было исследовать и объяснять реальности социально-экономического процесса, как он проходил в натуре. Таким образом, можно выделить по крайней мере две линии, которые определяли основное развитие политэкономических исследований: (1) социальный фактор в экономической действительности, который выражался в нормативном характере многих исследований; и (2) приближение к реальности и отражение ее противоречивости, стремление наиболее глубоко и адекватно объяснить характер существовавшего экономического процесса. На эту противоречивость в свое время обратил внимание еще А.И. Герцен: «Поймите, что нельзя проповедовать в одно и то же время христианскую нищету и политическую экономию, социальные теории и безусловное право собственности»¹⁴⁶. А в советское время у нас все это проповедовали одновременно.

5.

Научная проработка теоретических вопросов в советский период постоянно наталкивала исследователей на проблему резкого расхождения реального экономического процесса и идеологического его оформления. Так как политическая экономия социализма считалась преимущественно идеологическим занятием, то у тех, кто этим увлекался, не могло не быть известной раздвоенности и даже «разтроенности». Попытаемся этот момент прояснить. С одной стороны, надо было соответствовать идеологическим схемам советской конструкции «марксизма-ленинизма», по крайней мере, далеко отсюда не выпадать. За это наказывали более сильно, чем за что-либо другое. Этот момент осложнялся еще тем, что данная идеологическая конструкция постоянно менялась, причем в разные стороны. С другой стороны, надо было соответствовать классическому марксизму, ибо последний рассматривался как основа советской идеологической конструкции. Трудность здесь состояла в том, что конструкция «марксизма-ленинизма» далеко

¹⁴⁶ Герцен А.И. Концы и начала. // Герцен А.И. Сочинения в 2-х тт. — М.: Мысль, 1986. Т. 2. С. 394.

не всегда совпадала с классическим марксизмом (например, положение о строительстве социализма в отдельно взятой стране), и уже отсюда шла раздвоенность. Но была и третья сторона — народнохозяйственная практика, изучение и объяснение которой вообще-то составляло важнейшую функцию политической экономии. Разные научные коллективы решали эту проблему по-разному. Так, коллектив кафедры политэкономии МГУ (Н.А. Цаголов) основные усилия направил на разработку сугубо теоретических проблем, обосновывающих отрицание товарного характера «социалистического производства», что, сохраняя стройность абстрактной марксистской теории, уводило в сторону от анализа реального экономического процесса. Зато в этой школе почти не было противоречий с классическим марксизмом.

Институт экономики АН СССР (школа Я.А. Кронрода — заведующий сектором Общих проблем политической экономии социализма) так поступить не мог в силу его обязанности заниматься и народнохозяйственными проблемами. Поэтому его теоретики и политэкономы вынуждены были искать пути непротиворечивого соединения хозяйственной реальности с господствующей политэкономической теорией. И тем самым они оказывались в более очевидном противоречивом, двойственном состоянии. Ибо создание теории, адекватной практике, по необходимости вело к ревизии сложившихся «марксистско-ленинских» формул.

Наиболее глубоко эту противоречивость в своем творчестве отразил Я.А. Кронрод, который для послевоенного периода в политэкономических исследованиях ИЭ был одной из центральных фигур, а в 1960-е годы просто основной. Кронрод и сторонники его школы последовательно выступали за развитие рыночных отношений, товарного производства, закона стоимости, за экономическую демократию и т.д. Однако все это не были категории сугубо социалистических отношений, и все это было очень трудно совместить с господствующими социалистическими императивами. С уровня сегодняшнего знания мы вправе утверждать, что Кронрод оказался в клещах теоретического противоречия, которое вообще было присуще всей нашей прежней политэкономической конструкции. Более того, я бы сказал, что Кронрод лучше и глубже всех выразил это противоречие. Может быть, он был более противоречивым, чем все остальные советские политэкономы, потому и лучше отразил расхождение между теорией и практикой.

Остановимся на одном принципиальном вопросе. В университетском «Курсе политической экономии» (под руководством Н.А. Цагорова), и не только в нем, проводилась идея о необходимости изучения комму-

нистического способа производства в целом и как такового. Анализ же производственных отношений социализма, согласно «Курсу» следовало начинать с выявления общекommуннистических начал: «Исходным в анализе системы производственных отношений при социализме является изучение экономических категорий и законов, общих для коммунистического способа производства в целом».¹⁴⁷ Социализм, таким образом, предполагалось изучать, отталкиваясь не от того, что было в реальности, а от того, что будет в будущем коммунистическом обществе. Предполагалось идти от идеальной конструкции, как она формулировалась в наиболее авторитетных головах. Это был «субъективный метод», доведенный до своего последнего пункта. Тогда это была серьезная и довольно массовая установка. Выступать против осмеливались лишь единицы.

Кронрод, на мой взгляд, очень толково ответил на эти теоретические рассуждения: «Пытаться же чисто умозрительно, а priori установить всеобщие экономические формы коммунизма — значит создать науку реальных отношений до того, как возникнут сами отношения, т.е. создать отражение объекта до самого объекта».¹⁴⁸ В этой фразе явно ощущается влияние позитивистской методологии, весьма близкой к реальной школе Института экономики, но в то же время уводящей в сторону от классического марксизма.

Сегодня появляется соблазн поменять эти оценки, точнее их знак. Если, например, раньше считалось, что Кронрод ошибался, а его критика была правильной, то сегодня часто можно встретить обратное: что, мол, Кронрод был прав, а его критики были не правы. Однако такое перевертывание советской идеологической схемы не годится. Сегодня у науки нет никакой власти (её здесь и вообще не должно быть), поэтому и нельзя пользоваться оценочными схемами советского периода. Так, нельзя говорить, что Кронрод был прав, а Цаголов нет. Просто первый соответствовал реальному направлению экономической мысли, а второй — социальному. Оба этих направления, как и оба этих исследователя, были существенными и интересными явлениями советской политической экономии социализма.

Чем же, собственно говоря, Кронрод напугал политические власти? Возьмем его доклад о социализме как особом способе производства на конференции Института экономики АН СССР 1970 года, после которой Институт решением ЦК КПСС был полностью реорганизован. Крон-

¹⁴⁷ Цаголов Н.А. (рук). Курс политической экономии. Т. 2. Социализм. — М., 1963. С. 108.

¹⁴⁸ Кронрод Я.А. Законы политической экономии социализма. Очерки методологии и теории. — М.: «Мысль», 1966. С. 163.

род из заведующего сектором был переведен в «исполняющего обязанности» старшего научного сотрудника. Политический режим в этом затянувшемся романе с Кронродом поставил точку.

Здесь он, например, пишет о таких получивших именно сегодня развитие (правда, иногда довольно своеобразное) предметах, как выделение и отделение от государственной политической организации общества «всеобщей общественной негосударственной ... экономической его организации»; экономического соревнования между предприятиями и регулирующего значения в этом процессе закона стоимости («расширение материально стимулируемого экономического соревнования, повышения его эффективности через отмену фондирования и замену его планомерной торговлей...»); наконец, о необходимости экономической демократии, «экономической свободе личности непосредственного производителя».

Однако главный вывод или вопрос был поставлен так: «Перед наукой во весь рост стал принципиальный общий определяющий вопрос: что представляет собой социалистическая фаза коммунизма — есть ли это лишь относительно исторически кратковременная начальная ступень развития коммунистического способа производства или же это есть исторически особая длительная полоса развития человеческого общества, опирающаяся как на свой экономический фундамент — на социалистический способ производства, представляющий собой особый по сравнению с развитым коммунизмом, способ производства, специфически исторический способ производства, открывающий эру коммунистического развития человечества, но являющийся еще именно социалистическим способом (в отличие от прогрессивно друг друга сменяемых в процессе будущего общественного прогресса способов производства полного коммунизма). Другими словами, встал вопрос: представляет ли социализм как низшая начальная фаза коммунизма, т.е. как этап его становления, самостоятельный способ производства?»¹⁴⁹.

Казалось бы, ну и что здесь такого особенного? Где же тут спрятаны ревизия, отступничество, ересь? На первый взгляд все это кажется какой-то очень абстрактной конструкцией поиска общности и различий между социализмом и коммунизмом. Сегодня, с расхожей точки зрения, эта схема представляется вообще какой-то утопической схоластикой. Но не то было 45 лет назад.

¹⁴⁹ Кронрод Я.А. Основы развитого социалистического способа производства (тезисы доклада). // Тезисы докладов на институтской научной конференции по проблеме: «Марксистско-ленинская теория развития социалистической экономики». — М.: Институт экономики АН СССР, 1970. С. 6.

Наиболее умные критики Кронрода все правильно поняли. Вот что писал И. Кузьминов по поводу вышеприведенной конструкции ученого: «В этой схеме общие черты социализма и коммунизма смазаны, а на первое место выдвинуты специфические, в первую очередь, товарно-денежные. Автор обосновал наличие глубинных различий между социализмом и коммунизмом, в то время как в действительности следует исходить из их глубинных общих основ. Не случайно некоторые последователи Я.А. Кронрода, восприняв его концепцию, сделали из нее логические выводы, провозглашая необходимость конкуренции при социализме, толкуя распределение по труду, по существу, как распределение по рыночным условиям, рассматривая закон стоимости чуть ли не как основной экономический закон социализма и т.д. Такая трактовка социализма, естественно, не укладывалась в рамки "первой фазы коммунизма". Но именно это—то обстоятельство и служит убедительным доказательством ее непригодности»¹⁵⁰.

Я думаю, что И. Кузьминов в целом был прав. Концепция Кронрода «не укладывалась» не только «в рамки первой фазы», но и в рамки официальной трактовки государственного социализма. Поэтому была естественной и закономерной жесткая критика Кронрода, снятие его с микроскопической административной должности заведующего сектором, резкое сужение возможностей публиковаться.

Конечно, далеко не только один Кронрод оказался в таком противоречивом состоянии между реальным экономическим процессом, который требовал позитивистского подхода и вульгарно истолкованным «субъективным методом». И далеко не только он один из сотрудников Института экономики АН СССР подвергся жесткой критике по итогам той знаменитой конференции. Прежде всего, можно назвать сотрудников кронродовского сектора: В.Г. Венжера, Л.В. Никифорова, Б.В. Ракитского. Но даже многие ученые, которые не являлись объектом политической критики, в своих работах отражали эту противоречивость реального экономического процесса и теоретического его отражения.

Так, наиболее глубокие политэкономические исследования, стремясь адекватным образом отражать экономическую реальность, по необходимости оказывались в противоречии с устоявшимися теоретическими формулами и всей идеологической завесой. Но к реальности ведь надо было пробиваться. И выполнять нормативную функцию политэконо-

¹⁵⁰ Кузьминов И.И. Очерки политической экономии социализма. От социализма к коммунизму. — М.: Мысль, 1980. С. 20.

мия могла только тогда, когда ее практические предложения были бы адекватны самой реальности.

Если задаться вопросом, какая же основная линия была в политэкономических исследованиях ученых Института экономики, то со многими оговорками можно заключить, что в центре ее стояла необходимость приближения к экономической реальности. Сейчас поясню, что имеется в виду. Реальность госсocialизма можно рассматривать по крайней мере в трех срезах или аспектах. Первый, самый поверхностный срез составляла официальная идеология, насаждаемая властью, которую можно назвать «марксизмом–ленинизмом». Второй срез представляла народнохозяйственная экономическая политика, которая, с одной стороны, должна была соответствовать официальному «марксизму–ленинизму», а с другой — все-таки обслуживать и направлять реальный экономический процесс. И, наконец, третий срез, лежащий более глубоко, представлял сам объективный экономический процесс. Этот третий срез почти постоянно находился в противоречии с экономической политикой и еще большим противоречием с официальной экономической идеологией.

Политэкономические исследования по замыслу идеологического начальства со Старой площади (ЦК КПСС) должны были как бы «развертывать» официальные идеологические формулы в более или менее конкретные параметры экономической политики, которая, в свою очередь, по замыслу тех же устроителей должна была трансформировать и направлять экономический процесс. Там, где стратегические цели были очевидны (военная экономика или восстановление народного хозяйства), больших противоречий между экономической политикой и самим экономическим процессом не возникало. При этом роль экономической идеологии «марксизма–ленинизма» была минимальна. Иное дело нормальное состояние общества и необходимость поступательного экономического развития. Идеология здесь выступала на первое место, и она претендовала на формирование экономической политики.

Вообще говоря, идеология всегда составляет как бы методологическую базу экономической политики. Это нормально и естественно. Но в советский период, строго говоря, научно выработанной идеологии не было. Классический марксизм лишь по видимости, фразеологически касался советской идеологии. Вся эта последняя сводилась к обоснованию власти правящего слоя и сиюминутного реагирования на эмпирические потребности. Отсюда бесконечные дерганья и противоречивые решения в экономической политике. Ничего научного, кроме нескольких марксистских фраз, в этой идеологии не было.

Другим направлением в советской политической экономии социализма была школа Н.А. Цаголова (в то время — заведующий кафедрой политической экономии экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова), которая сама включала в себя несколько заметных «школ». Можно назвать такие школы, которые находились под явным влиянием или тесно примыкали к школе МГУ: ярославская школа (А.И. Кашенко, Н.Г. Наровлянский), ленинградская школа (Н.А. Моисеенко), одесская школа (А.К. Покрытан). К этому направлению примыкали многие ученые, работавшие в разнообразных образовательных и научных учреждениях многих городов страны. В целом это направление экономической науки можно назвать социальным, когда не просто описывается существующий экономический процесс, но вырабатываются или предлагаются, скажем так, «рекомендации» по совершенствованию, видоизменению этого процесса в соответствии с социальными императивами. Это социальное направление имеет богатые традиции в истории русской общественной мысли. Можно даже сказать, является специфическим российским явлением. Понять специфику российской школы экономической мысли без учета этого социального направления просто невозможно.

Главным достижением школы Цаголова принято считать учебник «Курс политической экономии», вышедший еще в советский период несколькими изданиями и переведенный на множество иностранных языков. Учебник этот для тех времен действительно был творческим и интересным и заметно отличался в лучшую сторону от стандартных советских учебников политической экономии. Учебник Цаголова отличался, не знаю как лучше сказать, но скажу так: несталинизированной трактовкой многих экономических категорий. Конечно не всех: сталинская методология весь послевоенный советский период прочно гнездилась во всех учебниках и научных трудах по обществознанию. Достаточно назвать догму о том, что в СССР был построен социализм. Догму, которую почти никто в советское время не собирался подвергать сомнению. Однако по ряду категорий и положений уже в 1960–е годы начался пересмотр некоторых элементов сталинизированной методологии. И университетский «Курс политической экономии» предложил не только некоторую свежесть трактовок, но и некую системность в их изложении. Но трактовки эти были скорее не постсталинского характера, а еще досталинского, больше напоминающие теоретические постановки лучших работ советских экономистов 1920–х годов и прежде всего Преображенского с его плановым началом. В.Н. Черковец в этой связи пишет, что «Курс» выступил с пониманием поли-

тической экономии социализма как теории не рыночной, а плановой экономики»¹⁵¹. Сегодня, конечно, этот учебник смотрится как великий исторический памятник, хотя некоторые его положения и до сих пор являются классикой отечественной социалистической мысли.

Концепция планомерности цаголовской школы имеет как бы два среза. В этом ее сила и в этом же ее слабость. Первый срез простой и очевидный: план должен определять все экономическое развитие страны. Этот подход берет начало от теоретических постановок 30-х годов, когда план возводили в экономический закон теории советского хозяйства. Рынок при этом выполняет подчиненную роль или попросту игнорируется. В советской хозяйственной практике чаще случалось последнее. А если разобраться по существу, то рынок ведомым или подчиненным быть не может, ибо он тогда и вовсе не нужен. Для чего нужен рынок, если все пропорции определяет план? Другое дело, если план основывается на требованиях рынка, в полной мере учитывает их, если нужно — их корректирует и ограничивает. Но общество должно знать цену этих плановых корректировок. Цену, которую дает только рынок. В этом случае рынок становится не ведомым, а определяющим, ведущим. И вообще, если рынок объективно необходим, то он не может быть на положении «бедного родственника».

Другой срез концепции планомерности школы Цаголова более интересный и содержательный. В социалистическом обществе, когда экономическая необходимость как принцип хозяйствования уже преодолена, когда экономическая эффективность перестает диктовать те или иные мероприятия, планомерность, т.е. сознательное определение пропорций развития народного хозяйства, действительно становится центральной категорией. Но уже не экономического процесса, а всего устройства общества. Общество должно сознательно, «планомерно» распределять ресурсы и возможности для достижения заранее намеченных и всесторонне оговоренных социальных и культурных целей. Но это уже будет другое общество с другой экономикой.

Но дело в другом. Советская экономика явно или неявно концентрировалась на развитии Военно-промышленного комплекса (ВПК) и с точки зрения последнего эта экономика была более или менее сбалансированной. И в этом случае достигалась некоторая планомерность. Т.е. планомерность достигалась только в очень узком секторе совет-

¹⁵¹ Черковец В.Н. Политическая экономия. Принципы. Проблемы. Политика. Избранное последних лет. — М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2005. С. 106.

ской экономики, где рыночные отношения действительно были сведены к минимуму. Но ВПК не есть вся экономика или нельзя же всю экономику сводить к ВПК. Вот это, кстати, наиболее общая и простая причина кризиса советской экономики.

6.

И еще один очень важный вопрос для понимания двух направлений в политической экономии социализма советского периода. Как было показано, направление (школа) Я.А. Кронрода стремилась более точно, адекватно отражать реальный экономический процесс, что можно обозначить как реальное направление. Школу Н.А. Цаголова можно трактовать как социальное направление в политической экономии социализма. Некоторые вдумчивые исследователи сочли, что такое противопоставление (реальное и социальное) как бы принижает школу Цаголова. Например, профессор В.В. Куликов пишет: «Обвинения «школы Цаголова» в схоластике постоянно звучали еще при его жизни. Сейчас же они получили новый поворот. Утверждается, в частности, что эта школа руководствовалась «нормативным», или «субъективным» подходом, отправлялась от теории, от формулы «должного» социалистического общества, под которую пыталась подогнать хозяйственную практику. Вряд ли эти суждения корректны»¹⁵². Но ведь различные школы как-то надо называть. Социальное направление в экономической теории, которое, по моему мнению, наиболее полно и последовательно выражалось именно школой Цаголова, я не считаю в чем-то ущербней или малозначительней, чем, например, школа Я.А. Кронрода. Сегодня вообще нельзя подходить к этим школам с точки зрения старой советской системы ценностей. Обе школы были значительны и содержательны. И обе впадали, по крайней мере, в одну и ту же ошибку: принимали существовавшее тогда советское общество за социалистическое. Другое дело и другой вопрос — как наиболее правильно отразить их различия. Более того, социальное направление я считаю более интересным для России, более соответствующим ее историческим традициям. Но также и более адекватным современным постиндустриальным тенденциям. Реальное же направление политической экономии социализма (школа Я.А. Кронрода) оказалось актуальным именно сегодня. Оно победило в той дискуссии, к великому сожалению.

¹⁵² Куликов В.В. «Цаголовская школа» и ее нынешнее звучание. // Российский экономический журнал, 2004, № 4. С. 2.

Сегодня надо, думается, более внимательно читать наши старые тексты. И прежде всего труды таких выдающихся экономистов как Я.А. Кронрод и Н.А. Цаголов. Думается, что сегодня ни Кронрод, ни Цаголов не стали бы говорить, что в СССР был социализм, была планомерность и господствовал основной экономический закон социализма. И сегодняшние экономические пертурбации в равной мере не устроили бы ни того, ни другого.

Оба направления старались уйти от рынка в, так сказать, пострыночное пространство. Оба они находились в рамках социалистической парадигмы и не думали за нее выходить. Социальное направление как бы устремлялось далеко вперед и создавало методологический задел на будущее. Реальное направление той же самой политической экономии социализма предлагало не спешить, а осмотреться и тщательно изучить реальный фундамент, на котором предполагалось возводить будущее.

В этом и была заслуга всей советской политической экономии социализма. В том, что она пыталась развить теорию необычного состояния общества, которое еще находясь всецело в путях экономической необходимости, рвется из них к социалистичности. Но реальное направление, признавая рынок как объективную неизбежность, стремилось формулировать экономическую политику соотносясь с этой неизбежностью. В конце концов, реальное направление вылилось бы в то, что в западной литературе называют теорией социального рыночного хозяйства и чему более всего соответствовала советская экономика в периоды, свободные от мобилизационных интенций.

ГЛАВА 4.

К ВОПРОСУ О ПОСТКЛАССИЧЕСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Отмена и почти запрещение политической экономии как научной и учебной дисциплины внесло некоторую растерянность и даже разброд в рыхлые ряды постсоветских политэкономов и экономтеоретиков, которые в большинстве своем — те же самые политэкономы. Многие с кислым выражением принялись осваивать западный «экономикс», некоторые исподтишка втискивают в него старые, проверенные жизнью и опытом политэкономические категории, некоторые отчаянно сопротивляются. У большинства стоит в душе стон: верните нам политическую экономию!

Почему стон? Конечно, этому есть много причин. Назову, может быть, главную. Политическая экономия в российской интеллектуальной традиции (со второй половины позапрошлого века) была не только набором

рекомендаций и указаний — что и как надо делать в народном хозяйстве, но, прежде всего, помогала пониманию этого хозяйства и путей развития общества. Со всей очевидностью это проявилось в дискуссии между народниками и марксистами в последней четверти XIX века. Именно эта дискуссия о путях социально-экономического развития страны положила начало развитию политической экономии как самобытной отечественной науки в России. Предшествующие учебники политэкономии и труды даже русских авторов излагали в основном достижения западной мысли и очень слабо были нацелены на объяснение российских проблем. Высказанные отдельные соображения по улучшению тех или иных сторон экономической жизни (И.Т. Посошков, Н.С. Мордвинов, Н.И. Тургенев и др.) не составляли еще науки, которая рождается в дискуссиях вокруг отдельных проблем развития. Первым таким шагом к становлению политэкономического знания в России и была дискуссия между народниками и марксистами. С тех пор политическая экономия в российской традиции несет кроме всего прочего мировоззренческую или философскую нагрузку.

Конечно, это не только русская традиция. И «на Западе» политэкономия выполняла эту функцию. Но сегодня «на Западе» мировоззренческая функция политической экономии отошла к другим социальным наукам и прежде всего к социологии и политологии. Возьмем книги известных западных социологов: Д. Белла, И. Валлерстайна, Р. Дарендорфа, Л. Туроу и др. — это с нашей точки зрения типичные политэкономические труды. С другой стороны, возьмем книги наших политэкономов: Л. Абалкина, А. Бузгалина, Р. Гринберга, В. Медведева, Д. Сорокина и даже В. Иноземцева, с западной точки зрения — это типичные социологические работы.

Таким образом, хотя социология у нас интенсивно развивается больше 50 лет, но до мировоззренческих обобщений она пока не поднялась. Эту функцию продолжает выполнять политическая экономия. Это наша российская интеллектуальная традиция, в которой политическая экономия составляет основу, цементирующий каркас всей системы социальных наук. Речь не идет о собственно экономической науке, где почти всем очевидно, что политическая экономия составляет ее фундамент. И естественно, что отмена политической экономии разваливает не только экономическую науку, которая превращается в разрозненный набор различных теорий, методов, кривых и формул, но и делает бессистемной всю социальную науку. Вместо «дерева» экономической науки получается «сад камней» (по выражению О.Ананьина).

Конец классической политической экономии «на Западе», конечно, не есть происки «классовых врагов», а есть объективный процесс измене-

ния западного мира и рыночной экономики прежде всего. Политическая экономия, как известно, изучает отношения людей, прикрытые вещной формой. И дело в том, что эта форма в современном западном обществе истончается и трансформируется, соответственным образом трансформируются функции политической экономии. Сглаживаются и межклассовые отношения. Так, расширение среднего класса не только гасит классовые антагонизмы, но и снимает социальную проблему классового общества, разрабатываемую в марксистской парадигме. А еще в начале XX века С. Булгаков замечал, что социальный вопрос составляет главную проблему политической экономии. Сегодня его содержание существенно меняется. Меняется, но еще не изменилось. Трансформируются фундаментальные основы и рыночной экономики. Возрастание роли государства в распределительных процессах (почти половина ВВП распределяется не через рынок), борьба с бедностью и неравенством, огосударствление финансовой сферы принципиально меняют основы рыночной экономики. Так, например, появление и распространение фидуциарных денег выбивает объективную основу из под рыночной экономики. Конечно, от всего этого проблем становиться не меньше, но они уже изучаются в большей мере другими социальными науками. К примеру, фидуциарные деньги — это предмет политической экономии или политологии? То же и в отношении социальных классов, которые по выражению Ж. Дерриды, оказались разрушенными капиталистической современностью.

Однако, утверждая, что проблемное поле классической политической экономии истончается, тем не менее, надо признать, что оно еще есть и требует политэкономического осмысления. Это относится как к старым проблемам, так и к новым. Например, как понимать и трактовать те же самые фидуциарные деньги, процент за кредит, ренту, распределение и т.п. Например, проблема материального производства. Известно, что в сфере материального производства занято все меньше и меньше людей. Как-то Р. Дарендорф представил расчет, по которому выходило, что в типичной стране ОЭСР на работу в материальном производстве тратится лишь 1% всего годового объема времени всего населения страны. Куда исчезает материальное производство? Политическая экономия не занимается материальным производством как таковым, она берет его как вещную форму отношения людей, но исчезновение последнего должна объяснять политическая экономия. Сохраняется ли индустриальное ядро (В. Маевский) в современной экономике? Если нет, то, как вообще можно представить себе экономику? Может ли быть «общество знаний» без промышленности и машиностроения в частности?

Возможно, ответ на эти вопросы лежит в проблеме сужения докапиталистической периферии. Капитализация мировой деревни (и третьего мира в целом) раздвигают поле политэкономического исследования на периферию капиталистической миро-системы. На место этнографии приходит политическая экономия, которая призвана решить (или объяснить) проблему накопления и перемещения капитала от центра к периферии и возможности реализации прибавочной стоимости (Р. Люксембург).

Но в политической экономии появляются новые процессы, часть из которых даже получила название «новая политическая экономия». Суть этих процессов сводится к распространению политэкономического (или даже экономического) метода исследования на области, которые ранее не являлись предметом политэкономии. Приведем некоторые названия работ в этой области, опубликованные западными издательствами в последние годы: политическая экономия пространства, политическая экономия выбора (общественного выбора), политическая экономия терроризма, политическая экономия голода, политическая экономия демократии и т.п. Таких работ множество, не все они удачны, но характерная их особенность состоит в том, что авторы стремятся с помощью политэкономического метода исследовать ранее не свойственные ей проблемы.

Еще в начале XX века Туган-Барановский предусматривал, что в пострыночном обществе политическая экономия частью превратится в теорию экономической политики. Любопытно, что в СССР с конца 1920-х годов стала развиваться концепция политической экономии «в широком смысле» как бы пригодная для пострыночного общества. Можно также заметить, что данная концепция онтологически весьма близка к «новой политической экономии» Дж. Бьюкенена.

И, пожалуй, самое важное. Сегодня появилось новое проблемное поле политической экономии на границе рынка и нерынка. Тут можно выделить две линии. Первая, то что есть процессы, отношения и блага, которые по природе своей не имеют рыночного характера, но в силу всеобщности денежной экономики, получают денежный эквивалент и предстают как результат овеществления. Т.е. нерыночное благо начинает функционировать как рыночный товар. Другими словами, потребительная стоимость не через меновую, а непосредственно становится предметом политической экономии (Ж. Бодрийяр) или богатством становятся самопредставляемые вещи (М. Фуко). Другая линия обратная. Многие рыночные продукты (товары) в силу социальных ограничений и других причин перестают быть товарами и выпадают из нормального рыночного функционирования. Например, общественные блага («опекаемые блага» А. Рубинштейн), для

которых создается «квазирынок». Все это предмет политической экономии, но иной, нежели классической, которую лучше назвать постклассической.

Рассмотрим проблему постклассической политической экономии на примере футбола, анализу чего посвящена небольшая книга Р.С. Гринберга.¹⁵³ Сегодня футбол в России (а может быть, и не только в России) — это прежде всего деньги и очень большие деньги. Гринберг так и пишет, что «по уровню игры мы явно не ходим в законодателях моды, зато по деньгам, вращающимся в этой сфере, легко дадим фору странам, чей ВВП намного выше российского». Ведь общеизвестно, — продолжает Гринберг, — что по зарплатам наши футболисты давно не уступают западным. «За что людям платят такие бешенные деньги?» — спрашивает ученый. Действительно: за что? Врачам, учителям, библиотечным работникам, наконец, профессорам платят намного ниже среднеевропейского уровня. А вот футболисты исключение; зарплата их соответствует мировому стандарту. Почему — то в нашей рыночной экономике футболисты оказались в выигрыше. Какая — то странная получилась экономика: высококвалифицированные и высокообразованные люди получают нищенскую зарплату, а если ловко бегать за мячиком и иногда тыкать в него ногой — зарплата тебе гарантирована по мировым стандартам.

В советский период у футбола, размышляет Гринберг, не было никакой экономической основы. Футбол был просто футболом, красивой игрой, честным спортом. Гринберг как — то интересно вспоминает историю советского футбола и связывает ее с политэкономической историей нашей страны. После XX съезда партии в 1956 г., пишет автор, возникла невиданная для нашей страны «комбинация дисциплины и свободы». В итоге мы выиграли в Мельбурне, а через четыре года стали чемпионами Европы в Париже. В 1966 г. сборная СССР по футболу финишировала четвертой на чемпионате мира в Англии. А вот после подавления «пражской весны» в 1968 г. и конца хрущевской оттепели пришел конец «и победам в футболе».

В советское время, пишет далее Гринберг, полагалось «сперва думать о родине, а потом — о себе». Теперь же не то. После развала СССР каждый начал «дудеть в свою дуду, спасался как мог». В результате массово закрывались спортивные секции и школы, увольнялись тренеры, «судьба будущих поколений ровным счетом никого не волновала». Куда сегодня идти мальчишкам, спрашивает автор? И отвечает — «Их нигде не ждут!».

Итак, денег на всех не хватает, о массовом спорте для народа никто и не думает, а вот для элитных футбольных клубов деньги находятся и

¹⁵³ Гринберг Р.С. О футболе. Размышления несостоявшегося форварда. — М.: Магистр, 2011.

даже очень большие. Гринберг приводит пример средненького российского футболиста из команды «Сатурн», гонорар которого превышает сумму, вырученную от продажи билетов и абонементов на стадионе в Раменском за целый год. Это колоссальные деньги, которые футбол сам по себе заработать не может. Таким образом, все упирается в «магнатов—миллиардеров, входящих в компанию забавляющейся номенклатуры». Они и содержат элитные клубы. Можно мериться друг перед дружкой, пишет автор, любовницами, виллами, яхтами, футбольными клубами. «У тебя «Челси», у меня «Спартак»... Это куда веселее и приятнее, чем заниматься улучшением жизни для всех».

Важно и то, подчеркивает Гринберг, что поддержка такого элитного спорта очень выгодна власти как дополнительная гарантия социальной стабильности в обществе. «Пусть отрицательные эмоции выплескиваются на трибунах, а не на улицах. Спорт позволяет выпустить пар, снять напряжение в обществе». Но такая модель, делает заключение ученый, «в долгосрочной перспективе нежизнеспособна». Вот так!

Итак, политэкономия футбола по Гринбергу заключается в том, что сегодня футбол превратился в игру не только для развлечения богатых, но и для показа их богатства. Хотя настоящих любителей и ценителей хорошего футбола — миллионы, но не они определяют тут погоду. Матчи, как и футболисты, продаются и покупаются. Гринберг пишет, что иной раз видно как нехотя и лениво, «словно в замедленной съемке», бегают за мячиком футболисты и понимаешь, что результаты матча уже проплачены и выкладываются футболистам не к чему. На футболе стали делать большие деньги. Если раньше, капиталист для демонстрации своей кредитоспособности надевал на жену или любовницу брильянты, то теперь этого мало, он приобретает футбольные клубы. Футбольные клубы и футболисты превратились в товар, который функционирует на рынке подобно самому обычному товару, по законам купли и продажи. И, следовательно, подпадает под действие всех обычных законов рыночной экономики. А наиболее полное и глубокое объяснение действия этих законов дает одна наука — политическая экономия. Но когда под действие законов рынка попадают нематериальные явления (футболисты, доверие, выборный политический процесс и т.п.), т.е. не будучи вещами, становятся ими, то объяснять эти процессы способна уже постклассическая политэкономия.

Марксизм служит как бы переходом от классической политэкономии к постклассической. Марксизм венчает, завершает одну и дает толчок, начинает другую. Марксизм объявил и объяснил конец политической экономии как науки о неорганизованном социальном хозяйстве

(Н. Бухарин, Р. Гильфердинг, Р. Люксембург, И. Рубин и др.). Постмарксизм (Д. Лукач, Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида, М. Фуко и др.) объясняет появление постклассической политической экономии.

И еще. Возвращаясь к российской политэкономической традиции, надо иметь в виду, что, в общем и целом, она была возвращена в лоне марксизма. Как отмечал еще Н. Бердяев, марксизм был процессом европеизации русской интеллигенции. Российскому интеллигенту в начале XX века чтобы выглядеть современно и умно надлежало быть марксистом. Конечно, с тех пор много утекло воды. Был Сталин, который вырезал многих марксистских интеллигентов (Е. Преображенский, И. Рубин и др.), теперь американская мысль, которая часто путает марксизм и сталинизм (Л. Мизес, Ф. Хайек). Но есть Россия, есть российская интеллигенция, пронизанная марксизмом — дело осталось за политической экономией.

Но речь должна идти не о воссоздании марксистской политической экономии. Такой нет и быть не может. Маркс был критиком классической политической экономии, он создал ее завершение, вершину. Выражение «пролетарская политическая экономия» бессмысленно, ибо цель пролетариата состоит в упразднении классов и, стало быть, самого себя (Д. Лукач). Вот этот процесс уничтожения («снятия») классов и вещного мира и призвана объяснять постклассическая политическая экономия, которая корнями уходит в марксизм.

Теперь, подведем некоторые итоги о судьбе политической экономии вообще и в России в частности. Как уже отмечалось, именно социальный конфликт (или социальная проблема) между капиталистами и рабочими как основной конфликт в распределении социального продукта и является предметом изучения классической политической экономии. Если такого конфликта нет, то, стало быть, и классической политической экономии изучать нечего. Стало быть, и политическая экономия уже не нужна. Грубо говоря, проблему можно поставить так: если «рабочий вопрос» в России и сегодня продолжает быть актуальным, то, следовательно, актуальна и политическая экономия. Если же «рабочий вопрос» сегодня в России разрешен или почти разрешен, то нет смысла и писать письма министрам о необходимости восстановления классической политической экономии как научной и вузовской дисциплины.

Но это касается классической политической экономии, когда актуален «рабочий вопрос». Сегодня, очевидно, что этот вопрос еще продолжает давать о себе знать, но растет значение другого вопроса — распределение социального продукта между богатыми и бедными в целом.

И главное, что остается среднему классу. Проблема равенства и социальной справедливости, общественной гармонии и социального консенсуса, проблема общественных благ и экономической эффективности, наконец, экологии и социального рыночного хозяйства — вот новое проблемное поле для постклассической политической экономии. Проблема, видимо, состоит в том, чтобы определить место и роль как классической, так и постклассической политической экономии в системе современного экономического знания. Возможно, и более широко — в системе социального знания, т.е. беря политическую экономию как особый метод познания действительности.

Данная проблема распадается на две части или задачи.

А) Предметная часть. Традиционно в советской экономической науке политэкономы, как правило, исследовали более или менее общие проблемы с точки зрения политической экономии, т.е. использовали последнюю как метод исследования отдельных, конкретных проблем. Такой подход, хотя и чрезмерно расширял задачи политэкономии, вовлекая в свой круг исследований слишком большой набор различных проблем, но для своего времени, видимо, был оправдан. Это напоминало времена, когда политическую экономию отождествлялась со всей экономической наукой. Сегодня такой подход малопродуктивен, ибо множество экономических категорий (цена, рента, деньги, труд и т.д.) в политэкономическом отношении достаточно исследованы и ныне в основном являются предметом инструментальных исследований (макро и микроэкономик, менеджмента и т.п.). Конечно, категории сугубо рыночной экономики продолжают развиваться (трансформироваться), что вполне может быть предметом политэкономического исследования в рамках классического направления.

Но появляется новый класс проблем на границе рынка и нерынка (квазирынка), исследование и осмысление которых может составить новое проблемное поле собственно политэкономического исследования. Значит, изменяется проблемное поле политэкономического исследования. Отказываться от предметного подхода нет смысла, ибо пока еще остались и появляются новые существенные проблемы, требующие политэкономического анализа. Выделение и исследование этого круга проблем, думается, и может быть новой задачей постклассической политэкономии.

Б) Синтетическая (методологическая) часть. Кроме того, или прежде того, новые времена требуют возвратиться к уяснению места политической экономии в системе общественных наук, т.е. к уточнению ее границ и метода. Вопросы предмета и метода самой политэкономии

в советской парадигме считались решенными и за весь послевоенный период научно не разрабатывались. За исключением некоторых второстепенных вопросов. Например, в какой мере включать производительные силы в предмет политической экономии. Однако, считать, что роль политической экономии с XIX века никак не изменилась просто не реально. Но вот в чем и как изменилась эта роль — еще одна задача постклассической политической экономии. Возможно, даже главная.

Таким образом, конкретные исследования в области политической экономии могут концентрироваться по следующим направлениям:

- Рассмотрение политической экономии как специфического (особого) метода исследования социально-экономической реальности. Тем самым, уточнение места и роли политической экономии в системе социальных наук. Проблема интеграции социального знания.
- Оценка отечественной политической экономии советского периода. Там, конечно, не было все фундировано, но возможно было и что-то интересное. Например, попытка исследовать и понять социально-экономический строй СССР.
- Анализ возможностей марксистских и постмарксистских исследований для понимания реалий современного мира и его трансформаций.
- Поиск нового поля политэкономических исследований в условиях завершения индустриальной и перехода к индустриально-информационной эпохи. Таковыми могут быть проблемы: «провалы рынка», сочетания экономизма и социальности, в том числе, «внешние эффекты», «общественные (опекаемые) блага», социально-экономической дифференциации и равенства (неравенства), социальной справедливости и экономической эффективности, среднего класса, «проектирования институтов», смешанной экономики и гражданского общества и т.д.
- Проблемы взаимосвязи политической экономии с экономической ролью государства и формирования экономической политики. Проблема социально-экономических альтернатив и «общественного выбора».
- Глобализация и интернационализация экономики, новые рынки, проблемы экономического развития.

Таким образом, можно сформулировать цели и задачи политэкономического исследования.

Общая задача — выработка современного понимания предмета и метода политической экономии как науки об экономических отноше-

ниях, ее места в системе экономических знаний и обществоведения в целом. С этой целью, во-первых, предполагается:

- проанализировать эволюцию в интерпретации политической экономии в европейской экономической мысли XVIII–XIX веков;
- оценить «исчезновение» политической экономии в связи с возникновением «экономикс» и теории предельной полезности как «мэйнстрима»;
- проследить отношение к политической экономии в российской интеллектуальной традиции;
- дать оценку политической экономии, в том числе политической экономии социализма, в советский и постсоветский периоды в нашей стране;

Во-вторых, предложить современный подход к политической экономии с содержательной точки зрения, то есть точки зрения ее предмета с учетом кардинальных изменений в современной экономике как объекте политико-экономического анализа:

- глубоких сдвигов в структуре общественного производства в пользу его нематериальных сфер, факторов и результатов;
- усложнения институтов собственности и связанных с ними экономических отношений между классами и социальными группами современного общества;
- противоречивой эволюции отношений между трудом и капиталом в связи с усложнением и интеллектуализацией труда, с одной стороны, и разделением функций капитала, связанных с управлением и собственностью — с другой;
- относительной самостоятельности финансовых отношений и институтов и повышением их роли в функционировании современной экономики;
- возрастанием и качественным изменением экономической роли государства;
- глобализацией экономики и экономических отношений.

В-третьих, определить место политической экономии в современной системе экономических наук (функциональных, отраслевых и пространственных) и, конечно же, взаимоотношения политической экономии с другими общественными науками (социологией, политологией, философией, историей, этикой и т.д.).

В-четвертых, очертить разграничения политической экономии и современного мэйнстрима по объектам и методам исследования и точки соприкосновения между ними.

Часть 2. Проблемы

ГЛАВА 5. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ ТРУДА

Конечно, «политическая экономия труда» с сугубо научной точки зрения формула очень сомнительная. Ибо труд был, есть и будет всегда, а политическая экономия не всегда. Такое название используется, как правило, сторонниками советской идеологической парадигмы, где считалось, что К. Маркс, критикуя политическую экономию капитала, создавал политэкономия труда. Но это не более чем иллюзия. Маркс в своей политической экономии рассматривал труд как сторону отношения капитал—труд, ибо без труда нет и капитала. Политэкономия капитала по Марксу одновременно и политэкономия труда. Это две стороны одного и того же отношения, объяснение которого и составляет основное содержание политической экономии. Без капитала труд, конечно, остается, но политэкономии там делать будет нечего. К тому же имеется очень интересная научная концепция, восходящая к тому же К. Марксу, о преодолении труда или «конце труда». Таким образом, если труд и останется, то уже не в качестве политэкономической категории, а как-то иначе.

Исходя из этих соображений, и будем рассматривать «труд» в настоящем разделе, а его соотношение с «капиталом» в следующем разделе.

5.1. К проблеме характера труда

Любое человеческое общество до сих пор известных нам цивилизаций основывалось и обеспечивалось системой материально—производственного труда. Ценности труда, то есть нормы его выполнения и отношения к нему, выработанные многими поколениями и закрепленные в социальном сознании, являются основополагающими императивами общественной статике и динамики. Более того, трудовые ценности в христианских странах возводятся в религиозную догму и обеспечиваются всем авторитетом Церкви. «В известном смысле, — отмечал Иоанн Павел II, — проблема человеческого труда — одна из постоянных составляющих как социального учения Церкви, так и самой социальной жизни»¹⁵⁴.

¹⁵⁴ *Иоанн Павел II. Мысли о земном.* — М.: Изд-во «Новости», 1992. С. 61.

В советской социально-экономической системе труд и трудовые ценности также занимали центральное место в официальной идеологии. Так, в Программе КПСС, принятой на XXII съезде партии в разделе «моральный кодекс строителя коммунизма» утверждался такой нравственный принцип: «добровольный труд на благо общества: кто не работает, тот не ест»¹⁵⁵. Правда, заметим, что в данной формуле сказалась известная двойственность, характерная вообще для советской идеологической практики. Если господствует принцип: кто не работает, тот не ест, то говорить о добровольном труде уже не приходится. Тем более, такой принцип нелепо выглядит в качестве «моральной нормы коммунизма».

Однако рассмотрим категорию труда с политэкономической точки зрения. Итак, труд есть исходное отношение существования всякого человека и человеческого общества. По крайней мере, так было и есть до сих пор. К. Маркс писал: «Как целесообразная деятельность, направленная на освоение элементов природы той или иной формы, труд составляет естественное условие человеческого существования, условие обмена веществ между человеком и природой, независимое от каких бы то ни было социальных форм»¹⁵⁶. Развитие как человека, так и общества в целом определяется развитием труда, процесса труда. На это указывал еще Ф. Энгельс: «Труд — источник всякого богатства, утверждают политико-экономы. Он действительно является таковым наряду с природой, доставляющей ему материал, который он превращает в богатство. Но он еще и нечто бесконечно большее, чем это. Он первое основное условие всей человеческой жизни, и притом в такой степени, что мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека»¹⁵⁷. Труд как таковой — это сложное социально-историческое явление, в котором можно выделить, по крайней мере, два конституирующих признака.

Это, прежде всего, личный элемент: сознательная, целеполагающая деятельность человека по преобразованию природы. «Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой» — писал К. Маркс в «Капитале»¹⁵⁸. То есть трудиться, осуществлять процесс труда может только человек, но не животное, или какая-либо сила природы. Без осознанно целесообразной деятельности нет труда как

¹⁵⁵ Материалы XXII съезда КПСС. — М.: Госполитиздат, 1961. С. 411.

¹⁵⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 23.

¹⁵⁷ Там же, т. 20. С. 486.

¹⁵⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 188.

такового. Скажем, предчеловек, выполняя определенные действия по осуществлению своей жизнедеятельности, не трудился. Эту его деятельность нельзя в полном смысле назвать трудом, так как не было здесь ни осознания, ни целеполагания (регулирование и контролирование) деятельности. То же самое относится и к жизнедеятельности животных, которую по тем же причинам нельзя называть трудом.

И второй признак: социальная ценность труда, общественно признанная деятельность. Труд в собственном смысле этого слова есть, прежде всего, социальная ценность. То есть, труд становится трудом, когда определенные виды человеческой деятельности признаются полезными, ценными другими людьми, со стороны всего общества. Физические упражнения свободного человека на свежем воздухе лишь тогда будут признаваться другими людьми в качестве труда, когда этот человек показывает пример или учит других укреплять свое здоровье, что является несомненной ценностью для других, и они готовы платить (вниманием, временем или деньгами) за такое обучение. Стало быть, формула Маркса, что труд есть условие человеческого существования «независимо от каких бы то ни было социальных форм» сегодня требует уточнения или даже пересмотра.

Более того, крупнейший отечественный политэконом, на которого я уже много ссылался и еще буду ссылаться, И.И. Рубин, сделав очень тонкий анализ теории стоимости К. Маркса, приходит к выводу, что «понятие о человеке вообще и о человеческом труде вообще возникло только на почве товарного хозяйства»¹⁵⁹. И вот с этого момента труд становится предметом политэкономического изучения.

Процесс труда, именно человеческого труда как процесс обмена веществ между человеком и природой предполагает наличие предмета, материала труда и средств труда. Собственно уже это (выделение материала и, главным образом, средств труда) отличает человеческий труд от прочей животной деятельности. Маркс, давая общее определение человеческого труда, писал: «Всеобщие моменты процесса труда... например, разделение вещных условий труда на материал и средства труда в отношении их к живой деятельности самих рабочих и т.д. — эти общие моменты суть определения, независимые от какого-либо исторического и специфически общественного характера способа производства, определения, остающиеся одинаково правильными для всех возможных форм развития последнего, суть на деле неизменные естественные усло-

¹⁵⁹ Рубин И.И. Очерки по теории стоимости Маркса. — М.—Л.: Госиздат, 1929. С. 121.

вия человеческого труда. Ярким подтверждением этого служит тот факт, что они имеют силу и для людей, работающих независимо, не обменивающихся с обществом, а производящих лишь на основе обмена с природой, как Робинзон и т.д. Следовательно, это на деле абсолютные определения человеческого труда вообще, как только он перестает носить чисто животный характер»¹⁶⁰. Изготовление человеком орудий труда выделяет его среди прочих существ, осуществляющих тем или иным образом обмен веществ с природой. Эти средства труда не являются составной частью существа человека, отделяются от него и начинают свое собственное существование. Иными словами, отчуждение человека в труде, как антропологическое свойство его деятельности, выделяет эту деятельность как труд, присущий только человеку.

Однако, для политэкономического понимания труда этого мало. Разделение вещных условий на материал и средства труда еще не делают человеческую деятельность (жизнедеятельность) трудом. В домашних условиях люди постоянно этим занимаются, но не всякие бытовые физические усилия можно считать трудом. Политэкономически труд становится трудом, когда получает социальную оценку, превращается в социальную ценность.

Марксову характеристику труда и роль средств труда в сущностном определении последнего интересно раскрывает немецкий философ А. Курелла. Он пишет следующее: «Труд как фактор, характеризующий связи человека с окружающим миром, состоит в том, что слияние внутренних собственных качеств с существовавшими до нас внешними вещами, материалами и т.д. доводится до отчуждения, то есть до создания объектов, которые не присваиваются и не поглощаются организмом немедленно с целью обеспечения собственного существования... Труд, следовательно, начинается там, где созданные из своего (с применением чужих материалов, вещей, сил природы и т.д.) новые предметы могут быть использованы как самим индивидом, так и другими в новом трудовом цикле»¹⁶¹. Однако изготовление средств труда есть лишь характерная черта, выделяющая человеческую деятельность как труд от прочей рефлекторной деятельности животных. Но уже в самой деятельности человека нужно различать как собственно труд, так и человеческие действия, не охватываемые этой категорией. То есть дея-

¹⁶⁰ Архив Маркса и Энгельса. — М., 1933. Т. II (VII). С. 95.

¹⁶¹ Курелла А. Свое и чужое. Новое к проблеме социалистического гуманизма. — М.: Прогресс, 1970. С. 72–73.

тельность (и тем более жизнедеятельность) человека много шире, чем только труд или трудовая деятельность.

Эти, казалось бы, простые истины далеко не всегда присутствуют в современной учебной литературе по данному вопросу. Так, например, можно прочитать в популярных учебных пособиях следующее. Труд это «все человеческие ресурсы, имеющиеся в обществе и доступные для использования в процессе производства»¹⁶². Или в другом популярном учебнике: «Труд — физические и умственные способности (усилия) людей, которые могут быть использованы для производства товаров и услуг»¹⁶³. На редкость бессодержательные определения. В самом деле, все человеческие ресурсы, физические и умственные — это еще не труд, ибо ресурсы могут и остаться ресурсами или способностями, по разным причинам не пущенные в дело, в производство. Все-таки определение Маркса лучше: труд — это процесс. Но и этого мало.

Как уже говорилось, при анализе понятия труда, необходимо выделять общественный, социальный элемент или его социальную форму. Труд как целесообразная деятельность по преобразованию вещества природы необходимо осуществляется как основополагающий элемент общественной организации индивидов. Человек как существо общественное не может существовать вне общества, в противном случае он перестает существовать как человек. Также и осуществлять процесс труда, что является необходимым моментом существования человека, он может лишь ввиду общности индивидов. Таким образом, труд есть не просто взаимодействие человека с природой, но такое взаимодействие, которое опосредованно отношением этого человека к другим индивидуумам. Без этого общественного отношения нет и труда как такового. Иными словами, труд в политэкономическом его понимании должен по необходимости являться в определенной социальной форме. Труд просто как естественный процесс обмена человека с природой может быть чем угодно: может быть трудом, а может быть и не трудом. Все зависит от социальной формы. В.И. Ленин один из немногих отметил этот момент следующим образом: «Политико-экономической категорией является не труд, а лишь общественная форма труда, общественное устройство труда, или иначе; отношение между людьми по участию их в общественном труде»¹⁶⁴. Как мы видим, Ленин здесь несколько отклонился от формулы Маркса, но отклонился в правильную сторону. Случай довольно продолжительного

¹⁶² Словарь современной экономической теории Макмиллана. — М., 1997. С. 276.

¹⁶³ Макконнелл К., Брю С. Экономикс. — М., 2003. С. 33.

¹⁶⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 45.

труда и жизни отдельных людей в отрыве от их общности (Робинзон и т.п.) доказывают лишь наличие сложно опосредованной связи их индивидуальной организации с прошлой или будущей общностью. Обособленный от общности человек осуществлять процесс труда в полном смысле этого понятия не может. «Производство обособленного одиночки вне общества — редкое явление, которое, конечно, может произойти с цивилизованным человеком, случайно заброшенным в необитаемую местность и потенциально уже содержащим в себе общественные силы, — такая же бессмыслица, как развитие языка без совместно живущих и разговаривающих между собой индивидов», — писал К. Маркс¹⁶⁵.

Социальный аспект в характеристике труда помогает отделить собственно труд от прочей человеческой деятельности. Это достигается путем определения обществом полезности конкретного вида деятельности человека, т.е. лишь та деятельность может считаться трудом, которая общественно полезна, воспринимается обществом как необходимый элемент его развития. К сожалению, во многих определениях труда, приводимых в словарях и справочниках, указание на момент общественного признания (общественной ценности) отсутствует или почти отсутствует. Вот ряд примеров, взятых из старых и новых пособий.

Политэкономический словарь (1979 года издания) дает такое определение: «Труд — процесс сознательной целесообразной деятельности людей, с помощью которой они видоизменяют предметы природы и приспособляют их для удовлетворения своих потребностей»¹⁶⁶. В этом определении уязвимо то, что под него подходят некоторые виды деятельности, которые назвать трудом можно лишь с большой натяжкой. Так, «видоизменяет предмет природы» гадание на ромашке, переворачивание мусорных урн, прокалывание автомобильных шин, пускание мыльных пузырей и т.п. увлекательные занятия. Именно мотив общественного признания и отсекает в определении труда всякие виды деятельности, которые по существу трудом не являются.

Смотрим советскую Политэкономическую энциклопедию: «Труд — целесообразная деятельность людей по созданию материальных и духовных благ, необходимых для удовлетворения потребностей каждого индивидуума и общества в целом»¹⁶⁷. А вот практи-

¹⁶⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, Ч. 1. С. 18.

¹⁶⁶ Политическая экономия. Словарь. Под ред. М.И. Волкова и др. — М.: Политиздат, 1979. С. 394.

¹⁶⁷ Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. — М.: Советская Энциклопедия, 1980. Т. 4. С. 179.

чески такое же определение из «Нового экономического словаря» 2007 года: «Труд — целесообразная деятельность людей по созданию материальных и духовных благ, необходимых для удовлетворения потребностей отдельного человека, предприятий, людей или общества в целом»¹⁶⁸. Видимо, это определение целиком переписано из Политэкономической энциклопедии 1980 года. Тем не менее, эти определения, конечно, тоньше — здесь введен момент общества. Но это звучит глупо, наряду с отдельным индивидуумом. Ведь то, что захочется каждому индивиду (например, пускание тех же мыльных пузырей) еще не есть труд.

Наконец, философское определение: «Труд, целесообразная деятельность человека, в процессе которой он при помощи орудий труда воздействует на природу и использует ее в целях создания предметов необходимых для удовлетворения своих потребностей»¹⁶⁹. Это определение еще менее удачно: тут вовсе отсутствует даже намек на роль и значение общественного признания.

В специальной литературе встречаются значительно более разнообразные определения, за некоторым исключением также не учитывающие социальной ценности труда. Но исключения есть. Пожалуй, одним из первых отметил необходимость учитывать общественную полезность в труде С.Г. Струмилин. Во всяком случае, сделал он это наиболее четко: «Включение в понятие труда признака общественной его полезности необходимо, ибо иначе нам пришлось бы назвать трудом и черпание воды решетом, и игру в бабки, и бред больного, и пляску св. Витта, и отправление наших естественных потребностей, и многое другое»¹⁷⁰. Вместе с тем, в определении общественной полезности труда есть известный элемент условности, так как для разных этапов развития человеческого общества в разной степени может быть оказаться полезной та или иная конкретная человеческая деятельность.

Этот момент условности провоцирует и современных исследователей под трудом понимать любую человеческую деятельность, когда «труд изначально направлен на удовлетворение собственных нужд». При этом приводится в пример труд людей на дачных, приусадебных участках, где «банка огурцов, заготовленных на зиму, ни в каком общественном признании не нуждается, а человеческий труд, затраченный

¹⁶⁸ Новый экономический словарь. Под ред. А.Н. Азрилияна. — М., 2007. С. 929.

¹⁶⁹ Философский энциклопедический словарь. — М.: Советская Энциклопедия, 1983. С. 696.

¹⁷⁰ Струмилин С.Г. Избр. произведения. — М.: Наука, 1964. Т. 3. С. 9.

на ее приготовление, является полноценным трудом»¹⁷¹. Это хороший, наглядный пример того, что я в своей аргументации не достиг пока достаточной ясности. Поэтому разберемся. Работа на дачном участке и заготовка припасов на зиму может иметь два аспекта. Первый, когда это делается в целях экономии семейного бюджета и минимизации расходов на рынке. В данном случае все же рынок опосредованно регулирует эту человеческую деятельность, которую действительно можно назвать трудом в политэкономическом смысле. Второй, когда работа на даче преследует не столько материальные цели, а больше духовные, эстетические или культурные. Например, разведение цветов для себя. Как эту деятельность отличить в политэкономическом смысле от чистки ботинок или зубов по утрам? Никак. И то и другое делается не в силу материальных нужд и соображений, а как культурный, эстетический элемент жизнедеятельности цивилизованного человека. И никому в голову не придет называть утренние водные процедуры трудом. Поэтому всякие человеческие действия, «изначально направленные на удовлетворение собственных нужд» нельзя с научной точки зрения считать трудом.

Таким образом, эти два элемента (целеполагающая деятельность человека и социальная определенность ее) составляют конституирующие признаки понятия труда. Поэтому под трудом следовало бы понимать общественно опосредуемый целесообразный процесс между человеком и природой. Но и этого мало. Важное значение для определения, собственно, труда и вообще человеческой деятельности имеет проблема отчуждения. Как правило, труд предполагает отчуждаемый продукт, что и наполняет экономическим содержанием его социальную форму. Человеческая деятельность как таковая может не иметь отчуждаемого продукта или не иметь продукта вообще. Но эту важную проблему рассмотрим несколько дальше.

Развитие труда, прежде всего выражающееся в общественном разделении труда, вызывает необходимость усложнения специфических форм социальной определенности труда. Всякая экономика может быть признана более развитой только тогда, когда процесс труда осуществляется в более сложной, развитой форме. Иными словами, чем более подробно, разветвлено общественное разделение труда, чем более труд расчленен даже на отдельные мельчайшие операции, но расчленение

¹⁷¹ *Холодков В.Г.* Трудовые отношения в современной России: специфика национальной идентичности. // Социально-трудовая сфера России: проблемы и перспективы развития. Отв. ред. И.В. Соболева. — М.: ИЭ РАН, 2011. С. 331.

это проходит в рамках одного общества, одного хозяйства, тем более едино, сплочено это общество, хозяйство.

Достигается это при помощи своеобразной общественной связки, которая позволяет труду одного вида беспрепятственно переходить в труд другого вида, уравнивать, сопоставлять и соизмерять различные виды конкретного труда. Такая связка представляет собой чисто социальное (общественное) явление, не содержащее в себе материально-естественных характеристик труда. Человечество за многовековую свою бытность для целей измерения расхода общественного труда выработало специфическую экономическую категорию (социальную связку) — стоимость, которая прошла ряд форм, развиваясь вместе с породившем ее обществом.

Однако при анализе измерения и сопоставления различных количеств и видов труда отдельные представители человечества с неизменным упорством пытаются использовать для этих целей какие-либо естественные, натуральные или энергетические измерители. Эти попытки наблюдаются уже более ста лет, если не больше, и даже участились в последнее время. Рассмотрим этот вопрос более подробно.

5.2. Об энергетических измерителях труда

В 1881 г. в итальянском журнале, а затем в 1883 г. в немецком украинский экономист С.А. Подолинский напечатал статью под названием «Человеческий труд и единица измерения силы», где предпринял попытку человеческий труд измерить количеством накапливаемой энергии. С.А. Подолинский был знаком с учением К. Маркса и состоял с ним в переписке. И, видимо, хотел развить это учение дальше. Ф. Энгельс, рассмотрев этот взгляд, писал: «Количество энергии, заключающееся в молотке, винте, иголке, есть величина, которая не поддается выражению в виде издержек производства. По моему мнению, совершенно невозможно выразить экономические отношения в физических мерах»¹⁷². Но на этом история энергетического характера общественного труда не закончилась и, как оказалось, только началась.¹⁷³

Каким-то образом энергетическая трактовка общественного труда получила известное распространение на русской почве. Так, в 1902 г. Л. Бух писал в своем учебнике политической экономии: «Процесс труда заключается в превращении потенциальной энергии принятой пищи и

¹⁷² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 35. С. 110.

¹⁷³ Достаточно сказать, что книгу С.А. Подолинского переиздали уже в наше время. См.: Подолинский С.А. Труд человека и его отношение к распределению энергии. — М., 2005.

вдыхаемого кислорода в механическую работу... Следовательно, чтобы определить величину стоимости товара, т.е. количество абстрактного труда, овеществленного в нем, требуется узнать: 1) количество энергии, превращенной рабочим в единицу времени в механическую работу и 2) количество рабочего времени затраченного им на производство данного товара»¹⁷⁴. Вот так, все очень просто: количество энергии помножить на время и получим общественную оценку труда. На самом же деле получается искажение этой оценки, ее иллюзия.

Очень хорошо на такого рода потуги научного поиска ответил В.И. Ленин, разбирая «социальную энергетику» А. Богданова. Последний, как известно, в своем «Кратком курсе» и в еще большей мере в «Эмпириомонизме» подменял социальные процессы возрастанием или уменьшением энергии. И вот что на это ответил В.И. Ленин: «Богданов занимается вовсе не марксистским исследованием, а переодеванием уже раньше добытых этим исследованием результатов в наряд биологической и энергетической терминологии. Вся эта попытка от начала до конца никуда не годится, ибо применение понятий «подбора», «ассимиляции» и «дезассимиляции» энергии, энергетического баланса и проч. и т.п. в применении к области общественных наук есть пустая фраза»¹⁷⁵. Эту же мысль в позднесоветское время развивал Я.А. Кронрод. В одной из своих последних книг, опубликованных уже после смерти, он писал так: «Нередко трудовой подход к экономике получал и механистическое, вульгарно-материалистическое истолкование, согласно которому труд низводится до элементарного энергетического фактора в балансе отношений человека и природы, рассматривается как разновидность энергии, свойственной человеку в его приспособлении к внешней среде... В этой «энергетической концепции» социально-историческое содержание формы общественного устройства труда как явления специфически социального движения выхолащивается; труд превращается в разновидность природной энергии вообще как таковой, в один из ее компонентов»¹⁷⁶. Думается, что это очень точная и исчерпывающая характеристика такого, по сути дела, вульгарного подхода к экономике и общественному труду. К сожалению,

¹⁷⁴ Цит. по: *Петраков Н.Я.* Марксова теория общественно необходимых затрат труда и концепция цен оптимального плана. // Общественно необходимые затраты труда и цены. — М. ИЭ АН СССР, 1973. С. 37.

¹⁷⁵ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 18. С. 348.

¹⁷⁶ *Кронрод Я.А.* Производительные силы и общественная собственность. — М.: Наука, 1987. С. 25

нию, вульгарные материалисты кроме себя никого читать не любят и не умеют, и с завидным упорством социальные отношения подменяют натурально—естественными.

Поэтому и, наверное, не только поэтому русская почва вновь и вновь теперь уже и в более позднее время взращивает энтузиастов, пытающихся «переодевать» экономический процесс в энергетическую терминологию. Примером этому может служить брошюра, вышедшая в 1965 г. в Хабаровске под весьма характерным названием: «Энергетический эквивалент стоимости». Авторы А.В. Попсуев и А.Г. Тиличенко, кандидаты технических наук, в частности пишут: «Опираясь на объективные законы материального мира, можно точно определить минимально необходимые затраты энергии на производство любого вида работ. Величину этих затрат назовем абсолютной энергетической стоимостью. Можно сказать, что абсолютной энергетической стоимостью называется минимальная затрата энергии, необходимая на выполнение конкретного вида и объема работ, величина которой определяется по законам физики на основе геометрически кратчайших расстояний перемещения и точного знания величины действующих сил»¹⁷⁷.

Характерно и само определение труда, даваемое этими авторами: «...Вид труда, направленный на создание материальных благ, представляет собой комплекс прямолинейных и криволинейных движений, в результате которых выполняется работа, измеряемая известными из физики величинами (килограммометр, тоннометр, граммсантиметр, джоуль)»¹⁷⁸. Пользуясь таким определением, можно утверждать, что осуществляют процесс труда все животные, стихийные силы природы (например, ветер, падающая вода и т.п.). Естественно, что такая подмена труда как социальной категории чисто техническим соотношением природных сил и веществ ничего общего не имеет с научным анализом общественного производства и роли труда в нем.

Ведь суть социальной сценки труда, (а в экономике и обществе применяется именно социальная оценка, а не физическая), состоит в том, что эта оценка дается обществом, складывается в борьбе, переплетении социальных сил и интересов. Вид труда, который с физической точки зрения требует огромной массы затрат энергии, с общественной точки зрения может иметь незначительную оценку и наоборот. Именно социальная оценка труда, которая дается через стоимость, есть его

¹⁷⁷ Попсуев А.В., Тиличенко А.Г. Энергетический эквивалент стоимости. — Хабаровск, 1965. С. 8.

¹⁷⁸ Там же. С. 4

истинная ценность. Не понимать этого, искать энергетический (или любой другой физический) эквивалент труда, значит не понимать общественную природу труда, его смысл, содержание и роль в экономике. И, в общем—то, не понимать саму экономику, глубинные ее основы. Увы, это не понимают многие и по сей день.

Например, в 1986 г. было газетное сообщение о том, что в недрах Уральского научного центра АН СССР в порядке общественной инициативы (опять энтузиасты!) предложена программа «Энергоемкость». В основу означенной программы положен энергетический анализ общественного производства. Сами авторы считают, что «и качество производственной деятельности, и степень совершенства технологий необходимо сравнивать по энергозатратам на единицу продукции. Подобного рода анализ особенно ценен при долгосрочном планировании, поскольку картина не искажается причудами ценообразования». И как вывод считают авторы: «В сущности цель одна: выразить общественные интересы языком точных наук»¹⁷⁹.

Если бы все было так просто, то наши математики и физики, которым хватило ума избороздить космос, понаделать термоядерных бомб, понастроить атомных электростанций и других прелестей, уже давно перевели бы экономику в физические величины и математические символы. Экономика, где категория общественного труда занимает центральное место, явление общественное, социальное. И оценки и измерители труда также должны быть социальными. Основной формой, в которой выражается социальная оценка труда, является, как уже говорилось, стоимость. Но стоимость существует не сама по себе, а в системе товарных отношений, в системе товарно—рыночного производства.

Товарное производство, стоимостные отношения нельзя придумать, но нельзя и отменить. Все это выработало человечество за свою многовековую историю и отменить каким—либо волевым актом рыночные и стоимостные отношения невозможно. Необходимо продолжать пользоваться товарными и стоимостными отношениями. И только в этих условиях общественный труд, т.е. труд на общество, получает адекватную оценку. Другое дело индивидуальный труд, т.е. труд для себя, своей семьи, ребенка, не нуждается ни в какой общественной оценке, не имеет социальной формы. И в этом смысле иногда очень сложно различить

¹⁷⁹ Правда, 1986, 2 декабря. Из самых последних упражнений в этой области можно указать на подборку статей «Энергетическая концепция экономической ценности» в сборнике: Философия экономической ценности. Под ред. И.К. Смирнова, Н.Ф. Газизуллина. — СПб.: НПК «РОСТ», 2012. С. 198—219.

труд и нетруд. Скажем, когда человек жарит на сале для себя картошку, вроде бы это есть труд в «домашнем хозяйстве». А вот когда он откупоривает бутылку пива под картошку? Труд это или нет? Не все просто в экономике. Да, и являются ли жаренная картошка с пивом экономической? Тоже вопрос.

Попытки игнорирования стоимостных оценок приводили и приводят к деформации всех трудовых отношений, искажению истинной мотивации труда и, в конце концов, к выработке неправильной экономической стратегии. Поэтому можно утверждать, что социальная оценка труда является прежде всего стоимостная оценка, зарождающаяся в механизме товарного производства и выявляющаяся в процессе рыночного обмена. Как уже отмечалось, основной проблемой здесь является проблема отчуждения труда.

5.3. Отчужденный труд и стоимость

Проблема отчужденного труда (отчуждения труда) в советское время (1960–е и 1970–е годы) была интересной, даже модной, но и изрядно запутанной. Основная коллизия состояла в том, что отчужденный труд в советском обществе был, что называется, у всех перед глазами, но в господствующей идеологии считалось, что социализм преодолевает отчуждение труда. Эту коллизию различные авторы пытались объяснить по-разному, но четкого ответа не было, да и не могло быть. Тем не менее, несомненный научный интерес имеют нюансы этого анализа. Но рассмотрим все по порядку.

Развитие общественного разделения труда, в конечном счете, приводит к появлению и развитию стоимостных отношений в данном обществе и товарного производства как такового. Это положение является центральным в разработанной классиками политической экономии теории товарного производства. Так, А. Смит начинает свой знаменитый труд с анализа разделения труда. «Величайший прогресс в развитии производительной силы труда и значительная доля искусства, умения и сообразительности, с каким он направляется и прилагается, явились, по-видимому, следствием разделения труда»¹⁸⁰ — пишет он в первой главе. Далее он разъясняет суть этого процесса следующим образом. На первых ступенях товарного хозяйства работник производит то, что у него получается лучше, чем у других и за единицу времени он изготавливает достаточное количество продукта для того,

¹⁸⁰ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. — М., 1962. С. 21

чтобы полностью удовлетворить свои потребности и в известной мере потребности других людей. Работник специализируется на производстве данного продукта и начинает поставлять его для обмена на другие продукты, которые лучше получаются у других. Так, разделение труда ведет к обмену. Но почему—то через несколько страниц А. Смит делает обратный вывод: «Склонность к обмену породила первоначально и разделение труда»¹⁸¹. Станный вывод. Ведь надо теперь объяснять — откуда берется «склонность к обмену»? Все же логически более правильный и более согласуется с разъяснениями самого Смита первый вывод: разделение общественного труда ведет к обмену. Ибо разделение труда есть естественное следствие развития человеческого общества и самого человека, его совершенствования и специализации в каком—то определенном виде труда или деятельности. Более четко это положение было сформулировано в марксистской политической экономии. Так, К. Маркс указывал, что общественное разделение труда «составляет условие существования товарного производства»¹⁸². В.И. Ленин отмечал, что «общественное разделение труда есть основа всего процесса развития товарного хозяйства и капитализма»¹⁸³.

Но только наличие общественного разделения труда далеко не достаточное условие для существования товарного производства. Чтобы общественное разделение труда привело в данном обществе к производству товаров, необходимо наличие обособленности конкретных производителей и обмена продуктов труда между ними, что вызывает господство специфических форм собственности. Таким образом, непосредственной причиной существования товарного обмена является обособленность производителей, которая и привела к развитию и утверждению частной собственности. В.И. Ленин, раскрывая диалектическую связь между обменом и частной собственностью, писал: «Институт наследства предполагает уже частную собственность, а эта последняя возникает только с появлением обмена. В основании ее лежит зарождающаяся уже специализация общественного труда и отчуждение продуктов на рынке. ...И частная собственность, и наследство — категории таких общественных порядков, когда сложились уже обособленные, мелкие семьи (моногамные) и стал развиваться обмен»¹⁸⁴.

¹⁸¹ Там же. С. 28.

¹⁸² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 50.

¹⁸³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 23.

¹⁸⁴ Там же, т. 1. С. 152.

Обмен различных количеств труда и продуктов этого труда только тогда принимает стоимостную форму своего проявления, когда продукт данного труда перестает принадлежать тому, кто его осуществляет, т.е. когда продукт труда отчуждается от его производителя в чуждую по отношению к нему собственность. Только отчужденный продукт может совершать обмен и становиться товаром. Отчуждение продукта труда и, стало быть, процесса труда есть необходимый элемент теории товарного производства и осуществления самого труда в условиях рыночной экономики и буржуазного общества.

В экономической литературе, посвященной товарному производству вообще, категория отчужденного труда рассматривается лишь мимоходом. Под отчуждением труда Маркс понимал такое состояние работника, когда продукт его труда, воплощаясь во внешнем для производителя материальном объекте и тем самым приобретая свое собственное материальное бытие, не принадлежит работнику и не приносит ему естественного удовлетворения. К. Маркс писал в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.»: «В чем же заключается самоотчуждение труда? Во-первых, в том, что труд является для рабочего чем-то **внешним**, не принадлежащим к его сущности; в том, что он в своем труде не утверждает себя, а отрицает, чувствует себя не счастливым, а несчастным, не развертывает свободно свою физическую и духовную энергию, а изнуряет свою физическую природу и разрушает свой дух. Поэтому рабочий только вне труда чувствует себя самим собой, а в процессе труда он чувствует себя оторванным от самого себя... В силу этого труд его не добровольный, а вынужденный; это — принудительный труд. Это не удовлетворение потребности в труде, а только средство для удовлетворения других потребностей, нежели потребность в труде... И, наконец, внешний характер труда проявляется для рабочего в том, что этот труд принадлежит не ему, а другому, и сам он в процессе труда принадлежит не себе, а другому»¹⁸⁵. Работник вынужден производить этот продукт с целью получения необходимых средств к жизни, средств к получению жизненного удовлетворения. Также и процесс труда не предоставляет работнику удовлетворения, так как он вынужден заниматься этим видом труда и производить данный продукт не ради собственного удовлетворения, а лишь для добывания средств к получению последнего.

Данное свойство труда не следует смешивать с опредмечиванием, которое является антропологической характеристикой труда, осу-

¹⁸⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. — М.: Госполитиздат, 1956. С. 563.

шествляемого в сфере предметной деятельности. На это специально указывается в литературе. Например, Б.А. Чагин писал: «Мы против расширительного толкования отчуждения, против отождествления этого понятия с понятием опредмечивания. Отчуждение — понятие в марксизме, отражающее вполне конкретные общественные процессы, когда возникает отчужденный труд и на основе его в капиталистическом обществе возникают формы отчуждения в области политики, права, культуры и т.д.»¹⁸⁶

Поэтому трудовой процесс для рабочего превращается в мучительную обязанность, изнуряющую его физические и духовные силы. При таком положении продукт труда, как и сам процесс труда, не принадлежит рабочему, они чужды ему. Рабочий отчужден от процесса труда и продукта труда, но при этом рабочий вынужден осуществлять этот процесс и возобновлять эти отношения, т.е. рабочий самоотчуждается в труде. Маркс этот процесс характеризует следующим образом: «Самоотчуждение рабочего в его продукте имеет не только то значение, что его труд становится предметом, приобретает внешнее существование, но еще и то значение, что его труд существует вне его, независимо от него, как нечто чуждое для него, и что этот труд, становится противостоящей ему самостоятельной силой; что жизнь, сообщенная им предмету, выступает против него как враждебная и чуждая»¹⁸⁷.

Маркс, наряду с определением отчуждения от продукта труда и трудовой деятельности, дает и третье определение отчуждения, вытекающее из первых двух. Он пишет: «Непосредственным следствием того, что человек отчужден от продукта своего труда, от своей жизнедеятельности, от своей родовой сущности, является отчуждение человека от человека. Когда человек противостоит самому себе, то ему противостоит другой человек»¹⁸⁸. Иными словами, в обществе, где господствует отчуждение труда, люди противостоят друг другу, чужды друг другу. Это марксово положение хорошо иллюстрируют процессы разобщенности в современном буржуазном обществе, процессы которые в своем развитии сегодня уже привели ко многим взрывам противоречий отчужденности общества.

С понятием отчуждения труда тесно связана категория овеществление экономических отношений, которая стала весьма популярной

¹⁸⁶ Чагин Б.А. Субъективный фактор. Структура и закономерности. — М.: Мысль, 1988. С. 82.

¹⁸⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. — М.: Госполитиздат, 1956. С. 561.

¹⁸⁸ Там же, С. 567.

у поздних последователей Маркса, в т.ч. у неомарксистов. Овеществление отношений — это не просто опредмечивание отчужденного труда, но превращение любого вида отчужденного труда в вещные отношения. Так, отчужденный труд в сфере услуг в рыночной экономике не опредмечивается, но овеществляется. То есть, люди взаимодействуют в этой сфере не прямо и непосредственно, а через вещи (прежде всего, через деньги). Мир стоимости и отчужденного труда, овеществляет по природе своей неличные отношения. Например, когда вместо обучения молодежи начинают «продавать образовательные услуги», когда дружба и товарищеские отношения замещаются «социальным капиталом», когда доверие превращается в рыночную категорию. В конце концов, овеществление есть высшая степень развития отчужденного труда, распространения рыночной экономики и буржуазных отношений на сферы жизнедеятельности людей, которые по природе не являются субъектами рынка.¹⁸⁹

Понятие отчужденного труда — это историческая категория. Отчужденный труд присущ определенному уровню развития производительных сил, и вместе с развитием производительных сил развивается и отчужденный труд. На первых ступенях развития общества сам труд еще не был достаточно развит, ввиду отсутствия прежде всего общественного разделения труда. В этих условиях, естественно, не появлялось и отчуждение труда. По мере развития общества, его производительных сил, развивался и труд, перерастая на определенном этапе общественного развития в труд отчужденный.

Отчужденный труд возник с развертыванием общественного разделения труда. Естественное разделение труда по полу и возрасту не вело к отчуждению продукта труда, и к его обмену. Ибо в семье, а также в крестьянском хозяйстве или помещичьей латифундии нет обмена, тем более эквивалентного, продуктами труда. Разделение труда в семье не есть общественное разделение труда, здесь нет рынка, биржи и т.п. Но уже первое общественное разделение труда между земледелием и скотоводством предположило обмен земельно-скотоводческих общин продуктами своего производства. Уже здесь продукт труда одной общины отчуждался в пользу другой путем эквивалентного обмена. С того времени, как обмен перестал быть случайным и сделался постоянным и необходимым элементом общественного развития, определенные продукты стали производиться специально для обмена, т.е.

¹⁸⁹ Подробнее о проблеме овеществления см. в гл. 8.

отчуждался не только продукт труда, но и процесс его изготовления, сам процесс труда.

Дальнейшее развитие общественного труда сделало отчужденный труд более выраженным, отчетливым. Работник изготавливает товар не для себя, а для других. Этот товар не нужен производителю (работнику), посему производитель не находит удовлетворения ни в самом товаре, ни в процессе его производства. Развитие и углубление общественного разделения труда приводит к усложнению и самого процесса производства, делая его во все большей мере общественным. В современном производстве одному человеку не под силу изготовление полностью цельного продукта (машиностроение, приборостроение, электроника и т.п.). Лишь коллективный труд многих рабочих и специалистов нескольких предприятий и отраслей хозяйства способен от начала до конца осуществить изготовление цельного продукта. В этих условиях отдельный рабочий занят изготовлением какой-то одной детали или ее части, перестает видеть, осязать весь продукт целиком. Это в еще большей степени углубляет отчуждение рабочего как от продукта его труда, так и от самого процесса труда. Отчужденный труд характерен и для обслуживающего, вспомогательного персонала там, где труд превращается в монотонные однообразные операции, повторяющиеся изо дня в день.

Появление отчужденного труда неминуемо приводит к появлению частной собственности. В тот момент, когда с развитием общественного разделения труда возникает отчуждение труда, тогда возникает и частная собственность. Без категории частной собственности невозможно понять и объяснить отчуждение, самоотчуждение труда. В самом деле, на определенной стадии развития производительных сил, когда продукты труда по своему естественному состоянию не могут быть отчуждаемы от своего производителя ни в какую другую собственность, только как в частную, частная собственность является необходимым условием осуществления отчуждения труда, накладывая на последнее специфический отпечаток.

Но было бы неправильным представлять, что частная собственность является предпосылкой отчуждения труда. В действительности процесс этот много сложнее. Здесь происходит так называемое диалектическое «оборачивание» причины и следствия.¹⁹⁰ В первоначальном периоде, в начале процесса отчуждения труда, т.е. труд, производство

¹⁹⁰ См.: *Нарский И.С.* Категория отчуждения в «Капитале» и других трудах К. Маркса. // «Капитал» Маркса, философия и современность. — М.: Наука, 1968. С. 472.

является основой и причиной появления частной собственности. До того, как произведен продукт, объект собственности, не может возникнуть и отношений (самой собственности) по поводу его присвоения и использования. В первоначальном акте для утверждения частной собственности необходим предмет, объект ее. Иными словами, сначала имеется труд и его продукт, затем обмен и частная собственность, во владение которой и переходит продукт. Если же труд отчужденный, т.е. продукт его отчуждается в пользу другого лица, то и собственность представляется как частная. «...Отчужденный труд есть непосредственная причина частной собственности»¹⁹¹. С дальнейшим развитием производства, с утверждением господствующего положения частной собственности, труд и процесс труда постоянно воспроизводятся как отчужденные от их непосредственных исполнителей. Здесь уже причина и следствие, первоначально отделенные, сливаются воедино, взаимообусловленные и взаимозависимые явления. Теперь уже частная собственность порождает и усиливает отчуждение труда, придавая ему специфический характер.

Эту сложную взаимосвязь отчужденного труда и частной собственности вполне убедительно раскрыл К. Маркс еще в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.» Он писал: «Правда, понятие самоотчужденного труда (самоотчужденной жизни) мы получили, исходя из политической экономии, как результат движения частной собственности. Но анализ этого понятия показывает, что, хотя частная собственность и выступает как основа и причина самоотчужденного труда, в действительности она, наоборот, оказывается его следствием, подобно тому как боги первоначально являются не причиной, а следствием заблуждения человеческого рассудка. Позднее это отношение превращается в отношение взаимодействия»¹⁹². Вывод об отчужденном труде как первопричины появления частной собственности подтверждали и некоторые советские исследователи. Так, Т.И. Ойзерман в свое время отмечал: «Частная собственность не есть продукт труда вообще, она есть продукт труда определенного, именно отчужденного труда. В этом смысле и частная собственность и отчужденный труд имеют один и тот же исторический источник: неразвитость производительных сил общества, низкий уровень общественного производства»¹⁹³.

¹⁹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. — М.: Госполитиздат, 1956. С. 570.

¹⁹² Там же. С. 570.

¹⁹³ Ойзерман Т.И. Человек и его отчуждение. // Человек и эпоха. — М.: Наука, 1964. С. 112. См. также цитированное выше произведение Л.С. Нарского.

Если признавать, что утверждение частной собственности есть следствие проявления особого характера труда, а именно отчужденного труда, если, далее, признавать, что между частной собственностью и отчужденным трудом в дальнейшем утвердилась сложная диалектическая взаимозависимость, то прямо и просто нельзя сделать тот вывод, что с упразднением революционным путем частной собственности полностью уничтожается и отчужденный характер труда. Такое прямолинейное утверждение, которое, кстати говоря, часто и делалось в научно-популярной литературе советского периода, не соответствует положению дел в реальной действительности. В советской литературе писали, что с утверждением революционным путем общенародной собственности на основные средства производства отчуждение труда подрывается в своей основе, начинается процесс его свертывания, ликвидации, но определенные черты такого характера труда продолжают оставаться еще и «при социализме». Отмечая этот момент, А. Курелла верно пишет: «Преодоление отчуждения не может совершиться скачком, а представляет собой в соответствии с предпосылками и условиями своего осуществления более или менее длительный процесс превращения старого состояния в новое»¹⁹⁴. Это все верно. Но неправильно считать, что «общенародная собственность», которая в советской экономике, как правило, отождествлялась с государственной, подрывает основы отчуждения труда. Государственная собственность в политэкономическом смысле та же частная собственность, только принадлежащая не одному лицу, а гражданам государства, определенным образом организованным и делегирующим свое право собственности специальным государственным органам. Проще говоря, в советском обществе государственная собственность принадлежала не всему народу, а государственной бюрократии. На этом основании некоторые исследователи различают государственную собственность и общенародную. Возможно, это теоретически правильно, но никто не показал и не разъяснил механизм функционирования общенародной собственности. В практике все сводилось к государственной собственности. Но последняя — это не всеобщая собственность, где предмет собственности принадлежит всем и каждому одновременно, а, стало быть, и вообще не является собственностью. Собственность в любом виде (частная, государственная, коллективная и т.д.) есть категория буржуазных экономических

¹⁹⁴ Курелла А. Свое и чужое. Новое к проблеме социалистического гуманизма. — М.: Прогресс, 1970. С. 212.

отношений. Ибо она регулирует отношения между людьми в производстве и потреблении правилами и нормами, ограничивающими человеческую самостоятельность, свободу. Поэтому в советском «социализме» продолжала сохраняться объективная основа отчуждения труда, которая зависит не от субъективной воли, а от уровня экономического и культурного развития. Поэтому там же продукт отчуждался в пользу третьих лиц или государственной бюрократии. И поэтому в советском обществе сохранялись основы буржуазных экономических отношений.

Эта коллизия между объективной основой отчуждения труда в советском обществе и стремлением как-то доказать, что «при социализме» отчуждения труда нет или, по крайней мере, оно угасает, вызвала разные теоретические построения или, скажем прямо, изгибы мысли. Чтобы не теребить других авторов тех времен, приведу 2–3 бзаца из своей собственной статьи 1989 года.¹⁹⁵ Правда, это был период горбачевской перестройки, и что-то сказать не совсем плоское уже можно было. Итак, приведем несколько цитат из той статьи.

«Продукт труда, — сказано в моей статье 1989 года, — принадлежит всему обществу, всем членам общества, а также и самому производителю, поскольку он является членом общества. Продукт труда социалистически организованного производства не может принадлежать какому-либо одному лицу или их группе, но только всему обществу в целом, всем членам его сразу. Поэтому не может продукт труда принадлежать и лично самому производителю, покуда продукт этот еще находится в общественной собственности. Только тогда, когда продукт поступает в личную собственность, он полностью и всецело принадлежит данному производителю, но уже не принадлежит всему обществу. Таким образом, непосредственный работник является совладельцем общественной собственности, собственником продукта труда (своего в том числе) лишь опосредованно через его членство в обществе. Эта опосредованная связь настолько сложная и многоступенчатая, что отдельный работник почувствовать и ощутить себя как собственника продуктов труда может не всегда и не сразу. Сложноопосредованная связь работника как владельца личной собственности и совладельца общественной вызывает раздвоение его интересов на его личный интерес и его же интерес общественный. Личный интерес выражается непосредственно самим работником, общественный же его интерес как

¹⁹⁵ См.: Воейков М.И. Общественный труд и трудовая активность. // Мотивационный механизм формирования трудовой активности. Под ред. М.И. Воейкова и Т.Я. Четвертиной. — М.: ИЭ АН СССР, 1989.

члена общества выражается посредством специально выработанных общественных институтов и прежде всего в лице государства. В ряде случаев личный интерес работников социалистического производства может находиться в противоречии с их же общенародным интересом».

«Такое раздвоение интересов в советском обществе находит свое выражение в характере труда. Труд при социализме еще не стал первой жизненной потребностью, что вызывает необходимость его внешней мотивации (материального и морального стимулирования). Сам труд и процесс труда не есть удовлетворение интереса работника, а лишь предоставляет средство к этому. Удовлетворение личного интереса, в общем и целом, работник получает в сфере потребления. Общественный интерес того же работника реализуется как раз в труде, в процессе производства продукта, а момент потребления есть лишь средство удовлетворения этого общественного интереса. Такой характер труда в советской экономической системе обуславливается тем, что продукт труда работника отчуждается от него самого и переходит в собственность общества. Это ведет в свою очередь к отчуждению работника и от процесса труда. Работник производства ищет удовлетворение своего сущностного интереса (утверждение своей человеческой сущности) не в продукте труда, не в процессе труда, а за его пределами, в потреблении. Поэтому труд здесь еще носит во многом принудительный характер, что предопределяет наличие определенных, прежде всего материальных стимулов к труду в отличие от самого труда, его внутренних мотивов».

Таким образом, отчуждение труда сохранялось в советском обществе в силу недостаточного развития материального производства, было его естественным следствием. При социализме в принципе должно быть ликвидировано классовое отчуждение, отчуждение от общенародной собственности и управлению ею, отчуждение от политической жизни. И ликвидировано все это не каким-либо путем революционного переворота, а развитием общества, техники и технологии производства, превращением труда в творческий или «креативный труд». В этих условиях можно говорить о «конце труда» как конце исследовательского поля политической экономии. Однако в советской системе всего этого не было. Объясняется это тем, что по существу социализма в советском обществе не было, а был отчужденный труд и политическая экономия.¹⁹⁶

¹⁹⁶ Подробнее этот вопрос рассматривается в моей статье: *Воейков М. Уроки «государственного социализма»: пересмотр идейно-теоретической концепции.* // *Альтернативы*, 2006, № 4.

И характер труда в советском обществе по большому счету ничем не отличался от характера труда в обычной индустриальной системе, т.е. носил черты буржуазного труда, который требует внешнего стимулирования. Естественным образом оставалось и отчуждение труда, отчуждение продуктов труда, что зависит от развития материальной базы производства, производительных сил. Советское общество такое отчуждение преодолеть не могло. Труд, поэтому продолжал оставаться социально неоднородным.

5.4. Социально-экономическая неоднородность труда

Современный уровень общественного разделения труда и материально-технической основы производства характеризуется существенной социально-экономической неоднородностью труда. Труд, осуществляемый в каждом конкретном производстве, разнороден как количественно, так и качественно. Существует труд простой и сложный, тяжелый и легкий, более интенсивный и менее интенсивный, физический и умственный, ручной и машинный и т.д. Имеются существенные различия между трудом разного качества и осуществляемого в разных сферах производства. Различны также условия осуществления процесса труда. Все это есть свидетельство того, что в условиях советского общества труд не стал и не был в социальном отношении однородным, несмотря на настойчивое желание советской идеологической пропаганды утвердить тезис о социальной однородности советского общества. В советском обществе сохранялось социально-экономическое неравенство и в труде и в использовании его продуктов. Это и являлось одной из существенных особенностей советской экономической системы, когда продолжало сохраняться неравенство в потреблении, «буржуазное право». Иными словами, советское общество характеризовалось достаточно ярко выраженным социально-экономическим неравенством. Неоднородность труда выражалась в неоднородности общества, показателем чего и было неравенство.

В свое время о феномене неравенства достаточно ясно, но осторожно, писал Я.А. Кронрод. Он попытался предложить более содержательный подход к трактовке понятия общенародной социалистической собственности, имея в виду не абстрактное представление о социализме, а реальное, конкретное, существующее тогда общество. «Стало быть, — писал он, — всенародная собственность как основное производственное отношение социализма включает в себе внутренние противоречия — противоречия между «формальным равенством» производителей в отно-

шениях собственности как отношениях всенародного коллективного присвоения—распоряжения средствами производства и фактическим неравенством в тех же отношениях собственности как отношениях присвоения — использования средств производства различными общественными группами трудящихся»¹⁹⁷.

Казалось бы, очень сложная к даже витиеватая конструкция, которая могла бы дать некоторый повод для дискуссии, но не более. Дискуссия, конечно, получилась, но на русско—советский манер: односторонний разнос Кронрода. Критики били наотмашь по самым творческим местам конструкций. Так, А.И. Пашков писал, что «нельзя согласиться с утверждением автора, что при социализме экономическое равенство людей в присвоении средств производства как распоряжении ими есть всего лишь **формальное равенство**», что «фактическое экономическое равенство людей при социализме отрицается здесь прямо, а фактическое социальное **неравенство** разных групп трудящихся объясняется «спецификой» социалистической формы собственности»¹⁹⁸.

Вся аргументация А. Пашкова против формального равенства (а неравенство Пашков отрицал начисто) сводилась к тому, что Маркс и Ленин допускали неравенство лишь в распределении предметов потребления. На что Кронрод весьма логично отвечал еще в своей книге, что «распределение лишь выражает реальное положение производителей в производстве. И потому ежели бы это положение было положением фактического экономического равенства, то и само распределение необходимо было бы экономически равным распределением»¹⁹⁹.

Так, простая и очевидная вещь, что не все люди экономически равны в тогдашнем советском обществе, не то что не могла получить научное развитие, но и была плотно раскритикована научными начальниками. И надо сказать, было за что критиковать. Ведь в те годы советская официальная идеология усиленно насаждала миф о социальной однородности советского общества, о социальном равенстве советских людей. В угоду этому мифу стали искусственно снижать дифференциацию в оплате труда. Дело дошло до того, что зарплата инженеров почти сравнялась с зарплатой рабочих. Если в середине 1950—х гг. зарплата ИТР

¹⁹⁷ Кронрод Я.А. Законы политической экономии социализма. Очерки методологии и теории. — М.: Мысль, 1966. С. 306.

¹⁹⁸ Пашков А.И. О собственности на средства производства, классах, социальных группах и о характере труда при социализме (По поводу одной концепции). — Вопросы экономики. 1971, № 11. С. 98, 99.

¹⁹⁹ Кронрод Я.А. Цит. произв., с. 306.

превышала зарплату рабочих в 1,7 раза, то в середине 1980-х — только в 1,1 раза.²⁰⁰ Стремление к уравниловке в оплате труда самым негативным образом сказалось на экономическом развитии СССР в конце 1980-х гг. Кронрод показывал и доказывал, что фактическое неравенство в советском обществе есть объективная неизбежность, ибо на данной стадии индустриального развития существует неоднородность труда, которая и выступает объективной основой неравенства. «Члены общества не равны, — писал Кронрод, — они используют разные средства производства в разных условиях, затрачивая еще разные социально-экономические виды труда»²⁰¹. Кстати говоря, сегодня многие исследователи бьются над проблемой нормального и ненормального (чрезмерного) неравенства.²⁰² Кронрод же еще в 1960-х гг. показал, что объективной основой неравенства для индустриального общества является неоднородность общественного труда и нормальное неравенство должно соответствовать степени этой неоднородности. Вот так! Научное положение с большим эвристическим потенциалом, выдвинутое Кронродом более 50 лет назад и жестко раскритикованное тогда в печати, сегодня представляется большой теоретической находкой.

Социально-экономическая неоднородность труда заключается в том, что индивидуальный труд в каждом конкретном производстве отличается от любого другого индивидуального труда по многим своим существенным, качественным характеристикам. Каждый индивидуальный труд одного вида представляет собой особое качество прямо и непосредственно не сводимое к качеству другого вида труда.

Это различие или разнородность труда имеет своим основанием материально-технический процесс развития производительных сил и общественного разделения труда. Однако социально-экономическую неоднородность труда нельзя рассматривать исключительно с технической точки зрения. Социально-экономическая неоднородность труда есть отношение, складывающееся между людьми в процессе производства и выражающееся в существующей форме собственности. Об этом еще в 1970-х годах хорошо писал Л.И. Абалкин: «Дело в том, что указанные отношения обслуживают совместный процесс труда, кооперацию рабо-

²⁰⁰ Воейков М.И., Анисимова Г.В., Соболев Э.Н. Трудовые отношения в трансформационной экономике: российская идентичность. — М.: ИЭ РАН, 2010. С. 90.

²⁰¹ Кронрод Я.А. Производительные силы и общественная собственность. — М.: Наука, 1987. С. 227.

²⁰² См.: Социальное неравенство и публичная политика. Под ред. В.А. Медведева и др. — М.: Культурная революция, 2007.

чей силы. Они складываются не между элементами техники и не как отношения людей к средствам и предметам труда, а как отношения между людьми. Техническими их можно было бы назвать лишь в том случае, если самих людей причислить к технике. Но человек никогда не был и не будет элементом техники, даже тогда, когда он является простым придатком к машине»²⁰³. Само определение «социально-экономическая» означает, что эти процессы материального базиса производства находят выражение и оформляются в виде специфических социальных явлений. Непосредственным следствием социально-экономической неоднородности труда является его экономическая обособленность. Каждый вид труда в силу своей неоднородности не совпадает, обособляется от других видов труда. Сама технико-организационная разнородность труда ведет к технологическому обособлению специализированных предприятий, что свойственно вообще любому крупному машинному производству. Но экономическое обособление труда и предприятий оформляется в специфических формах собственности.

Процесс превращения индивидуального труда в общественный обосновывается тем, что индивидуальный труд, обладая в потенции общественным характером, в то же самое время осуществляется как социально неоднородный, различный, требующий выравнивания, т.е. подтверждения своего общественного характера. Для того, чтобы индивидуальный труд (труд производственного предприятия) был включен в совокупный труд общества, этот индивидуальный труд, представляя собой социально неоднородный и обособленный труд, должен в качественном отношении быть выровнен со средним общественным трудом, и тем самым потерять, сбросить свою обособленность. Данное социальное выравнивание труда в условиях относительной экономической обособленности производителей осуществляется как обмен продуктов этого труда путем их приравнивания в процессе рыночной реализации. Ясно, что включение индивидуального труда в общественный посредством рыночного обмена не предполагает автоматизма этого процесса в каждом конкретном производственном акте.

Интересно отметить, что некоторые экономисты еще в начале развертывания советской экономической системы, даже полагая, что социализм не совместим с товарным производством, однако, пытались обосновать необходимость процесса социального уравнивания труда, следовательно,

²⁰³ Абалкин Л.И. Хозяйственный механизм развитого социалистического общества. — М.: Мысль, 1973. С. 16–17.

и его продуктов через стоимость. Так, например, крупный политэконом того времени И.И. Рубин писал: «...Стоимость оказывается формой, выражающей факт социального уравнивания труда, факт, происходящий не только в товарное хозяйство, но могущий происходить и в другом хозяйстве»²⁰⁴. Однако И.И. Рубин полагал, в духе того времени, что выравнивание труда при социализме не ведет к появлению стоимости, так как «процесс приравнивания труда и процесс приравнивания вещей, продуктов труда» в социалистическом обществе «друг от друга отделены». Он писал: «Само собой понятно, что в приравнивании вещей, в акте их расценки, социалистическое общество не обязано расценивать их в точной пропорции к труду, затраченному на их производство. Общество, руководствуясь требованиями социальной политики, может, например, сознательно ввести пониженную расценку на предметы, удовлетворяющие культурные потребности широких народных масс и повышенную расценку на предметы роскоши. Но если даже социалистическое общество будет расценивать вещи в точном соответствии с затраченным на них трудом, акт приравнивания вещей останется раздельным от акта приравнивания труда»²⁰⁵. Однако остаются неизвестными и еще более непонятными причины такого раздельного приравнивания. Ведь если приравнивать труд, то значит приравнивать и продукт этого труда, и наоборот, приравнивание продукта автоматически приравнивает и труд, пошедший на его производство. Труд не может быть, не может осуществиться без своего продукта, также и продукт необходимо предполагает труд. Поэтому социальное уравнивание одного из них в то же самое время уравнивает и другое. Поскольку уравниванию труда необходимо должно предшествовать уравнивание продуктов труда, т.е. через уравнивание вещей уравнивается труд, постольку продукты труда приобретают форму товара. И это свойственно любому обществу, где имеет место процесс соизмерения и выравнивания труда, его общественная оценка. Конечно, конкретное общество может, исходя из тех или иных побуждений, исказить объективную оценку продуктов труда, вещей, но, однако же, оно должно знать, что оно это делает. А для этого необходимо знать объективную меру вещей, продуктов труда, т.е. общественным путем уравнивая труд соответственно уравнивать и его продукт.

Таким образом, наличие социальной неоднородности труда и его обособленности в условиях советского хозяйства делало необходимым

²⁰⁴ Рубин И.И. Очерки по теории стоимости Маркса. — М.—Л., 1929. С. 104.

²⁰⁵ Там же. С. 87.

(более того, объективно неизбежным) осуществление процесса включения индивидуального труда в общественный путем его социального выравнивания посредством приравнивания продуктов в процессе их рыночной реализации. Уже это делало необходимым производство продуктов в советской системе как товаров, существование стоимости и, следовательно, рыночного обмена.

Вот такая получалась сложная диалектика. Труд при социализме — но он же — отчужденный, он же социально неоднородный и обособленный, требующий своего социального выравнивания через стоимость и товарные отношения. Следовательно, если труд в советской экономической системе осуществлялся как отчужденный и неоднородный, требующий рыночного обмена, то говорить о социалистической экономической системе просто не приходится. Это была специфическая буржуазная система, где доминировала внешняя мотивация труда и «буржуазное право» в распределении.

* * *

Таким образом, характер труда, а, следовательно, и организация труда в советской системе по большому счету ничем принципиально не отличались от характера и организации труда в развитых капиталистических странах Запада. Чтобы не говорила по этому поводу советская пропаганда, никакого особого «социалистического характера» труда не было. Поэтому с развалом Советского Союза и советской экономической системы в области труда и трудовых отношений никаких принципиально новых явлений не появилось. За исключением, конечно, некоторых деталей государственной организации труда (например, ликвидация тарифной системы и т.п.) и некоторых элементов трудовых отношений (например, ослабление государственного патернализма, поиск путей развития социального партнерства и др.), что в целом не меняло и не меняет основания для государственной политики в области труда.

К сожалению, правящий класс страны в 1990–е годы, руководствуясь, видимо, лозунгом, что все советское должно быть отброшено и не понимая глубинных основ функционирования российской экономики как индустриальной системы, посчитал излишней проводить специально выработанную и осознанную политику в области труда. В результате возник серьезный кризис трудовых и социальных отношений в стране, который и до сего дня в полной мере преодолеть не удастся. Люди потеряли надежду, что честный, добросовестный труд будет справедливо оценен и оплачен.

5.5. К проблеме модернизации трудовых отношений

1.

Несмотря на то, что в той концепции «государственного социализма», которая проводилась в нашей стране длительное время труду и трудовым отношениям отводилось значительное место, судьба их была своеобразна. По сути дела трудовые отношения в теории трактовались в лево-радикальной коммунистической плоскости, а на практике исполнялись как обычные отношения наемного труда, характерные для любой капиталистической страны индустриального этапа развития. Иногда, правда в экстремальных условиях, они осуществлялись почти как феодальные отношения принудительного труда в системе милитаризованной экономики. Это вполне сочеталось с общей тональностью складывающейся с конца 1920-х годов системы трудовых отношений, которая в целом господствовала весь советский период. В доказательство этому можно привести теоретические постановки в советской экономической литературе об общественной собственности на рабочую силу, законы об уголовной ответственности за незначительные опоздания на работу, что просуществовало в преобразованном виде до андроповских гонений за дисциплиной, полная зависимость человека от государства в его трудовые отношения и т.п.

Но нельзя не отметить и другую сторону такого типа отношений: они в каком-то смысле отвечали или соответствовали русскому менталитету трудовых отношений. В формировании данного типа национальных трудовых ценностей определенную роль играли остаточные явления русской общины (коллективность), упование на державу, государство (царя-батюшку или хозяина), патриархальность православия или мусульманства. Но непреложным остается факт, что сложившийся тип трудовых отношений в какой-то мере устраивал большинство трудящихся России. Более того, эти трудовые отношения сформировались как наиболее адекватные имеющимся историческим и объективным условиям. Люди находили большие преимущества в низкой интенсивности труда, минимальной ответственности за качество работы, глубоко патернализме со стороны государства, их привлекало иждивенчество и слабая дифференциация оплаты труда. Все это не могло дать большого богатства, но зато было не обременительно, удобно в повседневной жизни.

Поэтому считать, что сложившийся тип трудовых отношений советского периода был искусственно, извне кем-то навязан русскому обществу нельзя. Это продукт естественного хода исторического развития.

Такой тип трудовых отношений, который утвердился за большую часть XX века в нашей стране можно назвать патриархально-наемным трудом с известной долей фразеологической социалистической окраски. Иными словами, было сочетание и переплетение индустриального типа труда с российской патриархальностью и социалистической фразеологией.

При этом надо различать те трудовые отношения, которые складывались в реальной жизни и умственные (официальные или научные) представления о них. Официальная советская идеология говорила о социалистичности трудовых отношений, а в реальности они стремились к буржуазности. В результате получился некий конгломерат буржуазной основы в трудовых отношениях, феодальных форм патриархальности, в которых реально осуществлялись эти отношения, и социалистических идеалов, которые официальным путем навязывались трудовым отношениям. Это проявлялось в бесконечных противоречиях между материальными и моральными стимулами, выполнением норм выработки, обмена передовым опытом, в социалистическом соревновании и т.д.

В конце XX века общество встало перед необходимостью осуществить модернизацию или трансформацию социальных и трудовых отношений в принципиально ином качестве. Вообще говоря, возможно допустить в какой-либо форме сохранение или восстановление патриархально-наемного типа труда. Это возможно при двух вариантах. Первый — восстановление лево-радикального («коммунистического») тоталитарного режима с его фразеологическим уважением труда, но по существу превращением его в феодальную трудовую повинность. Второй вариант — крайне правый, опять же тоталитарный (или в более мягкой, авторитарной форме) режим, который силой (или власти или обстоятельств, а, скорее, и тем и другим) превратит труд в ту же трудовую повинность. Хотя, думается, что шансы для осуществления этих вариантов очень незначительны. По крайней мере, хотелось бы так думать.

Поэтому, оставляя в стороне возможность сохранения, даже в каком-либо модернизированном виде, сложившегося лево-радикального (или командно-административного) типа трудовых отношений, альтернативой этому могут быть две модели модернизации.

Первая — модель наемного труда западно-европейского (точнее, англо-саксонского) образца, как труда сильно индивидуализированной личности с жесткой материальной ответственностью по результатам труда. Возможно смягчение ее легкой окраской социального партнерства и социального рыночного хозяйства.

Вторая модель — для условий многообразия форм собственности при использовании отношений наемного труда как западного типа, так и тех компонентов трудовых отношений, которые естественно сформировались у нас на протяжении XX века. В центр такой модернизационной модели становится смешанный тип трудовых отношений наемно-коллективного характера. При этом в любых формах собственности решающее значение приобретают трудовые коллективы, их коллективные органы самоуправления.

На наш взгляд, вторая модель имеет для России большие возможности реализоваться, вбирая в себя и то, что идет из столетий русского трудового менталитета, и то, что полезного привнесено за более 70 лет советской власти, и то, что рационального можно взять из западно-европейских трудовых отношений. Надо иметь в виду, что индустриальный тип трудовых отношений, характерный для западного опыта, сегодня уступает место творческому (креативному) типу труда, где буржуазные ценности теряют свое регулирующее значение. Тем самым, все большее значение получают трудовые ценности, которые, порой искусственно, культивировались в советское время. Поэтому советский опыт развития трудовых отношений содержит и рациональные зерна, характерные для современного постиндустриального труда.

Причем, важно подчеркнуть, что современная трансформация трудовых отношений не должна представляться и тем более исполняться как волевой акт государства в насаждении той или иной модели. Государство просто не должно мешать естественному процессу развития, силой навязывая какие-то искусственные формы. Но оно должно способствовать развитию более прогрессивных или адекватных современности форм и методов организации труда. Так, надо признавать в качестве объективных составляющих буржуазность трудовых отношений советского периода, значительные остатки патриархальности, еще большие элементы государственного патернализма в трудовых отношениях, а также современные прогрессивные тенденции развития более творческого, в том числе самоуправленческого труда.

Ранее в советском марксизме считалось почти бесспорным, что всякий тип труда и трудовых отношений задается производительными силами, той техникой, которой вооружен рабочий. Различаются лишь производственные отношения, согласно логике советского марксизма. А так как трудовые отношения подменялись производственными, то в результате была официальная идеологическая двойственность: рабочие на одинаковых предприятиях в США, России и

Японии вроде бы должны работать одинаково, но в силу «социалистических производственных отношений» — у нас лучше. Однако практика это не подтверждала. Между трудовыми отношениями американского, русского и японского типов имелись и имеются существенные различия.

Думается, что трудовые отношения не есть также простое следствие финансовой стабилизации и бездефицитного бюджета. Трудовые отношения имеют самостоятельное значение, а для сегодняшних российских условий и первостепенное. Экономические реформы следовало бы начинать именно с изменений в трудовых отношениях, создания положительной трудовой мотивации, а не оставлять все это на конец преобразований. Жизнь показывает, что «конец» может наступить значительно раньше, но уже совсем не тот, на который рассчитывали реформаторы.

2.

По общему мнению, модернизация трудовых отношений в России должна осуществляться в сторону большего заимствования западной модели. Но что это должно означать практически? Рассмотрим это подробнее.

Понятие мотивации труда появилось в США в конце 1950-х годов и связано с концепцией трудовой мотивации А. Маслоу. Имелось в виду, что мотивация более широкое понятие, чем только материальное стимулирование труда и рациональная его организация. В понятие мотивации стали включать нематериальные мотивы, духовные и нравственные ценности. Пришли к выводу, что современный человек успешно трудится не только из-за материальной необходимости, но и под воздействием целой гаммы социальных и нравственных мотиваторов.²⁰⁶ В современной западной организации труда часто материальный интерес (мотив зарплаты) стал постепенно отодвигаться с первого места. Так, Американский центр производительности и качества (г. Хьюстон) выделяет пять с его точки зрения наиболее сильных мотиваторов в такой последовательности: 1. путешествия; 2. ценные подарки; 3. денежные премии; 4. личный престиж; 5. моральные стимулы (грамоты, значки и т.п.).²⁰⁷ Так, система организации и стимулирования

²⁰⁶ См.: Robertson I., Smith M., Cooper D. Motivation: Strategies, Theory and Practice. — 2 Rev. ed. London, IPM House, 1992.

²⁰⁷ Подробнее см.: Воейков М. Как организуется капсоревнование? // Профсоюзы и экономика, 1991, № 3.

труда, восходящая в своих основах к моделям тейлоризма и фордизма, сегодня уже не является ни современной, ни результативной.

Вместе с тем, можно отметить, что то, к чему американцы пришли в конце 1950-х годов, советской системе организации труда было свойственно как идеологический императив всегда. Может быть, только в более прямолинейной форме — мы делали слишком сильный акцент на моральной стороне дела. Естественно, что идеологический упор на нравственную сторону труда как труда социалистического входил в противоречие с низким уровнем развития производительных сил, отсталой технологической и организационной базой. Эта противоречивость наиболее ярко проявилась в судьбе «социалистического соревнования», где пытались соединить экономическую рациональность в борьбе за индивидуальное (или групповое) первенство с высокой моральной оценкой бескорыстного труда. На практике в большинстве случаев все это соревнование сводилось к формализму.

Между тем, модернизация трудовых отношений требует развития конкурентно-соревновательных начал в труде. Соревнование (конкуренция) по сути своей относится к ценностям западной (точнее, буржуазной) системы трудовых отношений и экономического поведения в целом. Соревнование есть следствие индивидуализма, который по объективным причинам имеет значительно более широкое развитие на Западе. В России индивидуализм в труде не проявлялся с такой силой; от того-то организация соревнования в российских условиях не стала реальным фактором экономической жизни.

У нас соревнование по существу извратили, свели к моральному средству повышения трудовой активности трудящихся, полагая, что это категория сознания и даже патриотизма. Эта ошибка в понимании соревнования, по всей видимости, явилась результатом некритического восприятия практики «социалистического соревнования», а также путаницы в идеологических трактовках природы и характера труда.

Внутренним импульсом соревнования являются экономические интересы. И каждый соревнуется в том, чтобы наилучшим и наиболее полным образом удовлетворить свои собственные экономические интересы. Каждый работник должен отличаться прежде всего в своем собственном труде, стараться работать лучше и больше, чем другие, т.е. соблюдать свои экономические интересы. Ничего, собственно, «социалистического» в таком соревновании нет, это чисто буржуазное отношение. Рынок здесь и соединяет личные экономические интересы работника с интересами всего общества. При нормально работающем

экономическом механизме это и будет означать, что этот работник лучше работает на все общество, то есть и на других.

Соревнование как экономическое отношение имеет объективный механизм своего действия. Хорошо ли организовано соревнование, плохо ли — механизм соревнования в любом случае проявляется с силой объективной необходимости. Смысл организации состоит в том, чтобы поставить механизм соревнования в общественно справедливые рамки. Такова, например, практика антимонопольной политики экономически развитых стран.

Суть механизма соревнования (конкуренции) состоит в сопоставлении, соизмерении индивидуальных затрат труда по производству какого-либо продукта с общественно необходимой величиной. На этой основе дифференцируются все участники производственного процесса на лучших и худших. Практически это означает, что лучшие участники производственного процесса достигают материального преимущества, а худшие в конце концов выводятся за пределы этого процесса. Каждый ощущает возможности существенного роста своего материального благосостояния или резкого его снижения в прямой зависимости от результатов своего труда. Это элементарный рыночный механизм, а соревнование или конкуренция — его главный стержень. Соревновательный механизм регулирует и согласует (балансирует) стремления и возможности каждого человека по отношению к другим в процессе его экономического самоопределения и составляет важнейший мотив трудового поведения.

Принципиальной особенностью такой мотивационной системы является создание механизма автоматической связи материального поощрения за добросовестный и инициативный труд с прямой материальной ответственностью за недополучение возможного хозяйственного эффекта. Такое положение должно предполагать перестройку ориентиров общественного сознания с социального иждивенчества на социально позитивную активность, переход от лимитированного государством объема и качества личного потребления к самообеспечению, зависящему от личной трудовой активности, от собственной предприимчивости и инициативы.

Такова в чистом виде стратегия модернизации трудовых отношений, которую преследовали или, по крайней мере, должны были держать в голове радикальные реформаторы, разрабатывая экономическую стратегию с конца 1991 г. Однако, насколько реалистичны были эти предположения?

3.

Осуществление с января 1992 г. правительством России четко выраженной монетаристской экономической политики и неоднократные заявления лидеров этой политики (того периода) о том, что государство должно уйти из экономики, что государственное регулирование экономики должно быть сведено к минимуму, ставит вопрос о целесообразности какой-либо позитивной государственной политики в области трудовых отношений. В советский период государство довольно жестко регулировало трудовые отношения (государственное ограничение рабочего дня, минимальная зарплата, условия труда, запрещение детского труда, отношения с профсоюзами и т.д.), что в той или иной мере характерно для всех экономически развитых, цивилизованных стран. Более того, можно заметить, что чем более экономически развита страна, тем она активнее участвует в большем количестве конвенций МОТ по регулированию труда.

Идеология же экономического либерализма, наоборот, стремится как можно больше снять всяческих ограничений и запретов в экономической сфере, в том числе и в области труда. Согласно этой идеологии все должно вытекать из свободно совершаемого договора найма между работодателем и нанимающимся лицом. И чем меньше ограничений, тем лучше. Свободный, ничем не ограниченный рынок труда даст наибольшую экономическую эффективность — считают экономические либералы. Поэтому, с точки зрения этой идеологии, государственная политика в области труда должна быть сведена к минимуму. Именно поэтому, например, США как оплот экономического либерализма ратифицировали только 7 конвенций МОТ в области труда. Тогда как такие европейские страны как Италия, Франция, Испания ратифицировали за тот же период соответственно 101, 110 и 115 конвенций.

Конечно, и сегодня у российского правительства какая-то политика труда есть. И если не впадать в крайность, то какое-то государственное регулирование трудовых отношений, пусть в самых минимальных пределах, останется всегда, даже и при полном господстве экономического либерализма. Тем более, что в современном мире такого господства экономического либерализма XVIII века уже нигде нет. Нет и совершенно свободного, никак не регулируемого рынка труда. Более того, можно утверждать, что степень цивилизованности страны сегодня, кроме всего прочего, можно определять и по степени регулированности рынка труда. Рынок труда как явление и как понятие в конце XX века приобретает качества условности. Поэтому стремления и предполо-

жения радикальных реформаторов о введении в современной России эффективного рынка труда вызывают большие опасения своей иллюзорностью и нереалистичностью.²⁰⁸

О том, что общенациональный рынок труда в современной России так и не сложился свидетельствуют резкие различия в численности безработных по регионам страны. Так, в 2010 году минимальный уровень безработицы был отмечен в Московской области в 3,3% и в Ямало–Ненецком автономном округе в 4,4%, а максимальный — в Ингушетии 49,7% и в Чеченской республике — в 43,1%. Причем, в Москве безработица составляла 1,7%, а в соседних с нею областях в 3–4 раза больше (Ярославская — 7,6%; Тверская — 6,6%; Рязанская — 8,4%; Орловская — 9%). Действительный рынок, как известно, нивелирует индивидуальные различия, выводит среднюю норму. Такого на просторах России в отношении мобильности рабочей силы пока не наблюдается. И есть весьма серьезные основания полагать, что в ближайшей перспективе общенациональный рынок труда так и не сложится.

Трудно обнаружить и полагать, что за последние годы произошли какие-то позитивные сдвиги в трудовых отношениях. Как раньше, так и теперь отношение к труду, динамика трудовой активности, трудовой дисциплины, наконец, уровень производительности труда не отвечают требованиям современного производства, отстают от этих же показателей в других странах. Значительная часть работников трудится не в полную силу, имеются огромные потери рабочего времени. Во многих случаях не соблюдается элементарная исполнительность, дисциплина труда, отсутствует прилежание и добросовестность при выполнении работником своих прямых обязанностей. Падает престиж профессионального мастерства, творческой работы.

4.

Как уже говорилось, на трудовые отношения воздействует ряд факторов, которые при некотором обобщении можно свести к двум: а) историко–географический и б) технико–экономический. По мере развития общества фактор «б» играет все большую роль и на стадии позднеиндустриального развития приобретает доминирующее значение.

Развитие трудовых отношений фиксируется в головах людей как трудовые ценности, т.е. представления людей о необходимости, характере,

²⁰⁸ Подробнее см.: Воейков М.И. К проблеме рынка труда: иллюзии теории и перспективы практики. // Социально–трудовая сфера России: проблемы и перспективы развития. Отв. ред. И.В. Соболева. — М.: ИЭ РАН, 2011.

пользе труда, а также условий его осуществления. Тем самым трудовые ценности выступают как идеализация трудовых отношений. Трудовые ценности в силу этого, т.е. их следования за трудовыми отношениями меняются значительно медленнее, чем происходит изменение внешних общественных параметров.

Реформы в стране в конце 1980-х годов (период горбачевской перестройки) предполагали прежде всего изменения в сфере труда, рост его производительности, поиск новой трудовой мотивации. Предполагалось каким-то образом изменить трудовые ценности, утвердившиеся к тому времени в обществе. Однако весь комплекс проблем, с этим связанный, тогда не был не только хорошо продуман, но, видимо, не был и просто понят.

Характер российских трудовых отношений, российские трудовые ценности включают в себя: а) исторически сложившиеся компоненты, связанные с географическими (климатическими) условиями земледелия, протяженностью страны, многонациональностью и религиозным разнообразием; б) развитие промышленности как государственной, начиная с реформ Петра I, массивную индустриализацию 30-х годов, определенным образом сформировавшуюся материально-техническую базу; в) идеологические установки (в отношении труда) советского периода, которые в целом соответствовали и развивали традиционные трудовые ценности русского народа (коллективизм, взаимопомощь, нестяжательство, расточительство, нерасчетливость и т.п.), хотя, порой, и вносили дополнительную путаницу.

С точки зрения европейской модернизации и в целом вестернизации России эти трудовые ценности следовало бы как-то менять. Пока это не получается. В этой связи встает следующая проблема. Могут ли российские трудовые отношения вестернизироваться вслед за вестернизацией материально-технической базы производства? То есть, если создать современную производственную базу (как на Западе), то будут ли у нас и таковыми трудовые отношения? Или же Россия в любом случае обречена искать собственный путь развития и в области труда, а значит, и в социально-экономической области в целом?

Объяснение поставленного вопроса видится в следующем. Любое общество, чем ближе находится к архаичным видам производства (земледелие, рыболовство, охота и т.п.), тем больше воспринимает естественно-географический фактор формирования трудовых отношений и трудовых ценностей. На этой стадии развития каждое общество отличается от другого трудовыми ценностями ровно столько же, сколько

оно отличается своим видом и характером производства. Но по мере развития производительных сил, развития индустрии и торговли, а следовательно и развития межстранового взаимодействия, различия в трудовых ценностях сглаживаются, имея тенденцию в перспективе к их почти полному преодолению.

Россия находится сегодня на такой стадии развития, когда идет усиленный процесс перехода российских трудовых ценностей в общеевропейские. Но процесс этот еще далеко не закончился и, может быть, даже не дошел до своей середины. Кроме того, Россия за советский период приобрела дополнительные особенности.

Например, нельзя отрицать в формировании и функционировании социального фактора влияние элементов социалистических ценностей. Сюда можно отнести ограничения времени труда, оплачиваемые отпуска и больничные, элементы производственной демократии, коллективные формы труда и ответственности, бригадную организацию труда и т.п. Сейчас обо всем этом многие забывают, но ведь именно в России впервые был применен весь доступный комплекс элементов демократизации трудовой сферы сразу же после русской революции 1917 года. Например, трудно оспорить тот факт, что почти за все годы советской власти мы имели очень незначительную социальную дифференциацию трудящихся. Это не давало разрастаться расхождениям между рабочими и их начальниками до крупных социальных конфликтов. Осознанно или неосознанно, но низкая экономическая и социальная дифференциация среди трудящихся составляла существенную особенность государственной политики в трудовых отношениях. Это позволяло с максимальной эффективностью использовать социальный фактор. Но это же, с другой стороны, снижало эффективность экономического фактора.

Годы экономических преобразований, ничего не изменив по существу в практике трудовых отношений, вызвали к жизни ряд новых негативных явлений. Результатом стала почти повсеместная незаинтересованность членов общества в производительной трудовой деятельности. Прежние трудовые ценности оказались почти низвергнуты, по крайней мере ошельмованы, а новые в основном складываются за пределами реального сектора экономики. Принимаемые решения и «указы» во многом расходятся с реальной практикой, становятся почти невыполнимыми. Пожалуй, можно сказать, что после 1991 года положительные характеристики старой системы трудовых отношений существенно ослабели, а отрицательные заметно усилились.

Одной из главных проблем, с которой столкнулась экономическая система «государственного социализма» в нашей стране, была и, конечно, остается неэффективная организации труда, низкая его продуктивность. По официальным данным бывшего СССР уровень производительности труда в народном хозяйстве был ниже уровня США в 2–3 раза, а по некоторым отраслям различие составляло 5–7 раз.

Этот феномен объясняется многими причинами. Одна из них, может быть, центральная, заключается в том, что наш советский (или российский — как угодно) работник просто не хотел работать с высокой интенсивностью труда. Конечно, не каждый. Не следует упрощать вопрос. Некоторые хотели и работали очень хорошо. Но в большинстве, в массе своей советские рабочие не были заинтересованы работать с высокой интенсивностью. Многочисленные социологические обследования, проведенные в конце советского периода свидетельствуют, что, как отмечала тогда Т.И. Заславская, лишь пятая часть работников трудилась в полную силу.²⁰⁹ Таким образом, мотивация труда работников в советский период была явно недостаточной.

С началом перестройки был выдвинут тезис о необходимости создания сильной мотивации труда. Говорилось о том, что советский работник отчужден от собственности на средства производства, от результатов своего труда и что в силу этого у него нет достаточных стимулов к высокопродуктивной трудовой деятельности. Отсюда делался вывод, что необходимо всех трудящихся, весь народ сделать собственниками и тогда люди плучат достаточные стимулы (мотивации) к эффективному труду. Даже первый этап приватизации (ваучерная приватизация) идеологически обосновывался именно таким аргументом.

В самой общей или абстрактной постановке — это, пожалуй, верно. Из глубокой древности по книжкам, из личного бытового опыта мы хорошо знаем, что работа на себя, на своем дачном участке, на своей «собственности» в целом вызывает у людей больше прилежания. Но современное производство — это не личная делянка, а крупная и сложная организация технологических, экономических и социальных потоков и отношений. Вопросы собственности, (то есть выяснения: кому что принадлежит) и связанные с ней взаимоотношения, отходят на второй, а может быть, и на третий план. В экономически развитых странах от 70 до 90% занятого населения работают по найму, а не как собственники. Ведь и по найму можно хорошо, эффективно работать. В пример приведем фирму «Макдональдс»,

²⁰⁹ Наука в СССР, 1987, № 5. С. 118.

в которой даже в России наемный персонал работает как минимум на порядок лучше, чем на соседних предприятиях. С другой стороны, известно, что частная собственность на землю в Польше в социалистический период не спасла эту страну от глубокого кризиса в экономике.

Таким образом, тезис, выдвинутый в самом начале социально-экономических преобразований в России, о том, что превратив всех трудящихся в собственников, будет создана устойчивая и сильная мотивация труда, оказался несостоятельным. Эту его несостоятельность можно охарактеризовать, по крайней мере, двумя причинами:

- невозможно всех превратить в реальных собственников; такого нигде никогда не было и нет;
- опыт развитых стран доказывает, что высокую продуктивность труда можно получить и в условиях наемной системы его организации.

На мой взгляд, дело совсем не в собственности. Может быть, это очень спорно, но рискну утверждать, что собственность как экономическая категория — это понятие XIX века. Сегодня нужно искать иные мотиваторы труда. Современная российская приватизация, как бы ее ни ругать, что будет вполне справедливо, все-таки по большому счету доказывает один непреложный факт. Крупные и средние предприятия, которые составляют (или пока еще составляют) основу российской индустрии в результате приватизации не стали фактически частными предприятиями. Большая часть этих приватизированных предприятий, т.е. формально частных предприятий (ОАО) фактически находятся под контролем государства или полугосударственных структур, что на практике означает концентрацию большей части прав собственности в руках администрации предприятий и государственных чиновников различного уровня. Поэтому мало что изменилось на таких предприятиях и в трудовых отношениях по существу. Этот факт отмечается многими серьезными исследователями. Например, английский исследователь российских предприятий Б. Арнот делает такой вывод: «Работники по-прежнему привязаны к своему предприятию в смысле совершенно чуждом капиталистической экономике... Более того, отношения между работником и предприятием как и отношения между предприятиями не стали полностью рыночными. В результате ни рынок труда, ни рынок товаров не являются регуляторами распределения рабочего времени и мерой относительной ценности продуктов»²¹⁰. Таким образом, тран-

²¹⁰ Арнот Б. Социально-экономическое положение труда в переходный период: некоторые комментарии. // Экономическое положение России и трудовые отношения. Под ред. М.И. Воейкова. — М.: ИЭ РАН, 1996. С. 70.

сформация собственности в современной России не привела к существенной модернизации трудовых отношений на предприятиях.

Конечно, нет возражения против общего тезиса, что личная или частная собственность есть наилучший мотиватор производительной деятельности (непосредственно трудовой, организаторской, предпринимательской). Но дело в том, что современная технология и организация производства таковы, что связь между частной собственностью (и собственностью вообще) и каким-либо трудовым усилием становится опосредованной, затененной другими факторами, в ряде случаев вообще утрачивается. Современный наемный труд — это не мир собственности. Интеллектуальный труд вообще выходит за пределы собственности.

Ошибка прежней советской системы мотивации труда заключалась в том, что там стремились моральные стимулы и этические мотивы ставить на первое место, а материальные задвигать подальше. Конечно, не все было так прямолинейно. Но из официальной социалистической (а точнее, даже коммунистической) идеологии вытекало первенствующее значение моральных, нравственных, патриотических и т.п. императивов мотивации труда.

Конечно, ничего плохого в моральных или этических мотивах нет. Даже наоборот. Но они действенны только при определенных экономических условиях. Основным условием, думаю, является материальная, техническая база производства. Если в нашей промышленности почти 50% рабочих было занято ручным трудом, то, естественно, что материальные мотиваторы должны занимать преобладающее место.

Сегодня же вместо создания современной технической базы пытаются подвести мотив мелкого собственника, наверное, полагая, взять за образец средневековую цеховую организацию труда ремесленника. Там, действительно, собственник не был отчуждает от своих средств производства и от продукта своего труда. И, следовательно, он имел сильную трудовую мотивацию. Но нужно ли и можно ли сегодня современную индустрию превращать в скопище ремесленных мастерских? И будет ли это означать модернизацию трудовых отношений и экономическую модернизацию вообще?

Надо отметить, что второй этап российской приватизации (денежная приватизация), которая в целом не состоялась, но все-таки была заявлена, ее идеологи связывали уже не с необходимостью всех сделать собственниками, а с процессом создания «стратегических собственников», т.е. небольшой группы богатых людей, владеющих предприятиями. Однако такой идеологический ход делает вполне очевидным, что

радикальные реформаторы во всей истории с приватизацией были озабочены не действительной модернизацией производства и трудовых отношений, а созданием социальной базы поддержки правящего режима. Сюда же можно отнести и беспрестанные упования на необходимость выращивания среднего класса, как якобы социального стабилизатора общества. Но следует напомнить, что средний класс выполняет стабилизирующую функцию лишь в благополучном обществе, когда дела идут хорошо и имеется хорошее правительство. Когда же экономическая конъюнктура резко ухудшается, средний класс первым начинает раскачивать общество, превращаясь в радикально настроенные элементы революционного, а чаще фашистского толка. Напомним, что массовой базой фашизма в Германии и Италии был как раз средний класс.

Радетели собственности как мотиватора трудовой деятельности говорят, что современное производство через акционерную форму создает достаточные возможности для сильной мотивации труда. Но это не более, чем очередной миф. Как бы широко не распространялись акции среди трудящихся в западных странах, там не снижается доля наемного труда. В трудовой мотивации владение акциями практически не играет никакой роли.

5.

Сегодня видится по крайней мере две альтернативные модели модернизации российских трудовых отношений. Первая — это западный тип наемного труда со всеми вытекающими отсюда обстоятельствами, где основное место в системе трудовых отношений займут императивы материального стимулирования и жесткой ответственности индивидуального труда. Вторая — тот же наемный труд, но существенно смягченный отношениями коллективности, государственного патернализма, полным учетом российской специфики отношений, в том числе получивших развитие за советский период.

При более тщательном изучении вопроса, можно выделить третий тип развития трудовых отношений, связанный с коллективной (групповой) собственностью и самоуправленческой организацией производства. Этот тип трудовых отношений в принципе должен исключать как общее правило наемный труд. Некоторые элементы такого типа можно обнаружить в кооперативах, товариществах, арендных коллективах, некоторых видах закрытых акционерных обществах. Однако при всех весьма интересных и, возможно, больших перспективах этого самоуправления типа трудовых отношений, сегодня и даже в ближайшем будущем он не сможет выступить реальной альтернативой выше-

обозначенным двум моделям трудовых отношений. Хотя какие-то элементы коллективности и самоуправления, по всей видимости, могут найти отражение во второй модели трудовых отношений.

Подтверждением того, что эти две альтернативные модели трудовых отношений представлены самой жизнью, служит борьба двух политических тенденций.

С одной стороны, новые хозяйственные образования (акционерные общества, малые и совместные предприятия, сугубо частные фирмы) явно тяготеют к западной модели трудовых отношений. Многие правительственные установки, а также официозные средства массовой информации придерживаются именно этого типа трудовых отношений.

С другой стороны, профсоюзное и рабочее движение, в том числе забастовочное, явно тяготеют к специфически российской модели трудовых отношений, с ее географическими и национальными особенностями, а также социальными накоплениями советского периода.

В этом типе трудовых отношений особое место и значение имеет сложная система мотивации труда, которая существенно выходит за рамки только, так называемого, материального стимулирования труда. При таком подходе предполагается, что человек не только стремится работать с тем, чтобы больше заработать, но и желает принимать участие в управлении производством, иметь хорошие условия труда и быта, пользоваться уважением в своем трудовом коллективе, иметь содержательную, интересную работу, хорошие перспективы карьеры и т.п.

Именно этот комплекс мотивации труда в современных условиях приобретает большое значение. Именно в этом комплексе находят отражение исторически сформированные российские социо-культурные факторы трудовых отношений. И именно эти стороны (в противоположность только индивидуализированному материальному вознаграждению за труд), по-видимому, в ближайшем будущем сыграют решающую роль в восстановлении нормальной системы трудовых отношений и ее дальнейшей модернизации.

Говоря о модернизации трудовых отношений и роли государства в этом процессе нельзя обойти такой ныне модный вопрос как социальное партнерство. В литературе утверждается, что социальное партнерство имеет существенное значение для стабильности социально ориентированного рынка и нормализации трудовых отношений.

В теории, т.е. при самом общем подходе, это, конечно, верно. Однако к вопросу о понимании социального партнерства и возможностей его формирования в настоящих российских условиях нельзя подходить

механически. Нельзя считать, что развертывание рыночных отношений само собой подарит нам и совершенную систему социального партнерства. Все это не так просто и очевидно.

Социальное партнерство — продукт западной модели трудовых отношений. Причем, государство выступает в этой системе трипартизма, скорее, как арбитр, а не равноправный партнер. К современной системе социального партнерства западный мир шел десятилетиями борьбы рабочего класса, накоплениями демократических традиций различных объединений, компромиссной роли государства. Современная система социального партнерства в странах Запада, по всей видимости, устраивает их и обеспечивает в целом достаточно эффективное и гармоничное развитие. По крайней мере на современном этапе.

Вместе с тем следует иметь в виду, что далеко не во всех странах имеется развитая система социального партнерства. Так, например, для Японии характерно не социальное партнерство, а, скорее всего, система социального патернализма как со стороны государства, так и фирмы. По всей видимости и для России, а также и многих других республик бывшего СССР, система социального партнерства в ее чистом, западном варианте будет мало пригодна. Основной причиной этому служит традиционная модель российских трудовых отношений.

Однако, справедливости ради, надо заметить, что, так называемые, рейганомика и тетчеризм, получившие распространение в ряде западных стран в последнее двадцатилетие, по существу отменили там социальное партнерство. Теоретически и практически идеология рыночного либерализма в целом исключает социальное партнерства как необходимый институт своей системы. Ведь по самой своей сути эта экономическая политика отвергает необходимость социального партнерства как снижающе действующее на экономическую эффективность производства.

В современной России все это много усложняется. Известно, что в социальном партнерстве имеется три стороны: государство, работодатели и трудящиеся. У нас же пока все три составляющие этой системы еще не нашли адекватных форм выражения, кроме, конечно, государства. Не ясно кто должен выступать от имени предпринимателей. Ныне существует несколько их союзов и объединений, зачастую конкурирующих между собой и объединяющих как частных предпринимателей, так и коллективных, и даже государственные структуры.

Не очень ясно, интересы каких социальных слоев или классов отражает нынешнее российское правительство. Во всяком случае, говорить, что оно выражает и защищает интересы всего народа пока не приходится.

Однако, наиболее слабым звеном являются профсоюзы, которые до недавнего времени выполняли специфические функции помощника администрации предприятия «по управлению персоналом». В советский период это включало как обеспечение профсоюзами некоторых производственных функций (подъем производительности труда), так и социальных, собственно, профсоюзных функций (распределение материальной помощи, путевок в места отдыха, условия труда и т.д.). И в настоящее время профсоюзы не стали еще той реальной силой, способной защищать работника в условиях рынка. Некоторые законодательные акты, подготовленные с участием профсоюзов (в том числе и подписанное Соглашение по трудовым и социально-экономическим вопросам) часто не работают, так как блокируются либо со стороны администрации предприятий, либо самих трудящихся, как не отражающие их жизненные интересы.

Словом, становление полнокровных сторон в социальном партнерстве затягивается у нас на долгие годы. Дело, однако, осложняется существованием сильной государственной традиции в регулировании трудовых отношений, как, впрочем, и во всем другом.

В нашей системе государство было и, видимо, еще долго будет оставаться и органом законодательно регулирующим трудовые отношения и основным работодателем. В таких условиях переход к системе трипартизма весьма затруднен. Во всяком случае он очень своеобразен. По-видимому, несмотря на уже имеющийся опыт, реальное воплощение идеи трипартизма — дело не очень близкого будущего. Более того, если считать, что вторая модель трудовых отношений имеет больше шансов утвердиться в российской действительности, то место социального партнерства в ней занимает та или иная форма государственного патернализма.

И здесь нам опять приходится оглядываться на традиции. Никуда не уйти от того факта, что государство было фактически единственным работодателем и как следствие осуществляло всесторонний патернализм по отношению к трудящимся, да и всему населению в целом. В советский период этот патернализм под именем «забота государства о людях» являлся важнейшей частью официальной социалистической идеологии. Отсюда и особая специфическая роль профсоюзов, которые не могли быть стороной, противостоящей государству или администрации предприятия, так же государственного. Скорее профсоюзы были одним из многочисленных органов государства, осуществляющих патернализм в трудовых коллективах.

Такое положение дел есть серьезное препятствие рыночным преобразованиям, понимаемым в чисто западно-либеральном варианте. Пока эти патерналистские структуры (регионального и отраслевого уровней, и особенно на уровне предприятия) успешно противостоят правительству в его стремлениях к жестким бюджетным ограничениям. Поэтому трудно признать достаточно реалистичными некоторые предложения о скорейшем и быстреем внедрении социального партнерства в нашей экономике на основе ускоренного выращивания буржуазного класса. Все это быстро не делается, особенно в российских условиях.

Более того, если допустить, что через год или два мы будем иметь достаточно полнокровные стороны трипартизма (т.е. зрелое и ответственное предпринимательство, мощные и консолидированные профсоюзы, мудрое правительство), то прийти к социальному соглашению они смогут только после достаточно длительного периода конфронтаций и борьбы, периода пробы сил. Не зная силы друг друга они не смогут и не будут идти на соглашение, ибо неизвестна точка равновесия в таком соглашении. Только через социальную борьбу (будем надеяться в цивилизованных рамках) может быть выяснена степень мощи каждой стороны в трудовых отношениях и может быть найдена точка равнодействия этих сторон. Это естественный процесс, который был свойственен развитию трудовых отношений почти для всех стран Запада.

В основных чертах этот процесс шел и в России. Однако с одной важной особенностью: с сильной ролью государства в регулировании трудовых отношений, с сильным патернализмом. После 1917 г. патернализм постепенно превратился в государственный тоталитаризм. Поэтому сейчас вопрос стоит так: возврат к какому-то уровню патернализма, всегда присущего российскому экономическому менталитету или копирование каких-то западноевропейских образцов.

Таким образом, идея трипартизма имеет сегодня скорее политическое, нежели экономическое звучание. В реальном экономическом процессе рассматривать трипартизм как существенный фактор модернизации трудовых отношений пока не приходится. Глубинные социальные процессы опираются и еще долго будут опираться на патернализм государства. Проблема состоит в том, чтобы отходя от государственного тоталитаризма не впадать в другую крайность, в крайность рыночного либерализма прикрашенного флером социального партнерства. Государственный патернализм — это реальность, отбросить его невозможно. Но можно постепенно его смягчая переходить к современным

нормам социального партнерства, а лучше и разумнее к параметрам, так называемого, социального корпоративизма.

* * *

Таким образом, основные характеристики модели трудовых отношений, которая, на мой взгляд, имеет больше всего шансов утвердиться в реальности, или лучше сказать, более предпочтительна для наших условий, суть следующие:

Первая — учет существующей техники и технологии производства. Устаревшее оборудование и старая технология требуют определенной организации труда (в большей мере сдельщины, индивидуальных и среднеотраслевых норм выработки и т.п.). Современная технология, которая имеется на некоторых предприятиях требует иного типа трудовых отношений (большей демократизации трудовой жизни, преобладание повременной оплаты труда и др.). Таким образом, резко дифференцированные условия производства требуют весьма большого разнообразия типов организации труда, а стало быть, и более сложной структуры трудовых отношений.

Вторая — позитивные сдвиги в производстве за советский период. Существенная роль трудовых коллективов в управлении производством, их внутренняя солидарность; большая роль государства в регулировании трудовых отношений и в поддержке трудящихся; разветвленная система общественных фондов потребления.

Третья — национальные особенности российских народов. Стремление к коллективным (групповым) действиям, групповая солидарность, высокая трудовая мораль (работа не только «по графику», но «на совесть»), бескорыстие и товарищеская взаимопомощь.

Четвертая — рациональное содержание западной трудовой модели. Индивидуальное превосходство в труде (состязательность) и индивидуальная ответственность по результатам труда, риск и опора на собственные силы, законопослушность, высокая культура труда.

Соединение этих четырех характеристик в различных вариантах и должно представить новый, модернизированный тип трудовых отношений, который имеет наибольшие шансы утвердиться в реальности. Однако доминирующей характеристикой системы трудовых отношений, на мой взгляд, будет коллективно-наемный тип труда со значительными сегментами самоуправления и государственного патернализма. Проводимые нынешним российским правительством экономические преобразования не уделяют должного внимания модернизации трудовых

отношений. Это существенно снижает возможности достижения благоприятных перспектив в нашем хозяйствовании. Не решив проблемы труда, едва ли возможно перейти к эффективно работающей экономике, если, конечно, исходить из концепции благосостояния всего общества, а не единственной цели — формирования рынка любой ценой.

ГЛАВА 6.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ И ПРОБЛЕМА КЛАССОВ

Сколько бы не говорили о том, что классовое расслоение общества и классовая борьба уходят в прошлое, однако сами классы в реальности остаются. Конечно, мир меняется, меняется и социальная структура общества. Появляется много нового, но и старое еще не ушло совсем и бесследно. Возможно, в других формах и другом виде остается и классовая борьба. Пока еще мир далек от гармоничного социального развития. В настоящем тексте классовый подход используется в отличие от советской традиции в научном, объективистском смысле. В советской идеологической практике выделялся один привилегированный класс (рабочий класс как хороший) в противоположность всем другим и весь анализ социально-экономической динамики осуществлялся исключительно с точки зрения интересов этого класса. Научный подход рассматривает все классы в равной мере, избегая оценочных суждений. При анализе лишь констатируется различие существующих классовых интересов и экономический выигрыш тех или иных классов в рыночном процессе.

6.1. К теории классового подхода

Современное общество и западное, и российское, вопреки мнению неоклассической экономической теории, состоит не из отдельно бродящих индивидов, а из определенных социальных групп, слоев, страт или классов. Ибо экономическое поведение каждого человека определяется не совершенно уникальными и неповторимыми складками его одежды, т.е. не каким-либо случайным образом, а под воздействием объективных факторов его жизни и прежде всего участия в общественном производстве. А в этом производстве люди и объединяются даже помимо своей воли и сознания в определенные классы, группы или слои. Для русской социально-экономической литературы в свое время все это доступно разъяснил еще Г.В. Плеханов: «Всякая данная ступень развития производительных сил необходимо ведет за собою определенную группировку людей в общественном производственном процессе,

т.е. определенные отношения производства, т.е. определенную структуру всего общества»²¹¹. Это положение довольно прочно утвердилось в отечественной социальной науке с начала XX века. Мало кто отваживался его опротестовывать. Наоборот, в отечественной политической экономии развивалось и углублялось положение о классовой структуре буржуазного общества.

Хорошо и умно прояснял вопрос о необходимости в теоретическом анализе оперировать категорией общественного класса, а не индивидуумом еще в начале XX века крупный российский политэконом С.И. Солнцев: «На первый взгляд кажется, что центром и исходным пунктом хозяйственной жизни является лицо, индивидуум. Всякое же хозяйственное явление, отсюда, представляется по существу индивидуалистичным. Но по мере развития экономических знаний, по мере углубления экономического исследования, научная мысль удалялась от индивидуума и от явлений, лежащих на поверхности жизни, строя экономические абстракции и устанавливая такие хозяйственные категории, которые лежат глубоко от поверхностного слоя реальной, будничной, открытой для обывательского глаза жизни. В таких абстракциях индивидуалистический момент хозяйственных явлений постепенно исчезал; наоборот, социальный момент выдвигался все резче и резче. Такова, например, хозяйственная категория общественного класса, классовых отношений, которая в сущности далека от конкретной действительности и уже совершенно чужда индивидуалистических элементов»²¹². И вот эти социальные слои, группы и классы представляют социальные силы, определяющие динамику современного общества. «Историю творят, — замечает Луи Альтюссер, — не теоретики, не ученые или философы, историю творят не отдельные «личности» — ее творят «массы», то есть классы, объединившиеся для классовой борьбы»²¹³. Исследуя вопрос о преодолении кризисного состояния России и динамику общественного развития, полезно иметь обоснованное представление об этих самых «социальных силах». Речь идет по существу о научном понимании социальной структуры современного общества, т.е. о научном понимании этого общества.

Однако сегодня оперирование только категориями начала прошлого века, думается, недостаточно. И также будет недостаточно или ущербно забыть классические подходы и ограничиться в анализе каким-либо

²¹¹ Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. — М., 1956. Т. 1. С. 644.

²¹² Солнцев С.И. Заработная плата как проблема распределения. — СПб., 1911. С. 15–16.

²¹³ Альтюссер Л. Ленин и философия. — М., 2005. С. 77.

одним современным методом. Трудно в этом случае понять — как же будут выглядеть конкретно социальные силы вывода страны из кризиса и дальнейшего ее поступательного развития.

Вольно или невольно ярые сторонники классового подхода и также его ярые противники питаются остатками советских идеологических схем. В советский период, особенно в 1920–е и 1930–е годы, классовым подходом в анализе социальных явлений чрезмерно увлекались, он был явно гипертрофирован. Классы искали везде и всюду. Естественно, пытались в соответствии с точным, буквальным прочтением некоторых текстов Маркса, всю человеческую историю пронизать борьбой классов. Так, авторитетный для 1920–х годов советский историк М.Н. Покровский письма князя Курбского называл «памфлетом боярского класса». По Покровскому «таким же классовым произведением является и ответ Грозного Курбскому». Однако, даже с формальной точки зрения переписка между Курбским и Грозным не есть форма классовой борьбы, ибо спор между ними шел внутри одного класса. И по существу конфликт между ними не был классовым конфликтом, это не было классовыми отношениями, ибо Грозный представлял сам себя, а не какой-либо класс или слой тогдашнего населения. Даже крестьянские восстания средневековья нельзя представлять как классовую борьбу. Например, Е. Пугачев на место царя предлагал не демократическую республику, а самого себя, т.е. нового царя. Классовая борьба есть борьба на рынке за более выгодную продажу и покупку рабочей силы, за иное распределение социального продукта. Крестьянские восстания эпохи феодализма носили принципиально другой характер. Для характеристики этой борьбы нужен другой термин. Так что, классы и классовые отношения в точном смысле этого понятия появляются с зарождением капитализма и утверждением буржуазного общества. Буржуазное общество — это классовое общество.

Согласно некоторым текстам Маркса и тем более Энгельса, да, в феодальном обществе есть классы. Я беру на себя смелость не согласиться с Марксом. Опасно, конечно, но что делать? В феодальном обществе есть не классы, а сословия. Класс — это свободная социальная мобильность. Человек может свободно переходить из одного класса в другой. А в феодальном обществе это невозможно. Наш помещик не мог стать крепостным никак, крепостной мог выкупиться, стать купцом, торговцем, но не помещиком. Социальной мобильности в феодальном обществе не было.

Таким образом, положение о том, что классы существуют во всех «до сих пор существовавших обществах», следует считать преувеличением

и не содержащим научной основы. Следовательно, фразы типа того, что «классовое общество возникло впервые в результате разложения первобытно-общинного строя», которые были типичны для учебников советского периода, можно считать устаревшими. Но на этом основании неосмотрительно будет впадать в другую крайность: считать классовый подход давно и прочно преодоленным в современном обществе. Классовый подход в общественном анализе продолжает быть актуальным и сегодня.

Итак, классы. Действительно, чтобы общество изучать и понимать, что и как там происходит, надо это общество структуризировать или, как говорят социологи, стратифицировать. То есть, для продуктивного изучения общества и его динамики необходимо делить или раскладывать общество на группы, слои, классы. Еще в начале XX века это отмечал П.Б. Струве: «Понятие «класс» есть попытка для сложной системы многообразных текучих общественных отношений указать как бы точку кристаллизации, выделить такое единство, какое могло бы мыслиться как верховный субъект и деятель этих отношений. Это вполне законная операция, но необходимо помнить ее границы и смысл»²¹⁴. Собственно говоря, ученые и политики всегда общество делили на классы, слои и группы. Как бы не относиться к классовому подходу в изучении общества, любить его или не любить, однако в практике его используют все, даже его противники. Скажем, все делят общество на класс богатых и бедных, хозяев и наемных работников, «работодателей» и «работополучателей» и т.д.

Как отмечают историки, идеи общественных классов и классовой борьбы возникли в глубокой древности. Проблемы социального неравенства и социальных конфликтов отмечались еще в эпоху Древнего Востока. Но, собственно, основы научной теории классов впервые заложили историки времен французской реставрации. Под классами они понимали большие группы людей, занимающие различные места в системе отношений собственности, всех имущественных отношений.²¹⁵ В политической экономии классовый анализ общества обычно связывают с именами А. Смита и Д. Рикардо, которые впервые разделили общество на три класса: лендлордов, капиталистов и рабочих.²¹⁶ Сам К. Маркс писал по этому поводу: «Что касается меня, то мне

²¹⁴ Струве П.Б. Избранные сочинения. — М., 1999. С. 75.

²¹⁵ Семенов Ю.И. Философия истории от истоков до наших дней: основные проблемы и концепции. — М., 1999. С. 170.

²¹⁶ Chilcote R.H. Theories of Comparative Political Economy. — Boulder: Westview Press, 2000. P. 89.

не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собою. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов». ²¹⁷ Однако в законченном виде теория классов как научная теория была развита в марксизме и, естественно, что классовый подход связывают прежде всего с учением марксизма. Хотя весь марксизм было бы неоправданно сводить исключительно к классовому подходу или считать, что последний составляет основной элемент марксистского учения.

В XX веке наблюдается постепенный отход от узко понимаемой классовой трактовки общества, увязанной с отношениями собственности и процессом перераспределения прибавочной стоимости (деление на два или три класса: класс эксплуататоров и класс эксплуатируемых). Получает развитие более разнообразный и более дифференцированный подход к изучению социальной структуры общества. Однако классовый подход не отменяется, ибо не исчезли еще и сами классы. Хотя тенденции в этом направлении очевидны. Американский исследователь этих вопросов пишет, что «анализ социальных классов и классовой структуры составляет сердцевину в изучении структуры и организации общества и социальных систем... Историческое и современное изучение классовой структуры обществ позволяет нам понять природу и динамику этих обществ и их трансформацию как зависимость от уровня развития их классовых противоречий». ²¹⁸ Интересно отметить, что в современной западной социологии после долгого господства подходов М. Вебера сегодня начал возрождаться интерес к марксистскому классовому анализу. ²¹⁹ Или вот наблюдение популярного западного интеллектуала Ноама Хомского, сделанное в 1996 году. Он пишет, что такое респектабельное издание как *Wall Street Journal* публикует на первой странице статью, где речь идет о «классовой войне» и «экономических классах». «В США эти термины, — подчеркивает Хомский, — до недавнего времени не были употребительны, но теперь и они пошли в ход». Говоря дальше о самих США, Хомский отмечает: «Это общество с очень высоким классовым сознанием, очень марксистское по своему

²¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 28. С. 424.

²¹⁸ *Berberghe Berch*. Class Structure and Social Transformation. — Westport, Connecticut, 1994. P. XI.

²¹⁹ См.: *Wright E.O.* (ed.) The Debate on Classes. — L., 1989; *Crompton R.* Class and Stratification. An Introduction to Current Debates. — Cambridge, 1993.

характеру, «вульгарно» марксистское, общество, ведущее жесткую классовую войну и осознающее это»²²⁰.

Вместе с тем, не отбрасывая марксистский классовый анализ, который продолжает оставаться и сегодня основным, нужно учитывать и новые реалии. Этот момент отмечается в научной литературе, например, таким образом: «Нынешняя социальная структура капитализма рождает широкую и при этом размытую картину социальных слоев... На этой стадии развитие разнообразных переходных отношений... приводит к образованию многообразных межклассовых и внутриклассовых страт, слоев...»²²¹. Классы и классовое деление общества в большей мере или в более развернутом виде присуще обществу с развитой рыночной экономикой. Классы — это категория буржуазного общества. Вот почему и нужна тут политэкономия. Ибо, как уже говорилось, классовый анализ есть основной метод политэкономического познания буржуазной действительности. Перерастание буржуазного общества, скажем, в постиндустриальное ведет к потере рынком его стратификационных свойств, что вызывает переход от примитивной классовой структуры к более сложной социальной структуре. Классовый подход можно рассматривать как часть или характеристику социальной стратификации как таковой. Социальная стратификация всегда была и есть и по мере развития общества имеет свойство усложняться. Классовое деление возникает лишь на этапе капиталистического развития и имеет свойство когда-нибудь закончиться. Если общество «строит» классический капитализм, то оно создает и классы с их противоречивыми интересами и противоборством. Если же общество «уходит» от состояния классического капитализма, то и классовый подход теряет свою актуальность.

В прежней советской официальной идеологии господствовало строгое определение классов, данное в свое время В.И. Лениным. «Классами называются большие группы людей, — писал Ленин, — различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общест-

²²⁰ Хомский Н. Классовая война. — М., 2003. С. 19, 35.

²²¹ Бузгалин А., Колганов А. Глобальный капитал. — М.: УРСС, 2004. С. 145.

венного хозяйства»²²². Это классическое ленинское положение, которое множество раз воспроизводилось во всех учебниках общественных наук советского периода. Ничего неправильного здесь нет, имея в виду начало XX века. Иметь надо в виду также и то, что в этом ленинском определении дается не 4 или 5 признаков класса (1. место в исторически определенной системе производства; 2. их отношение к средствам производства; 3. роли в общественной организации труда; 4. способ получения богатства; 5. размерам доли богатства), на что иной раз указывают комментаторы, а всего лишь два: а) отношение к средствам производства и б) отчуждение (присвоение) труда. Ибо все выше перечисленные пункты от 1 до 5 — есть одно и то же явление, описанное с разных сторон. Можно ограничиться и одним, наиболее общим признаком. Однако для современного общества, где существует масса разнообразных групп и слоев такой подход очень абстрактен. Поэтому ключевой ленинский критерий эксплуатации (или отношения к собственности) в данном случае уходит в тень и на поверхность выступает ряд других критериев стратификации: прежде всего экономический доход, а также профессионально-функциональная структура занятого населения.

Может ли сегодня собственность выступать главным, исчерпывающим критерием социальной стратификации? Вот в чем гвоздь вопроса. Простой факт может ответить на него совершенно отрицательно. Ибо, как уже неоднократно нами отмечалось, сегодня в развитых странах Запада, да и в любой индустриально развитой стране 70–90% занятого населения работает по найму, свой основной источник существования имеет в виде заработной платы. То есть подавляющее большинство занятых лишены собственности на средства производства, но при этом они не составляют одного класса или социального слоя. Даже те работники акционерных компаний, которые в собственности имеют некоторое количество акций своего предприятия и получают по ним некоторый дополнительный доход, также не могут рассматриваться собственниками, ибо их индивидуальный пакет акций незначителен и не играет решающей роли. Собственность в таких компаниях распылена среди тысяч мелких держателей акций и не она определяет экономическое и социальное положение работников.

Более того, в крупных современных корпорациях, где формальными собственниками являются тысячи мелких акционеров, высшие менеджеры этих компаний, которые могут и не иметь акций, т.е. не быть

²²² Ленин В.И. Полн. собр. соч., Т. 39. С. 15.

собственниками, превращаются в фактических распорядителей капитала компании. Иными словами, нарушается традиционная связь между трудом и капиталом. Наемный менеджер диктует условия производства владельцам капитала. Это принципиально новое явление современного капитализма было отмечено еще в середине прошлого века («революция управляющих» Дж. Бернхема). Сегодня это явление превратилось в большую проблему для капитализма, ибо часто менеджеры под предлогом убыточности производства снижают выплаты дивидендов собственникам, но сохраняют себе высокие оклады и бонусы. Американский специалист по паевым фондам Д.К. Богл пишет: «За последние 25 лет вознаграждения генеральных директоров в текущих долларах возросли почти в 16 раз, тогда как средняя заработная плата рабочего возросла чуть более чем в 2 раза». Хотя и раньше, т.е. в 1980 г. средние вознаграждения директоров превышало среднюю зарплату рабочего в 42 раза, а в 2004 г. уже — в 280 раз²²³. Все это привносит новые формы социально-классовой структуры (появляется класс высших управляющих) и новые перспективы классовой борьбы. Но тем не менее социально-классовая структура общества и в современном мире продолжает существовать, правда, на несколько иных основаниях и в несколько иных формах.

Мы находимся в динамике перехода от традиционной классовой структуры к новой структуре, которая будет состоять не из классов, а, как я называю, профессионально-функциональных групп, но еще не перешли. Мы в этом процессе. Более того, если бы мы плавно из Советского Союза переходили в какое-то постиндустриальное общество или «общество знаний», может быть, этот процесс был бы более четкий. Сейчас мы «въехали» в дикое капиталистическое общество, нормально-буржуазное, где все очень перемешано. И здесь мы столкнулись и еще столкнемся с проблемой обострения классовой борьбы. Не обязательно только между рабочими и предпринимателями. Такая борьба пока только начинается, потому что при спаде производства не было потребности в рабочем классе, сейчас такая потребность появляется. Увеличивается дефицит высококвалифицированных рабочих кадров. И они уже почувствовали (забастовки на «Форде» под Санкт-Петербургом) даже солидарность, поддержку западных профсоюзов. Это только начинается. Если мы хотим развивать свою индустрию, промышленность, то на возможность обострения классовой борьбы глаза закрывать не надо. В целом же процесс изменения социальной струк-

²²³ Богл Д.К. Битва за душу капитализма. — М., 2011. С. 29, 60.

туры общества идет от классовой структуры к более сложной, статусной или функциональной и т.д. Россия сейчас находится в некоторой паузе. Выберемся мы из дикого капитализма в постиндустриальное общество или в «общество знаний», тогда мы плавно перейдем в новые категории. Но пока мы еще барахтаемся в том, что есть.

6.2. Классы современной России

Теперь хотя бы кратко охарактеризуем проблему основных классов современной России: рабочего класса, бизнес-класса, бюрократического класса и среднего класса, а также аграрного класса. Хотя в таком виде ранжировать социальную структуру современного российского общества будет не очень точно или с сугубо научной точки зрения некорректно. Ибо некоторая часть бюрократического класса неизбежно попадает в средний класс. Высокооплачиваемые слои рабочего класса также могут оказаться в среднем классе. И вообще, вряд ли правомерно совмещать в одной стратификации рабочий класс и бизнес-класс, с одной стороны, и средний класс, с другой. Средний класс, а лучше говорить о средних слоях, отражает более современную стратификацию. Много вопросов может вызвать конструкция «аграрный класс». И все же, думается, для первого подхода можно назвать именно эти пять классов. Одни классы уходящие, другие — формирующиеся.

Рабочий класс. В теоретических изысканиях продолжает оставаться весьма актуальной проблема рабочего класса как самого активного субъекта истории, определяющего ее ход. Как и в первой половине XX века, многие исследователи продолжают искать в рабочем движении демиурга истории. Особенные надежды возлагается на рабочее движение как на силу, способную переломить российскую кризисную ситуацию. И действительно, в конце 1980-х годов рабочие выступления, прежде всего шахтерские забастовки, были, возможно, одним из наиболее заметных факторов, существенно ускоривших конец советской власти. Однако последовавшее десятилетие многостороннего кризиса производства, роста безработицы, падения жизненного уровня, как ни странно, резко снизили протестную активность российских рабочих. Во всяком случае, на политической арене рабочий класс перестал быть (или, точнее, перестает быть) активным субъектом истории. Так, например, в 1997 г. наиболее активным на забастовки, в забастовках участвовало в промышленности 1,2% от всей численности рабочих в отрасли, а в образовании 8,8% от всех занятых в этой отрасли. Таковы факты. Это противоречило всем канонам

прежнего советского обществознания и естественным образом породило вопрос: кто же сегодня определяет ход истории?

Исследовать эту проблему можно двояким образом: теоретическими построениями и эмпирическими наблюдениями. Относительно последнего важное место занимает статистическое определение величины современного рабочего класса, ибо постоянно сокращающаяся его численность сама собой ответила бы отрицательно на вопрос: может ли современный рабочий класс представлять наиболее мощную социальную силу современности?

Но прежде разберемся с понятием «рабочий класс». Думается, что в рабочий класс нельзя зачислять всех работающих по найму, которых в России насчитывается более 90% от всех занятых. Такой подход, часто встречающийся даже у серьезных исследователей, не проясняет социальную структуру, а запутывает.²²⁴ Ибо в «рабочий класс» при таком весьма расширенном подходе попадают самые разнообразные люди: высшие руководители, государственные чиновники, офицеры армии и МВД, журналисты, профессора и т.п. Смазывается грань между «рабочей профессией» и любой другой деятельностью, выполняемой по найму.

Теперь приведем конкретные данные по численности рабочего класса, используя методику подсчета, изложенную в ранее опубликованных наших работах.²²⁵ Так, в 1997 г. численность рабочих составляла 18,8 млн. человек, или 31,4% всех занятых в народном хозяйстве. В 1998 г. — 17,8 млн., или 30,8%; в 1999 г. — 19,0 млн., или 31,8%; в 2000 г. — 19,2 млн., или 31,6%. Хотя в последние несколько лет численность рабочих несколько возросла (в 2010 г. численность рабочих составила примерно 31 млн. человек или более 45% от всех занятых)²²⁶. Это можно объяснить некоторым ростом промышленного производства, но это не меняет принципиально удельный вес рабочего класса в социальной структуре современного российского общества. Таким образом, можно сделать общий вывод, что рабочий класс в стране есть и составляет довольно значительную величину, порядка более 30% всех занятых в народном хозяйстве. Причем за последние годы он численно вырос и превысил 40% от всех занятых в народном хозяйстве. Хотя последняя цифра представляется

²²⁴ См.: Славин Б. Кто сегодня определяет ход истории? — «Альтернативы», 2000, № 2. С. 30.

²²⁵ См.: Политико-экономические исследования социальной структуры общества. Под ред. М.И. Воейкова и Г.В. Анисимовой. — М., 2006; Воейков М.И. О классовом подходе и классах в современной России. — М.: ИЭ РАН, 2007.

²²⁶ Россия в цифрах. 2011. Крат. стат. сб. — М.: Росстат, 2011. С. 97.

несколько завышенной, ввиду неточности статистической идентификации рабочей профессии.

Есть еще один важный момент, на который почему-то не обращают внимания при теоретических рассуждениях об исторической роли рабочего класса, хотя в социологической литературе можно встретить частые упоминания об утрате солидарности среди рабочего класса, но всестороннего анализа причин этого явления не проводится. На наш взгляд, одна из важнейших причин утраты солидарности рабочим классом состоит в резком расслоении этого класса, в сильной дифференциации оплаты труда занятых в различных отраслях народного хозяйства. Несколько подробнее об этом будет сказано ниже.

Таким образом, рабочий класс, конечно, еще продолжает оставаться довольно значительным социальным слоем, но, думается, свою авангардную роль в социальном прогрессе он начинает утрачивать. Эмпирическое изучение вопроса показывает, что рабочий класс в современной России составляет лишь треть (или несколько больше) всех занятых в экономике. Более того, рабочий класс экономически резко расслоен. Занятые, например, в топливных отраслях по уровню своих доходов приближаются или уже составляют так называемый, средний класс. Работники легкой, пищевой промышленности, наукоемких отраслей во многом находятся на уровне черты бедности и даже ниже. Рабочие утрачивают единое классовое самосознание, превращаясь в особые профессиональные группы.

Конечно, процесс утраты рабочим классом своей классовой роли еще далек до окончания, но эта тенденция набирает силу и в недалеком будущем, видимо, станет господствующей и в России.

Бюрократический класс. По старой марксистской схеме бюрократия (государственное чиновничество) не может рассматриваться как самостоятельный социальный класс, ибо она не владеет собственностью и обслуживает интересы тех, кто ей владеет. Но известно, что в СССР была мощная бюрократия, которая обслуживала свои собственные интересы, ибо других собственников там не было. Поэтому бюрократию вполне можно рассматривать как особый социальный класс, который господствовал в период «государственного социализма» и в сегодняшней России представляет мощную силу. Согласно веберианской классовой теории, бюрократия цельный и полнокровный класс.

Сегодня, по косвенным данным можно предположить, что (как минимум) 20–25% от всех занятых приходится на «бюрократический класс» (всякого рода госчиновников, руководителей, директоров, начальников

и т.п.). Приведем некоторое обоснование этой цифры. Выявить точную численность «бюрократического класса» на основе имеющейся статистики не представляется возможным. Да и само это понятие весьма условно. Но некоторые расчеты ориентировочного характера сделать все же можно. Приведем их по двум доступным годам: 2005 и 2009. Так, к данному классу можно отнести такие разряды: а) «Руководители (представители) органов власти и управления всех уровней» — 2005 г. — 2646 тыс. чел. и 2009 г. — 5232 тыс.; б) «Прочие специалисты высшего уровня квалификации» — 2005 г. — 3104 тыс. чел. и 2009 г. — 5693 тыс.; в) «Средний персонал в области финансово-экономической, административной и социальной деятельности» — 2005 г. — 3950 тыс. чел. и 2009 — 4655 тыс.; г) «Служащие, занятые подготовкой информации, оформлением документации и учетом» — 2005 г. — 1346 тыс. чел. и 2009 г. — 1382 тыс. Сложив эти цифры и отнеся их к общему числу занятых, получим примерно 25,5% численности «бюрократического класса» в 2005 г.. Тот же подсчет за 2009 г. дает от общей численности занятых 24,4%. Однако это очень грубый и ориентировочный подсчет, который дает лишь нижнюю границу этого класса. И надо сказать, что этот «бюрократический класс» сегодня выглядит более сплоченным и более активным, чем традиционный рабочий класс.

Бюрократия собственностью формально не владеет. Она не собственник, поэтому она и бюрократия. Если бы она была собственником, то она бы по-другому называлась. Но бюрократия хочет быть собственником. Рано или поздно она захочет быть пайщиком этого акционерного общества или полным владельцем, передавать свои привилегии по наследству и т.д. Иначе теряет смысл пользования этими самыми привилегиями и преимуществами — теряется удовольствие. На то она и бюрократия, что она хочет, с одной стороны, быть собственником и туда лезет, наконец, становится собственником, а с другой стороны, приходят другие бюрократы, которые говорят: ты успел урвать, а мне не досталось, и я буду с тобой бороться. И сейчас эта борьба между бюрократическим классом, который в России получился почему-то больше, чем в Советском Союзе, с одной стороны, и бизнес-классом, с другой, обостряется, потому что делить собственность стало сложнее. Передел собственности есть, этого никто не скрывает

О возможности превращения бюрократии в социальный класс в свое время писал еще Л.Д. Троцкий: «Привилегии имеют лишь половину цены, если нельзя оставить их в наследство детям. Но право завещания неотделимо от права собственности. Недостаточно быть директором

треста, нужно быть пайщиком. Победа бюрократии в этой решающей области означало бы превращение ее в новый имущий класс»²²⁷. И действительно, после 1991 г. часть государственной бюрократии превратилась в предпринимателей или бизнес-класс. Но бюрократия как таковая осталась и сама собой представляет мощный социальный класс.

Средний класс. Иное дело средний класс, хотя трудности его идентификации также существенны. Главную трудность составляет слабая разработанность понятийного инструментария. Для идентификации социальной структуры важно понять и выявить те экономические и социальные интересы, которые объединяют людей в какую-то социальную общность. Конечно, люди которых можно относить к среднему классу (точнее говоря, к средним слоям), обладают различными интересами и устремлениями. Но если все-таки вычленять главную составляющую жизненных устремлений большинства людей сегодняшнего общества, то это, несомненно, будет стремление к возможно большему росту материального благосостояния. То есть экономический интерес материального благополучия является главным конституирующим признаком среднего класса.

Поясним эту мысль рассуждениями Ж.-П. Сартра о мелкой и средней буржуазии, которая ежедневно борется за свою репутацию. Приведем пространную выдержку из его сочинения, правда, посвященному другой теме. Но «игра стоит свеч». Сартр пишет, что успех такой буржуазии зависит «не от умения работать с материалом, а от вашего реноме, от мнений, которые имеют о вас другие люди». Адвокат, журналист, торговец зависят от клиентуры, «они должны понравиться». Из этого следует, — продолжает Сартр, — «что профессии, о которых мы говорим, полны церемоний: приходится обольщать, и удерживать, и снискивать доверие; эти церемонии, эти тысячи маленьких танцев, необходимых для привлечения клиентов, требуют строгости в одежде, внешне безупречного поведения, вообще — почтенности. Таким образом, превыше всего здесь — репутация: вы ее создаете себе и ею живете; это значит, что вы, по существу, находитесь в полной зависимости от других людей, в то время как крестьянин прежде всего имеет дело с землей, а рабочий — с материалом и инструментом»²²⁸. Представляется, что это очень точный и остроумный критерий выделения среднего класса. Действительно, рабочий изготавливает материальный продукт,

²²⁷ Троцкий Л.Д. Преданная революция. — М., 1991. С. 210.

²²⁸ Сартр Ж.-П. Портрет антисемита. — М., 2004, с. 181.

который можно измерить и за который он получает оплату труда. При этом рабочему совсем не обязательно быть почтительным к этому продукту и даже к хозяину. Репутация рабочего материализованна в продукте и зависит от его качества и количества. Высшему классу также не надо заботиться о своей репутации, ибо она у него прочно завоевана: или наследством, или громадным банковским счетом. А вот средний класс каждый день должен биться за свою репутацию. Сартр называет такие профессии «реноменальными» и мы вслед за ним назовем такой критерий идентификации среднего класса «реноменальным».

Буржуазность или реноменальность среднего класса хорошо иллюстрируется историей европейских стран. Корни свои он ведет от средневекового города, городского ремесленничества, его цеховой структуры. В России всего этого не было, как не было и развернутого капитализма. Однако буржуазные отношения начали формироваться еще в старой России и продолжились в России советской. Поэтому средний класс был и в СССР, но имел там двойственную природу. С одной стороны, ему навязывали высшие интеллектуальные и социалистические ценности и соответственно ориентировали его развитие. Отсюда высокий уровень образования и престиж интеллектуальных профессий. Однако, это во многом было формально, фразеологически. С другой стороны, в реальности средний класс все больше пронизывался буржуазными отношениями и ценностями. Особенно это стало ярко проявляться во времена «застоя». В постсоветской России средний класс получил дополнительные основы своего существования.

Итак, в стране имеется и достаточно крупный средний класс, численность которого по разным оценкам колеблется от 25 до 45 %. По нашим исследованиям, средний класс в современной России охватывает не менее 30 % населения страны и в последние несколько лет демонстрирует даже некоторый рост (см. таблицу 1)²²⁹.

Таблица 1

Динамика среднего класса

	1992	1995	1998	2003	2004	2005	2007	2008	2009	2010
СК (%)	27,1	29,4	30,7	27,7	32,0	32,3	30,4	31,1	33,4	40,2

Средний класс в постсоветской России демонстрирует отчетливую тенденцию к стабилизации своей числовой величины. Даже в годы послед-

²²⁹ См.: Воейков М.И. Трансформационная Россия: поиск адекватной теории. — М., 2003. С. 72–90; Воейков М.И. О классовом подходе и классах в современной России. — М.: ИЭ РАН, 2007.

него экономического кризиса (2008–2009 гг.), когда ВВП страны снизился на несколько процентных пунктов, динамика среднего класса оставалась положительной. Эта динамика хорошо коррелируется с кривой роста покупательной способности населения и кривой приобретения недвижимости (см. рисунок 1), которые в кризисные годы продолжали расти.

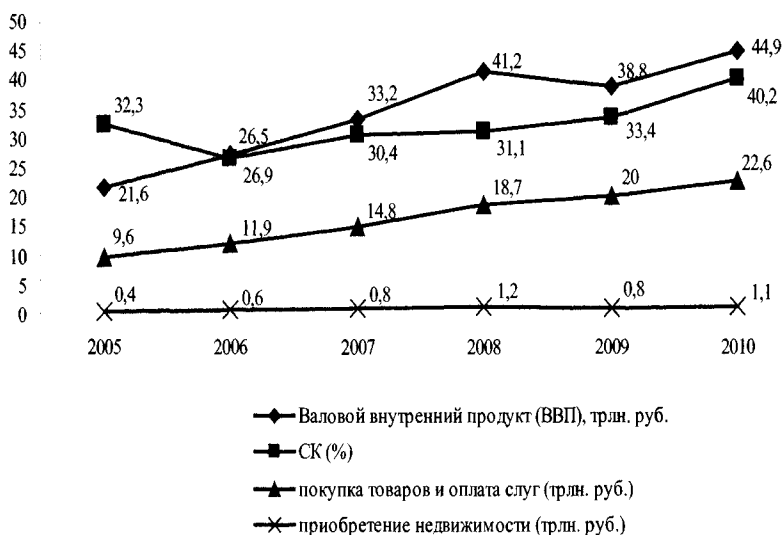

Рис. 1. Динамика ВВП, среднего класса, расходов на покупку товаров, оплаты услуг и приобретение недвижимости

Из этих данных можно сделать тот вывод, что многочисленные сетования по поводу «невозникающего» среднего класса, что в ходе российских реформ «не удалось» сформировать средний класс реально лишь в небольшой степени. Из приведенных данных видно, что в современной России средний класс есть. Конечно, сегодня средний класс не очень большой и с не очень ясной перспективой. Более того, вполне можно утверждать, что какая-то часть среднего класса появилась именно благодаря российским реформам. И от ее динамики, видимо, будет зависеть не только социальное качество среднего класса, но и всего общества в целом.

Сегодняшние средние слои состоят из трех крупных отрядов. Первый — интеллигентская часть старого (еще советского периода) среднего класса, которая все больше и больше сжимается. Как-то рука не поднимается написать, что университетский профессор сегодня статис-

тически выпал из среднего класса, ибо его уровень дохода заметно не дотягивает до нижней границы этой страты. Второй — прежние партгосчиновники и советские хозяйственные руководители, который несколько трансформировавшись, но в целом, видимо, удержал свои позиции или даже расширился. Например, директора и первые лица прежних государственных предприятий в целом и сегодня остались в рамках среднего класса. Третьи — совершенно новые люди, пришедшие из самых разнообразных областей и сфер, прямо связанные с вновь созданным частным сектором.

Бизнес-класс. В последние годы идет интенсивный процесс формирования класса крупной и средней буржуазии, говоря по-старому, класса капиталистов. В литературе об этом пишут мало, за исключением олигархического слоя. Но это ничтожная часть всего капиталистического класса. Если Россия стала или становится капиталистической страной, то, следовательно, здесь должен появиться и заметный класс капиталистов. И думается, нет нужды стесняться этого определения. Техническое название «работодатель» скрывает межклассовые отношения, затрудняет научное понимание социальной структуры. Политэкономия и обязана вернуть понятие «капиталист» в Россию, легализовать эту социальную страту. Вещи надо называть своими именами.

Количественное определение бизнес-класса представляет чрезвычайные трудности. И не только потому, что нет достаточно разработанной статистической базы, но, главным образом, ввиду слабой разработанности понятийного аппарата. Так, в бизнес-слой Т.И. Заславская включает следующие группы: классические предприниматели, самозанятые, бизнесмены-менеджеры, полупредприниматели, менеджеры-совладельцы, наемные менеджеры. Однако ясно, что, собственно, в бизнес-класс без всяких оговорок может попасть только первая группа — классические предприниматели. По остальным группировкам возникает очень много вопросов. Так, в самозанятые может попасть не только бизнесмен, ворочающий миллионами, но и бабушка, продающая пучок укропа у входа в метро. Согласно официальной статистике «работодатели» составляли в 2005 г. 1,3% от всех занятых в народном хозяйстве. Но это, думается, есть минимальное численное значение этого класса. Тем не менее, класс крупной и средней буржуазии в России есть, и будет не очень продуктивно закрывать на это глаза.

Аграрный класс. В социальной структуре современного российского общества важное место также занимает крестьянство, т.е. те, кто живет в сельской местности и работает в сельском хозяйстве. В 2010 году в сель-

ском хозяйстве (плюс охоте и лесном хозяйстве) страны было занято почти 6,5 млн. человек или примерно 9,6% от общей численности занятых в народном хозяйстве²³⁰. Однако сам состав этих занятых на селе, т.е. структура сельского населения сегодня очень неоднородна. Тут есть и фермеры, и наемные работники агрофирм, и кооператоры, и, видимо, какие-то остатки «колхозного крестьянства». Возможно, есть что-то еще.

Таким образом, чтобы понять то общество, которое у нас сейчас есть, складывается или развивается, надо понять его социальную структуру. Просто сказать, что структура состоит из отдельных групп и слоев людей, это мало. Потому что отдельные слои могут не фрондировать друг с другом, у них могут быть разные, не перекрещивающиеся интересы. А классовые интересы, конечно, перекрещиваются. Вот правильно называют бюрократический класс и так называемый олигархический, или предпринимательский класс, класс крупного бизнеса как ведущие классы современного российского общества. Сейчас, между прочим, между ними идет серьезная борьба. И тонус нашего общества и его динамика определяется совсем не борьбой рабочего класса и работодателей, а вот именно борьбой этих двух классов. И мы видим как за последние 15–20 лет перетягивание социального продукта, или общего одеяла сейчас пошло от олигархического класса к бюрократическому классу.

6.3. Рабочий вопрос в России

В литературе первой половины XX века как правило рабочий класс и рабочее движение рассматривали в качестве основной социальной силы общественного развития. Хотя в конце этого периода в западной литературе стали появляться иные взгляды, но установка на ведущую роль рабочего класса для советской общественной науки была типична до самого конца советского периода. Такие взгляды встречаются и сегодня. В политической экономии проблема рабочего класса традиционно трактовалась как «рабочий вопрос».

«Рабочий вопрос» — часто употребляемое понятие, хотя строгое научное содержание вкладывается в него далеко не всегда. Далее мы подробно рассмотрим содержание этого понятия. Здесь же отметим, что нельзя это понятие отождествлять с понятием «социальная проблема» или проблема «труда и капитала». Конечно, это тесно, генетически связанные понятия. Но между ними имеется и существенная разница. Социальная проблема имеет в виду в целом расслоение общес-

²³⁰ Россия в цифрах. 2011. Крат.стат. сб. — М.: Росстат, 2011. С. 96.

тва на бедных и богатых, эксплуатацию одной части общества другой. «Рабочий вопрос» ограничивает эту проблему лишь частью общества, а именно, рассматривает взаимоотношения между, собственно, рабочим классом и всем остальным обществом, и тем более или прежде всего — между рабочими и их «хозяевами», работодателями. Это более узкое, а потому и более точное понимание «рабочего вопроса».

Еще одно необходимое пояснение. Как неосмотрительна подмена «рабочего вопроса» социальной проблемой, так же будет неосмотрительна другая подмена — рабочего класса всем классом трудящихся в качестве наемных работников. То есть, под рабочим классом, рабочим человеком понимаются не все занятые в экономике по найму, к чему склонны некоторые современные социологи, но лишь те, кто занят рутинным, физическим трудом в сфере материального производства. Этот вопрос нами уже подробно рассматривался в предыдущих публикациях.²³¹ Тут же еще раз отметим, что расширение рабочего класса до масштабов всего трудящегося населения, работающего по найму, смазывает и запутывает саму проблему. Ибо это работающее население, которое в развитых странах охватывает 70–90% всех занятых в экономике, представляет собой очень разнородный и разнокачественный массив. Так, высшие менеджеры по экономическим и социальным критериям существенно отличаются от простых конторских работников, преподаватели вузов от полицейских, государственные чиновники от артистов и т.п., и т.д. А также вся эта публика от, собственно, рабочих. Хотя все они как и рабочие работают по найму. Значит, для научного стратификационного анализа весь этот массив трудящихся придется дифференцировать и квалифицировать на специальные группы и подгруппы. Иными словами, придется вернуться к исходному пункту критерияльного вычленения, собственно, рабочих.

Кроме того, объединение трудящихся в рабочий класс по критерию наемного труда неудачно, ибо некоторая часть рабочих сюда вообще не попадает. Имеется ввиду так называемые самозанятые работники, занимающиеся исключительно физическим трудом. Сюда можно отнести ремесленников, строителей, ремонтников и других, которые трудятся

²³¹ См.: Воейков М.И. К вопросу о количественном и качественном составе рабочего класса. // Рабочий класс в процессах модернизации России: исторический опыт. Под ред. А.В. Бугалина, Д.О. Чуракова, П. Шульце. — М., 2001. С. 166–175; Воейков М.И. Об экономической дифференциации рабочего класса и рабочем движении. // Рабочий класс и рабочее движение России: история и современность. Под ред. А.В. Бугалина, Д.О. Чуракова, П. Шульце. — М., 2002. С. 10–25.

на условиях индивидуальной трудовой деятельности или же в кооперативах без наемного труда. Возможно, этот слой рабочего класса нельзя рассматривать в качестве пролетариата, под которым традиционно и оправданно понимают фабрично-заводского рабочего. Но самозанятые работники физического труда и рабочих профессий объективно относятся к рабочему классу, ибо ни к какому другому классу их отнести нельзя. Таким образом, для научного и точного определения рабочего класса следует пользоваться традиционным его пониманием. Тем более, что в настоящем тексте нас интересует положение и судьба именно рабочего класса как раз на фоне других слоев трудящегося населения.

«Рабочий вопрос» также органично связан с рабочим движением, хотя и между ними есть различие. Рабочее движение есть один из методов, способов разрешения или смягчения «рабочего вопроса». Органическая связь между ними проявляется в том, что если нет «рабочего вопроса», то, стало быть, нет и рабочего движения. Также и обратно, отсутствие рабочего движения или его вялое протекание должно свидетельствовать или об отсутствии «рабочего вопроса», или об его угасании.

Появление «рабочего вопроса» восходит, видимо, к середине XIX века, когда в Западной Европе начала интенсивно развиваться промышленность, индустриализация. Немецкий исследователь начала XX века С. Калина-Эйзенбух пишет об этом так: «Для политической экономии рабочий вопрос возник лишь тогда, когда пролетариат, как класс, сплоченно и организованно обратился со своими требованиями к обществу, т.е. к правящему классу. Это последовало только ко времени Милля»²³². Однако политическая экономия брала этот вопрос тогда очень широко, связывая с ним все проблемы труда и рабочей силы: проблемы стоимости и прибавочной стоимости, заработной платы, распределения, бедности, безработицы, народонаселения, положения рабочего класса, классовой борьбы, фабричного законодательства и т.д.

Возможно, первой или наиболее классической специализированной работой в этой области была книга Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». Приведем по необходимости большую цитату из этой книги с тем, чтобы дать наибольшее представление об этом вопросе в самой общей классической постановке. Итак, Ф. Энгельс писал в 1845 г.: «Положение рабочего класса — это положение огромного большинства английского народа. Вопрос о том, какова должна

²³² Калина-Эйзенбух С. Рабочий вопрос в классической политической экономии. — М.: Изд-во «Московский рабочий», 1923. С. 98.

быть участь этих миллионов обездоленных, которые проедают сегодня то, что заработали вчера, которые своей изобретательностью и своим трудом создали величие Англии, которые с каждым днем все более сознают свою силу и все настоятельнее требуют своей доли в общественных благах, — этот вопрос со времени билля о реформе стал вопросом общенациональным. Все мало-мальски важные парламентские дебаты можно свести к этому вопросу, и если английская буржуазия до настоящего времени этого признать не хочет, если она пытается замолчать этот великий вопрос и выставить свои собственные интересы как интересы истинно национальные, то ей это вовсе не удаётся сделать. С каждой парламетской сессией вопрос о рабочем классе приобретает всё большее значение, а интересы буржуазии отступают на задний план, и, хотя буржуазия и является главной и даже единственной силой в парламенте, всё же последняя сессия 1844 г. представляла собой сплошные прения по рабочему вопросу (билль о бедных, фабричный билль, билль об отношениях между господами и слугами)».²³³ В России «рабочий вопрос» как социальная проблема возник значительно позже, вероятно, к концу XIX века.

Сегодня, в начале XXI века, собственно, о «рабочем вопросе» говорят мало или не в той тональности, когда он возник в России еще в XIX веке. Однако и сегодня можно встретить высказывания такого рода. Так, один из ведущих российских исследователей положения рабочих и их протестных действий, профессор Э.Н. Рудык пишет: «Сегодня — в начале третьего тысячелетия — рабочий вопрос в так называемой демократической России не менее актуален, чем в царской России времен Льва Толстого. И этот вопрос, наконец, должен быть разрешен».²³⁴ Вот и представляется весьма важным выяснить, так сказать, актуальность «рабочего вопроса» сегодня, спустя более 100 лет, когда он возник в России и был весьма популярен. Тем более, как уже отмечалось, «рабочий вопрос» тесно связан с рабочим движением, а последнее сегодня по признанию многих современных исследователей «не дотягивает до уровня социально-поли-

²³³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 258. См. также: Маркс К. Рабочий вопрос. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 9. С. 479–482; Лассаль Ф. К рабочему вопросу. — Соч. Т. II. — Изд-во «Круг», (б. м. и б. г.). С. 76–91.

²³⁴ Рудык Э.Н. Социальные конфликты на российских предприятиях: варианты решения (по результатам пилотных исследований на флагманах «протестных предприятий»). — В сб.: Рабочий класс и рабочее движение России: теория, история, современность. Под ред. А.В. Бузгалина, Д.О. Чуракова. — М.: Слово, 2003. С. 46.

тической силы, способной повлиять на ход крупных общественных преобразований». ²³⁵

В конце XIX — начале XX века о «рабочем вопросе» в России говорили много и охотно. Так, в самом начале XX века (1905 г.) исследователь жизни заводских рабочих П. Тимофеев писал: «Глухое брожение, происходящее в мастерской, все чаще и чаще вырывается наружу в виде беспорядков, забастовок, уличных демонстраций, и, несмотря на все репрессивные меры, которыми подавляются подобные беспорядки, волнения мастерской не утихают. Что служит причиной их? Этот вопрос занимает многих...» ²³⁶. В этот период в России интенсивно развивались промышленность, железнодорожный транспорт, строительство — все это требовало большого количества высококвалифицированной рабочей силы. Вопросы ее оплаты, подготовки, условий труда и жизни рабочих становились важнейшими для действенной экономической и государственной политики. Эти же вопросы находились в центре забастовочной борьбы рабочих, которая представлялась серьезной проблемой для царского правительства дореволюционной России. Надо сказать и то, что под лозунгом разрешения рабочего вопроса была проведена и русская революция (февраль и октябрь 1917 г.), которая явилась объективным и необходимым этапом модернизации страны.

Деятели революции и, прежде всего, большевики полагали, что «рабочий вопрос» можно разрешить лишь взяв государственную власть рабочей партией и вследствие того, обеспечив строительство социалистического общества. В ее результате достигались бы две взаимосвязанные цели: а) существенное улучшение материального положения рабочего класса и б) активное привлечение его к управлению производством или, как тогда говорили, превращение его в «хозяина производства».

Сегодня надо признать, что в достаточной мере ни ту, ни другую цель достичь не удалось. Хотя теоретическая постановка, что только в социалистическом обществе «рабочий вопрос» решается полностью и окончательно, безусловно верная. Но ведь и к началу XXI века в России нет социалистического общества. Да и вообще, нельзя, собственно, «рабочий вопрос» подменять проблемой построения социалистического общества. В социалистическом обществе этот вопрос снимается

²³⁵ Максимов Б.И. Рабочее движение как социальная сила в России 2000. // Россия: социальные силы и пути преодоления системного кризиса. Доклады и выступления. Под ред. А.В. Бузгалина. — М., 2000. С. 324.

²³⁶ Тимофеев П. Чем живет заводской рабочий. // Антология социально-экономической мысли в России. Дореволюционный период. — СПб., 2000. С. 744.

как таковой, ибо это общество мыслилось как бесклассовое или, по крайней мере, преодолевшее старый классовый антагонизм. Но в буржуазном или раннем капиталистическом обществе «рабочий вопрос» представляется весьма актуальным, составляет стержень социальной динамики этого общества.

Итак, рассмотрим все по порядку. Относительно задачи — превращения рабочего класса в «хозяина производства» мы располагаем обширным фактическим материалом, когда эта задача практически решалась, только на первый год революции 1917 г. Это было связано с деятельностью фабзавкомов и рабочего контроля. Однако в 1918 г. и та и другая деятельность под воздействием правительства большевиков была свернута. Этот вопрос подробно исследован в работах историка Д.О. Чуракова. В частности, он пишет, что сразу же после октябрьского переворота 1917 г. «государство перекрывает возможность рабочим вмешиваться в деятельность не только финансовых учреждений, но и заводууправлений... С переходом контроля над наймом и увольнением к государственным учреждениям фабзавкомы лишаются одного из своих важнейших завоеваний... Даже принцип свободы забастовок, коренной принцип любого рабочего движения вообще, все чаще объявляется меньшевистским и контрреволюционным». И, наконец, исследователь делает такой вывод: «То, что несколько месяцев назад провозглашали «революционной активностью класса-гегемона», становилось для победившего режима лишним и даже опасным»²³⁷. Это честное изложение историком фактического положения.

Однако, как бы не относиться к большевикам и их режиму, все же следует признать, что свертывание рабочего контроля вызывалось, прежде всего, чисто прагматическими обстоятельствами. В январе 1918 г. Ю. Ларин, в то время один из руководящих деятелей ВСНХа, говорил об этом на съезде профсоюза рабочих металлистов так: «Мы старались отодвинуть во многих случаях момент полного управления предприятиями и ограничиться лишь контролем. Но все наши старания ни к чему не приводили. При нынешней ситуации ни одна из имеющихся сил не может, а иногда и не желает, вести хозяйство... Теперь один выход остался: либо вперед, либо потонуть. Нам нужно отбросить мысль о рабочем контроле и волей неволей переходить к системе полного управления предприятиями и руководства хозяйством страны»²³⁸.

²³⁷ Чураков Д.О. *Русская революция и рабочее самоуправление. 1917. М., 1998. С. 156-157.*

²³⁸ Цит. по: Мандель Д. *Рабочий контроль на заводах Петрограда.* — М., 1994. С. 50.

В условиях гражданской войны и разрухи промышленные предприятия должны были интенсивно работать, обеспечивая фронт всем необходимым, а не митинговать. В этом смысле предъявлять какие-либо претензии большевикам за их действия по свертыванию рабочего контроля неразумно. Любое правительство делало бы то же самое.

Другое дело теоретическое объяснение большевиков, которое, думается, можно оспорить. Главный аргумент большевиков состоял в том, что коли рабочее правительство находится у власти, то следовательно, рабочие могут управлять производством не напрямую, а через это правительство. На этой теоретической основе были разгромлены децисты, «рабочая оппозиция» и другие попытки обоснования непосредственного участия работников в управлении.

Также и у Ленина можно встретить высказывания против рабочей демократии. Особенно это бросается в глаза в период после революции. Об этом говорит борьба Ленина с фракционностью в партии, с «рабочей оппозицией», его позиция в профсоюзной дискуссии. Например, возражая против так называемого синдикализма в профсоюзном движении, Ленин писал в 1921 году: «Синдикализм передает массе беспартийных рабочих, разбитых по производствам, управление отраслями промышленности («главки и центры»), уничтожая тем самым необходимость в партии, не ведя длительной работы ни по воспитанию масс, ни по сосредоточению на деле управления в их руках всем народным хозяйством». И несколько далее: «Надо бороться с синдикалистским уклоном, который погубит партию, если не вылечится от него окончательно».²³⁹ Конечно, с точки зрения профессионального управления народным хозяйством Ленин был прав. Но в данном случае, как это вытекает из текста, он более озабочен не квалифицированным управлением, а судьбой ... партии. Рабочая демократия по Ленину, губит партию, то есть партию рабочего класса. Известно также негативное отношение Ленина к производственной демократии.²⁴⁰ Все это далеко не случайно. Это же все годы советской власти служило теоретической базой борьбы с синдикализмом, производственной демократией и т.п.

Более того, большевики умудрились теоретически доказывать необходимость «диктатуры партии» вместо «диктатуры пролетариата». Особенно усердствовал в этом вопросе Г. Зиновьев. На XII съезде

²³⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., Т. 42. С. 241, 244.

²⁴⁰ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч., Т. 42. С. 243, 257–277. Например: «"Производственная демократия" есть термин, порождающий возможность кривотолков. Его можно понять в смысле отрицания диктатуры и единоначалия» (там же, с. 277).

партии он говорил: «Мы должны сейчас добиться того, чтобы и на нынешнем новом этапе революции руководящая роль партии или диктатура партии была закреплена»²⁴¹. Казалось бы, если партия рабочего класса и «рабочий вопрос» на пятом году революции уже в принципе или в основных чертах решен, зачем же надо объявлять диктатуру этой партии вместо диктатуры класса? Ответ на это дает в том же докладе сам Г. Зиновьев. Оказывается, что рабочие «пять первых лет революции поглядывали на нас с недоверием», то есть рабочие не доверяли партии рабочего класса. И далее: «У нас произошло как бы вторичное завоевание рабочего класса. Во второй раз мы во всех прослойках, во всех его группировках завоевали его на свою сторону, как впервые в 1917 году. Но это не значит, конечно, что мы должны почить на лаврах. Мы должны «завоевывать» его каждый день».²⁴² Это очень любопытное признание. Оказывается, партия рабочего класса должна «завоевывать» этот класс каждый день. Отсюда можно заключить, что эта партия лишь по названию была партией рабочего класса, по устремлениям, по целям, но не по своей сущности и характеру. И эта раздвоенность между сущностью и заявленными целями сказывалась все годы советской власти.

Напряженность между правящей коммунистической партией и рабочим классом проявлялась постоянно. Особенно это обнаруживается в первые годы и десятилетия советской власти. Историк Д.О. Чураков в работе с характерным названием «Рабочий класс и рабочее государство: анатомия конфликта. Очерки по истории протестного движения рабочих в 1917–1918 годах» приводит массу данных о различных формах протестного движения именно рабочих уже через год после революции. Так, согласно данным Д.О. Чуракова, на ряде митингов летом 1918 г. рабочие принимали резолюции, где «отказывали Народным Комиссарам вправе считаться защитниками интересов рабочего класса»²⁴³. Другой историк А.В. Гусев приводит данные уже конца 20-х годов о том, что в оппозиционной деятельности главную роль играли именно рабочие. На 1 февраля 1928 г., пишет А.В. Гусев, в числе исключенных из партии за оппозиционную деятельность рабочие составляли 46,9%, на Украине рабочих среди исключенных из партии оппозиционеров было даже 66,3%.²⁴⁴

²⁴¹ Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. — М., 1968. С. 47.

²⁴² Там же. С. 37, 38.

²⁴³ Чураков Д.О. Рабочий класс и рабочее государство: анатомия конфликта. Очерки по истории протестного движения рабочих в 1917–1918 годах. — М., 2000. С. 59.

²⁴⁴ Гусев А.В. Оппозиция «большевиков–ленинцев» и рабочий класс (1928–1929 гг.) // Рабочий класс и рабочее движение России: теория, история, современность. Под ред. А.В. Буз-

Только уже в конце 1980-х годов, в период горбачевской перестройки были возобновлены попытки развития рабочего самоуправления, выборности хозяйственных руководителей, советов трудовых коллективов. Однако все эти попытки не имели сколько-нибудь заметного практического результата, и даже правительство Н.И. Рыжкова в самый последний момент своего существования стало сворачивать зарождающиеся элементы производственного самоуправления. Из всех этих попыток рабочего самоуправления можно выделить лишь бригадную организацию труда, которая действительно имела как осязаемые практические результаты, так довольно массовый интерес.²⁴⁵

Относительно задачи повышения материального положения рабочих результаты послереволюционного развития нельзя, конечно, трактовать однозначно отрицательно. Здесь наблюдались различные тенденции. Но в целом материальное положение рабочих, скажем, к середине XX века было несравненно лучше, чем в его начале. Известный российский экономист первой половины XX-го века С.Н. Прокопович отмечал в 1909 г., что «заработок русского рабочего недостаточен для воспитания детей; о содержании же потерявших трудоспособность стариков не может быть и речи». «Могилами человеческого рода», вслед за Ж.Ж. Руссо назвал он «наши фабрики и заводы».²⁴⁶ Но уже в первое послереволюционное десятилетие положение резко изменилось. Так, академик С.Г. Струмилин, исследуя динамику условий труда в СССР за 1917–1927 гг., указывает, что к середине 20-х годов общий доход семейного рабочего (считая заработок, пенсии и пособия) вырос на 147% или в 2,5 раза. Уровень 1913 г. был превзойден уже к концу 1924 г. на 25%, а к концу 1927 г. — на 82%.²⁴⁷ Нет никаких оснований сомневаться в этих расчетах.

Теперь, пожалуй, перейдем к рассмотрению главного вопроса темы: можно ли было и был ли «рабочий вопрос» вообще разрешим в России в XX веке. Но сперва рассмотрим эту проблему по существу.

галина, Д.О. Чуракова. — М.: Слово, 2003. С. 169.

²⁴⁵ См.: Бригадная организация труда: состояние и перспективы. Под ред. Г.Н. Черкасова, Д.А. Шопова. М., 1986. Современные оценки этого феномена см.: *Анисимова Г.В.* Рабочее предпринимательство и бригадная организация труда: история и современность. // Рабочий в XX веке: Российский опыт. Под ред. Д.О. Чуракова. — М.: КомКнига, 2005.

²⁴⁶ *Прокопович С.Н.* Бюджеты петербургских рабочих. — В кн.: Антология социально-экономической мысли в России. Дореволюционный период. — СПб., 2000. С. 82–83.

²⁴⁷ *Струмилин С.Г.* Избранные произведения. Т. 3. Проблемы экономики труда. — М., 1964. С. 408.

Итак, что же такое «рабочий вопрос»? Как уже говорилось ранее, отделяя «рабочий вопрос» от социальной проблемы вообще и рабочего движения в частности, дадим его более узкую, а потому и более конкретную трактовку. На наш взгляд, он состоит из трех частей или составных элементов:

а) Проблема обеспечения рабочей силой потребностей развития индустрии, производства.

б) Проблема материального благосостояния, экономического, собственно, положения рабочих.

в) Проблема соотношения материального благосостояния рабочих по сравнению с другими слоями и классами населения и, прежде всего, трудящегося населения.

В начале XX века все эти три части «рабочего вопроса» стояли весьма остро. Достаточно показать это на процентном соотношении бастующих рабочих к их общему числу, например, в 1912–1913 гг. и 1996–1997 гг. Причем, если 12–13 гг. начала века не являлись наиболее забастовочным (такowymi были, как известно, 16–17 гг.), то на 96–97 гг. как раз приходится пик забастовочной активности конца прошлого века. Приведем такие сопоставления (см. табл. 2), взяв за основу современные статистические данные, а также фактические данные из специальной исторической литературы, которые как отмечает Э.Э. Крузе являются общепринятыми, но тем не менее минимальными.²⁴⁸

Таблица 2

Число бастующих в промышленности к общему числу занятых в данной отрасли

Число участников в тыс. чел.	1912 г.	1913 г.	1996 г.	1997 г.
1. Общее число участников забастовок в промышленности	725,4	1272	365,6	184,3
2. Число занятых в промышленности	2163	2438	16366	14905
3. Процентное соотношение	33,7	52,2	2,2	1,2

Источники: Крузе Э.Э. Петербургские рабочие в 1912–1914 годах. — М.–Л., 1961. С. 68–69, 316–317; Советская историческая энциклопедия. — М., 1968. С. 799; Минц Л.Е. Трудовые ресурсы СССР. — М., 1975, С. 39; Российский статистический ежегодник. Стат. сб. 2001. — М., 2001. С. 141.

²⁴⁸ Крузе Э.Э. Петербургские рабочие в 1912–1914 годах. — М.–Л., 1961. С. 316.

Из данных таблицы 2 явственно видно, что в конце XX века забастовочная активность упала весьма существенно. Так, если в 1997 г. участвовало в забастовках несколько более 1% занятых в промышленности, то в 1913 г. участников забастовок в той же самой отрасли было более половины от общего числа занятых. Сокращение поразительное.

При этом знаменитые и много нашумевшие шахтерские забастовки 1989 и 1990 гг. отнюдь не меняют общей картины. Достаточно указать, что даже в эти годы забастовки были значительно меньше, чем в указанные выше 1996 и 1997 гг. Так, если в результате забастовок по России было потеряно человеко–дней в 1989 г. 1235 тыс. и в 1990 г. — 207,8 тыс., то тот же показатель в 1996 г. составил 4009,4 тыс. человеко–дней потерь и в 1997 г. — 6000,5 тыс.²⁴⁹ Более того, в научной литературе отмечается, что многие шахтерские забастовки, особенно весны 1991 года, были «навязаны рабочим со стороны формирующейся номенклатурной буржуазии».²⁵⁰ Думается, что за счет забастовок конца существования СССР решался отнюдь не «рабочий вопрос», а совсем другие проблемы.

Теперь непосредственно обратимся к анализу «рабочего вопроса», как он выглядел в России в конце XX века. Начнем с анализа потребности рабочих кадров для развития отечественной индустрии. Известно, что за годы либеральных экономических реформ в стране (1990–2000 гг.) промышленное производство сократилось почти на 50%. Стало быть, почти в 2 раза сократилась индустриальная база отечественной экономики. Занятость в промышленности за эти 10 лет сократилась не в 2 раза, а примерно на 36,3% (с 22809 тыс. чел. в 1990 г. до 14543 тыс. чел. в 2000 г.). Стало быть, и рабочих требовалось существенно меньше, чем их было занято в конце советского периода. Сколько сегодня требуется рабочих — сказать трудно. Но недостаток высококвалифицированных рабочих ожившая сегодня промышленность ощущает явственно.

В принципе в России радикально расширять промышленное производство (т.е. проводить еще одну индустриализацию) нет необходимости. Конечно, это не должно означать, что вовсе нет никакой нужды в восстановлении конкурентноспособного производства, особенно наукоемких отраслей. Высокие технологии как раз нуждаются в максимальном развитии. Но для них не нужны индустриальные рабочие

²⁴⁹ Народное хозяйство СССР в 1990 г. Стат. ежегодник. — М., 1991. С. 111; Россия в цифрах. Крат. стат. сб. — М., 2001. С. 91.

²⁵⁰ Левчик Д.А. «Шахтерский удар» по СССР. Забастовка весны 1991 года и распад Союза. — В сб.: Рабочий класс и рабочее движение России: теория, история, современность. Под ред. А.В. Бузгалина, Д.О. Чуракова. — М., 2003. С. 32.

1930–х годов. Сегодня стоит вопрос именно о переходе к постиндустриальному обществу, о развитии индустрии знаний. Именно на этой основе некоторые исследователи не без оснований усматривают возможность успешного развития страны.²⁵¹ Поэтому и нет нужды увеличивать число индустриальных рабочих. В этом смысле «рабочего вопроса» сегодня почти нет.

Теперь рассмотрим вопрос относительно экономического положения рабочих. Материальное положение рабочих действительно сегодня крайне низкое, бедственное. Но таково положение вообще всех трудящихся. Рабочие промышленности тут ничем не выделяются, а если и выделяются, то в лучшую сторону по сравнению с трудящимися других отраслей народного хозяйства. Об этом свидетельствует, например, разница в уровне заработной платы по отраслям народного хозяйства.

Так, в постсоветской России дифференциация в оплате труда между работниками различных отраслей экономики стала настолько существенной, что уже трудно говорить о проявлении рабочей солидарности. В некоторых отраслях номинальная заработная плата рабочих за 1990–е годы увеличилась только в 2 раза (легкая, станкостроительная промышленность), в других отраслях увеличение составило 5 и даже 7 раз. В легкой промышленности рабочие в 1990 г. имели зарплату, составляющую 80 % от средней величины зарплаты по промышленности в целом, а в 1998 г. стали получать лишь 40 % от средней по промышленности. В такой отрасли как газовая в 1990 г. зарплата была на 70 % больше средней, а в 1998 г. она стала уже на 240 % больше среднеотраслевой. Таким образом, скажем, в 1998 г. разница в оплате труда между различными отраслями в ее крайних значениях составляла (3659 р. газовая промышленность к 474 р. легкая промышленность) 7,7 раз. В 2004 г. эта разница между этими же отраслями увеличилась до 10 раз. Правда, в последние годы разница между крайними значениями стала несколько сокращаться: в 2006 г. она составила 5,5 раз. Примерно столько же было и в 2011 г. (в нефтяной и газовой добыче среднемесячная зарплата составляла 51,5 тыс. руб., в сельском хозяйстве — 12,4 тыс. руб., в текстильном производстве — 11,0 тыс. руб.). Любопытно отметить, что в начале XX века в России по имеющимся

²⁵¹ См.: Россия в конце XX века: итоги и перспективы модернизации. Под ред. М.И. Воейкова и П. Шульце. — М., 1999. С. 237–325; От кризиса к модернизации: экономические и социально-политические проблемы. Часть 2. Под ред. А. Бузгалина, М. Воейкова, П. Шульце. — М., 2000. С. 9–46, 239–252; Бузгалин А.В. Шансы России в глобальной не-оэкономике: цели и средства реализации стратегии опережающего развития. — М., 2002.

данным этот же показатель между крайними значениями оплаты труда рабочих в различных отраслях составлял 2,5 раза²⁵².

Отсюда ясно, что никакой солидарности и даже классовой общности между рабочими легкой и газовой промышленности сегодня появиться не может в отличие, скажем, от 1910 или 1913 года. Если в добывающей промышленности в целом в 2007 г. лишь 2,5% работников имели зарплату ниже прожиточного минимума, то в образовании таких было 30,6%, а в сельском хозяйстве даже 46,1%.

Об этом же говорят данные по забастовочному движению различных профессиональных групп трудящихся. В годы наибольшего размаха забастовочного движения значительную долю занимал не рабочий класс, а работники образования. Так, по количеству забастовок после 1994 г. на образование приходится подавляющее число забастовок: 1995 г. — 96,6% от общего количества забастовок; 1996 г. — 89,3%; 1997 г. — 91,8%; 1998 г. — 94,8%; 1999 г. — 97,8%; 2000 г. — 96,6%. И по количеству участников забастовок на отрасль образование приходится больше половины, за исключением 1996 г. Так, в 1995 г. на эту отрасль приходилось 65,4% от общего количества участников забастовочного движения; 1996 г. — 37,9%; 1997 г. — 59,9%; 1998 г. — 68,0%; 1999 г. — 90,3%; 2000 г. — 77,3%. При этом надо иметь в виду, что прямо сравнивать количество участников забастовок в промышленности и в образовании не всегда корректно, ибо школа и завод по количеству занятых совершенно несоизмеримые величины. Если же отнести участников забастовок ко всей численности занятых в данной отрасли, то мы получим более отчетливую картину забастовочной активности тех или иных отрядов трудящихся (см. табл. 3). Так, в 1995 г. среди работников промышленности принимали участие в забастовках лишь 0,8% от общего числа занятых в этой отрасли. По другим отраслям материального производства еще меньше. А вот в образовании бастовало 5,2% от всех занятых в этой отрасли. Можно сказать, что забастовочная активность в 1995 г. работников образования была в 6,5 раза выше, чем среди рабочего класса промышленности. По данным таблицы 3 наглядно видно, что и по другим годам забастовочная активность работников образования существенно превышает забастовочную активность занятых в отраслях материального производства. Таким образом, можно заключить, что в современной России рабочий класс не является аван-

²⁵² См.: Воейков М.И. Трансформационная Россия: поиск адекватной теории. — М., 2003. С. 64–65.

гардом забастовочного движения. Таковы факты. После 2005 г. количество забастовок резко снижается. И как сообщает Росстат в январе–мае 2013 г. «забастовок не зафиксировано».

Таблица 3

Забастовочная активность по отраслям
(% участников забастовок к численности занятых)

	Промышленность	Строительство	Транспорт	Образование	Здравоохранение
1995	0,8	0,1	0,2	5,2	0,0
1996	2,2	0,1	0,1	4,0	0,5
1997	1,2	0,2	0,4	8,8	2,1
1998	0,9	0,1	0,1	6,1	0,5
1999	0,1	0,0	0,0	3,6	0,1
2000	0,0	—	0,0	0,4	0,0

Рассчитано по: Труд и занятость в России. Стат. сб. — М., 2001, с. 261; Российский стат. Ежегодник. 2001. Стат сб. — М. 2001, с. 141.

Еще более отчетливо притупленность «рабочего вопроса» в конце XX века обнаруживается из анализа сравнительного материального положения рабочих с другими слоями и классами трудящихся. Если в начале XX века (20–е и 30–е годы) рабочие в 2–3 раза (как минимум) отличались от служащих по своему материальному положению, то к концу века в этом смысле они сравнялись. Об этом свидетельствуют данные по соотношению оплаты труда рабочих и служащих (см. таблица 4), а также обеспечение домашним инвентарем семей рабочих и служащих (см. таблица 5). Последние данные взяты из специальных обследований, проведенных академиком С.Г. Струмилиным в 1924 г. и профессором О.И. Шкаратаном в 1976 г. Сопоставление этих данных весьма впечатляет.

Таблица 4

Соотношение заработной платы у рабочих и служащих
(в руб.)

	Рабочие	Служащие	Соотношение (в%)
1940	30,7	53,5	174
1950	66,1	100,4	152
1960	87,9	116,6	132

1980	182,5	199,2	109
1987	219,2	234,0	106

Источник: Труд в СССР. — М., 1988, с. 189.

Данные таблицы 4 можно дополнить анализом сравнения доходов семей рабочих и служащих. По материалам обследований семейных бюджетов за 1980–1991 гг. выявляется следующая картина. Общий среднедушевой совокупный доход в месяц (в рублях) у рабочих и служащих вместе в 1980 г. составлял 130 руб., а только у рабочих промышленности — 139 руб. В 1985 г. соответственно у тех и других вместе — 146 руб., у рабочих — 152 руб.; в 1990 г. соответственно 198 руб. и 199 руб.; в 1991 г. — 400 руб. и 407 руб.²⁵³ То есть, доходы рабочих превышали доходы рабочих и служащих вместе. Хотя сопоставимость этих данных не вполне корректная, ибо рабочие показаны только промышленные, а суммарные доходы рабочих и служащих в целом по народному хозяйству, все же для наших целей и это весьма показательно. Рабочие промышленности в конце XX века практически мало чем отличались в смысле материального положения от всей массы трудящегося населения.

Таблица 5

Инвентарь у рабочих и служащих

1924г. по данным С. Струмилина (в руб. на душу)	Рабочие	Служащие	Соотношение в %
Одежда	45,7	107,2	42,6
Мебель	10,2	31,7	32,8
Посуда	5,3	8,2	64,6
Книги, альбомы	1,4	10,5	13,3
В среднем	15,6	39,4	39,6
1976 г. по данным О. Шкаратана (в % обеспечен.)			
Холодильники	94,3	94,8	99,5
Кухонный гарнитур	50,6	48,9	103,5
Мебельный гарнитур	52,7	53,3	98,9
В среднем	65,8	65,6	100,3

253 Народное хозяйство Российской федерации. 1992. — М., 1992. С. 144.

Среднее число читаемых за 1 м. книг	2,7	2,4	112,5
Размер домашней библиотеки	120,6	193	62,5

Источник: *Струмилин С.Г.* Избранные произведения. Т. 3. Проблемы экономики труда. — М., 1964. С. 262; Рабочий и инженер. Социальные факторы эффективности труда. Под ред. О.И. Шкаратана. — М., 1985. С. 252.

Анализ таблицы 5 показывает, что даже при учете некоторой условности приведенных обследований, ибо число обследованных семей было естественным образом ограничено, разительные различия в 70-х годах по сравнению с 20-ми в материальном положении рабочих и служащих. В 20-х годах рабочие были обеспечены домашним инвентарем менее, чем на 40% (39,6) от обеспеченности служащих. В 70-х годах в обеспеченности домашним инвентарем практически никакой разницы между рабочими и служащими уже не было, даже по некоторым позициям рабочие превосходили служащих. Суммарный показатель обеспеченности семей рабочих (холодильниками, кухонным и мебельным гарнитурами) составлял 65,8%. У служащих этот показатель составил даже несколько меньше — 65,6%.

Таким образом, как по заработной плате, так и по обеспеченности домашним инвентарем рабочие и служащие в последней трети XX века практически ничем не отличались. Отсюда можно заключить, что «рабочий вопрос» сегодня в России потерял или теряет свою актуальность.

Вот два наблюдения, иллюстрирующие это положение. Историк Д.О. Чураков приводит в своей статье воспоминания рабочего московского завода «Рускабель», активиста движения фабзавкомов 1917 года: «1 или 2 марта собрались представители цехов в количестве 18 человек в столовке для служащих и стали закладывать фундамент власти трудящихся. В тесной, страшно накуренной столовой сидели неумытые, черные после работы, не чувствуя усталости, представители от цехов». И вот еще воспоминания ивано-вознесенского рабочего: «Мы, фабкомовцы, вставали в 7 ч. утра и, проглотив стакан-два «малинового напитка» и овсяную пресную лепешку, от которой дёсны сочились кровью, спешили с окраин города в фабком, где каждый день и каждый час кипела живая работа...».²⁵⁴

А вот уже наблюдение наших дней. Питерский социолог Б.И. Максимов, проведя цикл очень интересных и поучительных исследований

²⁵⁴ Чураков Д.О. Рабочее самоуправление в судьбах русской революции 1917 г. — Экономико-философские тетради. Вып. 1. — М., 2003. С. 132.

в 90-е годы на Кировском заводе, делает такой вывод: «С одной стороны, все недовольны, возмущаются превращением коллективного по первоначальной постановке владения в частное, проявляют интерес к чужому опыту самоуправления. С другой стороны, не хотят и, по-видимому, не способны пальцем пошевелить, чтобы изменить положение».²⁵⁵ В другой статье этот же автор пишет и так: «В головах рабочих, так сказать, довольно пусто по части перспективных целей рабочего движения. По результатам нашего опроса в 2000–2001 гг. на вопрос: «В чем состоят коренные (стратегические) интересы рабочих, чего нужно добиваться?» более 80 % опрошенных не дают никакого ответа, около 10 % называют «своевременную выплату заработной платы», немногие — «повышение зарплаты», «борьба с безработицей», «нормальные условия труда»... Формулировку «изменение политического строя» из 600 опрошенных выдал только 1 человек».²⁵⁶ Эту же ситуацию подтверждает другой исследователь современного протестного движения: «У рабочих нет еще четкого понимания своего классового (общественного) интереса».²⁵⁷

Последнее весьма любопытно и тут возникают некоторые вопросы. У рабочих нет своего классового интереса потому что этот класс в стране еще очень молодой и не успел еще как следует сформулировать этот свой интерес? Или же рабочий класс у нас сегодня несколько рассеян, сбит с толку и его классовый интерес по субъективным причинам пока еще не находит адекватной политической формулировки? Или же рабочий класс после более чем 100-летнего существования в России начинает видоизменяться, превращаться в профессиональные группы и его классовый интерес превращается в дифференцированный и профессиональный? Тем более, что Россия, как утверждают многие, находится в преддверии постиндустриального развития.

В этой связи представляются весьма сомнительными надежды некоторых исследователей современного рабочего движения на консолидацию рабочего класса и активизацию его движения за социалистическое преобразования общества. Так, весьма продуктивный историк рабочего

²⁵⁵ Максимов Б. Письма с Кировского завода. Письмо пятое. — Альтернативы, 1997, № 1. С. 77–78.

²⁵⁶ Максимов Б.И. Положение рабочих и рабочее движение в России 1990-х годов. // Рабочий класс и рабочее движение России: история и современность. Под ред. А.В. Бузгалина, Д.О. Чуракова, П. Шульце. — М., 2002. С. 33–34.

²⁵⁷ Булавка Л.А. О самом главном — проблемы и противоречия протестного движения. // Рабочий класс и рабочее движение России: теория, история, современность. Под ред. А.В. Бузгалина, Д.О. Чуракова. — М., 2003. С. 49.

движения и «левой оппозиции» 20-х и 30-х годов А.В. Гусев справедливо пишет, что в 90-е годы рабочие оказались бессильны перед лицом резкого падения уровня жизни, увольнений и значительного ухудшения условий труда. И делается такой вывод: «Вместо того, чтобы консолидироваться в борьбе, рабочее движение просто-напросто распалось».²⁵⁸ Из этого анализа автор делает парадоксальный вывод, что в современных условиях «многомиллионный и достаточно образованный пролетариат индустриальных постсоветских стран обладает в своем подавляющем большинстве доклассовым сознанием» и в ближайшее время можно ожидать формирования у него этого самого классового сознания, что автору представляется «столь же естественным процессом, как и само функционирование экономики».²⁵⁹ Это было бы верно, если российской экономике XXI века предстояло повторить путь ее развития прошлого века. Но, увы, это время прошло. Более того, трудно понять логику развития классового сознания пролетариата, прослеживая его историю за весь XX век. Получается, что в начале века пролетариат имел вполне развитое классовое сознание, а к его концу это сознание было утрачено. Затем, по логике А. Гусева и других исследователей этой же тенденции, следует ждать возрождение этого классового сознания. Но классовое сознание не развивается волнообразно, в отрыве от самого класса. Наличие самого класса, его экономическое положение и социальная роль, в конечном счете, и предопределяет классовое сознание. А социальное положение и роль рабочего класса сегодня существенно изменились по сравнению с началом XX века.

Западный исследователь этого вопроса Х. Звар таким образом характеризует динамику положения рабочего класса. Автор пишет, что предприниматели понимали, что «рабочие должны быть здоровыми и приносить прибыль. Отсюда возник ряд условий, касающихся квалификации, профессионального обучения и определенного уровня образования. Рабочие должны были кормить себя и других... Из этого следовало понимание необходимости обеспечить им минимальный доход... и потребность буржуазии в безопасности, дисциплине и социализации рабочих. ... Наемные рабочие рассматривались как один из объектов капиталистического ценообразования и мотивы, которыми руководствовались предприниматели, оказывая им помощь, колебались между чувством христианского долга и благотворительности и точно рассчитанным минимальным прожиточ-

²⁵⁸ Гусев А. Постсоветское общественное сознание и социализм. — Альтернативы, 2002, № 1. С. 73.

²⁵⁹ Там же. С. 78, 84.

ным уровнем, необходимым для существования. Усердно трудившимся сушили продвижение и обуржуазивание... Как правило, перспективы решения «рабочего вопроса» менялись по мере того, как рабочий класс вышел из «сырого состояния» и начал проявлять свою автономность. С некоторой долей преувеличения можно сказать, что лишь тогда, когда рабочий класс занял антибуржуазную позицию, он оказался достойным интеграции в буржуазное гражданское общество».²⁶⁰

Индустриальный рабочий численно сокращается, частично переходит в другие социальные страты. Более того, есть вполне обоснованные постановки, что авангардную роль социального прогресса призваны ныне выполнять иные социальные слои и классы, нежели рабочий класс. Так, например, А.И. Колганов пишет: «Промышленные рабочие не являются той социальной силой, которая способна осуществить окончательную трансформацию капиталистической системы в общество, свободное от последних следов «фабричного рабства» — по той простой причине, что промышленный пролетариат существует только как продукт этой системы... Он не обладает достаточным потенциалом для формирования системы общественного и экономического устройства принципиально нового типа, поскольку не включен в эти принципиально новые отношения, не обладает знаниями, навыками и культурой участия в таких отношениях...»²⁶¹.

Размытость «рабочего вопроса» и рыхлость рабочего движения в современной России подтверждается и резким ослаблением, а порой и бездействием, профсоюзов. Кроме руководства этих профсоюзов ни один исследователь не отмечает какой-либо активной или конструктивной роли российских профсоюзов на современном этапе. Конечно, надо учитывать и историческую обусловленность российских профсоюзов. Они никогда не выступали как боевой авангард и организующая сила рабочего класса. В период революции 1917 года их оттеснили фабзавкомы и рабочие комитеты, в советский период профсоюзы занимались в основном социальными вопросами труда и быта, в современный период более активными являются стачкомы. Однако, как показывает анализ, ни стачкомы, ни профсоюзы, в том числе и альтернативные, не могут переломить общей ситуации с «рабочим вопросом» в современной России.

²⁶⁰ Звар Х. Образование классов и рабочее движение как объект диалектической социальной истории. // *Конец рабочей истории?* Под ред. Марселя ван дер Линдена. — М., 1996. С. 151.

²⁶¹ Колганов А. Буржуа и пролетарии: теоретическая ошибка и историческая правота марксизма. // «Альтернативы», 1999, № 3. С. 28.

6.4. Демократический потенциал классовой борьбы

С падением советской системы и советской идеологии был подвергнут ostrакизму классовый подход к анализу явлений общественной жизни. Для этого имелись некоторые основания. Действительно, в советский период мы наблюдали чрезмерное расширение этого подхода, порой доходящего, особенно в 1920–е и 1930–е годы, до абсурда. Естественной реакцией на советский идеологический переизбыток было сужение этого подхода или вообще отказ от него. В некоторых интеллектуальных кругах стало считаться модным исходить не из «узкоклассовых» интересов, а из общечеловеческих ценностей и т.п. Такой императив начала 90–х годов сегодня нашел неожиданное выражение во врангелевской формуле о единстве «Матушки–России», в требовании национального согласия, в примирении бедных и богатых, всех со всеми. Но ведь богатые и бедные в сегодняшней России остаются и даже разрыв между ними увеличивается. Иными словами, вместо классового подхода, достаточно удовлетворительно объясняющего динамику современного цивилизованного общества, предлагается в научном анализе использовать национальные, этнические или религиозные мотивы средневековья. Но, как и что они смогут объяснить в современном обществе?

Замалчивание классового расслоения нынешнего российского общества и педалирование национальных (а по сути, этнически русских) ценностей и даже православия как объединительной идеологии подводит общество к очень опасной черте. Ибо бедным классам указывают на причину их бедности в людях другой национальности или другого вероисповедания. Стрелки с классового противостояния переводятся на национально–этническую вражду. То есть, специально, конечно, никто не разжигает эту вражду и ксенофобию. Правоохранительные органы даже время от времени пытаются пресечь такие вспышки. Но эти эксцессы есть и с каждым годом становятся все гуще и жестче. Это факт. Если бедным людям специально не разъясняются и не показываются возможные формы классовой борьбы и в то же время педалируются русские национальные ценности, то бедные классы волей–неволей ищут причину своей бедности в представителях другой национальности или вероисповедания. Так проще и понятней.

Опасность такого поворота состоит в том, что классовая борьба есть естественная форма человеческого существования на определенном этапе истории (этапе рыночной экономики). И человечество за последние 300–400 лет (считая от английского Закона о бедных 1601 г.) выработало цивилизованные формы этой борьбы, в конце концов, сделало ее

демократической. Национально-этнический и религиозный конфликт в принципе не имеет цивилизованного решения. Это тупиковое направление. Он был присущ обществу в средневековье и был преодолен с развитием рыночной цивилизации. Этнический и религиозный конфликт был заменен классовым, что и спасло Европу.

Есть еще одно обстоятельство, позволяющее считать классовые противоречия плодотворными в отличие от религиозно-этнических. Классовое противоречие или конфликт есть противостояние между двумя необходимыми друг другу сторонами. Ни рабочий класс, ни капиталистический класс не могут существовать раздельно. Они обречены быть вместе. Стало быть, они обречены на достижение договоренностей. Религиозно-этнический конфликт — это конфликт на выживание. Одна сторона стремится занять место другой, одна сторона конфликта стремится другую стереть с лица земли. У этого конфликта нет творческой перспективы. Этот момент подмечен в специальной литературе. Так, Этьен Балибар не так давно писал: «Классовая борьба должна, предположительно, растворить национальности и национализмы, тогда как расовая борьба должна утвердить вечное существование наций и установить их иерархию, и позволяет национализму объединять собственно национальный элемент с социально консервативным элементом (воинствующим антисоциализмом и антикоммунизмом)»²⁶². Это верно и точно сказано. Если каким-либо образом убрать «классовую борьбу», то на ее место мгновенно приходит «расовая борьба». А это тупик в социальном развитии.

События во Франции осенью 2005 г. позволяют говорить, что возможно возвращение и старых форм классовой и даже доклассовой борьбы даже в типичных странах ОЭСР. Что такое погромы в пригородах Парижа того времени? Действительно, активными участниками их являются этнические меньшинства. Конечно, в этих беспорядках участвовали не только исключительно французы арабского происхождения. Были, видимо, и другие. Но подавляющее большинство было именно арабского происхождения. И замалчивать именно этот нюанс, не самая мудрая позиция. Обсуждая эти события и правильно педалируя социальную проблему бедных кварталов больших городов Франции, профессор А. Бузгалин вынужден был признать, что все же в этих погромах был и арабский «колорит»: «протестовавшие хотят быть включенными

²⁶² Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. — М., 2003. С. 76.

как арабы, а не путем ассимиляции»²⁶³. Вот именно. А классовая борьба ведет к полной ассимиляции и растворении отдельных рас и этносов в общей пролетарской массе.

Однако эти протесты и погромы очень не похожи на обычную национальную борьбу. Ведь все эти молодые люди по национальности (по паспорту) французы, но этнически другие французы. Главное их отличие, что они бедные люди, у которых в типичной западной стране нет жизненных перспектив. Представители той же этничности, живущие в богатых кварталах вполне вписались в благополучие страны. Они на стороне богатых. Бедные же представители этих этнических меньшинств никаких цивилизованных форм борьбы просто не видят и не понимают. Эта «обездоленная молодежь, — пишет социолог Карин Клеман, — живет бандами, и активизируется ночью. Мешает соседям, пугает одиноких женщин, провоцирует представителей, на их взгляд, «благополучных французов»... Уже годы как существует эта проблема напряжения между уличной молодежью пригородов и остальными слоями населения»²⁶⁴. Но прежде всего эта молодежь не имеет работы, не пролетаризирована.

Сегодня в типичных странах Запада формируется особый класс, когда этническое перемешивается с классовым и классовая борьба получает как бы второе дыхание и не в самых лучших формах. Формируется этнокласс. Это новое явление, которое совсем не изучено и не осмыслено социальной наукой.

Мы имеем видоизменение форм классовой борьбы. Опыт европейских стран демонстрирует иногда не классовое противостояние, а классовый компромисс, договорные начала, социальное партнерство и т.д. Хотя, конечно, нельзя переоценивать некоторые формы социального компромисса в западноевропейских странах, которые по сути дела есть результат ожесточенной классовой борьбы. И нельзя забывать, что эта борьба в Европе шла столетиями. Но в тоже время нельзя видоизменение форм классовой борьбы принимать за ее угасание. А фактические основания для видоизменения классовой борьбы действительно имеются.

Однако все же и в Европе существуют безработные и существует проблема труда вообще, существует и там противостояние между трудом и капиталом. Об этом свидетельствует забастовочная борьба в типичных странах ОЭСР, активность профсоюзов и т.д. Борьба эта происходит как правило в иных формах, которые можно назвать демократическими

²⁶³ Бузгалин А. Пламя Парижа: уроки для России. — *Альтернативы*, 2005, № 4. С. 132.

²⁶⁴ Клеман К. Что происходит в Париже? — *Альтернативы*, 2005, № 4. С. 145–146.

(переговоры, соглашения и т.д.). Трудовой конфликт остался, но перешел в стадию рутинного процесса ежедневного (точнее, ежегодного) согласования объективно расходящихся интересов труда и капитала. За исключением тех случаев, когда некоторые правительства западных стран не спровоцируют уличный всплеск народного недовольства. Как, например, было в марте 2006 года во Франции.

Почему—то обычно под классовой борьбой понимают только активную роль рабочего класса. Но формы такой борьбы бывают разные.

Кроме того, нельзя, нелогично полагать, что в классовой борьбе участвуют только рабочие. Борьба не бывает односторонней. Еще в 1931 году Н.А. Бердяев сделал в этой связи очень глубокое наблюдение: «В действительности классовую борьбу ведет и буржуазия и всегда вели господствующие классы. Но когда борьба ведется за сохранение своего господствующего положения, она менее производит впечатление борьбы, чем когда она ведется за изменение существующего социального строя. Это есть обычная иллюзия восприятия. Сохранение существующего не кажется насильственной борьбой. Именно это и есть преимущество рабочих и социалистов, что они ведут классовую борьбу открыто, в то время как буржуазные командующие классы ведут ее замаскировано»²⁶⁵.

Сегодня в российской действительности мы видим довольно вялую борьбу со стороны рабочего класса. Это верно. Но почему—то не замечаем очень активную борьбу со стороны хозяев, «работодателей». Все 1990–е годы характеризовались очень активной и острой борьбой именно предпринимательского класса по отношению к наемному труду. Это — невыплата зарплат, искусственное банкротство предприятий, незаконные увольнения, понижения зарплат и т.д. Вот картинка из работы одного исследователя противостояния рабочих и хозяев на Выборгском ЦКБ: «Для разрешения всего лишь, казалось бы, трудового конфликта с безоружными работниками прибыла команда, подкрепленная спецподразделением, предназначенным для умирения бунтов среди заключенных. Прибыла под покровом ночи»²⁶⁶. И устроила на заводе погром. Это разве не классовая борьба? А какой ярко выраженный классовый подход демонстрирует наше ТВ? И «почему они это терпят?» — как—то в сердцах воскликнул крупный российский историк.

О классовой борьбе со стороны капитала говорит громадная норма прибыли в России. По подсчетам экономистов норма прибыли в России

²⁶⁵ Бердяев Н.А. Христианство и классовая борьба. Париж, 1931. С. 181.

²⁶⁶ Максимов Б.И. Рабочие в реформируемой России, 1990–е — начало 2000–х годов. — СПб., 2004. С. 198.

на 60 % больше, чем в США, а если учесть скрытые доходы капиталистического класса — то и на 120 %.

Кроме того, будет упрощением сводить всю классовую борьбу к противостоянию между предпринимателями и рабочим классом. Есть и другие классы и противостояние между ними в отдельные периоды бывает даже более напряженным. В России в советский период господствующее положение занимал бюрократический класс и после реформ 90-х годов он в целом сохранил свои позиции. Народившейся предпринимательский класс (бизнес-класс) в первой половине 90-х годов быстро набирал силу и влияние, но после провозглашения политики «укрепления вертикали власти» возможности бизнес-класса все более ограничиваются. Напряжение между ним и бюрократическим классом нарастает. Представляется, что в ближайшей перспективе именно это межклассовое противоборство (классовая борьба) будет определять тонус социальной динамики.

Вообще борьба и даже классовая — это вещь нехорошая. Что тут хорошего? Но в борьбе рождается что-то более приятное, хорошее. Так что классовая борьба помогает развитию общества, хотя бы уже тем, что ставит своей целью преодоление классов и классовой конфронтации.

* * *

Таким образом, если говорить предельно обобщено, имея в виду основные тенденции в экономически развитых странах, то следует признать, что пользоваться только традиционным классовым подходом (т.е. по отношению к собственности на средства производства) в изучении современного общества, сегодня явно недостаточно. Социальная структура существенно усложнилась, деление на два или три больших класса утрачивает свое значение. Наоборот, появилось много новых социальных слоев и страт, которые имеют существенные различия между собой, в том числе и в экономическом поведении, находятся в одинаковом положении по отношению к собственности на средства производства. Вот этот последний критерий, действительно почти утратил свое классовообразующее значение в настоящее время. На место старого критерия приходит иной критерий или критерии, которые определяются профессиональными и функциональными свойствами тех или иных социальных слоев и страт. Социальная структура современного общества переделывается из классовой в профессионально-функциональную структуру. Но классовая структура пока еще не исчезла даже в самых высокоразвитых странах. Покуда доми-

нирует рыночная экономика, до тех пор будет наличествовать и классовая структура общества.

Однако для современной России классовый подход опять приобретает возрастающую актуальность, ибо современные процессы капитализации страны характеризуются существенным ростом социальной и классовой поляризации общества.

Об этом, например, свидетельствуют последние статистические данные об увеличивающемся разрыве в оплате труда между рабочими и служащими. В советский период такой разрыв был минимальным, а в постсоветской России он имеет тенденцию к резкому росту. Так, если зарплату служащих принять за 100 %, то зарплата рабочих к этой величине составила по годам: 1980 — 91,6 %, 1985 — 94,5 %, 1986 — 94,0 %, 1987 — 93,7 %, 1990 — 83,5 %. Это советский период и разница здесь минимальна. Хотя к 1990 году эта разница стала заметно увеличиваться. Теперь приведем долю зарплаты рабочих к зарплате служащих в постсоветский период: 1995 — 64,9 %, 1996 — 64,4 %, 1997 — 62,7 %, 1998 — 60,5 %, 1999 — 57,5 %, 2000 — 57,4 %, 2001 — 57,3 %, 2002 — 56,9 %; 2005 — 54,5 %; 2011 — 45,5 % (руководители — 41,7 т.р.) и (рабочие — 19 т.р.). Обращает на себя внимание устойчивое увеличение разрыва между зарплатой рабочих и служащих.

Пока рабочий класс разобщен, и каждый думает о себе. Но говорить только о рабочем классе в традиционном его понимании сегодня уже мало. Надо брать весь трудящийся класс, значительная часть которого составляет так называемый средний класс. Пока это разрозненные отряды наемных трудящихся, лишенных общей солидарности, общих политических интересов. Пока нет партии, которая их всех бы объединила.

Но процесс выработки общих политических представлений идет очень активно. Первым видимо проснется рабочий класс, потому что в последние годы с некоторым оживлением промышленности появилась в нем потребность. Если в 1995–1998 гг. потребность в рабочих кадрах составляла порядка 250–300 тыс. человек, то в 2005–2006 гг. уже — 700–800 тыс. человек, в т.ч. в октябре 2012 г. — 835,6 тыс. человек.

Но потребность в возрождении страны обусловит потребность в других отрядах трудящегося класса. Все это может свидетельствовать, в качестве эмпирического доказательства, о возможности нарастания социального и, прежде всего классового противостояния в обществе.

Видимо, надо свыкнуться с мыслью, что Россия, став демократической страной, будет существовать в условиях различных социаль-

ных классов, слоев и групп населения. О социальной гармонии надо будет забыть, да ее и никогда не было. Естественно, что различные классы и слои имеют различные экономические и политические интересы. Естественно, что между ними существует противостояние. Но смысл демократического общества состоит не в том, чтобы подавлять отдельные интересы и их носителей, а в том, чтобы научиться уважать противоположные интересы, учитывать их при формировании соответствующей экономической и социальной политики.

Я очень боюсь, что если мы сделаем вид, что классовой проблемы у нас нет, нет классов, нет классового противостояния, нет двух России (нищей и богатой), то через несколько лет, когда классовая проблема обострится до нельзя, нас спросят, а где же была наука, что вы думали по этому поводу раньше, почему молчали? Поэтому, естественно, проблема такая есть и ее надо разрабатывать. Я думаю, что это очень сложный вопрос. Главное, нельзя закрывать глаза на проблему классов.

Часть 3. Люди

ГЛАВА 7.

РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ: КОНЕЦ ПОЛИТЭКОНОМИИ?

Введение

У страстной и порой неистовой Розы Люксембург много социальных ролей: революционер, партийный лидер и журналист, агитатор и пропагандист, ученый, марксист и т.п. Например, в предисловии Г. Малецкого и Ш. Дволайцкого к первому тому «Избранных сочинений» Люксембург, изданных в Москве в 1928 г., сказано, что Роза Люксембург — великая революционерка, которая сыграла выдающуюся роль в истории рабочего движения Германии и Польши, громадную роль во II Интернационале, «ее неутомимая борьба с реформизмом и оппортунизмом всяких толков, ее блестящий литературный талант, глубокое понимание марксизма, громадные знания, самоотверженная служба делу пролетариата, героическая жизнь и трагическая кончина» делают из Розы Люксембург одну из самых привлекательных фигур в истории революционного движения. «Сочинения Розы Люксембург должны быть настольной книгой, ибо, как всякий выдающийся ум, Роза Люксембург не перестает быть поучительной даже в своих ошибках» (1, с. 9)²⁶⁷. О, эти «ошибки» Розы Люксембург, которые уже почти 100 лет жуют разные интеллектуалы Европы и Америки. Любопытно и даже непонятно, как с течением времени, и чем дальше — тем больше, Роза Люксембург превратилась в интеллектуальную звезду эпохи несмотря на ее «ошибки» и даже «люксембургянство»²⁶⁸. И еще

²⁶⁷ Здесь и далее указания на работы Розы Люксембург, в том числе предисловия и послесловия к ним, даются в тексте в таком порядке: (№ работы по списку в конце главы и страница этой работы).

²⁶⁸ «Люксембургянство» — любопытный и красиво звучащий термин, пущенный в оборот, видимо, Г. Зиновьевым, который в устах «марксистов-ленинцев», т.е. сталинистов получил уничижительный смысл. Й. Шютрупф удачно замечает, что «люксембургянство» можно переводить как «мягкий троцкизм» (См.: Роза Люксембург: «...смело, уверено и улыбаясь — несмотря ни на что...». — М.: Изд-во им. Сабашиных, 2009. С. 61).

более непонятно, что ее интеллектуальное величие зиждется главным образом на ее «ошибках», анализу которых посвятили многие страницы лучшие умы XX века.

Даже Г. Лукач в предисловии 1922 г. к своей бесподобной книге «История и классовое сознание» пишет: «Идейное направление Розы Люксембург было определяющим в области теории и отчасти остается таковым и сегодня — и с его плодотворными выводами, и с его ошибками. Всякий, кто из этого исходит, должен понять, что подлинно коммунистическая, революционная, марксистская позиция может быть завоевана лишь путем критического размежевания с теоретическими трудами Розы Люксембург»²⁶⁹. Странная ситуация получается. Оказывается, что концепция Розы Люксембург и неревolutionционная, и не коммунистическая, и немарксистская. Зачем же тогда изучать ее теоретические труды? И как согласовать эти слова Лукача с его же следующими словами: «По моему мнению, Роза Люксембург была единственным учеником Маркса, кто действительно продолжил его жизненный труд как в содержательно-экономическом, так и в методологическо-политическом смысле...». И эти полные смысла замечательные слова написаны Лукачем в той же самой работе, на той же странице и в начале того же самого абзаца. Т.е. по Лукачу получается, что Роза Люксембург — единственный ученик Маркса, продолживший его жизненный труд, но от ее работ надо отмежеваться, чтобы завоевать марксистскую позицию. Как все это прикажете понимать? Вот вам великий Лукач, перед которым расшаркивается половина интеллектуальной Европы. Да и сам Лукач во многих местах очень близок к этой самой концепции Люксембург, т.е. к «люксембургизму». Известный биограф Розы Люксембург Дж. Неттл небезосновательно замечает, что в книге Лукача «История и классовое сознание» «люксембургизм впервые появляется как система»²⁷⁰.

Итак, Роза Люксембург. Напомним хотя бы вкратце основные вехи ее биографии. Родилась Роза Люксембург в 1871 г. в г. Замостье в Польше, тогда еще в границах Российской империи. Отсюда хотя бы по формальным признакам ее можно рассматривать и как представителя российской экономической мысли. Но русский язык и русскую культуру она знала превосходно. В 1889 г. эмигрировала в Швейцарию, где в 1897 г. закончила университет в Цюрихе. Затем партийная и общественная

²⁶⁹ Лукач Г. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. — М.: «Логос-Альтера», 2003. С. 99.

²⁷⁰ Цит. по: Дмитриев А.Н. Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа (1920–1930-е гг.). — СПб.–М., 2004. С. 182.

деятельность в Германии, в составе социал-демократической партии. С начала Первой мировой войны решительно выступила против шовинистической политики партийного руководства, а в 1918 г. была среди основателей Коммунистической партии Германии. 15 января 1919 г. была убита вместе с К. Либхнемом. Вот краткие вехи этой короткой и героической жизни. Добавим сюда характеристику Л. Троцкого личности Розы Люксембург: «Маленького роста и хрупкого сложения, она возвышалась на трибуне... как, воплощенная мысль пролетарской революции»²⁷¹. Точнее не скажешь! Ибо личность Розы Люксембург — это и есть «воплощенная мысль» революции, но для нашего случая, лучше сказать, политической экономии.

Роза Люксембург как политэконом

Об «ошибках» Розы Люксембург поговорим потом, но в настоящем тексте она предстанет, прежде всего и исключительно, как политэконом. Несмотря на обильную литературу на всех языках читающего мира, посвященную Розе Люксембург, анализ ее политэкономических взглядов встречается крайне редко. К сегодняшнему дню прошло более 100 лет, как появились фундаментальные политэкономические сочинения Люксембург, в которых множество людей и множество раз находили разные умные мысли и «ошибки». Но удивительное дело, до сих пор, как справедливо замечает О. Любан, «нет основательного обобщающего труда о ее взглядах на политэкономии»²⁷². Роза Люксембург была не только пламенным революционером, но и холодным политэкономом. Скажем больше, сегодня трудно утверждать, что более для истории ценно: Роза как революционер или Люксембург как политэконом. Вклад ее в развитие политической экономии очень существенный, и как уже отмечалось, до сих пор оценен плохо или никак. Это не только ее книги «Накопление капитала» или «Введение в политическую экономию», но прежде всего глубина проникновения в суть рассматриваемых вопросов в самых различных ее публикациях и выступлениях. Чего, например, стоит ее следующее очень точное и глубокое наблюдение: «Как неправдоподобно это ни звучит, несомненно, однако, что большинство специалистов по политической экономии имеет весьма туманное представление о действительном предмете своих ученых изысканий» (4, с. 27).

²⁷¹ Троцкий Л.Д. Политические силуэты. — М.: Новости, 1990. С. 82.

²⁷² Любан О. Научные публикации о Розе Люксембург в Германии после 1990 г. (Проблемы и тенденции). // Роза Люксембург: Актуальные аспекты политической и научной деятельности. (К 85-летию со дня гибели). — М.: Памятники исторической мысли, 2004. С. 42.

Здесь нет возможности подробно освещать этот вопрос, но ведь действительно, до сих пор нет толкового разъяснения исчезновения политической экономии не только в постсоветской России, но и в англоязычной литературе. Причем специалисты там и тут почему-то остались. Или вот еще: «Современные буржуазные ученые под видом политической экономии преподают бесформенный винегрет из обрывков всевозможных научных мыслей и тенденциозных заблуждений» (Там же, с. 104). И это действительно так. Сегодня название «политическая экономия» выбросили, но винегрет и тенденциозные заблуждения остались.

Еще интересная и острая мысль Люксембург касается истории политической экономии и, в частности, немецкой исторической школы, которая у некоторых наших авторов вызывает восхищение. В статье с любопытным названием «В совете ученых», напечатанной в 1903/04 г. в журнале «*Neue Zeit*» она пишет: «Если Италия была колыбелью меркантильной системы, Франция создала свою школу физиократов, Англия — классико-политическую экономию, а Германии суждено было породить теперь свою «историческую школу», то все это произошло не случайно» (1, с. 251). Простая и понятная классификация. Сегодня Люксембург, наверное, написала бы об «экономиксе» как продукте умственного творчества ученых США, а вот что бы она написала о России? О немецкой исторической школе она пишет очень ехидно, что эта школа «поставила себе принципом накапливать с муравьиным трудолюбием целые горы «фактического» хлама и «исторических» отбросов, чтобы под ними счастливо укрыть и упрятать общие законы движения буржуазного общества» (1, с. 215). Очень точно сказано. Немецкая историческая школа грешила непомерным эмпиризмом и крохоборчеством, а ее наследники у нас развили целое консервативно-почвенническое направление в политической экономии. Ключевым звеном этого направления стал «цивилизационный подход», где каждая цивилизация (а, порой, и страна) обладает своими собственными экономическими законами.

Вернемся, однако, к политэкономическим текстам Люксембург. Так она очень точно и самобытно характеризует такую политэкономическую категорию как кредит и его роль в капиталистической экономике. Она пишет: «Одним словом, кредит воспроизводит все основные противоречия капиталистического мира, доводит их до высшей точки, он ускоряет шаги, какими мир этот движется навстречу собственному уничтожению — крушению. Для капитализма лучшим средством приспособления в отношении кредита было бы полное его уничтожение, отмена кредита» (1, с. 51). Действительно, недавний экономический

кризис в 2008–2009 гг. был спровоцирован в основном неблагополучием в ипотечном кредитовании и существенно затронул главные страны капиталистического мира. Вот, если бы не было кредита, то не было бы и формального повода для экономических кризисов. Но возможен ли капитализм без кредита? Такого не было, нет и вероятно быть не может. Значит, не может быть и капитализма без кризисов. Более того, кризисы по Розе Люксембург не помеха или недостаток капитализма, а «живая вода» для него. «Если признавать установленным тот факт, — пишет Люксембург, — что, выражаясь кратко, кризисы составляют единственно возможный на капиталистическом базисе, а потому вполне нормальный метод периодически разрешать столкновения между неограниченной расширяемостью производства и узкими пределами рынка сбыта, то кризисы надо считать неотделимыми, органическими явлениями капиталистического хозяйства в целом» (1, с. 74). Иными словами, бороться с кризисами означает бороться с капитализмом. Но этим, однако, занимаются все правительства ведущих капиталистических стран. Странно! Действительно ли правительства борются с кризисами или только делают вид, что борются?

Приведем еще одно политэкономическое положение Люксембург, которое по точности и интеллектуальной виртуозности можно отнести к золотому фонду политэкономических афоризмов. Она пишет: «Открытый Марксом абстрактный человеческий труд в своей развитой форме не что иное, как деньги» (1, с. 82–83). Здесь в очень емкой фразе, без лишних слов действительно передается самая глубинная сущность денег. Ибо деньги есть показатель, знак или символ отношений стоимости, т.е. особого социального отношения между людьми в рыночной экономике. Однако в современном товарно–капиталистическом хозяйстве деньги перестали размениваться на золото, т.е. оторвались от своей объективной основы и перестали быть символом абстрактного труда. Теперь они лишь символ политического соглашения в обществе между гражданами и правительством, которое просто печатает бумажки (т.е. деньги) по своему усмотрению. Тем самым, подрывается объективный механизм существования и развития товарно–капиталистического хозяйства. И как мы видим в последнее время современные экономические кризисы — это не кризисы сбыта, перепроизводства товаров, а кризисы перепроизводства пустых, ничем не обеспеченных денег. Чтобы читатель не подумал, что это лишь мои личные ощущения о современном капитализме и его деньгах, так сказать, субъективное и тенденциозное представление, приведу мнение лауреата Нобелевской премии

по экономики П. Самуэльсона: «Все монеты и банкноты в США являются фидуциарными деньгами. Этот термин означает, что нечто может называться государственной валютой, даже если это нечто не имеет ценности»²⁷³. Жаль, что сегодня нет Розы Люксембург, которая умела в немногих словах объяснить суть происходящего.

Люксембург достаточно точно определила границы и специфику политической экономии. Вопрос этот имеет определенную историю. О конце политической экономии в российской экономической науке много писали в 1920–х гг., вслед за немецкими социал-демократами, о чем уже говорилось в 1 главе. Об этом писали В. Зомбарт, Р. Гильфердинг и др. Последний, в частности, вывел формулу, которую можно представить так: «Политическая экономия есть самосознание буржуазного общества». В этом же ключе размышляла и Роза Люксембург. «Политическая экономия, — писала Люксембург, — стала средством самоопределения и формулировкой классового сознания буржуазии, и в качестве таковой она дала толчок к революционным действиям. Идеи классической политической экономии вплоть до самых бледных эпигонов этого направления стали впоследствии знаменем народившегося и укрепившегося буржуазного строя Европы» (4, с. 97). Данная формулировка поразительно похожа на то, что и как сказал Гильфердинг. Конечно, взгляд, согласно которому политическая экономия изучает товарно-капиталистическое хозяйство, в те времена, видимо, разделяло подавляющее число марксистов. Но обращает на себя внимание, что тексты Гильфердинга и Люксембург очень близки. Вообще у них много общего. Они вместе состояли в немецкой социал-демократической партии, вместе преподавали политическую экономию в партийной школе в Берлине (точнее, Роза Люксембург преподавала вслед за Гильфердингом), по теоретическому резонансу в литературе они, можно сказать, равны. Но Роза Люксембург была на 7 лет старше Гильфердинга. Кто на кого влиял, кому принадлежит приоритет в вышеприведенной формулировке? Это стоило бы выяснить. О несомненном влиянии Люксембург как теоретика даже на выдающихся деятелей марксизма есть ряд свидетельств. Так, Л.Д. Троцкий, общаясь в 1907 г. с Карлом Каутским, констатирует: «Влияние Люксембург на Каутского было в этот период очень велико». Более того, Троцкий делает и более общий вывод: «Силою теоретической мысли, способностью

²⁷³ Самуэльсон П.Э., Нордхауз В.Д. Экономика. 16-е изд. — М.: Изд-кий дом «Вильямс», 2005. С. 425.

обобщения Роза Люксембург на целую голову превосходила не только противников, но и соратников»²⁷⁴.

Роза Люксембург в этот же период и, возможно, одна из первых достаточно четко сформулировала вывод о конце политической экономии. «В марксистской теории, — пишет она, — политическая экономия нашла свое завершение и свой конец как наука... Конец политической экономии как науки означает, таким образом, всемирно-историческое событие: претворение в действительность планомерно организованного мирового хозяйства. Последняя глава политико-экономического учения — это социальная революция мирового пролетариата» (4, с. 103). И вот после «пролетарской революции» 1917 г. в СССР не сразу, но почему-то вернули политэкономию.

В связи с этой ситуацией возникает ряд вопросов. Известно, что в СССР была политическая экономия и даже политическая экономия социализма и в тоже время говорили, что в СССР была победа рабочего класса, и был осуществлен социализм, даже «развитой социализм». Значит ли это, что все политэкономические упражнения Люксембург, в том числе и это, были неправильны и ничего не стоят? Так примерно и отвечали в советский период. Например, советский профессор И.Д. Лаптев в предисловие к книге Люксембург «Введение в политическую экономию» писал: «Ошибочные воззрения Розы Люксембург по ряду теоретических вопросов политической экономии не могли не отразиться на ее политической деятельности... Система ошибочных теоретических и политических воззрений Розы Люксембург квалифицировалась марксистами-ленинцами как «люксембургизм», являющееся отступлением от марксизма-ленинизма» (4, с. 24). Это мнение, высказанное в 1960 г. одним из самых догматичных советских экономистов, очень точно передает смысл советского официального отношения к теоретическому наследию Розы Люксембург. А вот мнение другого исследователя, высказанное на 6 лет позже, но которое объективно отражает современную оценку творческого наследия Розы Люксембург: «Национальный вопрос, — пишет Ханна Аренд, — единственная тема, по поводу которой Розу Люксембург можно упрекнуть в самообмане и нежелании смотреть фактам в лицо»²⁷⁵. Хотя и в этом вопросе по большому счету Роза Люксембург была права. Если пользоваться терминологией тех лет, то не очень понятно — от кого и для чего будет отделяться пролетариат, ища

²⁷⁴ Троцкий Л.Д. Политические силуэты. — М.: Новости, 1990. С. 52, 82.

²⁷⁵ Аренд Х. Люди в темные времена. — М., 2003. С. 54.

национальное самоопределение. Эксплуатируемый класс готов отделиться от своих эксплуататоров, но не от людей другой национальности или веры. Почитаем саму Розу Люксембург по этому вопросу: «Ничто не имеет столь решающего значения для всего уклада жизни, как резкое противоречие между все возрастающей экономической общностью, связывающей народы и страны в одно общее целое, и политической государственной надстройкой, которая посредством пограничных столбов, таможенных рогаток и милитаризма стремится искусственно разъединить народы на множество чужих и враждебных частей» (4, с. 70). Любопытно, что советский официоз, издавая работу Люксембург в 1960 г., но это место не обратил внимания и оставил без комментариев. Хотя здесь Роза Люксембург совершенно недвусмысленно доказывает противоречивость и искусственность лозунга о «праве наций на самоопределение». Национальное самоопределение — это императив буржуазного общества, лозунг буржуазной революции. Ведь только после Великой французской революции 1789 г. вместо императора появились национальное собрание, национальная гвардия, национальная библиотека и т.д. В вопросе о праве наций на самоопределение Роза Люксембург с точки зрения марксизма, да и с общечеловеческой точки зрения, была права, оставалась последовательным марксистом.

Другое дело, что в буржуазную эпоху, когда борьба за национальную независимость совпадала со стремлением к освобождению народов от иноземного гнета, отрицание лозунга о праве наций на самоопределение дезориентировало народные массы в борьбе за свободу вообще. Национальная независимость, являясь по своей сути буржуазным императивом, есть необходимый и неизбежный этап на пути к освобождению человечества. Многие политики, критикующие Розу Люксембург по национальному вопросу, исходят из прагматической необходимости политических действий в буржуазную эпоху. И в этом смысле они правы. Но теоретически Роза Люксембург как последовательный социалист и марксист была права. К сожалению, она жила и действовала в буржуазном мире. А в некоторых странах в начале XX века, как, например, Россия, достижение буржуазных ценностей (свобода, демократия, гласность и т.д.) было еще очень далекой перспективой.

Дебаты о ревизионизме

Возможно, первым, чем прославилась Роза Люксембург и так сказать, сделала себе имя в социал-демократическом движении и литературе, это были ее выступления, направленные против ревизионизма Эдуарда

Бернштейна, которые потом вошли в брошюру «Социальная реформа или революция?». Бернштейн в своих статьях в немецком социал-демократическом журнале «Neue Zeit» подверг ревизии некоторые догмы марксизма, имевшие популярность в интерпретации К. Каутского. И писал, что капитализм имеет еще мощные основы для своего развития и преодоления противоречий, а социал-демократическая партия должна превратиться в партию реформ, постепенно видоизменяя формы и учреждения буржуазного государства в интересах трудящихся слоев. «Феодализм, — писал Бернштейн, — с его окаменелостями, застывшими учреждениями можно было ниспровергнуть только силой. Между либеральными учреждениями современного общества и ими разница в том, что первые гибки, поддаются изменениям и способны к развитию. Их незачем ниспровергать, их следует только развивать. Для этого необходима организация и энергичная деятельность, и нет нужды в революционной диктатуре»²⁷⁶. Профессиональная и политическая борьба за социальные реформы, считал Бернштейн, приведут к постепенному расширению общественного контроля над условиями производства и путем законодательного ограничения прав владельца капитала, «низведут его к роли управляющего». Таким образом, делает вывод Бернштейн, «помышлять о том, что в скором времени удастся перейти от буржуазного общества к обществу коммунистическому с иной физиономией хозяйства и иной психологией человека, — значит предаваться безусловно утопической фантазии... Социальная реорганизация произойдет по типу медленного и постепенного органического развития»²⁷⁷. Или, как ехидно замечала Роза Люксембург, «введение социализма по кусочкам в буржуазный строй» (2, с. 10). Эти взгляды Берштейна далеко не всем социал-демократам понравились. Но сегодня надо честно признать, что Бернштейн оказался прав. За более чем 100 лет после этих слов так и не появилось общества с «коммунистической физиономией хозяйства». Но эволюция, проделанная европейскими странами, в первую очередь под давлением классовой борьбы, которую возглавили социал-демократические партии, оказалась весьма существенной.

Таким образом, в конце XIX века в немецкой (и не только в немецкой) социалистической печати, а также и на съездах партии, развернулась дискуссия между сторонниками эволюционного пути достижения социалистического общества (путем реформ) и сторонниками револю-

²⁷⁶ Бернштейн Эд. Социальные проблемы. — М., 1901. С. 234.

²⁷⁷ Бернштейн Эд. Теория и практика современной социал-демократии. — СПб.: Изд-во «Мысль», 1906. С. 46–47.

ционного пути (социальная революция). Роза Люксембург в полемике с Бернштейном, не отрицая значения реформ, в первую очередь упор делала на революционный путь развития. Сильная сторона позиции Розы Люксембург состояла в аргументации и научно-методологическом аспекте ее логических доводов. Хотя практически Бернштейн оказался прав, Роза Люксембург привела настолько глубокие научные аргументы, что ее логическая конструкция весьма интересна и сегодня. Люксембург на голову была выше Бернштейна как теоретик. По всем основным пунктам высказываний Бернштейна Роза Люксембург выставила свои возражения и опровержения.

В самом начале Роза Люксембург справедливо указывает, что реформу и революцию нельзя противопоставлять, одно переходит в другое. Однако же противопоставила, что видно уже из названия ее брошюры «Социальные реформы или революция». Суть спора («дебатов о ревизионизме») сводился к тому, что Бернштейн пропагандировал эволюционный марксизм, а Роза Люксембург продолжала отстаивать революционный марксизм. Так считает большинство исследователей этого вопроса. Хотя, откровенно говоря, позиция Люксембург была глубже, сложнее и, если угодно, противоречивее. Так, говоря о революции Роза Люксембург писала: «Отнюдь не следует представлять себе революцию только под видом вил и кровавой борьбы. Революция может протекать также и в культурных формах, и как раз пролетарская революция больше всякой другой может на это рассчитывать; мы меньше всех хотим прибегать к насилию, меньше всех жаждем грубой революции» (1, с. 195).

И вот общее представление Розы Люксембург о социализме: «Как известно, научное обоснование социализма опирается на три основные факта капиталистического развития: прежде всего, на растущую анархию капиталистического хозяйства, которая делает неизбежной его гибель, во-вторых, на прогрессирующее обобществление производственного процесса, которое создает положительные зачатки будущего социального строя, и, в-третьих, на растущую организованность и классовое сознание пролетариата, которые составляют активный фактор предстоящего переворота» (1, с. 46–47). По мнению Розы Люксембург Бернштейн «устраняет первый из названных устоев научного социализма» и тем самым «отрицает не только определенную форму гибели капитализма, но и саму эту гибель» (Там же, с. 47). Вот тут уже содержится зародыш, и очень спорный зародыш, теории Розы Люксембург. Она специально подчеркивала, что «крушение буржуазного общества является краеугольным камнем научного социализма» (1, с. 102).

Это, конечно, верно. В крушении или преодолении капитализма должны сойтись две силы. С одной стороны, объективный ход экономического развития, делающий невозможность дальнейшего существования капитализма без каких-либо модификаций. С другой стороны, социальные силы, которые готовы осуществить эти радикальные модификации. Но вопросы остаются.

Если сама анархия капиталистического производства делает неизбежным гибель капитализма, то зачем «прогрессирующее обобществление производственного процесса» и тем более «классовое сознание пролетариата»? Капитализм и так погибнет. Бернштейн же снимая первый тезис (автоматическое крушение капитализма), как раз подчеркивал роль и значение социал-демократической партии, ее просветительскую, организационную и политическую работу. Тем самым, Бернштейн обосновывал реальную борьбу в реальных условиях за переделывание (реформирование) капитализма. Кстати сказать, в современной литературе отмечается, что «Бернштейн в конечном счете лишь высказал то, что и без него думали, но не признавали публично многие социал-демократические парламентарии и в еще большей степени лидеры профсоюзов»²⁷⁸. Сегодня же в социал-демократической литературе считается общепризнанным, что не революционный, а реформистский путь позволил европейской социал-демократии превратиться в мощную политическую силу современности. Один из ведущих теоретиков немецкой социал-демократической партии В. Айхлер писал так: «Социал-демократы ценой неслыханно тяжелых жертв в ходе борьбы добились многих побед и потерпели много поражений; они не осуществили революцию, которой ждал Маркс, но своей борьбой они начали процесс, который в конечном итоге эволюционным путем революционизировал экономику и общество»²⁷⁹. Более того, можно сказать, что современная социал-демократия (по крайней мере, немецкая) взяла как практический императив пресловутый лозунг Бернштейна: «движение — все, цель — ничего». С принятием в 1959 г. Годесбергской программы, пишут официальные историографы СДПГ, «социализм означал для социал-демократов не теоретически обоснованную общественную и экономическую систему, но «постоянную задачу» выступать с помо-

²⁷⁸ Шютрумф Й. Между любовью и гневом: Роза Люксембург // Роза Люксембург: «... смело, уверено и улыбаясь — несмотря ни на что...». — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2009. С. 32.

²⁷⁹ Айхлер В. Этический реализм и социальная демократия. Избранные труды. — М.: ИВФ Антал, 1996. С. 151.

стью всех подходящих, соответствующих времени средств за свободу, справедливость и солидарность»²⁸⁰. Конечно, одно другому не противоречит. Свобода, справедливость и солидарность — это и есть общественная система, которую можно назвать социализмом.

Внимательное чтение работы Розы Люксембург «Социальная реформа или революция?» обнаруживает некоторые положения очень близкие к ревизии Бернштейна. Например, она пишет: «Повседневная практическая борьба за социальные реформы, за улучшение положения трудящихся в рамках существующего строя, борьба за демократические учреждения, вот единственный способ, которым социал-демократия может вести пролетарскую классовую борьбу и идти к конечной цели — к захвату политической власти и упразднению системы наемного труда» (1, с. 42). Здесь важно подчеркнуть слова — в «рамках существующего строя». А эта формула явно реформистского порядка. Один из активных сподвижников Бернштейна по ревизионистскому цеху в немецкой социал-демократической партии Г. Фольмар в своих речах акцентировал проведение политических реформ «на почве существующего государственного и общественного строя»²⁸¹. Конечно, Роза Люксембург не предлагала рабочему классу вечно оставаться в рамках буржуазного общества, но ведь она прямо пишет о «социальных реформах», которые лишь в конечном счете приведут к «устранению системы наемного труда». В другом месте она даже пишет так: «Наша политика может и должна стремиться лишь к тому, что при данных условиях возможно» (1, с. 111). Это явно реформистский путь достижения социалистического общества. Но это — умный реформизм.

Еще немного о реформистском уклоне Розы Люксембург. Так, в ряде мест она пишет не об абсолютном обнищании рабочего класса, на что напирали сторонники революционного марксизма, а об относительном обнищании. «Только анархисты спекулируют на обнищании масс, — пишет Люксембург, — Исходной точкой агитации является для социал-демократии не абсолютное обнищание рабочего класса, а относительное сокращение его доли в созданном им общественном богатстве, при чем это сокращение может идти и фактически идет рука об руку с абсолютным повышением жизненного уровня» (1, с. 169). Здесь внутри самой Роза Люксембург политэконом взял верх над рево-

²⁸⁰ Миллер С., Поттхофф Х. Краткая история СДПГ. 1848–1990. — М.: Памятники исторической мысли, 1999. С. 285.

²⁸¹ Цит. по: Миллер С., Поттхофф Х. Краткая история СДПГ. 1848–1990. — М.: Памятники исторической мысли, 1999. С. 61.

люционером. За такой ход мысли в советской литературе ее жестко критиковали. Тезис об абсолютном обнищании пролетариата был догмой советской идеологии, ничего общего не имевшей с реальной действительностью капиталистического мира уже с конца XIX века. И Роза Люксембург была права, когда вслед за Бернштейном обратила на это внимание. Хотя первым это заметил еще Ф. Энгельс. В 1891 г. Энгельс, рассматривая проект программы Социал-демократической партии Германии и наткнувшись на фразу проекта «нищета пролетариев все больше возрастает», заметил: «В такой абсолютной форме, как сказано здесь, это не верно. Организация рабочих, их постоянно растущее сопротивление будут по возможности создавать известную преграду для роста нищеты»²⁸². Вообще, поздний Энгельс дал много для упреждений Бернштейна.

Но здесь интересно другое. Роза Люксембург пишет, что социал-демократия борется за улучшения положения рабочего класса: «Для социал-демократии базисом служит всегда подъем рабочего класса, улучшение его положения» (1, с. 169). Это основа социал-демократической практики. И вполне мыслима ситуация, когда рабочий класс добивается впечатляющих результатов в улучшении своего материального положения в рамках буржуазного общества. Это явно реформистский путь. И из него никак не вытекает теория крушения капитализма. Роза Люксембург же считает, что «материальное укрепление рабочего класса» будет способствовать его политической организованности и «подготавливать его к устранению капиталистического общества и водворению социализма путем политического и социального переворота» (1, с. 169–170). Возникает, однако, один капитальный вопрос. Зачем же рабочему классу устранять капитализм, если он и в нем может жить хорошо? Здесь имеется явное противоречие. Обычно революционные марксисты говорят, что существенное улучшение положения рабочего класса в капиталистическом обществе невозможно. Поэтому и нужен переворот (революция). Роза Люксембург же считает, что улучшение положения возможно, но переворот будет непременно, ибо сам капитализм содержит в себе такие внутренние противоречия, которые обеспечивают его автоматическое крушение. Сложная диалектика — но логика в такой постановке вопроса есть.

Таким образом, можно сделать следующий противоречивый вывод. С одной стороны, Роза Люксембург активно включилась в «дебаты»

²⁸² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 23. С. 6.

о ревизионизме и выступила одним из наиболее ярких и страстных противников Бернштейна. С другой стороны, сама в других словах и контекстах воспроизводила некоторые положения Бернштейна. Указания на совпадение некоторых позиций Люксембург и Бернштейна можно уже обнаружить в современной литературе.²⁸³ Притягательность концепции и позиции (можно даже сказать, учения) Розы Люксембург состоит в том, что она как-то органично соединила реформистский и революционный марксизм, неизбежный крах капитализма и созидательную роль партии рабочего класса. Такой подход с точки зрения педантов и начетчиков от марксизма может содержать «ошибки», но он интереснее и ближе к исторической правде и к самой сути марксизма.

Да, Роза Люксембург критиковала некоторые положения К. Маркса. И она сама об этом не раз писала: «Мои положения о накоплении покоятся на изложении Маркса и в то же время с ним критически расходятся...» (3, с. 372). В другом месте она призывала «выйти за рамки Маркса» (5, с. 209). Но ведь для нормального научного подхода критика — это нормально. И если Маркс гениальный ученый, то это совсем не значит, что также гениальна каждая его страница. Многие марксисты не раз отмечали противоречия, несогласованности и т.п. в текстах Маркса. Например, крупнейший российский политэконом и марксист И.И. Рубин, делая поистине виртуозный анализ теории стоимости Маркса, тем не менее отмечал, что в «Капитале» (особенно во 2 и 3 томах) «встречаются несогласованные места, терминологическая неясность и отдельные противоречия»²⁸⁴. Кстати сказать, И.И. Рубин в этом труде ставит Розу Люксембург как политэконома в один ряд с Плехановым, Каутским, Лениным и Гильфердингом.

Теория накопления капитала

Итак, книга «Накопления капитала». Это главная теория и книга Розы Люксембург, которая за 100 лет еще не прочитана как следует.²⁸⁵ Выделяя Розу Люксембург среди «100 великих экономистов до Кейнса», Марк Блауг писал о книге «Накопление капитала», что она «дала начало великому «расхождению во мнениях» среди немецких и австрийских марксистов о том, что подразумевалось под схемой воспроизводства

²⁸³ См.: *Кайзер Г.* Роза Люксембург и ее друзья (Коллоквиум в Берлине). // Роза Люксембург: Актуальные аспекты политической и научной деятельности. (К 85-летию со дня гибели). — М.: Памятники исторической мысли, 2004. С.120.

²⁸⁴ *Рубин И.И.* Очерки по теории стоимости Маркса. — М.—Л.: Госиздат, 1929. С. 234.

²⁸⁵ Предисловие автора к «Теории накопления» подписано декабрем 1912 г.

Маркса»²⁸⁶. Добавим, что эта дискуссия сегодня охватила не только немецкоговорящих экономистов и не только марксистов, но и всех, кто задумывается о перспективах капитализма.²⁸⁷

Суть теории накопления капитала Розы Люксембург сводится к тому, что для существования капитализма нужны внешние рынки. Капитализм должен накапливать капитал и где-то реализовывать прибавочную стоимость. Накопленный капитал нужно инвестировать, и не куда-либо, а именно в некапиталистические зоны экономики (колонии, экономически отсталые страны, некапитализированный аграрный сектор и т.п.). Инвестиции капитала внутри капиталистического хозяйства, т.е. в пределах капиталистического класса, лишь перегоняют, как мячик, прибавочную стоимость от одного капиталиста к другому. Капитал в этих условиях перенакапливается в замкнутом пространстве и как сжатый пар без выхода может (или должен) разорвать капиталистическую оболочку. Дело не только в том, чтобы извлечь прибавочную стоимость, но и в том, чтобы ее реализовать. Собственно, это один и тот же процесс. Поэтому для Розы Люксембург «существование некапиталистических покупателей прибавочной стоимости является прямым условием существования капитала и его накопления» (3, с. 256). Таким образом, «решение проблемы в духе марксова учения заключается в диалектическом противоречии: капиталистическое накопление для своего движения нуждается в некапиталистических общественных формациях, как в окружающей его среде; оно прогрессирует в постоянном обмене веществ с этими формациями и может существовать лишь до тех пор, пока оно находит эту среду» (Там же, с. 257). Из этого положения можно сделать несколько выводов, большинство из которых делали критики Розы Люксембург, но не она сама.

Первый. Главное в капитализме не только эксплуатация рабочего класса (хотя сама РЛ такого вывода не делала и, видимо, не могла делать), но и эксплуатация колоний и других отсталых территорий и обществ.

Второй. Капитализм жив и процветает в силу существования неэквивалентного обмена. Если же существует эквивалентный обмен, то капиталу нигде реализовать прибавочную стоимость. Замкнутое капиталистическое общество существовать не может, ибо обмен внутри капиталистического производства эквивалентен (на основе равновесной цены), существует экономическое равновесие, а накапливаемую

²⁸⁶ Блауг М. 100 великих экономистов до Кейнса. — СПб.: Экономическая школа, 2005. С. 182.

²⁸⁷ См.: McLellan G. *Marxism After Marx*. — Boston: Houghton Mifflin Company, 1981. P. 50–52.

прибавочную стоимость реализовать негде. Происходит перенакопление капитала.

Третий. Невозможность существования замкнутого капиталистического общества (или превращение всех стран в развитые капиталистические страны) ведет к автоматическому краху капитализма. Капитализм сам себе роет могилу.

Четвертый. Рабочий класс и социал-демократическая партия могут помочь вырыть могилу, но главное — это неспособность капитализма развиваться при капитализме. В противном случае капитализм может существовать вечно.

Пятый. Теория Розы Люксембург ставит под сомнение роль и значение прибавочной стоимости, роль рабочего движения и рабочей партии, солидаризируется (в некоторых пунктах) с неоклассическим направлением современной экономической теории и в целом с «обратной стороны» является ревизионистской.

Так, например, В. Мотылев в «Предисловии к четвертому изданию» книги «Накопление капитала» писал: «Если капитализм автоматически, механически, сам по себе идет к гибели, то роль пролетариата как могильщика буржуазного строя ступшевыается. Раз буржуазный строй должен погибнуть сам по себе в силу автоматических процессов, то роль сознательной борьбы пролетариата не является решающей» (3, с. XXIII). Так считали и писали многие ее критики в то время. Но ведь сегодня мы можем сказать, что Роза Люксембург была значительно ближе к научной истине и исторической правде, чем ее критики.

В теории накопления капитала (или автоматического краха капитализма) Розы Люксембург имеются две противоречивые составляющие, которые до сих пор вызывают споры и дают некоторые основания для обвинения ее в ошибках. Откровенно говоря, тут до конца нет полной ясности. Первая составляющая — экономического порядка, вторая — общесоциологического.

Итак, первая. Если капитализм живет и развивается за счет эксплуатации колоний или некапиталистической периферии, то как понять утверждение Розы Люксембург, что там он реализует прибавочную стоимость. Кто-то ведь, должен оплачивать эту прибавочную стоимость. Колонии, покупая что-либо из капиталистической страны должны переплачивать за этот товар, т.е. оплачивать не только труд рабочих и других непосредственных участников производственного процесса, но и доставлять прибыль капиталисту. Более того, приходится покупать этот товар выше его стоимости, ибо рынки слабо капитализирован-

ных стран и территорий, как правило, сильно монополизированы. Но колонии намного беднее капиталистической страны и переплачивать в принципе не могут. Розу Люксембург можно понять так, что обмен между метрополией и колонией происходит не на основе эквивалентов, а за счет «ограбления» колоний. Т.е. метрополия продает туда товар выше стоимости, а покупает ниже. Но это опять же не реализация прибавочной стоимости, а ее получение. Значит, опять встает проблема реализации. К тому же, процесс «ограбления» колоний не может длиться вечно, когда-нибудь богатства колоний должны закончиться. А за последние 100 лет мы не можем констатировать массовые случаи банкротства именно колоний или слабо капитализированных территорий.

Вторая составляющая. Автоматическое крушение капитализма действительно ставит под сомнение решающую роль в этом процессе рабочего класса и его партии. Тут критики Розы Люксембург правы. Но с другой стороны, если отрицать формулу Розы Люксембург, то придется считать, что капитализм сам по себе тверд и бодр и не содержит никаких объективных причин для своей смерти. Тогда остается надеяться только на внешние причины насильственного его ниспровержения. Скажем, социал-демократическая партия убедит трудящиеся классы, что если она придет к власти, то жизнь их будет намного лучше, чем при вечно загнивающим капитализме. И произойдет социальная революция как внешнее ниспровержение капитализма. Однако формула Роза Люксембург более логична: капитализм сам по себе не может быть вечным, но нужен и его могильщик. И тут Роза Люксембург права. Такова диалектика противоречивой теории накопления капитала Розы Люксембург, которая, откровенно скажем, плохо освоена современной экономической наукой.

При всей невероятности для марксистского уха теории накопления и империализма Розы Люксембург, она получает некоторые подтверждения современной практикой. Особенно это становится ясно при анализе мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. «Этот кризис, — пишет Люфт Криста в полном соответствии с концепцией Розы Люксембург, — больше, чем банковский и экономический, это системный кризис. Капитализм демонстрирует свою неспособность решать обостряющиеся экономические, социальные, экологические проблемы человечества, проблемы его развития»²⁸⁸. И важно отметить,

²⁸⁸ Криста Л. Глобальный кризис капитализма и стратегия левых сил. // Кризис: альтернативы будущего (глобальный контекст и российская специфика). Под ред. А.В. Бузгина и П. Линке. — М.: Культурная революция, 2010. С. 155.

что этот кризис произошел не благодаря «стратегии левых сил», а почти обычному для позднего капитализма перенакоплению капитала. То есть, произошло то, о чем писала Роза Люксембург 100 лет назад.

Рабочий класс за XX столетие нигде не совершил социалистической революции, а, наоборот, в лице своих партий встраивается в буржуазное общество. Бернштейн писал по этому вопросу: «Несмотря на успехи в умственном, политическом и промышленном отношении, сделанные рабочим классом со времени появления трудов Маркса и Энгельса, я все-таки не считаю этот класс достаточно развитым для того, чтобы принять в свои руки политическую власть»²⁸⁹. Вообще говоря, сама Роза Люксембург даже критикуя Бернштейна, была не очень далека от именно такой позиции. Еще лучше и точнее написала Роза Люксембург об английском рабочем классе: «Английский рабочий в борьбе со своим предпринимателем встречает поддержку со стороны английского буржуазного общества, как член буржуазного общества, как буржуазный политик, буржуазный избиратель, и эта поддержка делает его и впредь верным членом этого общества» (1, с. 119). Правда, при этом Роза Люксембург считала, что немецкий рабочий класс в отличие от английского еще не утратил революционного потенциала в силу некоторого отставания германской промышленности от английской. В данном случае аргумент Люксембург явно слаб. Ибо нельзя объяснять революционность рабочего класса его отсталостью. Этим можно объяснить менее цивилизованные формы классовой борьбы, да и меньший эффект от самой этой борьбы. Здесь Роза Люксембург явно проигнорировала одно из фундаментальных положений марксизма, что «страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего». И даже прямые слова К. Маркса как бы непосредственно относящиеся к ней: «Но если немецкий читатель станет фарисейски пожимать плечами по поводу условий, в которые поставлены английские промышленные и сельскохозяйственные рабочие, или вздумает оптимистически успокаивать себя тем, что в Германии дело обстоит далеко не так плохо, то я должен буду заметить ему: *De te fabula narrator!* (не твоя ли это история!)»²⁹⁰. Эти слова из Предисловия к первому изданию «Капитала» и Роза Люксембург могла бы их запомнить, но вот фарисейски успокаивала себя и своих немецких читателей, что немецкий рабочий класс еще не столь обуржуазился как английский. Но жизнь вскорости исправила

²⁸⁹ Бернштейн Эд. Социальные проблемы. — М., 1901. С. 302.

²⁹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 23. С. 6.

этот недостаток немецкой жизни. Есть объективный закон, что экономически более развитая страна создает более организованный, более культурный и более политически сознательный рабочий класс, который способен добиваться значительно больших результатов в своей борьбе. Сегодня экономическое развитие Англии и Германии сравнялось и мы видим, что и немецкий рабочий, в конце концов, превратился в «буржуазного избирателя». А что ему еще остается делать?

Более того, есть мнение современных исследователей буржуазного общества «что промышленный пролетариат существует только как продукт этой системы... Он не обладает достаточным потенциалом для формирования системы общественного и экономического устройства принципиально нового типа, поскольку не включен в эти принципиально новые отношения, не обладает знаниями, навыками и культурой участия в таких отношениях...»²⁹¹. Значит, пролетариат не является могильщиком капитализма. И тут Роза Люксембург вместе с Э. Бернштейном и А. Колгановым права. Конечно, сегодня так считают не только два последних исследователя, но многочисленные авторы научных работ, которых можно отнести к последователям неомарксизма, франкфуртской школы, еврокоммунизма и т.п. И действительно, сегодня численность рабочего класса в странах ОЭСР существенно сократилась, да и качественно он уже совсем не тот, что был в начале XX века. Однако, важно подчеркнуть, что одной из первых вслед за Э. Бернштейном на это обстоятельство обратила внимание Роза Люксембург в своей теории накопления капитала.

По мнению специалистов, за последние 20–30 лет в мире накопились колоссальные финансовые ресурсы, которые по большому счету некуда девать. Существует перенакопление капитала и тем самым капитализм если не подходит к своему концу, то, безусловно, переходит в какую-то иную стадию.

«Ошибки» или противоречия Розы Люксембург

Максим Горький как-то заметил, что все великие люди всегда страшно противоречивы. Противоречива и Роза Люксембург. Главное и основное ее противоречие состоит в приверженности к догматическому марксизму и каутскианскому учению о политической борьбе, что проявилось в ее статьях против Бернштейна, с одной стороны, и в ее теории

²⁹¹ Колганов А. Буржуа и пролетарии: теоретическая ошибка и историческая правота марксизма. // Альтернативы, 1999, № 3. С. 28.

автоматического краха капитализма, с другой стороны. Вот ее текст: «С точки зрения научного социализма историческая необходимость социалистического переворота выражается прежде всего в возрастающей анархии капиталистической системы, которая толкает капитализм в безвыходный тупик. Но если согласиться с Бернштейном, что капиталистическое развитие не находится на пути к собственной гибели, тогда социализм перестает быть объективно необходимым» (5, с. 23). Ведь если держаться теории Люксембург о перенакоплении капитала и автоматического краха капитализма, то социализм придет сам собой. За это ее и обвиняли критики. Так, Отто Бауэр писал в статье, посвященной разбору книги Розы Люксембург: «Капитализм разобьется не о механическую невозможность реализовать прибавочную стоимость. Он падет от восстания, на которое он толкает народные массы» (3, с. 357). Но Роза Люксембург нигде и никогда не отрицала роль и значение социалистической партии и ее борьбы за переустройство общества. Но, по ее мнению, одной партии мало, нужен и автоматический крах капитализма. Нужны объективные предпосылки неизбежности крушения капитализма. А социалистическая партия лишь культурно оформит это крушение. Сама Люксембург говорила на партийном съезде в Штутгарте в 1898 г.: «Мы будем играть роль стряпчего, ликвидирующего дела обанкротившегося общества» (1, с. 134). Очень любопытное высказывание. Ведь тогда получается, что никакой революции не надо. Капиталистическое общество само собой исчезает, а социалистическая партия, наблюдая за этим процессом и направляя его в нужную сторону, просто на этих развалинах все приводит в порядок. Если же держаться позиции Бернштейна, что капитализм в себе самом не содержит смертельного противоречия, то тогда нужна политическая партия, которая переделает капитализм в социализм. Тогда получается, что Бернштейн стоял за насильственное, пусть и медленное и постепенное, но принудительное свержение капитализма. Эволюционным (медленным) или революционным (быстрым) путем — это уже вопрос техники и темпов. Таким образом, Бернштейн был за насильственные действия, Роза Люксембург — за то, что капитализм сам рухнет, а социал-демократическая партия все это культурно оформит. Роза Люксембург была и за партию, и за автоматический крах. Она критиковала Бернштейна, но по сути дела была солидарна с ним. Это все интересно, но требует специального обсуждения. При этом нельзя упускать из виду то, что и Бернштейн и Люксембург были социал-демократы и состояли в одной и той же политической партии.

Итак, ошибки. Кто только не писал об ошибках Розы Люксембург. В нашей литературе традиция копаться в ошибках Люксембург идет, как водится, от Ленина. У нас все или почти все идет от Ленина или Сталина. Так, вот что писал Ленин по этому вопросу в 1922 г.: «Роза Люксембург ошибалась в вопросе независимости Польши; ошибалась в 1903 году в оценке меньшевизма; ошибалась в теории накопления капитала; ошибалась, защищая в июле 1914 года, рядом с Плехановым, Вандервельдом, Каутским и др., объединение большевиков с меньшевиками; ошибалась в своих тюремных писаниях 1918 года (причем сама же по выходе из тюрьмы в конце 1918 и начале 1919 года исправила большую часть своих ошибок)». Но, добавляет далее Ленин «несмотря на эти свои ошибки, она была и остается орлом»²⁹². Сейчас нет возможности разбирать в подробностях каждую претензию Ленина к Розе Люксембург. Поэтому скажем так: в половине претензий, если не больше, сегодня представляется, что ошибался Ленин, а не Роза Люксембург. Так, в тюремных записках о русской революции права была Роза Люксембург²⁹³, права она оказалась и в оценке меньшевизма, ее теория накопления капитала сегодня выглядит существенно менее спорной, чем 100 лет назад и т.д. Однако, легенда об ошибках Розы Люксембург прочно вошла в нашу литературу, стала как бы обязательным блюдом при анализе ее работ. Сказал тут свое слово и Сталин: «Парvus и Роза Люксембург... высказались против большевиков. При этом брошено обвинение по адресу большевиков в ультрацентрализме и бланкистских тенденциях»²⁹⁴. Для Сталина было главное — против, а раз против, значит не права.

В общем, Роза Люксембург была очень не удобна большевикам. Немецкий исследователь Й. Шютрумф пишет: «Розу Люксембург, еще в начале господства большевиков резко критиковавшую Маркса, надлежало заставить замолчать даже после смерти»²⁹⁵. Этот автор несколько увлекся, ибо Роза Люксембург действительно критиковала Маркса, но

²⁹² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 421–422.

²⁹³ Современный исследователь М. Кораллов вообще считает ее «Рукопись о русской революции» — «высшим достижением немецко-русской марксистской критики начала XX в.». (Кораллов М. Возвращение и прощание. // Роза Люксембург: Актуальные аспекты политической и научной деятельности. (К 85-летию со дня гибели). — М.: Памятники исторической мысли, 2004. С. 58.

²⁹⁴ Сталин И. Вопросы ленинизма. — М., 1947. С. 353–354.

²⁹⁵ Шютрумф Й. Между любовью и гневом: Роза Люксембург // Роза Люксембург: «...смело, уверено и улыбаясь — несмотря ни на что...». — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2009. С. 44.

совсем не резко, а как раз в меру. Но по существу он прав. Действительно, в своей последней работе «Рукопись о русской революции» Роза Люксембург пишет такие вещи, что они никак не могли понравиться ни большевикам, ни советским идеологическим властям. Роза Люксембург отдает должное Ленину, Троцкому и их товарищам в том, что они проявили «мужество, решительность, революционную дальновидность и последовательность» в Октябрьском восстании, что «спасло русскую революцию» и «честь международного социализма». «Большевики были олицетворением революционной чести и способности к действию, которые утратила социал-демократия Запада» (5, с. 314). И вместе с тем, она считает, что «устранение демократии вообще», которое применили большевики «еще хуже, чем тот недуг, который она призвано излечить». Итак, — пишет Роза Люксембург, — Ленин и Троцкий решают вопрос «в пользу диктатуры в противовес демократии и тем самым диктатуры горстки людей, т.е. *буржуазной* диктатуры». И, пожалуй, самое главное в этом анализе. В конце этой работы Роза Люксембург пишет, что «проблема осуществления социализма» в России «могла быть только поставлена. Она не могла быть решена в России, она может быть решена только интернационально» (5, с. 324, 330, 333). Вот, с точки зрения сталинистов и вообще сторонников теории строительства социализма в отдельно взятой стране, это, конечно, была крупная ошибка Розы Люксембург. Ведь по сути дела она выступила против этой теории и с еще большей силой против соответствующей практики. Такой подход Люксембург полностью соответствует классическому марксизму, позиции меньшевиков, да и теории того же Троцкого. Не зря люксембургизм иногда называют «мягким троцкизмом». Любопытно, что когда впервые в Германии была опубликована эта работа Розы Люксембург, лидер меньшевиков Ю.О. Мартов, будучи уже в Берлине, в одном письме писал так: «Здесь — сенсация... Пауль Леви издал, наконец, антибольшевистскую брошюру Розы (писана в сентябре 1918 г.), которую коммунисты скрывали 3 года, и в которой она ругательски их ругает не только за Брестский мир, но и за разгон Учредительного Собрания. В постановке вопроса о диктатуре и демократии она почти буквально сходится с Каутским, так что впечатление от этой публикации колоссальное»²⁹⁶.

Наконец, специально рассмотрим политэкономическую «ошибку» Розы Люксембург, которую ей приписывали некоторые советские иссле-

²⁹⁶ Меньшевики в 1921–1922 гг. Отв. ред. З. Галили, А. Ненароков. — М.: РОССПЭН, 2002. С. 393.

дователи. Так, например, в небольшой книжке Е.И. Рузавиной «Роза Люксембург» изданной в серии «Из истории экономической мысли» в 1989 г., автор, относясь с искренней симпатией к своей героине, тем не менее, считает ошибочной трактовку Розой Люксембург соотношения обмена и производства. Прицепившись к фразе Розы Люксембург, что «обмен управляет обществом», автор делает вывод о «небрежении к главному постулату научной политической экономии — примату производства по отношению к сфере обращения»²⁹⁷. Но в данном случае Роза Люксембург абсолютно права, ибо в товарно-капиталистическом хозяйстве именно обмен управляет производством. Обмен, т.е. рынок решает что производить, как производить и сколько производить. От этого, конечно, примат производства никуда не исчезает, так как для обмена сначала нужно что-нибудь произвести. Сама же Роза Люксембург в другом месте пишет: «Чем точка зрения ближе к самому процессу производства, тем понимание ближе к истине. И чем больше исследователь подвигается к рынку обмена, к сфере полного господства конкуренции, тем более перевернутой вверх ногами оказывается видимая им картина общества» (1, с. 155). Просто эти вещи нужно рассматривать в разных плоскостях. Одно дело экономическая цепочка: производство — обмен — потребление. Другое дело — регулирование этого процесса в рыночной экономике осуществляется через обмен, закон стоимости. Поэтому данные возражения автора брошюры можно квалифицировать как придирку или плохое понимание марксистской политэкономии.

В этой связи любопытно другое. Оказывается в 1920-х годах крупнейшего советского политэконома того времени И.И. Рубина обвиняли примерно в тех же самых грехах. Рубин, анализируя теорию стоимости Маркса, писал, что «только обмен превращает «скрытый» общественный труд в действительный общественный труд»²⁹⁸. Иными словами, только пройдя через обмен труд, воплощенный в каком-либо продукте, становится нужным обществу, становится общественным. И в подтверждении своих слов ссылается не только на Маркса, но и на работы «известных марксистов». Первая ссылка идет на политэкономическую работу Люксембург и как раз на то место, которое стало предметом критики советского экономиста в 1989 г. Но обвинять Люксембург и Рубина в том, что они плохо знали политическую экономию, или плохо изучили марксизм просто смешно. Видимо, авторы, которые искали политэко-

²⁹⁷ Рузавина Е.И. Роза Люксембург. — М.: Экономика, 1989. С. 58.

²⁹⁸ Рубин И.И. Очерки по теории стоимости Маркса. — М.—Л.: Госиздат, 1929. С. 261

номические ошибки у Люксембург в 1989 г. и у Рубина в 1929 г. сами плохо разбирались в политической экономии или выполняли чей-то социальный заказ.

Место Розы Люксембург в мировой социальной мысли

Удивительное дело: Роза Люксембург как партийный деятель, революционер успела сделать не так уж много, но имя ее не сходит со страниц разной интеллектуальной литературы более ста лет. Литература, посвященная Карлу Либкнехту, ее товарищу и соратнику по созданию Коммунистической партии Германии и погибшему вместе с ней, во много раз тоньше и меньше. Хотя совсем иначе было в начале XX века. Л.Д. Троцкий в речи 18 января 1919 г., посвященной памяти Карла Либкнехта и Розы Люксембург, говорил: «Имя Розы Люксембург менее известно в других странах, да и у нас, в России. Но можно сказать с полной уверенностью, что это была фигура отнюдь не меньшая, чем Карл Либкнехт». И еще добавил очень емкую фразу: «Она поражала мужеством своей мысли»²⁹⁹. Вот эта «мужественность мысли» и сделала Люксембург не только революционером, но и великим мыслителем. И с течением времени это становится все ясней и очевидней. Сегодня имя Розы Люксембург во много раз более известно, чем имя Карла Либкнехта. Любая серьезная книга, посвященная европейской социальной мысли или социальным движениям содержит больший или меньший раздел о трудах и мыслях Розы Люксембург. В этой литературе еще недавно больший упор делался на роль Розы Люксембург в революционном движении, на ее защите революционного марксизма. Так, Э. Мандел писал в 1977 г., что «современный революционный марксизм в громадном долгу перед Розой Люксембург. Она была первым марксистом, кто поставил и приступил к решению главных проблем стратегии и тактики революционного пролетариата»³⁰⁰. Здесь Роза Люксембург прежде всего революционер. В последние десятилетия все больше появляется литературы, где отмечаются заслуги Люксембург в постановке и решении общегуманистических и социологических проблем. Например, К. Лаваль пишет, что Роза Люксембург «способствовала тому, что позднее получит свое развитие во «Франкфуртской школе», идеи которой как раз выражались в том, что вся совокупность условий человеческого существования подчиняется логике

²⁹⁹ Троцкий Л.Д. Политические силуэты. — М.: Новости, 1990. С. 81.

³⁰⁰ Mandel E. Revolutionary Marxism and Social Reality in the 20th Century. — New Jersey: Humanities Press, 1994. P. 46.

товарооборота»³⁰¹. Думается, надо по иному посмотреть и на термин «люксембургизм». Этот красивый термин надо освободить от «марксистско-ленинского» уничижительного смысла и рассматривать под ним комплекс взглядов Розы Люксембург, ее учение об общественном развитии. Здесь Роза Люксембург предстает и как политэконом. Ведь сегодня Роза Люксембург — это, прежде всего социальный мыслитель мирового масштаба.

И в конце приведем лишь цитату Х. Арендт о Розе Люксембург: «Она прожила слишком мало, чтобы увидеть, как права она была...»³⁰². Пожалуй что, добавить к этим замечательным и точным словам более нечего.

Основные произведения Розы Люксембург

1. Люксембург Р. Избранные сочинения. Т. 1. Против реформизма. Ч. I. — М.—Л.: Московский рабочий, 1928.
2. Люксембург Р. Избранные сочинения. Т. 1. Против реформизма. Ч. II. — М.: Московский рабочий, 1930.
3. Люксембург Р. Накопление капитала. Том I и II. Изд. 4-е. — М.—Л.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1931.
5. Люксембург Р. Введение в политическую экономию. — М.: Соцэкгиз, 1960.
6. Люксембург Р. О социализме и русской революции. — М.: Политиздат, 1991.

ГЛАВА 8.

ИСААК РУБИН: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ ОВЕЩЕСТВЛЕНИЯ

1. Штрихи интеллектуальной биографии: стиль

Кто-то удачно сказал: человек — это прежде всего стиль. Действительно, чтобы понять человека, надо понять его стиль. Стиль ученого — это, прежде всего, стиль его книг и статей, его письменной речи, манера собирания материала и его подачи. Во всех этих смыслах Исаак Ильич Рубин, несомненно, обладал своеобразным стилем, который резко выделял его из массы марксистских теоретиков 1920-х гг. в России. На фоне боевых революционных деятелей Рубин отличался высокой диалектической культурой мысли, громадными знаниями, утонченным категориальным аппаратом, умением глубоко анализировать книжные

³⁰¹ Лаваль К. Человек экономический. Эссе о происхождении неолиберализма. — М., 2010. С. 373.

³⁰² Арендт Х. Люди в темные времена. — М., 2003. С. 67.

тексты и, видимо, пристрастием к такому занятию. Можно сказать, что Рубин в первую очередь был книжным интеллектуалом.

Исаак Ильич Рубин (1886–1937 гг.), выдающийся отечественный экономист–теоретик, работы которого, послужили предметом острых политэкономических дискуссий среди советских экономистов 1920–х гг. и оказали громадное влияние на последующее исследование методологических проблем советской политической экономии. К сожалению, критика Рубина в советский период была очень предвзятой и односторонней, что сказалось в недооценке его как крупнейшего советского политэконома. Обсуждая сегодня судьбу политической экономии как науки, думается, будет весьма полезно заново проанализировать вклад Рубина в развитие политической экономии в нашей стране.

Рубин родился в Двинске в состоятельной еврейской семье. В 1910 г. закончил юридический факультет Петербургского университета и некоторое время работал юристом. В 1904 г. стал социал–демократом, членом партии «Бунд» и в последующем принимал активное участие в деятельности меньшевиков. С 1919 г. преподавал политическую экономию в различных вузах Москвы, привлекался к переводу и комментированию сочинений К. Маркса, трудов западноевропейских экономистов. С начала 1920–х гг. стал одним из ведущих теоретиков политической экономии и истории экономических учений. После выхода в 1923 г. первого издания книги «Очерки по теории стоимости Маркса» стал непревзойденным авторитетом в области методологических проблем политической экономии. Однако, с 1921 г. Рубина в связи с его активной деятельностью как меньшевика периодически арестовывают, ссылают и так вплоть до расстрела в 1937 г.³⁰³ В связи с нарастанием репрессий по отношению к Рубину усиливалась в научной печати и его критика, которая с начала 1930–х гг. переросла в политические обвинения. Тем не менее росло влияние работ Рубина, которое можно заметить и в политэкономических исследованиях советских экономистов даже в 1960–е и 1970–е гг. Итак, рассмотрим — что же такого сделал Рубин для отечественной политической экономии.

При первом подходе к Рубину поражает бесподобная его эрудиция. Видимо, он много читал, глубоко понимал прочитанное и хорошо запоминал нужное. Вот пример. Мы часто встречаем в разнообразных текстах французскую фразу: «Laissez faire et laissez passer». Но

³⁰³ Васина Л.Л., Рокитянский Я.Г. Страницы жизни и творчества экономиста И.И. Рубина // Вестник Российской Академии наук. 1992. № 8.

только у Рубина я прочитал, что впервые эту фразу часто употреблял физиократ маркиз Д'Аржансон (1694–1757): «Не вмешивайтесь (*Laissez faire*) — таков должен быть девиз каждой публичной власти». И далее Рубин пишет, что впоследствии «вероятно Гурнэ» дополнил ее словами «*et laissez passer*» (3, с. 90)³⁰⁴. Примеров такого рода можно приводить много. Даже поражаешься, как человек никогда не выезжавший за пределы России, не стажировавшийся и не бывая в европейских университетах, не общаясь с европейскими учеными, накопил такие колоссальные знания из области экономической теории, такое глубокое понимание экономических текстов и реальных процессов. Таков Исаак Ильич Рубин. Правда, у него были хорошие учителя и коллеги и, видимо, главное, русский «Серебряный век» и Русская революция.

Но при всем при этом, в стиле Рубина можно обнаружить и, так сказать, шероховатости. Иными словами, глубина его мысли не всегда находила адекватное литературное выражение. Один из редакторов перевода работ Рубина на немецкий язык квалифицировал его текст как «утомляющий, странный, беспомощно-ученический и сверх того слишком академичный»³⁰⁵. С такими ощущениями немецкого редактора, в общем и целом, согласиться можно, ибо читать тексты Рубина не самое легкое занятие. Любопытно, как сам Рубин характеризует литературный стиль Д. Рикардо: «Вместо живых, увлекательных описаний Смита читателя ждет отвлеченное и сухое изложение, трудность которого усиливается тем, что читатель ни на минуту не должен упускать из виду множество предпосылок, явно или молчаливо предполагаемых автором» (3, с. 228). Во многом это свойственно литературному стилю и самого Рубина. Все время приходится «не упускать из виду» множество нечеткостей, недоговоренностей и то, что подразумевается, но не говорится. Трудно сказать, делалось ли это Рубиным сознательно, в целях избежать лишние придирки и обвинения, или же таков был его стиль. Скорее последнее, ибо сознательное усложнение текста практиковали некоторые советские политэкономы значительно позднее, имея опыт разнузданной критики 1930–х и последующих годов. Однако же, чтение текстов Рубина очень полезно. Не зря его переводили и переводят на иностранные языки. Но темные места в текстах Рубина встречаются.

³⁰⁴ Здесь и далее ссылки на работы И.И. Рубина даются в таком порядке: № работы по списку в конце главы и страница этой работы.

³⁰⁵ См.: *Rubin J.J. Bessonow S.A. Dialektik der Kategorien: Debatte in der UdSSR (1927–29)*. — Westberlin: VSA, 1975. S. 137.

Многие критики Рубина цеплялись за такие трудные места и фразы, преувеличивали их значение и составляли себе известный капитал на этих недоговоренностях, неточностях, противоречивости. Таких примеров не очень много, но они есть. Так, в полемике с С.А. Бессоновым Рубин пишет: «Капитал должен быть представлен в какой-нибудь вещи, должен быть прикреплен либо к деньгам (денежный капитал), либо к готовым товарам (товарный капитал), либо к элементам производственного процесса (производительный капитал)». И тут же: «Совершенно нелепо приписываемое нам критиком мнение, что деньги сам по себе составляют капитал» (4, с. 343–344). Здесь неточность двоякого рода. Деньги — это не вещь, а символ или, лучше сказать словами самого Рубина, социальная форма особого экономического отношения. Далее, «деньги сами по себе» это металл или бумага. Эти материальные носители денег становятся деньгами, когда выражают (отражают) определенные экономические отношения, тогда деньги становятся капиталом и «сами по себе». Критик С. Бессонов придрался к Рубину исключительно по литературному поводу, из-за нечетко сказанной фразы. Но Рубин вместо спокойного и обстоятельного разъяснения, стал, что называется, выкручиваться и допустил еще большую путаницу.

Или вот в другом месте Рубин пишет, что «под обменом труда здесь понимается процесс социального уравнивания, а не рыночного приравнивания» (3, с. 178). Но ведь это же одно и то же. Рыночное приравнивание индивидуального труда и есть в то же самое время процесс его социального уравнивания, превращение индивидуального труда в общественный. Зачем Рубин ставит «а не» — непонятно. Такие места в текстах Рубина есть. Это надо признать честно.

Но есть и другое. Есть поразительные по глубине и отточенности фразы и положения, которые выражают самую глубинную сущность исследуемых Рубиным явлений и категорий. В одной рецензии он пишет: «Учение Маркса, как всякая абстрактная теория, ставящая себе целью не простое описание, а причинное объяснение явлений, представляет собою... логическое обобщение действительности»³⁰⁶. Здесь обращает на себя внимание то, что Рубин трактует марксизм не как революционное учение, а как «логическое обобщение действительности», да к тому же как «абстрактную теорию». Должен сказать, что эти формулировки очень правильные и точные. Это, конечно,

³⁰⁶ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Под ред. Д. Рязанова. Кн. IV. — М.—Л.: Госиздат, 1929. С. 487.

не значит, что у марксизма нет второй, революционной стороны. Но главное и основное в учении Маркса — это объяснение или, скажем словами Рубина, «логическое обобщение» капиталистической действительности. В этом и состоит научное значение теории марксизма. Также, кстати говоря, трактовали марксизм Н. Бердяев, С. Булгаков, П. Струве, М. Туган-Барановский и многие другие ученые. В том числе или прежде всего немецкие катедер-социалисты Л. Brentano, Р. Гильфердинг, В. Зомбарт, Г. Шмоллер и др. А вот у советских экономистов такую трактовку марксизма встретить было почти невозможно.

Кроме того, Рубин не боялся отмечать противоречия и несогласованности в текстах Маркса, в частности в «Капитале». В конце своих «Очерков» он пишет, что «мы отнюдь не отрицаем того, что и в 17-й главе III тома и особенно в 6-й главе II тома встречаются несогласованные места, терминологическая неясность и отдельные противоречия» (4, с. 234). Интересно, что через 80 лет А.Д. Некипелов высказал ту же самую мысль, правда, очень вежливо: «У меня есть такое подозрение (я, конечно, нисколько на этом не настаиваю и убежден, что это может рассматриваться как чистой воды спекуляция), что Маркс не закончил 3 том и не опубликовал его потому, что чувствовал большое количество противоречий, которые там есть, и не мог вырваться из них. Может, я не прав»³⁰⁷. Но все же первым был Рубин, который в самый разгар становления сталинизма, не побоялся критически, т.е. научно, отнестись к некоторым текстам Маркса. За это вскорости и поплатился, но конечно, не только за это.

Некоторые советские экономисты, наоборот, смачно и развязно ругали такой подход к марксизму. Так, например, А.И. Пашков, читает статью Р. Гильфердинга «Историческая подготовка политической экономии Маркса», которая, кстати, была опубликована в одном сборнике 1924 г. под редакцией Рубина. И вот что пишет Пашков: «Гильфердинг совершенно выхолащивает революционную сущность, материалистическую диалектику из учения Маркса»³⁰⁸. А вот и про Рубина: «Другой лакей буржуазии — И. Рубин — призывает в свою очередь марксистов благодарить Штольцмана, Шпанна, Петри, ныне якобы развивающих и углубляющих дальше научную политэкономия и метод Маркса». И дальше: «Рубинская меньшевистская «критика» буржуазной политической экономии протаскивалась у нас и в работах некоторых наших

³⁰⁷ Некипелов А.Д. О противоречиях марксовой теории стоимости. // Экономическая теория марксизма и современность. Под ред. В.А. Медведева. — М.: ИЭ РАН, 2009. С. 250–251.

³⁰⁸ Пашков А.И. Вопросы экономической науки. — М.: Наука, 1973. С. 46.

экономистов, не усвоивших марксизма–ленинизма»³⁰⁹. Вот и я, видно, не усвоил «марксизма–ленинизма», ибо мне больше нравится формулировка Рубина, чем развязный тон Пашкова.

Рубин действительно был идейным меньшевиком, даже членом ЦК меньшевистской партии в последний ее период, и теоретически наследовал не только Маркса, но и немецких катедер–социалистов, прежде всего Р. Гильфердинга³¹⁰ и, как это не покажется на первый взгляд странным, также некоторые положения Розы Люксембург.³¹¹ Интересно, что могло бы их объединять? И, тем не менее, или в соответствии с этим он полагал, что капитализм имеет не только «исторически–преходящий», но и «исторически–необходимый» характер (3, с. 323).

2. Товарный фетишизм и форма стоимости

Итак, книга «Очерки по теории стоимости Маркса». Эта потрясающая книга уже давно заняла одно из выдающихся мест в истории политической экономии. Несмотря на то, что на эту тему писали многие, но только Рубину удалось осуществить очень глубокий и даже виртуозный, во всех смыслах блестящий анализ стоимостных и вещных отношений буржуазного общества. Только через несколько десятилетий социальная мысль достигла такого же уровня в анализе.

Рубин начинает свою знаменитую книгу с раздела «Теория товарного фетишизма Маркса» и здесь он в частности пишет: «Теория фетишизма представляет собой основу всей экономической системы Маркса и в частности его теории стоимости». В чем же состоит эта теория Маркса? «В том, что Маркс увидел под отношениями вещей отношения людей, в том, что он вскрыл иллюзию человеческого сознания, порождаемую товарным хозяйством и приписывающую вещам свойства, которые вытекают в действительности из общественных отношений людей в процессе производства» (4, с. 9). И дальше «В товарном хозяйстве общественные производственные отношения людей неизбежно принимают вещную форму и не могут проявляться иначе, как через посредство вещей». И, наконец, «Теория товарного фетишизма превращается в общую теорию производственных отношений товар-

³⁰⁹ Там же. С. 48.

³¹⁰ «Только после работ Гильфердинга, – замечает Рубин, – стало намечаться правильное понимание социологического характера теории стоимости Маркса» (4. С. 56).

³¹¹ Так, Рубин называет своих теоретических авторитетов в такой последовательности: Маркс, Энгельс, Плеханов, Ленин, Гильфердинг, Р. Люксембург (2. С. 86). См. также: 4, с. 310, 333, 362.

ного хозяйства, в пропедевтику политической экономии» (4, с. 10), а сама политическая экономия «как наука о товарном хозяйстве имеет дело с вещными категориями» (4, с. 45).

Действительно. В первом томе «Капитала» К. Маркса в первой главе есть превосходный 4-й параграф «Товарный фетишизм и его тайна», где речь идет о фетишизации, обожествлении товаров и товарного мира. В советское время некоторые глубокие философы выделяли этот параграф и придавали ему исключительно важное значение. Но в то время на студенчество этот параграф не производил сильного впечатления, ибо советская жизнь, а жизнь студентов тем более, была далека от фетишизации именно товарного мира. В советской экономике и в советской жизни товар не был господствующей категорией. Нам казался товарный мир подорванным, гниющим и уходящим. Правда, и в реальности товаров было не много. Но сегодня этот гниющий товарный мир пришел, все заполнил и поглотил. И сегодня этот 4 параграф первой главы «Капитала» оказался чрезвычайно актуальным. Сегодня, пишет Ж. Бодрийяр, «фетишизм товара, фетишизм денег: то, что у Маркса является описанием повседневной идеологии капиталистического общества... — этот фетишизм стал лакомым кусочком современного анализа»³¹². Однако, привлекательность этой категории одним из первых заметил Рубин.

Так что же такого интересного написал Маркс в 4-ом параграфе первого тома «Капитала»? Вот его текст: «Стол остается деревом — обыденной, чувственно воспринимаемой вещью. Но как только он делается товаром, он превращается в чувственно-сверхчувственную вещь. Он не только стоит на земле всеми своими четырьмя ножками, но становится пред лицом всех других товаров на голову, и эта его деревянная башка порождает причуды, в которых гораздо более удивительного, чем если бы стол пустился по собственному почину танцевать... Следовательно, таинственность товарной формы состоит просто в том, что она является зеркалом, которое отражает людям общественный характер их собственного труда как вещный характер самих продуктов труда, как общественные свойства данных вещей, присущие им от природы».³¹³ Иными словами, люди оценивают других людей и отношения между людьми, т.е. человеческие отношения через товары, вещи. Чем у человека больше вещей — тем он лучше, значительнее. О нем пишут в газетах, показывают по TV, говорят и стараются быть в курсе

³¹² Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. — М., 2004. С. 94.

³¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 81–82.

даже его личной жизни. Товарный мир, вещи определяют качество человека и качество человеческих отношений. Соответственно, экономическая наука все больше и больше начинает изучать не отношения между людьми, а отношения (функциональные связи) между вещами, где люди низводятся к передаточному механизму в процессе обмена вещей. Современная западная экономическая теория даже самого человека готова рассматривать как вещь. Например, в теории человеческого капитала.

Итак, почему придается такое великое значение теории фетишизма? Рубин отвечает так: «Взаимодействие и взаимовлияние трудовой деятельности отдельных товаропроизводителей происходит исключительно через вещи, продукты их труда, поступающие на рынок» (4, с. 12). «Трудовая деятельность одного члена общества может воздействовать на трудовую деятельность другого только через посредство вещи». Таким образом, «Производственные отношения людей неизбежно принимают вещную форму» (4, с. 13). И еще важный момент: «Движение цен вещей на рынке — не только отражение производственных отношений людей, а единственная возможная в товарном обществе форма их проявления» (4, с. 14). Таким образом, «тесная связь производственных отношений людей с движением вещей в процессе материального производства приводит к «овеществлению» производственных отношений людей» (4, с. 21). Такова, по мнению Рубина, общественная форма процесса производства, которую и изучает политическая экономия. Таким образом, трактовка Рубиным категории товарного фетишизма, как овеществления отношений людей, задолго предвосхитила построения франкфуртской школы этого же феномена. Примерно в это же время и примерно в том же ключе феномен овеществления описал Г. Лукач в своей знаменитой книге «История и классовое сознание». Однако, как отмечается в современной литературе, позиция Рубина была менее амбициозной и радикальной, чем Лукача. «В то время как Лукач искал место для "отчуждения" в своей теории овеществления, Рубин склонялся к взгляду на теорию овеществления как научной реконструкции утопической теории отчуждения. Однако, оба и Лукач, и Рубин были жестко атакованы как "гегельянцы" и "идеалисты" со стороны официальных представителей III-го Интернационала»³¹⁴. Итак, делает вывод Рубин, «центр тяжести теории фетишизма заключается не в том, что под вещными категориями политической экономии она вскрывает

³¹⁴ Petrovic G. Reification // A Dictionary of Marxist Thought. 2 edition. Edited by T. Bottomore. — Oxford: Blackweel, 1995. P. 464.

производственные отношения людей, а в том, что эти производственные отношения людей в товарно-капиталистическом хозяйстве неизбежно принимают вещную форму и только в этой форме могут осуществляться. Аналогично этому надо понимать и теорию стоимости Маркса» (4, с. 56–57).

Теперь настало время поговорить о стоимости, центральной категории политической экономии. Рубин даже писал: «Основные понятия политической экономии построены на понятии стоимости и на первый взгляд даже представляют как бы логическую эманацию этой последней». (4, с. 80). Вообще говоря, стоимость, наверное, самое сложное или, откровенно говоря, самое темное понятие экономической науки. Как-то Д. Рикардо заметил: «Ничто не порождало так много ошибок и разногласий в этой науке, как именно неопределенность понятий, которые связывались со словом стоимость»³¹⁵. И это действительно так, вплоть до сего дня. Возможно, поэтому «экономикс» вообще обходится без этой категории. Да и в нашей литературе понятие «стоимость» часто путается с понятием «ценность».

Правда, сегодня этот вопрос оказывается еще больше запутанным. Так, Андре Горц, рассуждая о современном нематериальном производстве, так сказать, о «брендовом производстве», делает такое заключение: «Уже не затраченное на работу время, а «компонент поведения» и мотивация считаются важнейшими факторами создания стоимости». И далее: «Кризис измерения стоимости заставляет пересмотреть саму сущность этой категории, а тем самым и систему эквивалентностей, на которых основывается товарный обмен»³¹⁶. Однако, пересматривать сущность категории стоимость не к чему, если изначально ее правильно понимать. И ключ к такому правильному пониманию в свое время дал И.И. Рубин.

Итак, что же по этому поводу писал Рубин. В главе «Овеществление производственных отношений людей и персонификация вещей» своих «Очерков» он писал: «Если данная вещь дает своему владельцу возможность вступить в отношение обмена с любым другим товаровладельцем, то вещь приобретает особое свойство обмениваемости, имеет стоимость» (4, с. 22). Данная вещь «выполняет также социальную функцию связывания людей» (там же, с. 23). И еще: «Наличие

³¹⁵ Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения. // Рикардо Д. Соч. Т. 1. — М.: Госполитиздат, 1955. С. 35.

³¹⁶ Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. — М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010. С. 13, 42.

у данного лица вещи с определенной социальной формой побуждает его вступать в определенное производственное отношение, сообщает данному лицу особый социальный характер. Овеществление производственных отношений людей дополняется теперь персонификацией вещей». (4, с. 24). И, наконец, общее определение: «В товарно-капиталистическом хозяйстве производственно-трудовые отношения между людьми неизбежно принимают форму стоимости вещей и только в этой вещной форме и могут проявляться» (4, с. 57). Уже в этих небольших выдержках можно видеть тяготение Рубина к социальной версии стоимости, понимание стоимости не как издержек по производству, а как социального отношения, аккумулирующего все аспекты рационального экономического поведения человека. В другой работе Рубин писал, что теория стоимости отражает «трудовую деятельность людей как основу жизни общества, и те социальные формы, в которых этот труд организован» (1, с. 20).

И вот, пожалуй, самая яркая трактовка стоимости, данная Рубиным: «Теория трудовой стоимости утверждает не материальную конденсацию труда как фактора производства в вещах..., а фетишизированное, овеществленное, выражение общественного труда в стоимости вещей. Труд "кристаллизуется" или оформляется в стоимости в том смысле, что принимает социальную "форму стоимости", в ней выражается или "представляется"» (4, с. 66). Более того, Рубин называет двусмысленным выражение, что труд «создает стоимость». На самом деле «речь идет о социальном, а не материально-техническом процессе. "Овеществление" труда в стоимости означает... фетишизированное, "вещное" выражение производственных отношений людей» (4, с. 236).

Многие критики Рубина упрекали его в том, что он отрывает стоимость и, следовательно, производственные отношения от материально-технической базы, от конкретного труда в материальном производстве. И действительно, социальная версия стоимости в своем последовательном развертывании отрывается от фактических затрат физического труда (от своей технической предпосылки) в конкретном производстве. Именно последнее было характерно для механистической версии стоимости, против которой много и убедительно боролся Рубин. Но его критики были правы, когда обвиняли социальную версию и Рубина в том, что он приближается к маржиналистской теории предельной полезности.

В той дискуссии 1920-х гг. столкнулись две версии трудовой теории стоимости: социальная, учитывающая общественную потребность (полезность) и механистическая, сводящая стоимость к фактическим

затратам труда.³¹⁷ Это была очень интересная дискуссия, где социальная версия очень близко подошла к теории предельной полезности, но при этом не покидала рамок марксистского анализа.³¹⁸ Эти две версии или линии в трактовке стоимости подспудно боролись в русской литературе почти весь XX век. Все это имело практическое значение для нормализации ценообразования в советской экономической системе. Стоял практический вопрос: как надо делать цены в безрыночном хозяйстве. Многие тогдашние экономисты считали, что цены надо делать на основе фактических затрат труда на изготовление определенного продукта. Так было проще и понятней. Общественно необходимые затраты труда (ОНЗТ) они понимали как фактические затраты, которые в принципе можно подсчитать. В Академии наук в 1960–е годы была даже создана специальная комиссия под председательством академика В.С. Немчинова по расчету стоимости. Но так ничего и не подсчитали. Участники дискуссии по проблемам ценообразования стремились подкреплять свои позиции различной интерпретацией теории стоимости Маркса. При этом они или не читали или не обратили внимания на следующие слова Рубина, обращенные почти прямо к ним: «Указанные экономисты не могли освободиться от ошибочного представления, давно свившего себе гнездо в политической экономии и приписывавшего теории стоимости совершенно несвойственную ей задачу нахождения практического мерилла стоимости. В действительности теория стоимости имеет совсем другую задачу, теоретическую, а не практическую. Нам незачем искать практическое мерило стоимости» (4, с. 109). Но в советской экономике как бы рынка не было, т.е. не было рыночного уравнения товаров. А цена и ценообразование были, и надо было все это обосновывать теорией стоимости Маркса. Конечно, из текстов Маркса можно извлечь многое, потому что рубинцы и механисты вытягивали совершенно различные вещи именно из одних и тех же текстов Маркса.

В этой связи к социальной версии стоимости лучше подходит слово «ценность», а не «стоимость». Ибо «стоимость» в русском языке ассоциируется прежде всего с фактическими затратами, а «ценность» с общественным ценением. Вот почему, когда получила преобладание

³¹⁷ Против механистических тенденций в политической экономии. Сб. статей. Под ред. Б. Борилина и А. Леонтьева. — М.—Л., 1929; Рубинщина или марксизм. Против идеализма и метафизики в политической экономии. Сб. статей. Под ред. С.А. Бессонова, А.Ф. Кона. — М.—Л.: Госиздат, 1930.

³¹⁸ Рубин про сторонников механистической версии стоимости писал: «Они совершенно не поняли качественной, социологической стороны марксовой теории стоимости» (4, с. 67).

механическая версия стоимости, т.е. сведение последней к фактическим затратам, то философы из этой дискуссии выпали. Однако, все же немецкое слово «wert» я бы переводил как «ценность», ибо для слова «стоимость» в немецком языке есть особый термин «kosten». Более того, можно утверждать, что перевод слова «wert» как «стоимость», утвердившийся в нашей литературе, оказался очень удобен для механистической практики не только советского «планового ценообразования», но и для соответствующего понимания социализма.

Итак, две линии или версии стоимости (социальная и механистическая) до сих пор сидят в головах отечественных ученых и никак не могут примириться.³¹⁹ Так, например, если с точки зрения механистической школы, чтобы быть современным, надо дополнять теорию стоимости Маркса теорией предельной полезности, ибо согласно этой версии, у Маркса доминируют фактические затраты труда без учета социальной потребности (полезности) продукта. С точки зрения социальной версии ничего дополнять не надо, ибо трудовая теория стоимости Маркса уже включает в себя момент социальной полезности товара. С точки зрения социальной версии стоимости она там уже есть. В работах некоторых ученых из ЦЭМИ эта версия уже в 1970-е годы получила довольно значительное представительство.³²⁰ Так что, эта социальная версия стоимости в теории Маркса уже «сидит». И это стало ясно после работ Рубина. Хотя позиция Рубина в дискуссиях 1920-х годов была отвергнута. В.А. Медведев, заставший в конце 50-х гг. отголоски этой дискуссии в Ленинградском университете, пишет, что эта дискуссия закончилась, естественно, поражением идеалистической версии, а ее лидер И.И. Рубин стал жертвой сталинских репрессий. Но отзвуки этой дискуссии еще долго сохранялись среди экономистов»³²¹. Это замечание В.А. Медведева вызывает много вопросов. Например, почему используется слово «естественно»? Но в целом это наблюдение В.А. Медведева

³¹⁹ А.Д. Некипелов сравнительно недавно признал, что «полный отказ от трудовой теории стоимости мне как ученому, получившему марксистское образование, дался с большим трудом» (Некипелов А.Д. Становление и функционирование экономических институтов. — М.: Экономистъ, 2006. С. 10). Но как можно понять из текста этой работы, А.Д. Некипелов разделял как раз механистическую версию стоимости, обычную для большинства советских экономистов.

³²⁰ См.: Петраков Н.Я. Общественная потребность и проблемы планового ценообразования. // Проблемы общественной полезности продуктов труда при социализме. (Доклады на сессии научного совета). — М.: ИЭ АН СССР, 1975.

³²¹ Медведев В.А. Заключительное слово. // Экономическая теория марксизма и современность. Под ред. В.А. Медведева. — М.: ИЭ РАН, 2009. С. 298.

вполне справедливо. В данном случае Рубин, хотя теоретически был прав, потерпел поражение. Почему?

Правда сам Рубин в этом вопросе не всегда был последователен, использовал формулировки, допускающие и механистическую трактовку стоимости. Так, он пишет: «Увеличение или уменьшение спроса при неизменившихся технических условиях производства не может повысить или снизить стоимость продукта, но может вызвать расширение или сокращение производства в данной отрасли. Стоимость же продукта определяется исключительно состоянием производительных сил и техникою данного производства. Спрос, следовательно, не влияет на величину стоимости» (4, с. 168). И дальше: «Следовательно, остается в полной силе основное положение марксовской теории, что изменения стоимости определяются исключительно техническими условиями производства. Спрос может воздействовать на стоимость не непосредственно, но лишь косвенно, посредственно, видоизменяя размер производства и тем самым технические его условия» (4, с. 181). Однако, все-таки Рубин признает, что спрос может влиять на величину стоимости. Таким образом, влияет и то, и то. Ведь изменение технических условий производства произошло под влиянием изменения спроса. Поэтому, стоимость зависит (определяется) техническими условиями, но в рамках потребности (спроса). Т.е. стоимость включает не только затратные характеристики товара, но и его полезностные характеристики.

Как уже говорилось, вопрос о стоимости изначально не был простым и ясным. И в теории стоимости Маркса также можно обнаружить темные места, которые, кстати говоря, и создают питательную почву для заметно различающихся «марксистских» трактовок одного и того же. Порой эти интерпретации поражают высшей степенью схоластической казуистики. Непревзойденным мастером этой диалектики был Рубин. Анализируя нюансы текста первой главы «Капитала» Маркса, Рубин пишет: «если определенное количество одной потребительной стоимости приравняется в обмене определенному количеству другой потребительной стоимости, то оба должны быть равны чему-то третьему, а именно той стоимости, которая присуща каждому из них. Равенство двух потребительных стоимостей в обмене предполагает равенство обеих чему-то третьему...» (5, с. 81). Но дело в том, что ничего третьего нет. Стоимость есть внутренняя характеристика самих этих потребительных стоимостей. Это не третье, а особое качество первых двух. Использование понятие «третье» в данном случае не корректно. Но это «третье» употребил сам Маркс в следующей очень

противоречивой фразе: «Одна и та же стоимость существует в двух различных вещах, в квартере пшеницы и в центнере железа. Обе, следовательно, равны порознь третьему...» (5, с. 82)³²². Буквальное прочтение этой фразы создает впечатление, что наряду с «квартиром пшеницы» и «центнером железа» есть еще и третье, подобное первым двум. На самом деле, стоимость это не третье, а сторона первых двух. Особое качество, общее им всем как товарам.

В теории стоимости Маркса вообще есть весьма темное место, касающееся понимания абстрактного труда, которое уже более 150 лет является камнем преткновения для многих политэкономов. Не вдаваясь в эту дискуссию об абстрактном труде, скажем лишь что именно из разных интерпретаций этой категории и выросли две версии стоимости: социальная и механистическая. У самого Маркса можно найти основания для такой их интерпретации, что Рубин и делал. Абстрактный труд — есть ли реальный труд в материальном производстве, который содержится в различных товарах и проявляется в их рыночном приравнивании? Он создает стоимость, на основе которой и происходит рыночный обмен. Или же абстрактный труд — это некая идеальная форма выражения конкретного труда в материальном производстве, которая лишь появляется в рыночном обмене? Рубин склонялся ко второй позиции, но и как сам Маркс не был последователен в этом вопросе.

Более того, Рубин обратил внимание на разную трактовку стоимости Марксом в разных его текстах. В «Теориях прибавочной стоимости» Маркс пишет: «например, квартал пшеницы, обменивается в разнообразных пропорциях с другими товарами. Тем не менее меновая стоимость его остается неизменною...» Далее Рубин приводит то же место из 1-го издания «Капитала»: «квартал пшеницы... обменивается в разнообразнейших отношениях на другие товары. Следовательно, пшеница, вместо одной, имеет много меновых стоимостей...». Эта же редакция дана и во французском издании «Капитала» (5, с. 82). Однако «много меновых стоимостей» и «меновая стоимость остается неизменной» — принципиально разные вещи. Рубин пишет, что это было сделано Марксом в целях «провести строгое различие между стоимостью товара и его меновой стоимостью, выраженной в других товарах». Или в другом месте: «Мы должны, следовательно, отличать стоимость холста, которая остается одинаковою во всех этих актах обмена, от различных форм проявления ее в хлебе, кофе и т.д., т.е. от меновой стоимо-

³²² См. также: *Маркс К.* Капитал. — М., 1953. Т. 1. С. 43.

сти» (5, с. 83, 80). Но во всех этих актах обмена стоимость холста остается неизменной и форма ее не меняется в зависимости от конкретного акта обмена. В данном случае никакой разницы между меновой стоимостью и стоимостью вообще нет. Другой вопрос, если под стоимостью понимать индивидуальную, еще не усредненную стоимость производителя, которая есть, собственно, еще не стоимость в точном смысле слова, а просто затраты труда. Но вынося товар на рынок, т.е. усредняя его стоимость, социально выравнивая ее, т.е. превращая ее в стоимость как социальное отношение, мы получаем меновую стоимость, которая, собственно, и есть общественная (т.е. социально уравненная) стоимость.

Во всей этой теме есть одна проблема, которая очень неясно представлена у Маркса и которая порождает много противоречий у Рубина. Это — как понимать и трактовать абстрактный труд и стоимость. Тут может быть два подхода. Первый, который сводит абстрактный труд к затрате физической энергии человека, что можно измерить во времени или в калориях. Затраты таким образом понимаемого абстрактного труда и создают стоимость. А товар продается по меновой стоимости, что отличает ее от просто или вообще стоимости. Второй — понимание абстрактного труда как социальной формы, которую принимают индивидуальные затраты труда, пройдя через рыночный обмен. Т.е. абстрактный труд — это не просто физические затраты труда, а лишь те, которые могут быть признаны рынком. Только в обмене индивидуальные затраты получают эту социальную форму и, собственно, становятся абстрактным трудом. А эта социальная форма и называется стоимостью, которая окончательное свое завершение получает как меновая стоимость. Таким образом, стоимость и меновая стоимость — это не две разные категории, а две стадии развития одной и той же категории.

Сегодня ситуация усложнилась. Мощность инструментария современной экономической науки развилась настолько, что готова сжевать все подряд, все стороны человеческой деятельности, не исключая даже физиологии. Современная экономическая теория (мейнстрим) все подряд превращает в товар: брак, семью, здоровье, культуру, образование, счастье, доверие, солидарность и т.д., и т.п. Наверно, полагая, что тем самым наука проникает в глубинный смысл этих явлений. Верней, она об этом даже и не задумывается, ограничиваясь переворачиванием и рассматриванием поверхностных форм, которые можно математически подсчитать. Но стоимость такая категория, которую подсчитать невозможно. «Понятие стоимости и всеохватывающие отношения стоимости, — пишет А. Горц, — недоступны наглядному мышлению.

Последствиями этой недоступности выступают денежный и товарный фетишизм, превращение жизни и личности в деньги»³²³.

Современный фетишизм товарной формы, отрывая ее от экономического содержания, переносится и вовсе на бессодержательные формы. Действительно, если «экономикс» ограничивается анализом внешних функциональных зависимостей товарного мира, то появляется желание перенести этот анализ зависимостей и на явления нетоварного мира. Если для современной экономической теории суть экономического явления не представляется важным, то, естественно, богатый и мощно разработанный инструментарий экономической науки соблазнительно приложить куда угодно. И дело тут не в том, что вещи превращаются в символ благополучия и преуспевания, так называемый вешизм, а в том, что процедуры и виды человеческой деятельности, которые ни с какой стороны вещами и товарами не были, превращаются в товары. Например, процедура демократических выборов («покупка голосов» избирателей), исполнительское искусство (коммерческая «раскрутка» претендентов), спорт (покупка и продажа игроков и целых команд) и т.д. Тем самым товарный фетишизм распространяется и на нетоварный мир.³²⁴ При этом оговоримся, что в этом деле, т.е. товарной фетишизации нетоварного мира, виновата, конечно, не современная экономическая наука, в частности «экономикс», а сама жизнь мегаполисов, где все расценивается в долларах.

Теперь попробуем ответить на вопрос — почему социальная версия стоимости Рубина, несмотря на свою теоретическую правоту, потерпела поражение в дискуссии с механистической версией. На мой взгляд, главным образом потому, что Рубин, понимая стоимость как социальную форму вещных отношений, не сводил ее к фактическим затратам индивидуального труда, к натурализации экономических отношений и, соответственно, натуральным пропорциям распределения общественного труда. А советская хозяйственная действительность, особенно второй половины 20–х годов требовала натурализации. Переход к уско-

³²³ Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. — М.: Изд. дом ГУ–ВШЭ, 2010. С. 118.

³²⁴ Еще раз процитируем современного исследователя этого вопроса. Если Маркс соотносил товарный фетишизм, пишет Ж. Бодрийяр, с некоей определенной формой, «то сегодня можно увидеть, как этот фетишизм эксплуатируется на предельно эмпирическом уровне в виде некоей суммы: фетишизм предметов, фетишизм автомобиля, фетишизм секса, фетишизм каникул и т.д...» (*Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака.* — М., 2004. С. 94).

ренной индустриализации и мобилизационной экономике в целом требовал ограничения рыночного саморегулирования, выхолащивания товарно-денежных отношений, низведения денег, цены и других экономических категорий к простым учетным единицам.

Советская идеология, отворачиваясь от реальности, твердила о социальной однородности труда, социальном равенстве в советском социализме. При этом почему-то не отрицалась марксистская экономическая теория, которая по справедливому замечанию Рубина «заранее предполагает классовое неравенство капиталистического общества» и «логическая структура политической экономии, как науки, отражает социальную структуру капиталистического общества» (4, с. 81). И только рынок через стоимость уравнивает частных товаропроизводителей. Но дальше Рубин пишет не совсем точно следующее: «Так как отношения между классами в капиталистическом обществе происходят в форме отношений между независимыми товаропроизводителями, то исходным пунктом исследования берется стоимость, предполагающая социальное равенство участников менового акта» (Там же). В чем тут неточность? В том, что в буржуазном обществе не может быть фактического социального равенства, коли есть меновой акт. Социальное уравнивание труда в акте рыночного обмена не приводит и не может приводить к социальному равенству. Ибо достижение социального равенства в капиталистическом обществе сделало бы ненужным меновой акт и остановило бы экономический процесс. Участники рыночного процесса формально равны политически, как граждане, но сам рыночный процесс ведет к фактическому экономическому неравенству и стало быть к последующему социальному неравенству. Т.е. в данном случае можно говорить о формальном социальном равенстве в буржуазном обществе и фактическом социальном неравенстве. Интересно это сравнить с постановкой Я.А. Кронрода о формальном равенстве производителей при социализме («отношения непосредственно общественной коллективности») и фактическом неравенстве этих же производителей («неравное присвоение — использование»).³²⁵ Тем самым из формулы Кронрода можно было делать вывод о существовании буржуазного общества в СССР. Тем более, что вся концепция Кронрода была направлена на доказательство необходимости рынка и рыночного регулирования в советской экономике.

Рубин же считал и писал, что обмен, т.е. рынок регулирует пропорции производства. Обмен вещей в товарном хозяйстве происходит посред-

³²⁵ Кронрод Я.А. Законы политической экономии социализма. — М.: «Мысль», 1966. С. 359.

ством общественного уравнивания труда на рынке. «Понятие "общественного равенства труда", — писал Рубин, — мы должны связать с понятием равновесия между отдельными видами труда или между отдельными отраслями народного хозяйства» (4, с. 89). И дальше: «Состоянию общественного равновесия производства соответствует обмен продуктов труда различных отраслей по их стоимости, общественное равенство разнородных видов труда» (4, с. 90). На это критики Рубина отвечали: «Правый уклон смешивает пропорциональность и равновесие общественного производства, как таковые, с определенной исторической формой их установления, а именно с товарно-рыночной формой. Из того, что советской хозяйством есть хозяйство с наличием товарно-рыночных явлений, правый уклон делает вывод, что пропорциональность в нашем хозяйстве может быть достигаема теми же методами, что и в товарном обществе, т.е. через рынок, через вещи. Рубин точно так же не знает никаких производственных отношений кроме отношений обмена, отсюда его презрение к неовеществленным производственным отношениям и сфере производства вообще и величайшее внимание к сфере обращения»³²⁶.

Рубин, анализируя теорию стоимости Маркса, писал, что «только обмен превращает "скрытый" общественный труд в действительный общественный труд» (4, с. 261). И при этом речь не шла о противопоставлении обмена и производства. Рубин специально отмечал, что в товарном производстве «обмен уже включен в самое производство как его социальная форма» (4, с. 360). Иными словами, только пройдя через обмен труд, воплощенный в каком-либо продукте, становится нужным обществу, становится общественным. И в подтверждении своих слов ссылается не только на Маркса, но и на работы «известных марксистов». Первая ссылка идет на политэкономическую работу Розы Люксембург, где она заявляет: «Обмен управляет обществом»³²⁷. В данном случае Роза Люксембург, как и Рубин, абсолютно правы, ибо в товарно-капиталистическом хозяйстве именно обмен управляет производством. Обмен, т.е. рынок решает что производить, как производить и сколько производить. От этого, конечно, примат производства никуда не исчезает, так как для обмена сначала нужно что-нибудь произвести.

Итак, зачатки современной интерпретации товарного фетишизма, так модного среди части западных философов, мы находим в работах

³²⁶ Бессонов С.А. Заключительное слово. // Проблемы экономики, 1929, № 4—5. С. 235—236.

³²⁷ Люксембург Р. Введение в политическую экономию. — М.: Соцэкгиз, 1960. С. 236.

Рубина. И как отмечают современные исследователи, его интерпретация теории фетишизма наиболее аутентична научному содержанию «Капитала» в гуманистической критике отчуждения и индивидуализации в мире вещей. Эти положения можно встретить в работах Л. Альтюссера и его учеников.³²⁸ Классическая политическая экономия изучала и изучает все же товарный (вещный) мир. Возникшая сравнительно недавно новая политическая экономия изучает уже овеществление, например, демократических процессов, которые принимают форму политического торга (товарной сделки), т.е. орыночивания процедуры политических выборов. И в чем-то «новая политическая экономия» Дж. Бьюкенена напоминает «политическую экономию в широком смысле» А.И. Пашкова. Но об этом ниже.

3. О политической экономии

Прежде чем перейти к роли Рубина в интерпретации и развитии политической экономии, отметим одно его свойство. Рубин видел и понимал то, что другие не видели и не видят до сих пор. Так, в самом начале учебника «История экономической мысли» в «Предисловии» ко второму изданию он пишет: «Требования экономической политики оказывали мощное воздействие на направление экономической мысли» (3, с. 3). Сегодня многие почему-то думают, что, наоборот, экономическая мысль (т.е. экономическая наука) оказывает воздействие на экономическую политику. И почему-то все беды экономики связывают с неправильным ходом экономической мысли. Рубин же четко и ясно сказал, что история экономической мысли показывает ее зависимость от экономической политики, т.е. не экономическая наука (экономическая мысль) определяет экономическую политику, а, наоборот, экономическая политика составляет питательную почву для формирования и развития различных экономических концепций. Так было раньше, так есть сегодня, но будет ли завтра — неизвестно.

О предмете политической экономии

Итак, если соглашаться с Рубиным, что политическая экономия как наука начинается с Адама Смита, то вот уже более 200 лет в этой науке идет нескончаемый спор о ее предмете. Что изучает политическая экономия? Сначала полагали, что она изучает богатство народов, все

³²⁸ См.: Colliot-Thelene C. Afterword. // Rubin J.J. A History of Economic Thought. — L.: Ink Links, 1979. P. 399.

народное хозяйство, всю экономическую систему. Постепенно, по мере дифференциации экономических наук стали суживать и предмет политической экономии. Дело дошло до постановки вопроса — а есть ли вообще место политической экономии в системе экономического знания?³²⁹ Таким образом, до сих пор консолидированного мнения большинства специалистов о предмете политической экономии нет. Особенный разброд и живые дискуссии по этому вопросу были среди советских экономистов. И думается, правильным будет сказать, что законодателем моды в этом деле был Рубин. Более того, он прояснил многое такое, что в 20-х — 60-х гг. прошлого века было не очень интересно и понятно, а сегодня стало чрезвычайно актуально.

Рубин писал: «Политическая экономия изучает трудовую деятельность людей не со стороны ее технических приемов и орудий труда, но со стороны ее социальной формы. Она изучает производственные отношения, устанавливающиеся между людьми в процессе производства» (4, с. 31). Или вот еще: «Предметом изучения политической экономии являются "экономические формы", типы производственных отношений людей в капиталистическом обществе, которые имеют свою предпосылкою определенное состояние материального процесса производства и входящих в его состав технических факторов» (4, с. 40). При этом, как следует уже из приведенной цитаты, Рубин не отбрасывал и производительные силы: «Для нас в политической экономии непосредственным объектом исследования являются производственные отношения людей. Предпосылкой же нашего исследования являются материальные производительные силы». И подчеркивал, что слово «предпосылка» не противопоставляется нами слову «движущая причина» (2, с. 83). Его оппоненты, не замечая нюансов, парировали, что по Рубину «производительные силы — не содержание общественной формы, а ее *предпосылка*»³³⁰. Но у Рубина слово «предпосылка» относится к исследованию, а не к самим производственным отношениям. Бессонов же этого не заметил или не понял. Интересно, что современный исследователь этого вопроса О.И. Ананьин пишет совершенно в духе

³²⁹ Под таким названием в конце 2010 г. прошла научная конференция в Институте экономики РАН, которая вызвала известный интерес среди политэкономов. См.: *Либман А.М.* Есть ли место политэкономии в современной экономической науке? (Конференция НЭА и ИЭ РАН) // Журнал новой экономической ассоциации, 2010, № 8; *Анисимова Г.В.* Проблемы политической экономии (о научной конференции «Есть ли место политэкономии в современной экономической науке») // Вопросы экономики, 2011, № 8.

³³⁰ *Бессонов С.А.* Заключительное слово. // Проблемы экономики, 1929, № 4–5. С. 234.

Рубина: «У Маркса потребительная стоимость занимает совершенно четкое место — ее наличие фиксируется как предпосылка при анализе товара»³³¹. Здесь также используется слово «предпосылка», но не самого товара, а лишь при его анализе. Так что, рубинская интерпретация и даже терминология «предпосылка» продолжает быть актуальной и сегодня.

Позиции Рубина, которая более адекватно отражала классическое марксистское представление о предмете политической экономии, противостояло так называемой механистическое направление. Представители последнего утверждали, что «политэкономия изучает материальное производство в его социальной форме, т.е. единство содержания и формы».³³² На что Рубин отвечал следующим образом: «Для объяснения изменений производственных отношений людей мы должны искать соответствующую причину в материальном процессе производства. Но непосредственным предметом нашего исследования в теоретической политической экономии остаются производственные отношения людей» (2, с. 88). Очень разумная и четкая позиция. Но критики выхватывали вторую фразу и обвиняли Рубина в идеализме.

По этому поводу возникла известная дискуссия, которая шла с различной интенсивностью почти весь советский период. В частности, Я.А. Кронрод, анализируя эту дискуссию писал: «В итоге дискуссии были преодолены обе рассмотренные ошибочные концепции и советские экономисты развили и обосновали в целом правильный взгляд на политическую экономию как науку, изучающую производственные отношения в их неразрывной связи с производительными силами и обусловленности развития первых развитием последних»³³³. Надо сказать, что эта формулировка существенно ближе к рубинской, если не простой ее перефраз, и достаточно точно передает смысл позиции Рубина. Поэтому не получилось «борьбы на два фронта» как того требовали некоторые рьяные охранители марксизма–ленинизма.³³⁴ Победил Рубин.

Почему так рьяно шла эта дискуссия? Объяснение мне видится в следующем. Рубин, отстаивая формулу производственных отношений как социальную форму, выводил материально техническую сторону про-

³³¹ *Ананьин О.И.* В системе Маркса есть несколько теорий. // Экономическая теория марксизма и современность. Под ред. В.А. Медведева. — М.: ИЭ РАН, 2009. С. 268.

³³² *Бессонов С.А.* Заключительное слово. // Проблемы экономики, 1929, № 4–5. С. 234.

³³³ *Кронрод Я.А.* Законы политической экономии социализма. Очерки методологии и теории. — М.: «Мысль», 1966. С. 17.

³³⁴ См. выступление И. Лаптева на дискуссии в Институте красной профессуры. // Проблемы экономики, 1929, № 4–5. С. 225.

изводства из сферы интереса политической экономии. Политическая экономия, таким образом, сводилась к тому, чем, например, сегодня занимается социология. Экономико–технологический, собственно, производственный мотив из нее выхолащивался. Это вело к обвинениям Рубина в идеализме, в увлечении формой без содержания, отрыве от материализма и т.п. Так, С. Бессонов писал, что политическая экономия по Рубину превращается в «на редкость чистую «социологическую» науку об абсолютно чистых и абсолютно социальных отношениях»³³⁵. А ведь все советские экономисты и прочие ученые в 1920–е гг. должны были быть материалистами. Поэтому Рубин начинал употреблять более сложные фразы и логические конструкции, и что называется, выкручивался. От него и пошла формула, что политическая экономия изучает производственные отношения в связи с развитием производительных сил. Вот цитата Рубина: «Политическая экономия изучает производственные отношения людей в их взаимодействии с производительными силами общества» (4, с. 308). Хотя эта формула получила довольно широкое распространение в советской политэкономической литературе (см. выше у Кронрода), но она достаточно бессмысленная формула. Ведь и так ясно, что производственные отношения есть лишь форма производительных сил и, стало быть, изучая первые никак нельзя игнорировать вторые. Наука, которая изучает растения, не может игнорировать почву, на которой вырастает это растение, но почву изучает другая наука.

Итак, победил Рубин. Однако к этому моему выводу о победе Рубина у информированного читателя могут быть серьезные вопросы. Ведь в вопросе о стоимости концепция Рубина потерпела поражение, а в вопросе о предмете политической экономии вдруг победила. Но ведь факты говорят именно это. Значит, остается ответить на вопрос: почему? Объяснение видится в следующем. Социальная версия стоимости Рубина потерпела поражение потому, что в советском хозяйстве возобладал натуральный подход, товары превратились в продукты, деньги в учетные квитанции, равновесие достигалось не на рынке, а в плане, т.е. на бумаге. Но политическая экономия не может изучать натуральные пропорции, производительные силы сами по себе, потребительную стоимость как таковую. Политическая экономия изучает социальную форму производственного процесса. Но вещная, товарно–капиталистическая форма была неприемлема для советской идеологии. В этих условиях было бы проще

³³⁵ Бессонов С.А. Против выхолащивания марксизма. // Проблемы экономики, 1929, № 1. С. 144.

запретить политэкономии и забыть о ней, но в жизни ведь были реальные политэкономические категории (товар, деньги и т.д.), которые надо было как-то объяснять. Поэтому сохраняли политическую экономию с ее традиционным предметом исследования в рубинской трактовке, как самой удачной. Но реальное содержание политической экономии свели к изучению производительных сил и организационно-экономических отношений. От всего этого в советской действительности бытовала двойственность: в теории одно, на практике — другое.

Говоря о трактовке Рубиным производственных отношений как специфической социальной формы, нельзя обойти еще один важный вопрос. Рубин естественно увлекался диалектикой и любимым его пассажем было такое утверждение, что «одни социальные формы возникают из других социальных форм под давлением развития производительных сил» (2, с. 96). Но его часто обвиняли в склонности к «саморазвитию понятий» (С. Бессонов), в том, что он играет в диалектику форм, забывая об их содержании, т.е. о производительных силах. На что Рубин отвечал, что нельзя каждую экономическую форму рассматривать как «непосредственный пассивный рефлекс» изменения в материальном производстве. Ибо изменение процесса материального производства и новые производственные отношения или новая социальная форма появляются не как «пассивный рефлекс» нового состояния производительных сил, а как новая форма, которая «возникла не непосредственно из производительных сил, а из предыдущей, более простой социальной формы» (2, с. 91). Мысль Рубина верная и правильная, но выражена очень неуклюже. Действительно, если буквально понимать Рубина, то получается что новая форма растет из старой. Было бы точнее сказать, что с развитием производительных сил развивается и их социальная форма, которая на новом этапе отражает новое содержание производительных сил, но вырастает при этом из старой формы. Хотя Рубин и без меня и лучше меня мог формулировать достаточно глубокие положения. Так, относительно диалектики социальной формы, он писал: «Каждая следующая категория является не только дальнейшим развитием предыдущей, но и ее отрицанием» (2, с. 96). Заслуга Рубина в этом вопросе состоит в том, что он обратил внимание на очень сложную диалектическую связь производительных сил и производственных отношений и указал, что новые производственные отношения (новая социальная форма) наследует что-то от старых отношений.

Подспудно или имплицитно в этом расхождении между Рубиным и его оппонентами (марксистами-ленинцами) лежала проблема отде-

ления производственных отношений молодого советского общества от старых отношений дореволюционной России. Оппоненты хотели доказать (показать), что новые производственные отношения принципиально, по всем параметрам отличаются от старых, их вполне можно называть социалистическими. Рубин же старался показать, что и они наследуют старые, что и в них еще что-то осталось от старых отношений. Все это усложнялось советской практикой 1920-х гг. По идее, и на словах об этом много говорилось, должны были развиваться новые социалистические отношения, в действительности продолжали существовать старые товарно-рыночные отношения. Рубин эту дилемму пытался как-то объяснить, правда, очень сложно и порой схоластично. Его критики цеплялись за не очень удачные формулировки, примитивизировали позицию Рубина, но логически и теоретически серьезно ему противостоять не могли.

Однако, ситуация, видимо, была сложнее. Во всей этой дискуссии была какая-то недосказанность. Рубин не мог сказать прямо и откровенно, как говорили меньшевики в эмиграции, что советская действительность 20-х годов была буржуазной и построение социализма в отдельно взятой стране с марксистской точки зрения есть нонсенс. Так, Ю. Мартов в программной статье «Наша платформа», опубликованной в «Социалистическом вестнике» в октябре 1922 г., писал: «Поскольку государственное хозяйство неизбежно останется, оно не имеет ничего общего с социализмом, являясь государственным капитализмом в точном смысле этого понятия (а не в большевистском извращении)»³³⁶. Более того, в резолюции Бюро ЦК РСДРП от 2 февраля 1923 г. «Об основных положениях партийной платформы», документ к которому Рубин имел непосредственное отношение, ибо был членом этого Бюро меньшевистской партии, а в очередной раз был арестован только 27 февраля того же года, сказано: «Представление о том, что в российском хозяйстве имеются "социалистические элементы", является вреднейшей иллюзией. Эти же данные определяют неумержимое перерождение большевистской власти...». «Вырождение большевистской власти и насыщение ее буржуазными и бонапартийскими настроениями идет быстрым шагом... Таким образом, если объективные условия социальной обстановки все более отрывают большевистскую власть от пролетариата и содействуют ее буржуазному перерождению, то с другой стороны — внутренние ее усло-

³³⁶ Мартов Ю. Избранное. — М., 2000. С. 502.

вия, заложенные в коммунистической диктатуре, не позволяют ей придти в полное соответствие с экономическим базисом»³³⁷. Сам же Рубин был в меньшевистской партии центристом и, видимо, разделял «реформистский» курс партии по отношению к советскому режиму.³³⁸ То есть, действуя легально, путем реформ надо подталкивать правящую коммунистическую партию к созданию демократической республики и постепенному развитию демократического социализма. Но ни в печати, ни в письмах эти вопросы Рубин не затрагивал. В своих научных трудах он ограничивался лишь интерпретацией и комментированием классиков экономической науки и, прежде всего, Маркса.

Рубин выстраивал виртуозную теоретическую конструкцию, которая могла бы это доказывать и которую понимали далеко не все. Но некоторые его критики, неспособные сокрушить всю конструкцию, ибо это был бы выпад и против марксизма, цеплялись за отдельные не очень удачные фразы и положения Рубина и занимали победную позу «ревнителей марксизма». Трезвомыслящие сторонники Рубина отмечали этот момент. Так, Гр. Деборин писал: «Вместо того, чтобы критиковать то неточное и неправильное, что иногда встречается в работах тов. Рубина... они («ревнители марксизма» — М.В.) пытаются исказить Маркса»³³⁹. При этом, видимо, чувствуя инородное тело в ровных рядах марксистов-ленинцев, они обвиняли его в антисоциалистических устремлениях. «Нам кажется поэтому, — говорил Бессонов, — что концепция Рубина есть теоретическая база для критики нашего социалистического строительства справа»³⁴⁰. И Бессонов в этом пункте был прав. Хотел того Рубин или нет (скорее, конечно, нет), но его виртуозный анализ текстов Маркса действительно составлял теоретическую базу для критики того «социалистического строительства», которым начали заниматься с конца 1920-х гг. Но и Рубин был прав. Он показывал несовместимость классического марксизма с тем, что стало твориться в то время в стране. «Рубин является в настоящий момент, — утверждали его противники, — одним из наиболее опасных наших врагов»³⁴¹.

³³⁷ *Меньшевики в 1922–1924 гг.* — М., 2004. С. 352.

³³⁸ См.: *Меньшевики. От революции 1917 года до Второй мировой войны.* Под ред. Л. Хеймсона. — М.: Собрание, 2009. С. 349, 354.

³³⁹ *Деборин Гр.* Предмет политической экономии в современных спорах. // Под знаменем марксизма, 1929, № 4. С. 109.

³⁴⁰ *Проблемы экономики, 1929, № 4–5.* С. 236.

³⁴¹ *Рубинщина или марксизм. Против идеализма и метафизики в политической экономии. Сб. статей.* Под ред. С.А. Бессонова и А.Ф. Кона. — М.–Л.: Госиздат, 1930. С. 4.

Его теоретическая конструкция имплицитно была направлена против иллюзий «социалистического строительства».

Рубин и рубинское направление, наверное, действительно был троцкизм в политической экономии.³⁴² Поэтому, становится понятна его тотальная критика со всех сторон.

Рубин в критике

Эта тема достойна большой монографии, а возможно и не одной. Трудно найти какого-либо другого советского экономиста-теоретика, которого критиковали столь долго, много, смачно и зря. Конечно, можно назвать имена Л. Троцкого или Н. Бухарина, критика которых для некоторых людей превратилась в разновидность профессиональной деятельности. Но то были прежде всего политические деятели, прямые или косвенные конкуренты сталинской монополии на власть. Рубин, хотя и был в некотором роде и некоторое время активистом меньшевистской партии, но отнюдь не политическим деятелем. Не было у него формальных учеников (аспирантов, сотрудников, близких коллег), не было заметной должности, не было даже ученой степени. Но были мысли и идеи, которые и сегодня поражают глубиной, утонченностью и современностью. Главное его теоретическое достижение состояло в изумительной по глубине интерпретации основных положений марксизма, в частности, социальной формы экономических отношений.

Влияние Рубина на все последующее развитие политической экономии в СССР было колоссальным. Ведь критика Рубина, продолжавшаяся десятки лет, и была, собственно, свидетельством его влияния и значения для развития отечественной экономической мысли. Наука — это критика. Критическое рассмотрение многих положений Рубина на самом деле означает научное освоение этих положений, критическое движение

³⁴² Это мое утверждение на первый взгляд может показаться весьма спорным, но оно имеет некоторые основания. Конечно, Рубин никакого отношения не имел к Л. Троцкому и к буквальному троцкизму, но некоторые критики их объединяли. Так, в типовом учебнике политической экономии начала 1930-х гг., после разбора и критики взглядов Рубина как идеалистических, отрывающих производственные отношения от производительных сил, идет такой пассаж: «Идеалистическое понимание соотношения производительных сил и производственных отношений свойственно также и троцкизму, типично для него: троцкизм также отрывает производственные отношения от производительных сил». (Политическая экономия. Учебник для комвузов и вузов. Под ред. Б.Д. Кофмана. Т. 1. Изд-е 3-е. — М.—Л.: Партиздат, 1932. С. 36). Нельзя также упускать из виду, что основная теоретическая позиция меньшевиков и троцкистов была схожей: невозможность строительства социализма в одной к тому же отсталой стране.

вперед в накоплении научного знания. Даже в 60–е и 70–е годы прошлого века многие советские политэкономы, формально отмежевываясь от Рубина, повторяли и воспроизводили его основные положения. Это было свойственно некоторым представителям кафедры политической экономии МГУ, а также другим ученым, например, Я.А. Кронроду.

Некоторые коллеги и оппоненты Рубина, яростно с ним споря, тем не менее, признавали его авторитет и даже против своей воли попадали под его влияние. Так, С.А. Бессонов в специальной статье с убийственным названием «Против выхолащивания марксизма» (К 3–му изданию «Очерков» И. Рубина) отмечал «заслуженную популярность «Очерков», бесспорную талантливость автора, его «крупную теоретическую силу» и тем не менее заключал: «Недостатки Рубина, как комментатора Маркса, являются продолжением его достоинств»³⁴³.

А вот что писали через год в итоговой статье, написанной «по поручению ЦК ВКП(б)», В. Милютин и Б. Борилин: «Выразителем и представителем идеологии теоретиков II Интернационала в политической экономии является у нас И.И. Рубин. Кантианскую схоластику эпигонов буржуазной науки гибнущего капитализма И.И. Рубин ставит выше объективного научного анализа классиков политической экономии. ... Оставаясь на позициях международного меньшевизма, И.И. Рубин не понимает и не может понять, что политическая экономия апологетов капитализма принципиально и непримиримо враждебна пролетариату. В общеполитических позициях И.И. Рубина лежит корень того, что вся его концепция ограничена, замкнута в рамках общих абстрактных вопросов. И.И. Рубин отрывает общеметодологические проблемы политической экономии от проблем советского хозяйства и послевоенного империализма, старательно обходя и игнорируя эти последние. Методологическая «утонченность» работ И.И. Рубина сводится поэтому к бесплодной игре понятий, к чисто схоластическим упражнениям... Работы И.И. Рубина и спор вокруг них отвлекают теоретическое исследование от разработки проблем советской экономики...»³⁴⁴.

В настоящем тексте не время и не место разбирать всю критику Рубина, ибо во многом она была не научной и предвзятой. Но послед-

³⁴³ Бессонов С.А. Против выхолащивания марксизма. // Проблемы экономики, 1929, № 1. С. 123.

³⁴⁴ Милютин В., Борилин Б. К разногласиям в политической экономии. // Большевик, 1930, № 2. С. 56. Хотя сам Б. Борилин годом раньше на дискуссии в Институте красной профессуры в 1929 г. защищал позиции Рубина и, стало быть, принадлежал к рубинскому направлению.

няя фраза, что «работы Рубина отвлекают теоретическое исследование от разработки проблем советской экономики» очень, видимо, точно и в ней состоит суть вопроса. Действительно, зачем так много и обильно критиковать человека, который начитавшись работ Гегеля или Канта, увлекся схоластическим комментированием К. Маркса? Кому от этого плохо? Но дело в том, что теоретическая ситуация в конце 1920-х — начале 1930-х гг. была не просто сложной, но тупиковой для политической экономии. Как уже говорилось, большинство экономистов того времени считали политическую экономию наукой, которая изучает исключительно товарно-капиталистическое хозяйство. В социалистическом обществе политическая экономия не нужна, ибо там экономические отношения не должны прикрываться вещной формой. Стало быть, политэкономии там изучать нечего. И в это время был взят идеологический курс на «победу социализма» в одной стране. Но с другой стороны, сохранялись многие, если не все, категории рыночного хозяйства (прибыль, цена, кредит, деньги и т.д.), которые и выражают эту самую вещную форму экономических отношений. А именно их изучает и объясняет политическая экономия. Поэтому политэкономия, с одной стороны, оказалась нужной, а, с другой, — усеченной. Без разрешения объяснять — какие же отношения выражаются вещной формой, и есть ли вообще это форма в советском социализме. Рубин же доказывал, что политэкономия изучает только эту форму, и если ее нет, то нет предмета и для политической экономии. Но если политическая экономия нужна, если для нее есть исследовательское поле, то, стало быть, имеются и вещные формы экономических отношений. Ведь в реальной жизни эта вещная форма была, это все (или многие) видели и чувствовали, значит, должна была быть и политэкономия. Но чтобы она не напоминала классическую политическую экономию, изучающую товарно-капиталистическое хозяйство, нужна новая политическая экономия, какая-то иная, другая. И была придумана «политическая экономия в широком смысле».

Тут как нельзя кстати подвернулась механистическая трактовка производственных отношений, которая в основу брала натуральный процесс производства и распределения общественного продукта и не обращала внимания на социальную форму. Хотя эта позиция в 20-х гг. была раскритикована и прежде всего Рубиным, но уже в 30-х годах она, что называется тихой сапой, стала господствующей. И все годы этот механистический или натуральный подход был свойственен для многих экономико-теоретических построений. В этом русле, напри-

мер, лежали попытки подсчитать стоимость товаров при социализме, трактовка ОНЗТ как затрат физического труда, господство натуральных пропорций в планировании и т.д. И все это объявлялось социализмом и социалистическим хозяйствованием. На деле товарные отношения выхолащивались в суррогаты, политическая экономия превращалась в пустую болтовню. Для мобилизационной экономики это было не очень важно. Но научному пониманию реального экономического процесса это не способствовало. Рубин же стоял в начале разработки понимания экономического процесса, который облекается в специфическую вещную форму товарно-капиталистического хозяйства, что и является предметом изучения политической экономии.

Таким образом, можно утверждать, что Рубин своим виртуозным анализом доказал, что социализма в СССР не было и не могло быть. Вот чего и испугались идеологические власти. И это действительно можно интерпретировать как «троцкизм в политической экономии».

Основные произведения И.И. Рубина

1. Рубин И.И. Абстрактный труд и стоимость в системе Маркса. — М., 1928.
2. Рубин И. Диалектическое развитие категорий в экономической системе Маркса. // Под знаменем марксизма, 1929, № 4.
3. Рубин И.И. История экономической мысли. Изд-е 3-е. — М.-Л.: Госиздат, 1929.
4. Рубин И.И. Очерки по теории стоимости Маркса. Изд-е 4-е. — М.-Л.: Госиздат, 1929.
5. Рубин И. К истории текста первой главы «Капитала» К. Маркса. // Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Кн. IV. Под ред. Д. Рязанова. — М.-Л.: Госиздат, 1929.

ГЛАВА 9.

ЕВГЕНИЙ ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ: ПЛАНОВОЕ НАЧАЛО ВМЕСТО ПОЛИТЭКОНОМИИ

Размышляя о Е.А. Преображенском и его месте в истории экономической мысли нашей страны и политической экономии в том числе, нельзя забывать о том, что он был революционер, убежденный социалист и марксист. Возможно, поэтому в сталинский период он был обруган, оболган, расстрелян и забыт. Поэтому есть все основания хотя бы кратко напомнить основные штрихи его биографии.

Евгений Алексеевич Преображенский родился в 1886 г. в семье священника, но уже в тринадцатилетнем возрасте порвал с религией, увлекся революционной деятельностью, стал активным большевиком, принимал участие в революции 1917 г. Основную революционную деятельность проводил на заводах Урала. Затем как представитель уральской партийной организации был делегатом многих партийных съездов, членом ЦК партии и постепенно стал одним из основных экономических идеологов большевизма. Разрабатывал экономическую программу социалистического строительства («новая экономика») молодой советской республики в борьбе с левыми и правыми зигзагами сталинского руководства партии. Естественным ходом событий стал членом «левой оппозиции», т.е. троцкистом и в 1937 г. был репрессирован.³⁴⁵ В общем, обычная биография для многих талантливых, честных и искренних большевиков первой трети XX века.

Но феномен Преображенского в другом. Его экономические работы, довольно многочисленные и популярные в 1920–х гг. и вызывавшие тогда большие дискуссии, затем были почти забыты. Но, тем не менее, идеи Преображенского, высказанные в этих работах, так или иначе воспроизводились в трудах многих отечественных экономистов весь советский период и оказали существенное влияние на развитие российской экономической мысли. Конечно, фамилия Преображенского не называлась и массовый читатель советских учебников политэкономии не догадывался, что читая о планомерности, сочетания плана и рынка, государственной экономической политики, он воспринимает по сути основные положения Преображенского. Только сравнительно недавно, благодаря усилиям известного историка и архивиста М.М. Горинова, началась публикация основных работ Преображенского.³⁴⁶ Теперь труды Е.А. Преображенского, собранные в одном внушительном издании стали доступны современному читателю и представляют автора как крупнейшего российского экономиста первой половины прошлого века. С горбачевской гласностью к нам пришли имена таких «забытых», а точнее, «не рекомендованных к изучению» экономистов как Н.Д. Кондратьев,

³⁴⁵ Подробнее см. очерк М.М. Горинова «Е.А. Преображенский: вехи жизни и трагедия революционера» // *Альтернативы*, 2011, № 4.

³⁴⁶ См.: *Преображенский Е.А.* Архивные документы и материалы: 1886–1920 гг. — М.: Изд-во Главархива Москвы, 2006. — 728 с.; *Преображенский Е.А.* Новая экономика (теория и практика): 1922–1928 гг. — М.: Изд-во Главархива Москвы, 2008. — 640 с.; *Преображенский Е.А.* Деньги и мировой капитализм (исследования, научно-популярные работы): 1921–1931 гг. — М.: Изд-во Главархива Москвы, 2011. — 656 с.

А.В. Чаянов и Н.И. Бухарин. Ни в какой мере не умаляя достоинств этих экономистов, все же следует их ряд пополнить и Е.А. Преображенским. Да простят меня поклонники Бухарина, но Преображенский никак не меньше его по таланту, а в ряде вопросов много глубже и основательнее. Для истории отечественной экономической мысли Е.А. Преображенский — это еще плохо изученное и малознакомое великое имя русского экономиста. Даже сами составители этого издания в сжатом очерке о Преображенском, помещенном в третьем томе, характеризуют его как «старого большевика, секретаря ЦК РКП(б) в 1920–1921 гг., лидера левой оппозиции, талантливого публициста». И все. А о том, что он был выдающимся российским экономистом сказано почему-то только в примечаниях и то, с отсылкой к западной литературе. Хотя сам этот том, посвященный деньгам и «закату мирового капитализма», можно считать шедевром экономической литературы. И особенно актуальным после мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. К сожалению, великая тень Л.Д. Троцкого закрыла истинное значение и роль Преображенского в развитии экономической мысли в нашей стране. Западные ученые уже давно разглядели выдающийся вклад Преображенского в экономическую науку, переведя его основные работы на английский язык, говоря о «дилемме Преображенского», «модели Преображенского» и т.д. И вот теперь пришло время восстановить реальную роль Преображенского в создании советской политэкономии. Добавим также, что благодаря недавнему изданию основных трудов Е.А. Преображенского, он может органично войти в ткань современной отечественной науки. Но об этом уникальном издании подробнее поговорим в конце очерка.

1.

Итак, экономическая модель Преображенского. Все или почти все его экономические построения и конструкции были направлены на разработку модели экономического строительства социалистического общества в условиях господства мелкотоварного, частного сельскохозяйственного производства. Правда, под социализмом он понимал в духе того времени государственный сектор экономики и комплекс мероприятий по его укреплению и развитию. Так, центральная категория Преображенского «закон первоначального социалистического накопления»³⁴⁷

³⁴⁷ Термин «первоначальное социалистическое накопление» первым пустил в оборот В.М. Смирнов. Затем его подхватил Н.И. Бухарин, который под ним понимал «трудовую мобилизацию» и «самоорганизацию трудящихся масс» (Бухарин Н.И. Избранные произведения. — М.: Экономика, 1990. С. 161). Однако, В.И. Ленину этот термин не по-

есть по сути дела объективная необходимость мобилизации внутренних ресурсов на определенные цели экономического развития (целевая функция экономического роста, как говорят современные экономисты), прежде всего на индустриализацию. Этот закон, по мнению Преображенского, является «центральной пружиной всего советского государственного хозяйства»³⁴⁸. И вот его формула: закон первоначального социалистического накопления определяет «в борьбе с законом ценности, и распределение средств производства, и распределение рабочих сил, и размеры отчуждения прибавочного продукта страны для расширенного социалистического воспроизводства»³⁴⁹.

Основная интрига заключалась в том, что «закон первоначального социалистического накопления» должен был осуществляться в условиях господства стихии мелкотоварного частного хозяйства, то есть в противоречивом единстве с законом стоимости (ценности). Проблема состояла в сочетании рыночного императива с целями государственного регулирования экономики. Позднее в советской экономической литературе закон первоначального накопления Преображенского стали называть законом планомерного развития (даже сам Преображенский вместо длинного названия этого закона, иногда писал «плановое начало»), а проблему, на которую первым указал Преображенский — проблемой сочетания плана и рынка. Надо сказать, что эта проблема весь советский период была центральной для экономической науки, составляла «крепкий орешек», о который многие экономисты ломали зубья. Эта проблема разделила всех советских политэкономов на два больших лагеря: товарников (или рыночников) и антитоварников (или планомерников). Товарники выступали за преобладание товарных, рыночных начал и соответственно закона стоимости в советской экономике, антитоварники — за доминирование плановых начал и закона планомерного развития. Правда, сам Преображенский и для государственного сектора экономики видел известную коллизию между стремлением к прибыль-

нравился и он в замечаниях на книгу Бухарина указал, что этот термин «крайне неудачный. Детская игра в копирование терминов, употребленных взрослыми» (Ленинский сборник. XL. — М.: Политиздат, 1985. С. 406). Преображенский также отмечал, что этот термин принадлежит «одному из виднейших наших экономистов» т. В.М. Смирнову». При этом Преображенский «не настаивал особенно на этом термине», хотя и считал его «прекрасным выражением т. В. Смирнова» (*Преображенский Е.А. Новая экономика (теория и практика): 1922–1928 гг.* — М.: Изд-во Главархива Москвы, 2008, с. 144).

³⁴⁸ Преображенский Е.А. Новая экономика (теория и практика). С. 130.

³⁴⁹ Преображенский Е.А. Указ. соч. С. 107.

ности отдельных госпредприятий и материальной заинтересованностью их руководителей, с одной стороны, и необходимости максимизации накоплений и их централизованного (планового) распределения в интересах всего государственного хозяйства, с другой стороны.

Но коллизия того времени состояла в противоречии государственного хозяйства (которое тогда именовали социалистическим сектором) и частного хозяйства. После 1921 г. и перехода к НЭПу стало ясно, что сразу и непосредственно именно социалистические преобразования проводить невозможно в экономически и культурно отсталой стране. Прежде всего, необходимо было обеспечить ее экономическое развитие, т.е. развитие промышленности, насыщение аграрного сектора экономики машинами, проведение индустриализации и, следовательно, урбанизации. Ничего социалистического в этих требованиях не было. Таким путем шли все основные европейские страны, вступившие на дорогу капитализма на 150–200 лет раньше России. Таким образом, объективная необходимость состояла в том, что неизбежно приходилось развивать по существу буржуазные отношения, как говорил сам Преображенский «доделывать то, что не доделал капитализм». В этом и заключалась великая загадка России XX века. Суть ее состоит в том, что у власти в стране находилась марксистская, пролетарская партия, которая стремилась строить социалистическое общество. Однако объективная экономическая реальность состояла в том, что надо было развивать крупную машинную индустрию и на ее основе создавать экономически независимое, самостоятельное и самодостаточное национальное государство. То есть, по сути, развивать капитализм.

Эту проблему прекрасно видел и понимал Преображенский говоря, что «мы имеем огромную опасность». Опасность эта состояла в том, что частный производитель ведет дело «более выгодно», чем «наше социалистическое хозяйство». Аппарат частного капитала «дешевле, нежели наш, он обращается удобнее и быстрее». В этих условиях «корабль» государственного хозяйства будет все «больше сталкиваться в то русло, на основе конкуренции, по которому он шел бы, если бы во главе стояли рябушинские и коноваловы»³⁵⁰. Конечно, Преображенский в этом вопросе был не один. Ленин также понимал, что в отсталой стране, прежде чем переходить к строительству социализма, нужно иметь некоторый уровень развития капитализма. То есть, по необходимости надо было строить капита-

³⁵⁰ Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 г. Стенографический отчет. — М., 1968. С. 144.

лизм. Современный исследователь этой проблемы Б.Ф. Славин полагает, что все это можно соединить, если строить социализм капиталистическими методами. Он считает, что такова была мысль Ленина и Троцкого: «Социализм можно строить даже в отсталой стране, но используя для этого оправдавшие себя капиталистические методы и формы...»³⁵¹. Но с помощью «капиталистических методов и форм» можно строить только капитализм и ничего другого не получится. У Преображенского был более диалектичный и тонкий подход. Он понимал, что капиталистические формы и методы есть объективная реальность, железная необходимость. Но социализм будет достигаться все же с помощью социалистических методов, сознательным, плановым началом («закон первоначального социалистического накопления»). Он понимал, далее, что капиталистические и социалистические начала не могут мирно ужиться, между ними неминуемо будет борьба. Согласование этих противоречивых сторон и составляет сложнейшую проблему, как практики строительства социализма, так и теоретического осмысления этого процесса. Как согласовать политическую экономию и плановое начало?

Однако, формула «победа над капитализмом с помощью капитализма» возвращает нас к старому спору народников и марксистов XIX века. Народники посмеивались над русскими марксистами, говоря, что те хотят прийти к социалистическому обществу путем всестороннего и продолжительного развития капитализма. Ибо среди марксистов до 1917 г. было почти общепринятым мнение, что в российских условиях невозможно непосредственное строительство социалистического общества. Даже Ленин в апреле 1917 г. специально подчеркивал: «Я не только не "рассчитываю" на "немедленное перерождение" нашей революции в *социалистическую*, а прямо предостерегаю против этого»³⁵². Марксисты, таким образом, оказывались в двусмысленном положении: будучи социалистами, вынуждены были бороться за развитие капитализма. Однако это проблема стала как практическая задача уже в пореволюционной России.

НЭП как раз и был той политикой или конструкцией, где скрестились эти различные желания, намерения и практические возможности. Лидеры партии большевиков думали и хотели одно, а на практике часто получалось другое. Адекватная трактовка практики тотчас объявлялась происками врагов революции (сначала меньшевиков и эсеров, затем троцкистов, потом бухаринцев и вообще всех «врагов народа»). Но эта

³⁵¹ Славин Б.Ф. Социализм и Россия. — М.: УРСС, 2004. С. 65.

³⁵² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 142.

конструкция из противоречивых элементов породила очень интересные и глубокие теоретические дискуссии начала и середины 1920-х годов, уроки которых до сих пор плохо освоены нашей наукой. Хотя основные дискутируемые тогда проблемы составили проблемное ядро всей последующей советской политэкономии.

2.

После перехода к НЭПу и ясности, что эта политика пришла «всерьез и надолго», но, тем не менее, не навсегда, встал вопрос о путях развития советской экономики. Дискутировалось два сценария. Развиваться ли на базе товарного производства и рыночных начал, ибо подавляющее число производителей были крестьяне, т.е. частные производители, и они, в конечном счете, определяли общий тип и тонус экономического развития. Или же, переступая через рыночные начала, форсировать развитие промышленности вообще, тяжелой в особенности, для обеспечения безопасности молодой советской республики и «строительства социализма». Большинство большевистских идеологов прекрасно понимало, что заложить прочную основу для социалистического общества может только создание крупной промышленности. Такова была общая схема экономической ситуации, в которой надлежало выбрать оптимальный путь развития.

Соответственно этим двум вариантам сложились и две основные группы идеологов. Идеологию первой группы, которая во главу угла ставила рынок и товарные начала, можно обозначить как идеологию самотека, постепенного развития экономики через развитие сначала товарного крестьянского хозяйства, затем легкой промышленности, затем машиностроения для легкой промышленности, потом тяжелой промышленности. Несомненным лидером этой идеологии в середине 1920-х был Н.И. Бухарин. Идеология второй группы состояла в отрицании политики самотека, в проведении активной государственной политики индустриализации и государственного планирования и в поиске оптимальной стратегии. Предлагался тщательный экономический расчет возможности накопления капитала для индустриального развития прежде всего. Политическим лидером этого направления был Л.Д. Троцкий, а экономическим идеологом можно назвать Е.А. Преображенского.

Отметим сразу, что это не правое и левое крыло в большевизме, хотя в традициях исторической литературы обычно Бухарина относят к правым, а Преображенского (как троцкиста) к левым. Это очень не точный подход. Скажем, Преображенского скорее следует относить

к центристам, чем к левым. У него всегда были левые, с которым он часто полемизировал (например, Ю. Ларин). Да и в полемике с Бухариным Преображенский в начале 20-х критиковал его именно за левизну. Так, в рецензии на книгу Бухарина «Экономика переходного периода» Преображенский писал в газете «Правда» в августе 1920 г.: «Сказать, что понятие ценности «менее всего пригодно в переходный период», значит, немного увлечься. Рановато говорить и о крахе денежной системы»³⁵³. И это писал «троцкист» Е.А. Преображенский в разгар «военного коммунизма», когда многие большевистские руководители серьезно обсуждали проблемы ликвидации денег и денежного хозяйства вообще. А вот обаятельный Бухарин менял свою политическую ориентацию: то «левый коммунист» (начало 20-х), то правый (середина и конец 20-х), то почти сталинист (начало 30-х).

Дискуссия между Преображенским и Бухариным середины 1920-х годов, можно сказать, концентрирует в себе расхождение среди большевистских руководителей и идеологов в поиске оптимальной стратегии социально-экономического развития. Анализ ее поэтому представляет не только особый интерес, но и дает представление о существовавших тогда идейных альтернативах социально-экономического развития.

Общее понимание основной проблемы послереволюционного развития у Бухарина и Преображенского было в целом одинаковое. Бухарин еще в 1921 г. так определял «основное противоречие всей революции»: «На очередь стали проблемы хозяйства, развития производительных сил, мыслимого по отношению к сельскому хозяйству лишь в форме роста *мелкобуржуазного* хозяйства». И несколько дальше: «В этом росте непролетарских, буржуазных, капиталистических форм таится большая опасность. И здесь заложено точно так же объективное противоречие нашего «текущего момента». С одной стороны, мы заинтересованы в том, чтобы увеличить дополнительное количество продуктов, а это можно сделать лишь в виде усиления буржуазных тенденций развития; с другой — именно это усиление представляет опасность для коммунизма, опасность, так сказать, с другого конца, с точки зрения конкуренции хозяйственных форм»³⁵⁴. Надо сказать, что к середине 1920-х годов Бухарин эту «опасность для коммунизма» уже не видел. Приведем в пример следующее его высказывание 1925 года: «Наша политика по отношению к деревне должна развиваться в таком

³⁵³ Преображенский Е. О новой книжке Н.И. Бухарина. — Правда, 1920, 15 августа.// Преображенский Е.А. Архивные документы и материалы: 1886–1920 гг. — М., 2006. С. 363.

³⁵⁴ Бухарин Н.И. Избранные произведения. — М.: Экономика, 1990. С. 241, 244.

направлении, чтобы раздвигались, а отчасти и уничтожались многие ограничения, тормозящие рост зажиточного и кулацкого хозяйства. Крестьянам, всем крестьянам, надо сказать: обогащайтесь, развивайте свое хозяйство и не беспокойтесь, что вас прижмут»³⁵⁵. А вот что писал тот же самый Бухарин всего через 5 лет в очередной газетной статье: «Наиболее отчаянная борьба идет именно в деревне. Здесь быстро и победоносно развивается антикулацкая революция... Кулак зверски дерется, и с ним в таких случаях нужно разговаривать языком свинца»³⁵⁶. Преображенский же и в 1925 г. продолжал держаться более осмотрительной и реалистичной позиции: «Социалистическая форма хозяйства не может существовать в окружении частного товарного производства на основе мирного сожительства... Само существование этих двух систем, хотя и включенных в систему единого хозяйства страны, неизбежно приводит к тому, что либо социалистическое производство будет подчинять себе мелкобуржуазное хозяйство в одной части, приспособлять в другой и поглощать в третьей, либо само будет рассосано стихией товарного хозяйства»³⁵⁷.

Очень разумная и грамотная позиция большевика, который не отказывался от создания социалистического общества, но хорошо понимал реальное положение вещей. Эта дихотомия между рынком и планом была свойственна советской экономике на протяжении всей ее истории. Иногда удавалось балансировать эти противоположные начала, чаще — централизованный план подминал рынок (в период индустриализации, войны и восстановления народного хозяйства), но теоретическое осмысление этой проблемы, начатое Преображенским, так и не вылилось во что-то завершенное, хотя появилось несколько интересных конструкций этого плана. Сегодня эта проблема, сочетания рынка и планового начала нашла отражение в концепции «планово-рыночной модели» экономического развития, разрабатываемая профессором С.С. Дзарасовым с группой своих сотрудников.³⁵⁸

³⁵⁵ Бухарин Н. Новые задачи нашей крестьянской политики. // Правда, 1924, 24 апр. Цит. по: Кун М. Бухарин: его друзья и враги. — М., 1992. С. 162.

³⁵⁶ Бухарин Н. Великая реконструкция (О текущем периоде пролетарской революции в нашей стране) // Правда, 1930. 19 февраля // Бухарин Н.И. Избранные произведения. — М.: Экономика, 1990. С. 490.

³⁵⁷ Преображенский Е.А. Еще раз о социалистическом накоплении. // Вестник Коммунистической академии, 1925. Кн. XI. С. 229.

³⁵⁸ См.: Теория капитала и экономического роста. Под ред. С.С. Дзарасова. — М.: Изд-во МГУ, 2004; Дзарасов С.С. Куда Кейнс зовет Россию? — М.: Алгоритм, 2012.

Вообще говоря, давно пора пересмотреть устоявшееся мнение, что НЭП был изумительной экономической программой большевиков. Да и совсем не В.И. Ленин был его инициатором, как это утверждалось во многих книжках советских ученых. НЭП есть идейный продукт меньшевиков и частично эсеров. Большевики так и не смогли создать вразумительной концепции НЭПа, которая бы «освещала путь вперед». Эти слова принадлежат Преображенскому, который выступая в 1923 г. на XII съезде партии сказал, что «мы не имеем ни одной принципиальной резолюции по вопросу о нэпе»³⁵⁹. Сам же Преображенский считал, что надо «ликвидировать этот термин», а вместо него «правильней и целесообразней говорить: политика первоначального социалистического накопления; период социалистического накопления»³⁶⁰. Тем не менее, наиболее глубокие и плодотворные соображения о НЭПе содержатся, пожалуй, только в работах Преображенского. Это сочетание и борьба двух начал (закон ценности и закон первоначального социалистического накопления), сочетание частного хозяйства и государственного и т.п. Но эти противоречивые, даже взаимоисключающие начала, по Преображенскому, присущи единой советской системе хозяйства. Эту сложную диалектику объединения взаимоисключающих начал в единой системе советского хозяйства понимали и принимали далеко не все. Преображенского часто обвиняли в стремлении превратить деревню «в дойную корову для индустрии».

Для таких обвинений прямой намек давал Бухарин, который в середине 1920-х главную проблему видел в сфере обращения, т.е. в регулировании пропорций между промышленностью и сельским хозяйством через цены, денежную и кредитную политику. Сторонники «левой оппозиции», в частности Преображенский, упор делали на план и производство. «ЦК шел, таким образом, от обращения (деньги, цены, торговля) к производству, оппозиция... от производства (рациональный план) к обращению» — писал Бухарин в 1925 г.³⁶¹ Позиция самого Преображенского была более сложной и тонкой. Преображенский предлагал «продумать законы развития государственного хозяйства», «нужен холодный анализ того, на чем мы стоим, ради чего идем на компромиссы и каковы пределы наших уступок»³⁶². Надо

³⁵⁹ Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 г. Стенографический отчет. — М., 1968. С. 142.

³⁶⁰ Преображенский Е.А. Новая экономика (теория и практика): 1922–1928 гг. — М.: Изд-во Главархива Москвы, 2008. С. 145.

³⁶¹ Бухарин Н.И. Избранные произведения. — М.: Экономика, 1990. С. 309.

³⁶² Преображенский Е.А. Еще раз о социалистическом накоплении. //Вестник Коммунистической академии, 1925. Кн. XI. С. 256.

сказать, что «позиция ЦК» как ее излагал Бухарин, т.е. сугубо правая экономическая стратегия, была характерна для ЦК партии до конца 1925 г., т.е. до XIV съезда партии. На съезде был взят курс на «социалистическую индустриализацию страны» и был осуществлен резкий поворот от рыночных начал, за которые ратовал Бухарин, к жестко централизованному управлению хозяйством. В каком-то смысле этот курс совпал с предложениями «левой оппозиции», но осуществлялся столь грубо и непрофессионально, что стал предметом критики и с ее же стороны. Тонкие и сложные подходы Преображенского в целом были отброшены.

Обвинения «левой оппозиции» и в частности Преображенского в том, что они предлагали обложить крестьянское хозяйство непомерными налогами являются чистейшим вымыслом. Преображенский писал, что соображения Бухарина «насчет того, что я, якобы, предлагаю резать курицу, несущую золотые яйца для нашей госпромышленности... — находится в вопиющем противоречии с текстом моей работы». Более того, на одном собрании секретарей уездных комитетов РКП(б) в декабре 1923 г. Преображенский, выступая с докладом после Бухарина, сказал: «Тов. Бухарин выставляет нас не только в смешном, а в унижительном виде. Он позволяет себе клевету в отношении товарищей...»³⁶³. Накал страстей между бывшими соавторами и, видимо, друзьями нарастал. Наиболее развернуто и систематически Преображенский охарактеризовал критику Бухарина в предисловии ко второму изданию «Новой экономики». Заметим сразу, что далеко не все в этой полемике интересно и поучительно. По ряду вопросов она была достаточно схоластична, т.е. они оба исходили из одного и того же наивного понимания некоторых категорий и спорили о таких незначительных нюансах, которые не стоят потраченных на них чернил. Например, Преображенский, рассуждая о «базисе и надстройке в советском обществе» и отбиваясь от путанных обвинений Бухарина, ставит вопрос: применим ли метод исторического материализма к социалистическому государству и его хозяйству? Если Бухарин как и Преображенский с этим согласен, то по мнению последнего, им «не о чем спорить». В противном случае Бухарин будет вынужден солидаризироваться с точкой зрения Д. Лукача на теорию исторического материализма как на концепцию, «значимую только для классового общества и, следовательно, начинающую терять значение для переходной эпохи»³⁶⁴. Сегодня

³⁶³ РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. Документы и материалы. 1923 г. — М., 2004. С. 336.

³⁶⁴ Преображенский Е.А. Новая экономика (теория и практика). С. 202.

мы бы сказали, что прав был Д. Лукач, а не Преображенский и Бухарин. Последние находились в противоречивом состоянии между реальным экономическим процессом, который в советском хозяйстве описывался историческим материализмом, с одной стороны, и коммунистической доктриной, с другой стороны, где преодолевалось царство экономической необходимости, а значит, и политическая экономия. Лукач был здесь глубже и последовательнее.

Вообще говоря, Бухарин в этой дискуссии прибегал, по образному выражению Троцкого к методу «литературного мародерничества»: «Схватит фразу или осколок фразы у Преображенского, добавит к ней, что бог на душу положит, объявит, что Преображенский в своей фразе, вместе с бухаринской отсебятиной и есть подлинный троцкизм...»³⁶⁵. К сожалению, такая интерпретация важнейших положений Преображенского с легкой руки Бухарина укоренилась в соответствующей литературе и просуществовала до наших дней. Так, Н. Ясный в своей весьма поверхностной книге о советских экономистах 1920–х годов прямо так и пишет: «Развитие экономики пошло по пути, предложенному Преображенским, в основе которого лежала жестокая эксплуатация трудящихся масс в целях проведения индустриализации в кратчайшие сроки»³⁶⁶. Видимо, этот автор или не читал самих работ Преображенского, а пользуется какими-то слухами, или ничего там не понял. Даже те положения Преображенского, которые вошли в советскую политэкономии и широко использовались разными авторами (например, закон планомерного развития) представлялись как достижения «коллективного разума партии», а не троцкиста Преображенского. В советское время Преображенского, одного из создателей советской политэкономии, нельзя было упоминать и тем более цитировать. Но вернемся к дискуссии 1920–х гг.

Вот общая формула Преображенского: «Наша задача... заключается не в том, чтобы брать меньше, чем брал капитализм, а брать больше из еще более возросшего дохода»³⁶⁷. При этом он везде и всюду подчеркивал, что брать «в пределах экономически возможного, целесообразного и технически достигаемого»³⁶⁸. Преображенский и «левая оппозиция»

³⁶⁵ Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. — М.: «ТЕРРА», 1990. Т. 2. С. 204.

³⁶⁶ Ясный Н. Советские экономисты 1920–х годов. Долг памяти. — М.: Издательский дом «Дело», 2012. С. 272.

³⁶⁷ Преображенский Е.А. Еще раз о социалистическом накоплении. // Вестник Коммунистической академии, 1925. Кн. XI. С. 246, 247.

³⁶⁸ Преображенский Е.А. Новая экономика (теория и практика). С. 134.

предупреждали, что развитие экономики путем самотека рано или поздно приведет к необходимости вводить чрезвычайные меры в экономическом регулировании. Это и случилось в конце 1920-х годов.

Интересно мнение ведущих деятелей «левой оппозиции» по вопросу так называемого кризиса хлебозаготовок 1928 года. В циркулярном письме из ссылки Преображенский писал, что в основе этого кризиса лежат «два коренных факта»: отставание промышленности от сельского хозяйства и обострение противоречия между государственным хозяйством и капиталистическим развитием, которое, по мнению Преображенского, выражалось в «растущем сосредоточении сырьевых и хлебных ресурсов» в руках кулачества. Он видел два рода политики в решении этой проблемы: а) «политика постепенного, на ряд лет рассчитанного выхода из кризиса на основе борьбы с кулачеством и на основе поднятия товарности хозяйства середняков и бедноты» и б) «политика решительного и громогласного отказа на будущее время от всего содеянного в январе-марте и от левого курса вообще, попытка опираться в развитии сырьевой базы и экспортных ресурсов на все более окулачивающиеся слои деревни, развивающие товарность»³⁶⁹.

Далее, Преображенский тщательно анализирует преимущества и недостатки («ахиллесовые пяты») каждого пути. Левый курс, к которому склонялся Преображенский и другие оппозиционеры, имел тот недостаток, что рост производства бедноты и части середняков пойдет в значительной доле не на увеличение товарного, рыночного фонда, а на увеличение натурального накопления и потребления в этой части маломощных хозяйств. Такое положение, пишет далее Преображенский, может «не раз и не два» потребовать возвращения к чрезвычайным мерам, что, в конечном счете «заставит хозяйственно «заскучать» крепкого середняка и может вызвать более опасный недосев со стороны этого слоя». Правый курс в деревне ведет к увеличению хлебных цен, отмены всяких ограничений кулацких хозяйств, «которые способны бороться за свои интересы хлебно-сырьевой стачкой». Рост цен на хлеб поведет к увеличению нажима на рабочий класс и замедлению темпа индустриализации страны. И далее: «Естественным завершением этого курса явилась бы реабилитация кулака и признание его полезным работником в системе советского хозяйства»³⁷⁰. Этим, конечно, не исчерпывались вопросы левого курса и «левой оппозиции». Но это было очень харак-

³⁶⁹ Преображенский Е.А. Левый курс в деревне и перспективы.// Архив Троцкого. Т. 2. — Харьков: Око, 2001. С. 64–65.

³⁷⁰ Там же. С. 65–66.

терно. Сказывалась боязнь скатиться в капитализм, который по мнению этой группы большевистских идеологов, превратит страну в сырьевую колонию развитых европейских держав. А это, в конце концов, отодвинуло бы социалистическую индустриализацию на неопределенно долгий срок. Правящая партия вынуждена была бы регулярно прибегать к чрезвычайным мерам воздействия на крестьянство. Линия Преображенского состояла в постепенном и последовательном накоплении средств для индустриализации за счет богатейших слоев деревни и с опорой на бедняцко–середняцкие слои. Но при этом почему–то Преображенский забывал или не додумывал, что «подъем бедняцко–середняцкой деревни», за что выступала «левая оппозиция», неминуемо вел к выделению нового слоя зажиточных крестьян, т.е. новых кулаков.

В общем, ситуация была сложная. Естественно, «левая оппозиция» выступала за левый курс в деревне, который, по их мнению, мог предотвратить повтор чрезвычайных мер («январско–мартовские мероприятия») и дать возможность хорошего темпа экономического развития, в том числе и развития индустриализации. При этом очень важно отметить, что Преображенский специально подчеркивал и не раз, что у середняцко–бедняцких слоев деревни хлеб «можно брать только экономическими средствами, только товарообменом»³⁷¹. Однако, сталинское руководство партии не стало разбираться в тонкостях экономического инструментария «левой оппозиции» (и прежде всего Преображенского). Был выбран самый жесткий, самый драконовский, а потому, видимо, самый простой, метод силового изъятия средств для индустриализации. От этого пострадало не только крестьянство, но рабочий класс, на долгие годы оказавшийся на минимальном уровне жизнеобеспечения.

3.

Итак, в чем актуальность подхода Преображенского сегодня? В том, что он предполагал экономическое развитие страны не на основе самотека, куда сама себя вывезет кривая рыночной экономики, а на основе точного расчета экономических пропорций между различными отраслями народного хозяйства, между производством и потреблением, наконец, между различными классами общества. Он разрабатывал модель экономического развития, которую сегодня в экономической теории называют «точная настройка», которая означает государственные меры фискального и кредитно–денежного регулирования, направленные на

³⁷¹ Там же. С. 66.

ликвидацию отклонений совокупного спроса от целевой траектории экономического роста³⁷². Но в тех условиях 1920–х не было возможности для точных расчетов. Кривая экономического развития вывезла в жесткий режим централизованного управления. Выбор лучшей альтернативы экономической стратегии не осуществился. Или, скажем точнее, была навязана самая простая, а потому грубая и жесткая стратегия.

По сути дела, сегодня перед страной стоит та же проблема выбора. Сегодня Россия переходит (или стремится перейти) к стабильному развитию в условиях рыночной экономики, погружается в стихию рыночных, товарно–денежных отношений и, стало быть, упирается в следующую фундаментальную проблему. Должна ли Россия продолжать спокойное и спонтанное развитие, равномерно плыть по волнам рыночной стихии, надеясь, что кривая рыночного саморазвития выведет туда, куда надо? Или же российский корабль экономики, погрузившись в океан рыночной стихии, должен иметь четкий курс и твердо его держаться, подчиняясь жесткой государственной руке «капитана»? Нужен ли России и возможен ли резкий поворот в сторону четко поставленной, «амбициозной» цели?

Ведь как не крути, а вопрос этот составляет довольно существенную проблему. С одной стороны, если Россия будет спокойно и эволюционно развиваться в лоне стихийной рыночной экономики, развиваться самоотеклом «по Бухарину», то есть ли у нее шанс стать вровень с самыми экономически развитыми странами, занять достойное место на мировом рынке, где все уже давно захвачено и поделено? С другой стороны, если Россия мобилизуется и осуществит резкий поворот в своей экономической политике, отодвинет рыночные ценности на второй или третий план, то сможет ли она сохраниться как демократическое и стабильное государство, предоставляющее всем достаточные стимулы для развития и процветания? Это две реальные альтернативы экономической политики (эволюционная и мобилизационная), которые в середине 1920–х годов были предметом жесткой дискуссии среди большевистских идеологов и ныне стоят перед руководством страны. Действительно, возможен ли сам собой переход страны на инновационный путь развития как спокойное, эволюционное развитие или же для этого требуется мобилизация всех живых сил на «структурный поворот»? Известно, что в середине 20–х годов прошлого века была выбрана мобилизационная стратегия (альтернатива), которая и осуществлялась почти весь советский период.

³⁷² См.: Бэйтор Ф.М. Точная настройка. // Экономическая теория. Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. — М., 2004. С. 350.

Дискуссия в экономической науке между этими двумя альтернативами в 20-х годах прошлого века велась в разных терминах. В начале 20-х годов — между финансовым и производственным подходом, в середине 20-х годов — между равновесным и плановым подходом, в конце — между генетическим и телеологическим подходом. Отголоски этой дискуссии в тех или иных терминах и формах можно обнаружить в истории советской экономической мысли всего периода существования СССР. Например, по поводу соотношения плана и рынка в 60-х годах прошлого века. К сожалению, до сего дня эта макродискуссия в нашей литературе освещена слабо или, лучше сказать, односторонне. Поэтому приходится еще раз наткнуться на те же самые грабли. Действительно, нужен ли поворот в социально-экономической стратегии развития, назовем его «структурный поворот» и в чем состоит теория такого поворота? Вот вопросы, на которые четкого ответа в отечественной экономической науке пока еще нет.

Многие экономисты, справедливо констатируя, что с 1999 г. в России начался определенный, устойчивый рост экономики, в то же время указывают на однобокость, формальность этого роста, на отсутствие признаков глубинных, качественных изменений. Все дело свелось, так сказать, к «росту без развития». Так, академик Д.С. Львов признавал: «Стоит только перевести разговор из институциональной плоскости в плоскость содержательного анализа, как тут же обнаруживается, что нынешняя экономика России по многим важным для развития страны направлениям уступает дореформенным аналогам: по темпам экономического роста, качеству отраслевой структуры, эффективности используемого производственного аппарата, уровню заработной платы и дифференциации доходов населения, эффективности и качеству государственного управления, уровню социально-политической стабильности, масштабам криминализации и коррупции в экономике и во всей общественной жизни»³⁷³. Так что, позитивная динамика некоторых макроэкономических показателей последнего времени не вселяет оптимизма отечественным экономистам.

Итак, как же развиваться дальше? Сохраняя нынешние темпы экономического роста, просто наращивать объемы экспортных производств, без глубинной трансформации структуры народного хозяйства или же выбрать иной сценарий развития? Этот вопрос достаточно

³⁷³ Львов Д.С. Россия: рамки реальности и контуры будущего. // Журнал экономической теории, 2007, № 1. С. 5.

четко поставил директор Института экономики РАН Р.С. Гринберг: «В таких условиях возможна реализация двух экономических сценариев. Первый — продолжение сложившихся трендов качественного застоя («рост без развития») с перспективой дальнейшей утраты национальной конкурентоспособности. Второй — государство берет на себя функции субъекта целенаправленной и динамичной структурной модернизации...». После некоторого анализа Р.С. Гринберг приходит к необходимости «структурного поворота» в социально-экономической стратегии развития России. «Таким образом, — пишет автор, — эффективная структурная и промышленная политика для современной России должна стать тем инструментом, при помощи которого могут быть преодолены сложившиеся структурные проблемы, усугубившиеся в результате бессистемной либерализации 90-х гг.»³⁷⁴. Думается, действительно, без резкого «структурного поворота» страна сама собой не сможет перейти на инновационный путь развития.

Но чтобы вырваться из сегодняшней отсталости, нужен резкий рывок вперед, «структурный поворот». Нужен резкий поворот в сторону развития всей интеллектуальной сферы: науки, образования, культуры, что составляет базис инновационного типа развития. Но сказать, что нужен рывок или поворот в социально-экономической стратегии — мало. Нужно разработать теорию такого структурного поворота. Надо понять за счет чего будет происходить поворот, его последствия, продолжительность, этапы, основные элементы и многое другое.

В свое время Преображенский бился над проблемой накоплений для развития национального производства. Его модель описывала механизм получения накоплений, их источники и как их можно взять. Есть ли такая проблема в сегодняшней России? Достаточно ли у нас капитала для проведения инновационной модернизации? Судя по текущей статистике, капитал не столько накапливается в стране, сколько вывозится. Более того, по оценкам специалистов, порядка 8% ВВП отвлекается от накопления «без достаточных к тому оснований»³⁷⁵. Нет серьезной аналитической работы в этой области: нет расчетов в потребности капитала, нет ясности куда его вкладывать, наконец, не ясно само понятие инновационной модернизации. Пр процитируем еще раз Преображенского:

³⁷⁴ Гринберг Р. Есть ли несырьевое будущее у России? // Вестник Института экономики РАН, 2008, № 1. С. 17, 22.

³⁷⁵ Погосов И.А. Воспроизводство в России в 2000–2006 гг.: использование ВВП на накопление капитала и конечное потребление. // Политическая экономия и воспроизводство. — М.: ИЭ РАН, 2009. С. 168.

«нужен холодный анализ того, на чем мы стоим, ради чего идем на компромиссы и каковы пределы наших уступок». Нужна теоретическая модель такого поворота. В конце 1920–х годов такой поворот в России был осуществлен, удалось создать мощную индустриальную державу. Но теории такого модернизационного поворота тогда создано не было, и издержки его оказались чрезмерными. Примечательны в этом смысле слова тогдашнего зам. главы Администрации Президента РФ В.Ю. Суркова: «У нас задача по масштабам такая же, извиняюсь за отсылку к большевикам, как была перед ними: они создавали новый тип экономики в России, и нам это нужно тоже. Не хотел бы только, чтобы мы это делали теми же способами, что и они»³⁷⁶. Но пока теории такого «структурного поворота» к инновационной модернизации, как и тогда, нет.

Некоторые элементы такой теории в середине 1920–х годов разработал Преображенский. Конечно, сегодня брать накопления из сельского хозяйства уже невозможно, но остался довольно мощный сырьевой сектор и добавился новый, именуемый «операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг». В совокупности они дают более 20,2% валовой добавленной стоимости, что больше чем дают обрабатывающие производства (18,5%). Вполне возможно применить модель Преображенского к этим секторам современной экономики в целях создания накоплений для структурного поворота. Таким образом, в середине 1920–х гг. Преображенский создал оригинальную теорию догоняющего развития, которая давала шанс стране с минимальными издержками и в оптимальные сроки осуществить свой модернизационный проект. Но тогда его не услышали, сталинское руководство осталось глухим. Услышат ли Преображенского сегодня, на новом этапе модернизации страны? А ведь Преображенский создал теорию экономического развития, вполне пригодную и для наших дней. Более того, рискну сказать, что лучшей теории пока просто нет.

4.

По сравнению с советским периодом положение Е.А. Преображенского немного меняется. В 2011 г. Институт экономики РАН провел «круглый стол», посвященный 125–летию со дня рождения Преображенского. Опубликованы материалы дискуссии.³⁷⁷ Далее, о чем уже говорилось в самом начале очерка, к сегодняшнему дню вышло три объемистых тома

³⁷⁶ Демократия для России — Россия для демократии. — М.: ИФ РАН, 2008. С. 67.

³⁷⁷ Теория догоняющего развития Е.А. Преображенского и современность. *Под ред. М.И. Воейкова.* — М.: ИЭ РАН, 2011.

архивных документов и материалов, а также опубликованных в 1920–е годы и сегодня совершенно недоступных работ Евгения Алексеевича Преображенского. В своем роде это уникальное издание и его инициаторы (составители М.М. Горинов и С.В. Цакунов) проделали колоссальную работу по сбору материалов из различных архивов и статей, публиковавшихся в разных мелких и крупных газетах первой трети XX века, а также брошюр и книг этого выдающегося экономического теоретика и идеолога большевизма, объявленного Сталиным в 1930–е годы «врагом народа». Поэтому книги и статьи Преображенского вслед за репрессированным автором систематически уничтожались и сегодня сохранились лишь в крупнейших библиотеках страны в считанных экземплярах. А в 1920–е годы они входили в обязательный круг чтения мыслящей советской интеллигенции. Ни одна библиотека или архивохранилище не имеет сегодня полного комплекса всех материалов Преображенского, представленного в этих томах. Так что вполне можно утверждать, что их издание является событием мирового класса.

Теперь поговорим о самом издании, об этих трех фундаментальных томах, добротнo изданных Издательством Главархива Москвы (соответственно в 2006, 2008 и 2011 гг.). Первый том включает архивные документы и материалы, относящиеся к дореволюционному периоду (1886–1917 гг.) и периоду революции и гражданской войны. В томе также помещены основные научные и научно-популярные работы Преображенского этого периода: «Крестьянская Россия и социализм», «Бумажные деньги в эпоху пролетарской диктатуры» и, наконец, знаменитая «Азбука коммунизма», написанная совместно с Н.И. Бухариным.

Второй том содержит классическую работу Преображенского «Новая экономика» в двух частях (томах): «Опыт теоретического анализа советского хозяйства» и «Конкретный анализ советского хозяйства». Известно, что сам Преображенский успел опубликовать только первую часть (том) своей работы, которая и воспроизводится в данном издании. Но составители сумели собрать и воспроизвести вторую часть этой книги, которая при жизни самого автора была лишь в планах и в разбросанных печатных и рукописных материалах. Кроме того, тут помещены ответы и возражения Преображенского многим оппонентам и критикам его концепции.

Наконец, третий том издания «Деньги и мировой капитализм» включает работы по теории денег и денежного обращения, природе и перспективах червонца, дискуссии о золотом и товарном рубле, а также его нашумевшую в свое время работу «Закат капитализма». Многие стра-

ницы этого тома стали весьма актуальными после недавнего мирового финансового кризиса. Обращение к трудам Преображенского помогает понять проблемы денег и денежного обращения в молодой советской республике (1920–е гг.), а также современные проблемы мирового финансового хозяйства.

Таким образом, издание органично соединяет два принципа: хронологический и тематический. Первый том дает представление о начале литературного и научного творчества Преображенского, его первых публицистических выступлениях и теоретических обобщениях. Впрочем, все это еще лежит в рамках стандартного большевизма донэповского периода. Второй и третий тома — это уже вполне зрелый Преображенский, экономист-теоретик мирового уровня. Здесь Преображенский разрабатывает экономическую концепцию модернизации (теорию догоняющего развития), не только выбивающуюся из рамок стандартного большевизма тех лет, но претендующую на пионерные позиции в мировой экономической мысли. Хотелось бы увидеть еще по крайней мере один том Преображенского, где были бы собраны его материалы, касающиеся политической борьбы за оптимальную и разумную стратегию социально-экономического развития. Эти материалы могли бы проиллюстрировать попытку Преображенского практически реализовать результаты его теоретических изысканий.

Отметим еще высокую культуру всего издания. Каждый том объемом примерно в 70 п.л. снабжен предисловием, биографией, тщательным комментарием, указателем имен, приложениями, где публикуются малоизвестные или вовсе неизвестные архивные документы Преображенского. Кроме того, в каждом томе помещена специальная статья составителей, где дается научный разбор публикуемых в томе работ. В общем и целом данное издание отвечает самым высоким требованиям, предъявляемым к научным публикациям такого рода. Это особо радует сегодня, когда на каждом шагу встречаешь издания и переиздания классических работ знаменитых мыслителей прошлого вообще без какого-либо научного аппарата. Порой только по фамилии автора догадываешься, что только что изданная книга, написана не в прошлом году, а почти 100 лет назад. На этом фоне издание работ и архивных материалов Е.А. Преображенского, осуществленное М.М. Гориновым и С.В. Цакуновым, можно считать превосходным.

Как уже говорилось, данная работа составителей и публикаторов вызывает восхищение. Ведь, человек годы тратит на собирание, перепечатку и издание не своих, а чужих работ. А жизненное время у каж-

дого человека жестко ограничено. Тем самым, публикатор свою жизнь отдает другому. Тем более важно, когда этот другой — есть выдающаяся личность, несправедливо обруганная, репрессированная и забытая в своей стране. И еще важно, когда эта личность, т.е. Е.А. Преображенский, разрабатывал экономическую теорию, которая оказалась востребованной во многих странах второго эшелона экономического развития и сегодня становится чрезвычайно актуальной для нашей страны.

Тем не менее, хотелось бы высказать некоторые замечания в адрес составителей этих фундаментальных томов. Правда, они обещают выпустить еще один или два тома работ Преображенского, где будут, видимо, присутствовать некоторые дополнительные разъяснения. Однако, наши замечания возможно помогут составителям в дальнейшей работе. Итак, выскажем эти замечания.

В первом томе привлекают внимания многие газетные статьи Преображенского периода 1912–1920 из различных уральских газет. Сами по себе эти материалы интересны, местами превосходны, дают много новой информации. Например, любопытен эпизод, когда петроградский пропагандист в 1912 г. приехал на уральские заводы агитировать рабочих начать борьбу за 8-ми часовой рабочий день, то был встречен с большим пониманием. Ибо многие уральские рабочие, в силу местных особенностей, работали по 6 часов и соответственно теряли в зарплате. Но смущает другое. Все эти материалы подписаны разными псевдонимами Преображенского. Авторы дают некоторые разъяснения на этот счет. Однако, все же стилистически статьи Преображенского этого периода и его основные экономические работы несколько отличаются. Литературный стиль статей превосходен и часто поднимается до лучших образцов русской публицистики. Приведем пару примеров. Так, об одном заурядном писателе Преображенский пишет, что он «не из ярких, брызжащих талантом писателей». О другом публицисте сказано, что он обладал «скромным запасом логики». Наконец, и такое выражение: «эклектизм — это нищенство в философии». Эти и подобные примеры напоминают стиль М.Е. Салтыкова–Щедрина и Д.И. Писарева, которыми увлекался Преображенский в гимназические годы. А вот литературный стиль основных его экономических работ значительно скромнее и каких-либо красот или излишеств найти там трудно. Видимо, составителям следовало бы дать более развернутую аргументацию по вопросу идентификации псевдонимов Преображенского.

В трех томах опубликованы почти все основные экономические работы Преображенского, что делает их вполне доступными для совре-

менного читателя. Однако, для выступлений Преображенского на партийных форумах почему-то сделано исключение. В первом томе опубликованы выступления Преображенского на VI съезде партии и все. Хотя известно, что Преображенский был активным публицистом и партийным оратором, часто выступал и любил писать всякого рода резолюции. Так, принципиальное значение имеют его речи на X и XI съездах партии, где он касался вопросов оздоровления денежно-финансовой системы. На X съезде он вообще оказался единственным, кто указал на исключительную важность «пересмотра нашей финансовой политики» применительно к НЭПу. А на XI съезде партии убедительно обосновал необходимость построения бюджета «на основании налогов, а не эмиссии». Конечно, эти выступления сравнительно доступны, ибо материалы партийных съездов почти всегда были в открытом доступе, да и переиздавались в конце 1950-х и в 1960-х гг. Но для полноты представления экономического творчества Преображенского все же уместно было бы их поместить, возможно, в следующих томах. Кроме того, вполне можно переопубликовать некоторые материалы, опубликованные в разных изданиях за последние годы. Так, очень важные и принципиальные выступления Преображенского (статья в «Правде» «О нашем внутривнутрипартийном положении» и его доклад 14 декабря 1923 г.) опубликованы в одном сборнике 2004 г., но с купюрами.³⁷⁸ Вполне возможно и нужно их перепечатать полностью.

И совсем уже мелкие замечания. В своей статье «Евгений Преображенский: трагедия революционера», помещенной в третьем томе М.М. Горинов и С.В. Цакунов анализируют (но почему-то не публикуют) работу Преображенского «Левый курс в деревне и перспективы» (апрель 1928 г.), ссылаясь на В.П. Данилова, который предоставил им копию этого документа, хранящегося в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета (США). Однако этот документ 10 лет назад был опубликован в «Архиве Троцкого», т. 2 (Харьков, 2001), издаваемого под редакцией Г.И. Чернявского и Ю.Г. Фельштинского. Кстати, в этой книге опубликована еще одна работа Преображенского «В борьбе за ленинскую линию», имеющая принципиальное значение.³⁷⁹ Вообще говоря, было бы неплохо перепечатать материалы Преображенского, связанные с его деятельностью в «левой оппозиции». Они дают представление об экономической платформе «другого боль-

³⁷⁸ См.: РКП(б): Внутривнутрипартийная борьба в двадцатые годы. Документы и материалы 1923 г. — М.: РОССПЭН, 2004. С. 105, 313.

³⁷⁹ Архив Троцкого. Т. 2. — Харьков: Око, 2001. С. 63, 101.

шевизма», о имевшихся вариантах более оптимального пути экономического развития.

Еще одно мелкое замечание. Преображенский многие работы первоначально печатал в «Вестнике Коммунистической академии», где был не только действительным членом, но и заместителем председателя (М.Н. Покровского). В его отсутствие Преображенский часто вел заседания Коммакадемии, выступал с отчетными докладами. Вообще деятельность Преображенского в Коммакадемии в нашей литературе совсем никак не освещена. Даже в специальной статье об этой академии в «Советской исторической энциклопедии», при перечислении выдающихся ее деятелей, фамилия Преображенского вообще не названа.³⁸⁰ Так, вот, эта академия до 17 апреля 1924 г. называлась Социалистической академией, а после этой даты стала именоваться Коммунистической. Соответственно ее печатный орган «Вестник» в 1922–1923 гг. (первые 6 номеров) назывался «Вестник Социалистической академии», а затем «Вестник Коммунистической академии». Составители же этого превосходного издания, видимо, эту деталь не уловили. В одном месте они дают ссылку на правильное название, например, «Вестник Социалистической академии» кн. 3 за 1923 г. (Т. 3, с. 99). В другом — тот же самый номер журнала называют «Вестник Коммунистической академии» № 3, за 1923 г. (Т. 2, с. 624). Это, конечно, мелочь, но неприятно для столь прекрасного издания.

Теперь остановимся на некоторых местах из текстов самих составителей, т.е. М.М. Горинова и С.В. Цакунова. Как уже отмечалось, все три тома оснащены предисловиями составителей, где представлены основные принципы и особенности публикации. Также в каждом томе дается развернутая биография Преображенского и научная характеристика его деятельности как революционера, экономиста–теоретика и борца со сталинизмом (активного участника «левой оппозиции»). Надо сказать, что все это сделано на очень высоком научном и содержательном уровне. И главное, все это сделано впервые для нашей литературы. Где и что можно прочитать о Преображенском? Почти нигде и почти ничего. Кроме, возможно, статьи 20–ти летней давности самих же составителей.³⁸¹ Даже специалисты по истории экономической мысли плохо представляют себе значение Преображенского и его вклад в эту

³⁸⁰ Коммунистическая академия. // Советская историческая энциклопедия. Т. 7. — М.: «Советская энциклопедия», 1965, ст. 588.

³⁸¹ См.: Горинов М.М., Цакунов С.В. Евгений Преображенский: трагедия революционера. // Отечественная история, 1992, № 2.

мысль. В этом отношении привлекает внимание объемная статья М.М. Горинова и С.В. Цакунова «Е.А. Преображенский: обзор экономических работ» (Т. 2, с. 603–626), где дан весьма глубокий разбор основных идей и экономических концепций Преображенского.

Выделим некоторые ключевые моменты этой статьи публикаторов. Они совершенно верно пишут, что Преображенского «отличал достаточно трезвый и реалистический взгляд на перспективы преобразования деревни в России». И в подтверждении приводят слова Преображенского, что «мелкое крестьянское хозяйство еще долго будет существовать и значительное время будет господствующей формой земледелия в России» (Т. 2, с. 606). Даже по отношению к кулакам и зажиточному крестьянству Преображенский полагал, что «политика неприятия этого слоя и грубого внеэкономического подавления его комбедовскими способами 1918 г. было бы вреднейшей ошибкой», — цитируют составители до сих пор нигде не опубликованный документ Преображенского, но известный в науке по замечаниям В.И. Ленина.³⁸²

Теперь насчет полемики Е.А. Преображенского и Н.И. Бухарина середины 1920-х годов. Авторы статьи верно и правильно останавливают внимание читателя на этой дискуссии «этих двух талантливых теоретиков большевистской партии». Вообще говоря, эта полемика достойна специальной монографии, возможно и не одной, ибо она выражала эпицентр идейной борьбы среди большевистского руководства по вопросу о выборе социально-экономической стратегии развития. Линия Бухарина в этот период выражала стратегию «самотека» в том смысле, что рыночная экономика времен НЭПа под руководством «пролетарского государства» сама собой будет развивать народное хозяйство в сторону укрепления экономической мощи молодой советской республики. Линия Преображенского состояла в сдерживании и ограничении частнокапиталистических элементов и в стимулировании развития в первую очередь крупной промышленности, индустриализации. То есть, Бухарин надеялся, что рыночная кривая развития сама собой выведет туда, куда надо, а Преображенский выступал за активную и доминирующую роль государства в экономике. Не углубляясь более в суть этой полемики, скажем лишь то, что авторы этой статьи невольно поддались словам Преображенского, что его выступления являются «докладом не политическим, а научно-теоретическим». Бухарин же обвинял Преображенского в том, что он создает «особую научную теорию» и «особую

³⁸² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 43–47.

политическую платформу», с чем авторы статьи не согласны и считают, что такого рода обвинения не имеют оснований (Т. 2, с. 616). Сегодня же, наоборот, мы можем и должны сказать, что действительно Преображенский создавал особую научную теорию, которая должна была выразиться и в особой политической платформе. Так что, тут обвинения Бухарина были верными, но с той лишь разницей, что особая экономическая теория и экономическая политика Преображенского помогли бы избежать множества крупных ошибок и изгибов, которые содержались в теории Бухарина и в экономической политике Сталина.

Кстати, М.М. Горинов и С.В. Цакунов, характеризуя основную экономическую работу Преображенского «Новая экономика», считают, что после «Экономики переходного периода» Бухарина, «это было, пожалуй, второе серьезное и глубокое исследование на подобную тему, выполненное в советский период большевиком-теоретиком» (Т. 2, с. 615). Хотя хронологически это верно, но по сути с этим сегодня согласиться трудно. Книга Бухарина безнадежно устарела уже через год, после перехода к НЭПу. Книгу же Преображенского будут изучать в университетах.

Вместе с тем, составители, думается, слишком увлеклись контекстом политической литературы 1920-х годов, когда авторы того времени старались каждое движение своей мысли выводить «из Ленина». Составители пишут, что расхождения между Бухариным и Преображенским произошло потому, что они по-разному прочли работы В.И. Ленина, что суть состояла в «дальнейшем развитии ленинского наследия» (Т. 2, с. 619). Однако, Ленин тут ни при чем. У самого Ленина не было ответа на многие вопросы, встававшие в повестку дня после перехода к НЭПу. Ведь НЭП это был идейный продукт меньшевиков и эсеров, а не большевиков. Бухарин сначала встал на позицию самотека («пусть кулак богатеет»), потом присоединился к Сталину в политике чрезвычайных мер («кулак зверски дерется, и с ним в таких случаях нужно разговаривать языком свинца»). Преображенский же все 20-е годы держался более реалистической позиции — ограничения кулака экономическими мерами. Ленин тут ни при чем.

Закончим рассмотрение этого уникального издания послесловием составителей к третьему тому. Здесь М.М. Горинов и С.В. Цакунов очень верно ухватили линию интеллектуального развития Преображенского: «от решения конкретных финансовых проблем, поставленных НЭПом, через углубленный анализ крестьянского вопроса к созданию целостной теории пути к социализму в России — концепция первоначального социалистического накопления» (Т. 3, с. 628). Таковы некото-

рые соображения, которые возникают при изучении этого уникального издания. М.М. Горинов и С.В. Цакунов (а также редактор Ю.Б. Живцов и археограф Н.А. Тесемникова) как составители, публикаторы, авторы предисловий и комментариев проделали колоссальную работу по возвращению в современную социальную науку трудов выдающегося российского экономиста Евгения Алексеевича Преображенского.

ГЛАВА 10.

ДАВИД РОЗЕНБЕРГ: ДОГМАТИЗАЦИЯ ПОЛИТЭКОНОМИИ

Розенберг Давид Иохелевич (1879–1950), член–корреспондент АН СССР, крупнейший советский ученый в области политической экономии, истории экономических учений, автор знаменитых «Комментариев» к «Капиталу» Карла Маркса. Последний труд выпускался многими изданиями (в конце 1920–х, в начале 1930–х гг., в 1961 г. и в 1983 г.) и был, вероятно, настольной книгой для нескольких поколений советских политэкономов. «Комментарии» давали и дают очень глубокое и весьма адекватное представление о «Капитале» Маркса.

Как указывается в Большой советской энциклопедии (1975 г.) и в Политэкономической энциклопедии (1979 г.), Давид Иохелевич родился 27 ноября 1879 г., а умер 17 февраля 1950 г.³⁸³ Хотя в его личном деле, хранящемся в архиве Института экономики РАН, в «личном листке по учету кадров», который он сам заполнял, указывается месяц рождения — сентябрь 1879 г. Есть расхождения и по дате смерти. В личном деле находится Приказ № 42 по Институту экономики от 22 февраля 1950 г., где сказано: «Члена–корреспондента АН СССР Розенберга Д.И. исключить из списков Института, ввиду его смерти, с 16–го февраля 1950 г.». Значит, умереть 17 февраля он никак не мог. Это все, конечно, мелкие неточности, но все же.

Итак, Давид Иохелевич родился в бедной еврейской семье в Ковенской губернии, в местечке Шатей (Шатейкяй Плулгенского района Литвы). Отец умер еще до его рождения, мать была работницей. И, как он пишет в своей автобиографии, рано оставил родной дом, скитался по разным местечкам и городкам Ковенской губернии, обучаясь в различных еврейских религиозных школах за счет благотворительных учреждений. Изучал древнееврейскую литературу, проявляя большой

³⁸³ Розенберг Давид Иохелевич. // Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 3. — М.: «Советская энциклопедия», 1979. С. 506.

интерес к философии. С 18 лет начал писать заметки о «духе прочитанных мною авторов», которые впоследствии уничтожил. С 16 лет начал давать частные уроки на древнееврейском и разговорно-еврейском языках. В анкете он писал: «С 1896 г. по 1914 г. давал частные уроки». С этого времени преподавание стало его профессией.

В 1902 г. Розенберг переезжает в Одессу, где изучает русский язык и программу гимназии, намереваясь окончить ее экстерном. Однако в 1904 г. примыкает к рабочему движению, вступает в еврейскую социал-демократическую организацию «Бунд» и усиленно изучает марксистскую литературу. Продолжает самостоятельно изучать гимназический курс, затем университетский (по программе юридического факультета), но из всего этого брал лишь то, что «считал необходимым для овладения марксизмом». Упор делал на историю философии, общую историю и политическую экономию. «Последняя, — пишет он в автобиографии, — постепенно стала приковывать к себе мое внимание и я стал специализироваться в области экономических наук». Таким образом, Давид Иохелевич в «личном листке по учету кадров» в графе — образование — написал: «самоучка». А «высшее образование получил путем самообразования». И ничего, стал крупнейшим специалистом в СССР по истории политической экономии и марксведению, был избран членом-корреспондентом АН СССР. Во всей этой истории поражает, в общем-то, простой факт: ребенок из беднейшей еврейской семьи, точнее, у матери одиночки, которая вынуждена была работать в чужих семьях, без систематического образования и какой-либо поддержки становится крупнейшим ученым в СССР в области истории политической экономии. Здесь сказалось, видимо, благотворное влияние Русской революции 1917 года, открывшей дорогу к научной карьере беднейшим слоям населения России и, конечно, личные выдающиеся способности Давида Иохелевича.

В 1914 г. Розенберг за социал-демократическую деятельность был арестован и выслан в Нарымский край, где и пробыл до февральской революции. После революции остался в Томске и занимался журналистикой, сотрудничая в бундовских и меньшевистских газетах. В 1918 г. отошел от «Бунда» и стал сближаться с большевиками, а в феврале 1920 г. был принят в ряды ВКП(б). С 1920 г. стал лектором политической экономии в Омском Комвузе, одновременно продолжая журналистскую деятельность в местных изданиях.

В конце 1923 г. Давид Иохелевич переезжает в Москву, где ведет преподавательскую работу в Академии Коммунистического воспитания

им. Н.К. Крупской, затем в Экономическом институте Красной профессуры. С 1931 г. до самой смерти — научный сотрудник Института экономики АН СССР. Параллельно с работой в Институте экономики Розенберг преподает с 1937 г. политическую экономию в МГУ им. М.В. Ломоносова, работает в 1945–1948 гг. по совместительству в Институте Маркса–Энгельса–Ленина в качестве консультанта и редактора, а также, видимо, эпизодически читает лекции в различных вузах Москвы. Например, в предисловии к курсу лекций «История экономических учений», изданному в 1940 г., Розенберг пишет, что данные лекции он читал адъюнктам Военно–политической академии им. В.И. Ленина и аспирантам Планового института при Госплане СССР. В энциклопедиях обычно указывают даты его работы последовательно во всех этих учреждениях, что может создать неверное впечатление о частой перемене места работы. На самом деле его основное место работы было в Институте экономики АН СССР, во всех других местах он работал по совместительству. В 1934 г. Президиум Комкадемии присвоил Розенбергу ученую степень доктора экономических наук, а в 1939 г. он был избран членом–корреспондентом АН СССР. В годы войны (1941–1943 гг.) преподавал политическую экономию в Казанском университете и других вузах этого же города.

Как уже указывалось, умер Давид Иохелевич в 1950 г. Это была краткая характеристика жизненного пути, в общем–то, выдающегося ученого–политэконома советского времени. По его «Комментариям» к «Капиталу» Маркса училась вся страна. Причем были и такие, которые ограничивались только «Комментариями» Розенберга, так и не добираясь до самого Маркса. Мне рассказывали сведущие люди, что в 1960–х и 1970–х годах на экономическом факультете МГУ была форменная «борьба с Розенбергом», потому что многие студенты вместо штудирования «Капитала» Маркса, для чего в те годы на факультете был организован спецкурс, вполне удовлетворялись «Комментариями» Розенберга. Значит, хорошие были «Комментарии». Но еще большее впечатление производит его трехтомная «История политической экономии», которая сегодня несколько подзабыта. А жаль, это выдающийся труд по глубине изложения и обширности привлеченного литературного материала.

Теперь рассмотрим сами труды Розенберга в хронологическом порядке. Сначала его знаменитые «Комментарии», которые были, видимо, впервые, опубликованы в 1929 году. Более раннее издание найти не удалось, сам же Розенберг в «списке научных трудов» указывает как первое издание 1932 года. Но на самом деле это 4–е издание 1931 года, «дополненное и исправленное», которое мы используем в данном очерке. Вообще,

«список научных трудов» составлен Розенбергом очень небрежно. Многих более ранних его работ там вообще нет. Случайно это, или же для этого были некоторые основания, сказать трудно. Но все же некоторые основания для такой случайности, видимо, были. Затем обратимся к его трем томам «Истории политической экономии» (середина 1930–х) и закончим рассмотрение его научного творчества анализом «Очерков развития экономического учения Маркса и Энгельса в сороковые годы XIX века», которые были опубликованы уже после его смерти.

Итак, «Комментарии». В общем—то, в комментариях Розенберг стремится очень адекватно, даже скрупулезно передать основное содержание «Капитала» Маркса и, пожалуй, все. Розенберг пишет в Предисловии, что при изложении текста он ставит задачу — «не пересказать Маркса, а помочь следить за развитием его мысли, за ее обоснованием, за выводами, которые делаются из тех или иных положений»³⁸⁴. Читать их полезно, но анализировать их трудно, ибо в них представлен только Маркс без каких-либо реминисценций последующей литературы. Правда, в «исправленных» изданиях «Комментариев», начиная, наверное, с 4-го, в начале 1930–х гг. Розенберг пытается полемизировать с рядом других авторов, например, с известным экономистом И.И. Рубиным. Так, по поводу последнего, Розенберг пишет: «По Рубину исходным пунктом политической экономии является товарный фетишизм, «социальная форма вещи». Материальное производство Рубин всячески изгоняет из политической экономии»³⁸⁵. Здесь Розенберг очень точно ухватил суть подхода Рубина, но не понятно, почему такой подход плох. Ведь материальное производство политическая экономия изучает не как таковое, а лишь со стороны социальной формы. В данном случае придира к Рубину не справедлива, сам же Розенберг лучшие страницы своих трудов посвятил именно «социальной форме». И в первом издании «Комментариев» 1929 г. он вполне корректно цитирует Рубина и даже берет на вооружение его методологическую конструкцию. В целом эта полемика, которая появилась только в 4-м издании, не выходила за пределы советского догматизма и не украшала труд Розенберга.

Самостоятельное значение имеют, пожалуй, только небольшие замечания и примечания к разным главам «Капитала». Некоторый методологический интерес представляет «Введение» к «Комментариям». На нем мы и остановимся.

³⁸⁴ Розенберг Д.И. Комментарии к первому тому «Капитала» Карла Маркса. Изд. 4-е, дополненное и исправленное. — М.—Л.: «Московский рабочий», 1931. С. 4.

³⁸⁵ Там же. С. 32.

Что тут интересного? Интересно то, что в этом «Введении» дается сжатая методология советской политической экономии, когда последняя была официально отменена. Напомним, в чем тогда было дело.

О конце политической экономии в отечественной экономической науке много говорилось у нас в 1920-х годах. Как уже указывалось в главе 1, тогда политическую экономию в марксистской литературе связывали исключительно с товарно-капиталистическими отношениями и рыночной экономикой. Затем была пущена в оборот формула о политической экономии «в широком смысле» как единой экономической теории, изучающей специфические, свойственные каждой формации исторически ограниченные законы, а «также общие законы, свойственные всем общественным формациям». Формула о политической экономии в широком смысле слова давала надежду на существование этой науки в советском социалистическом обществе. Вот эту формулу о политической экономии в широком смысле слова Розенберг и обосновывал в своем «Введении», начиная с 4-го издания, которое вышло, как «дополненное и исправленное». В издании 1929 г. этого еще не было. Так он писал: «Долгое время у нас господствовал взгляд, что предметом теоретической экономии могут быть только производственные отношения капиталистической системы. Этот взгляд защищался теоретиками разных направлений, с одной стороны, меньшевиком Рубиным, с другой — т. Бухариным, а за ним шла подавляющая масса экономистов-марксистов»³⁸⁶. Далее шла ссылка на Энгельса и стандартный набор советских догм. И вот заключительное высказывание: «Взгляд, что политическая экономия есть только наука о товарно-капиталистическом производстве, безусловно мешал разработке теории советской экономики. Предполагали, что наша экономика теоретически может изучаться лишь в той мере, в какой в ней имеются еще элементы стихии, т.е. товарно-капиталистические элементы. Все это, конечно, должно быть сдано в архив. Изучаться в первую очередь должно то новое, решающее, что присуще нашей экономике и что составляет ее сущность. Изучаться должно строительство социализма, его могучее движение вперед, построение коммунизма и т.д.»³⁸⁷. При этом никак не объяснялось, какое отношение имеет политическая экономия к «могучему движению вперед, построению коммунизма и т.д.».

³⁸⁶ Розенберг Д.И. Комментарии к первому тому «Капитала» Карла Маркса. Изд. 4-е, дополненное и исправленное. — М.—Л.: «Московский рабочий», 1931. С. 25.

³⁸⁷ Там же. С. 32.

Все это я привел потому, что несколькими годами ранее Розенберг по этому же вопросу писал другое. В пособии «Программа по политической экономии» (1928 г.) можно прочесть следующее: «Политическую экономию можно определить как науку о производственных отношениях в товарно-капиталистическом хозяйстве». А об экономических законах товарного производства (закон стоимости) он пишет: «И только «как умирающие» законы они могут изучаться в применении к нашей экономике»³⁸⁸. Более того, в первом издании «Комментариев» 1929 г. он пишет, определяя предмет политэкономии, что «ею изучаются отношения людей, но не вне вещей и не вне производства и обращения этих вещей... Определяя так предмет политэкономии, мы тем самым подчеркиваем историческую обусловленность его и следовательно исторический характер самой науки. Отношения людей принимают форму отношения вещей только в одну историческую эпоху, в товарно-капиталистическую; во все другие эпохи людские отношения выступают, так сказать, открыто, не фетишизировано»³⁸⁹. В последующих, «исправленных» изданиях этого положения уже нет. Свои ранние работы Розенберг после начала 1930-х годов поспешил «сдать в архив». Поэтому и в «список научных трудов» Розенберг эти работы, видимо, совсем не случайно не включил. С конца 20-х идеология сталинизма начала подминать науку, конъюнктура в экономической науке изменилась.

Но, наверное, дело не только в конъюнктуре. Да, и совсем не справедливо представлять Розенберга обычным конъюнктурщиком. В его поколении заурядные конъюнктурщики были редким явлением. Дело, видимо, заключается в другом. Розенберг увлекся политической экономией еще с дореволюционных времен, глубоко погрузился в ее недра, стал одним из крупнейших специалистов в этой области. Но когда, в начале 1920-х годов сочли, что политическая экономия не нужна в строительстве социализма, у него, как и у многих других политэкономов появилась некоторая раздвоенность, интеллектуальная неуютность. Как же так! С одной стороны, политическая экономия — хорошая наука, которая как никакая другая способна объяснить экономический процесс, характерный не только для более передовых западных стран, но и для советской экономики. Ведь все 1920-е годы почти официально экономический строй в СССР назывался государственным капитализмом и

³⁸⁸ Розенберг Д.И. Программа по политической экономии. — М.—Л.: Госиздат, 1928. С. 129–130.

³⁸⁹ Розенберг Д.И. Комментарии к первому тому «Капитала» Карла Маркса. — М.—Л.: Госиздат, 1929. С. 19.

все товарно—денежные категории (товар, деньги, цена, кредит и т.п.), традиционные предметы изучения классической политической экономией, активно использовались в реальной жизни. С другой стороны, надо отказываться от этой науки, потому что неуклонно приближается социализм, где отношения между людьми не будут опосредоваться вещами. Социалистические отношения теряют вещную оболочку, а значит, теряют свое содержание и смысл традиционные товарно—денежные категории. Но в реальной жизни и в 1920—х годах, и в 1930—х и дальше люди все—таки зависели и зависят от вещей и их производства. Такие категории как стоимость, товар, цена и т.п. продолжают играть существенную роль. Без них невозможно представить нормальное функционирование даже планового советского хозяйства. Тут как нельзя кстати подвернулась формула о политической экономии «в широком смысле». И, видимо, Розенберг искренне ухватился за эту формулу, оправдывающую его многолетнюю деятельность и даже существование как политэконома в советском социализме. В общем и целом это понятно.

Очень интересно и показательно, что в последней своей книге, над которой Розенберг работал в конце 1940—х годов, сказано довольно четко: «Подлинно научная политическая экономия может быть построена, если отправным пунктом исследования взять частную собственность и отчужденный или наемный труд»³⁹⁰. Это положение начисто перечеркивает все остальные упражнения автора в духе «политической экономии в широком смысле», ибо частная собственность и наемный труд свойственны, как доминирующие отношения только капиталистическому производству. Думается, что при написании этой фразы в самом конце жизни Розенбергом двигала высокая политэкономическая культура, основанная на многолетнем изучении трудов К. Маркса, а не текущая конъюнктура. О последней он, видимо, в данный момент забыл.

Интересно, что в работе 1928 г. «Программа по политической экономии» Розенберг возражает по поводу двух регуляторов Е.А. Преображенского. Розенберг пишет следующее: «Допущение двух враждующих регуляторов означает непримиримость и двух секторов нашего хозяйства: социалистического и мелкотоварного, которые питают и обуславливают эти регуляторы и из которых должен один уничтожить другой. А это уже не вяжется ни с сущностью нашей экономики, ни с нашей экономполитикой, — первая, как мы уже знаем, неотделима от

³⁹⁰ Розенберг Д.И. Очерки развития экономического учения Маркса и Энгельса в сороковые годы XIX века. — М.: Изд—во Академии наук СССР, 1954. С. 126.

второй». Далее, Розенберг пишет, что более правильно к этому вопросу подошел Н. Бухарин, когда говорит о законе трудовых затрат, «являющемся регулятором всякой общественной формации», при капитализме как закон стоимости, а в экономике переходного периода — «сбрасывающем историческую кожу, но еще не сбросившем ее окончательно. В плане и рынке проявляется один и тот же закон, один и тот же регулятор, но проявляется разное»³⁹¹. Однако теория двух регуляторов Преображенского осталась в науке как оригинальная концепция смешанной экономики, закон же трудовых затрат Бухарина был решительно забыт как искусственный заменитель трудовой теории стоимости.

И последнее, что необходимо сказать по поводу «Введения» Розенберга к его знаменитым «Комментариям», касается последнего их издания 1983 года, осуществленного под редакцией заведующего кафедрой «Политической экономии» экономического факультета МГУ профессора Н.А. Цаголова. В этом издании обнаруживается, что все «Введение» Розенберга практически переписано неизвестно кем. Вставлены большие фрагменты совершенно нового текста, никакого отношения к Розенбергу не имеющие. Правда, в предисловии к этому изданию оговаривается, что «дополнения и замечания набраны особым шрифтом», но и остальной текст Розенберга подвергнут существенной структурной и стилистической правке. Зачем? Остается неизвестным. Ведь литературный стиль и научный уровень Розенберга ничем не хуже стиля Н.А. Цаголова, а местами даже значительно лучше. Конечно, все эти изменения и дополнения не противоречат и не перечеркивают основную направленность и, так сказать, политэкономический тон Розенберга. И все же, остается непонятным — зачем было корезить оригинальный текст.

При более внимательном знакомстве с дополнениями к данному изданию 1983 г. вырисовывается тенденция усиления догматической линии советского марксизма, к которой и без того был склонен Розенберг. Приведем пару примеров. Раздел «Исторический материализм» дополнен кроме прочего и такими фразами: «Политическая экономия как подлинно революционная наука, отрицает возможность эволюционного самоперерождения способов производства... Революционное овладение всеми средствами производства общества, связанное с завоеванием пролетариатом политической власти, одновременно образует, согласно Марксу, абсолютно необходимое условие возникновения системы производственных отношений нового, коммунистического

³⁹¹ Розенберг Д.И. Программа по политической экономии. — М.—Л.: Госиздат, 1928. С. 124.

способа производства»³⁹² (11, с. 12). Возможно, Розенберг против этих положений и не возражал бы. Но это не его текст, таких фраз у него нет. У Розенберга был наивный догматизм начала 1930-х годов вперемешку с местами, где чувствовалось влияние социальной школы И.И. Рубина. Новые же добавления издания 1983 г. есть махровый советский догматизм уже послевоенного периода.

Конечно, такого типа фразы можно выводить из работ Маркса, что и делали советские догматики. Но можно выводить и другое. Например, фраза, что «революционное овладение средствами производства пролетарской властью есть необходимое условие возникновения системы производственных отношений коммунизма» по существу неверна, ибо опускает из вида развитие материальной основы, создание объективных материальных предпосылок для нового способа производства. А упор делает на субъективных усилиях, политическом факторе, что никак не вытекает из классического марксизма. Так что, пользоваться изданием «Комментариев» под редакцией Н.А. Цаголова следует с большой степенью осторожности.

Несомненный интерес, большую научную ценность и сегодня имеют три тома (или три части) «Истории политической экономии», вышедшие в середине 1930-х годов.

В первой части рассматривается возникновение политической экономии, начиная с меркантилизма, затем зарождение классической школы, Вильям Петти, Локк, Норс, Джон Ло, Давид Юм, Джемс Стюарт. Две главы посвящены физиократам, и по две главы посвящены Адаму Смиту и Давиду Рикардо. Вторая часть начинается с анализа вульгарной политической экономии (Жан-Батист Сэй и Томас-Роберт Мальтус), затем рассматривается возникновение экономического романтизма (Сисмонди) и различные социалистические учения. Утопический социализм представлен Сен-симонизмом, фурьеризмом, оуэнизмом, затем идут социалисты-рикардианцы: Томпсон, Грей, Брей, Равенстон, Годскин. Заканчивается том рассмотрением «разложения рикардианской школы» (Джемс Милль, Мак-Куллох, Торренс и Бейли).

Третья часть состоит из 3-х разделов. Раздел 1 посвящен экономическому либерализму, где излагается и анализируется фритредерство, учение Сениора, вульгарная экономия и фритредерство во Франции и учение Фредерика Бастиа. Во 2-м разделе исследуется «мелкобур-

³⁹² Розенберг Д.И. Комментарии к «Капиталу» К. Маркса. Под редакцией Н.А. Цаголова. — М.: Экономика, 1983. С. 12.

жуазный социализм», воззрения Пьера Леру, Фурье, Консидерана, Луи Блана, Константина Пеккера, Франсуа Видаля и Кабе. Наконец, последний 3-й раздел целиком посвящен изложению и анализу учения Пьера-Жозефа Прудона. Конечно, при изложении всех этих теорий и концепций Розенберг старался следовать за Марксом, широко используя разные его произведения. Но вместе с тем, привносит много нового и творческого как по охвату литературного материала, так и по расстановке акцентов. Например, характеризуя Фредерика Бастиа он пишет так: «Позаимствованные идеи Бастиа преподносит особым образом. Тяжеловесный и сухой язык экономистов он заменяет легким и боевым языком публициста, а анализ и научную аргументацию — иллюстрациями, сравнениями и метафорами. Он не исследует, а убеждает и проповедует»³⁹³. Такого рода ярких и метких характеристик в этом труде Розенберга множество, что делает его чтение даже увлекательным. И закончим характеристику 3-й части «Истории политической экономии» ее начальной фразой: «Экономическая свобода является предпосылкой и идеалом классической политической экономии»³⁹⁴. Фраза, безусловно, верная, но сегодня наводящая на некоторые спорные выводы. Например, согласно этой сентенции, представителями классической политической экономии сегодня являются, скорее всего, такие крайние либералы как Л. Мизес и Ф. Хайек. Но это так, к слову. В целом же «История политической экономии» Розенберга превосходна.

Еще один любопытный и важный момент необходимо отметить. Как мы видели, издание «История политической экономии» 1930-х годов начинается с меркантилистов и заканчивается до появления марксизма. Это, действительно, классическая политическая экономия. До меркантилистов политической экономии просто не было, и искать ее в более древних сочинениях будет натяжкой. И вот такую «натяжку» Розенберг и совершил в 1940 г. В издательстве «Соцэргиз» вышел первый том его учебника со старым названием «История политической экономии», который начинается с анализа экономической мысли античного мира и феодализма, а заканчивается изложением учения основоположников научного коммунизма (Маркса и Энгельса). Т.е. в одном томе он не только сжал свои три части (или тома) издания «Истории политической экономии» середины 1930-х годов, но добавил большие раз-

³⁹³ Розенберг Д.И. История политической экономии. Часть 3. — М.: Соцэргиз, 1936. С. 89.

³⁹⁴ Там же. С. 5.

дела из античного мира, феодализма и марксизма. Однако, в античном мире и феодализме, как известно, никакой политической экономии не было. Сам Розенберг в предисловии к своему учебнику прямо пишет: «В античном мире и в феодальном обществе политической экономии как самостоятельной науки еще не существовало... Как самостоятельная наука политическая экономия возникла одновременно с капиталистическим способом производства»³⁹⁵. Совершенно верно. Но зачем тогда разделы, посвященные античному миру и феодализму, включать в том с названием «История политической экономии»? Остается не ясным. Правда, Розенберг в предисловии к этому изданию (1940 г.) написал, что собирался работать над второй частью, которая довела бы изложение истории политической экономии «до наших дней». Но каких-либо следов такой работы обнаружить не удалось. Да и ничего это принципиально бы не изменило.

Любопытно, что в том же году были опубликованы его лекции для аспирантов, читанные в Плановом институте им. Г. Кржижановского, которые практически структурно повторяли издание «Соцэкгиза» того же года. Правда лекции были изданы с грифом «на правах рукописи» и уже назывались «История экономических учений», что было куда правильной. И здесь Розенберг также писал, что «в античном мире мы еще не имеем законченных экономических систем... Экономические воззрения древних греков, как и древних римлян, были развиты ими в общефилософских и общеполитических трактатах... Экономические воззрения не складывались в отдельную систему, люди не специализировались на изучении экономических явлений»³⁹⁶ (7, с. 5). Все верно, экономические явления античного мира еще не складывались в рыночную экономику с проблемами эффективности производства и распределения, что, собственно говоря, и является классическим предметом политической экономии.

Особенность труда Розенберга состоит в том, что он не просто излагает воззрения тех или иных деятелей политической экономии, но дает и широкий исторический контекст реальной экономической истории конкретных стран того времени. Тем самым, отдельные концепции, взгляды и подходы анализируемых Розенбергом ученых не висят в безвоздушном пространстве, а прочно опираются на богатую историческую фактуру. Можно даже сказать, что труд Розенберга — это

³⁹⁵ Розенберг Д.И. История политической экономии. — М.: Соцэкгиз, 1940. С. 3.

³⁹⁶ Розенберг Д.И. История экономических учений. — М.: Изд-е Военно-политической академии РККА им. В.И. Ленина, 1940. С. 5.

не только история политической экономии, но история экономической мысли в органической связи с историей народного хозяйства. Такого рода синтез встречается довольно редко, а современным пособиям по истории экономической мысли он вообще чужд.

К этому следует добавить, что «История политической экономии», изданная как учебник в 1940 г. в значительно более широкой редакции, от античного мира до марксизма, а также лекции «История экономических учений», все 1940–е и 1950–е годы были единственными учебными пособиями на эту тему. Естественно, что имя Розенберга в эти годы у студентов и аспирантов пользовалось громадной популярностью, как автора единственного учебника по курсу, по которому нужно сдавать экзамен. Хотя, читал свои лекции Розенберг, по воспоминаниям современников (в частности, это вспоминает профессор С.С. Дзарасов, слушавший после войны его лекции в Плановом институте), внешне не очень впечатляюще, с заметным местечковым акцентом, но очень глубоко и обстоятельно. Аудитории его были всегда переполнены.

Для полноты картины и нравов того времени надо сказать, что Розенберг, написав прекрасный и, наверное, единственный учебник по истории экономической мысли, пользовавшийся большой популярностью, во второй половине 1940–х годов был подвергнут жесткой критике за «низкопоклонство и раболепие перед Западом», как было сказано в статье с характерным названием «Против космополитических извращений истории русской экономической мысли», помещенной в тогдашнем партийном официозе — журнале «Большевик». И далее в той же статье 1949 г. говорилось: «В работах некоторых советских экономистов (Блюмин, Розенберг) утверждалось, что политическая экономия в России была якобы импортной иностранной наукой, а русские ученые являлись лишь подражателями западноевропейским ученым». Эти слова взяты из статьи тогдашнего директора Института экономики АН СССР П.А. Хромова, который еще писал: «В книге профессора Д. Розенберга по истории политической экономии русская политическая экономия была, по существу, исключена. Такое умаление, недооценка роли русской экономической науки не позволяют составить верную картину развития экономической мысли вообще. В учебнике не рассматриваются взгляды крупнейших экономистов России. Беглое же упоминание нескольких имен дается с ошибочных исходных позиций»³⁹⁷. Вот, вместо того чтобы

³⁹⁷ Хромов П. Против космополитических извращений истории русской экономической мысли. // Большевик, 1949, № 5. С. 70–71.

гордиться и радоваться, что сотрудник Института экономики подготовил учебник, по которому учится вся страна, директор Института выступает с политическим разномом своего сотрудника в партийной печати. Правда, Розенберга из Института не уволили и каких-либо выговоров по данному вопросу в его личном деле не имеется.

В целом, такая критика Розенберга была несправедлива, ибо учебник Розенберга был посвящен истории политической экономии, а таковой в России до конца XIX века просто не было. Несмотря на то, что некоторые современные экономисты прилагают немалые усилия найти русскую политэкономия в трудах Г. Шторха или Х. Шлецера. Хотя Розенберг формально сам спровоцировал такую критику, став на расширительную точку зрения. То есть, начиная изложение истории политической экономии с античного мира, где по его собственным словам политэкономии не было, не логично было бы игнорировать экономическую мысль России. Последняя зародилась сравнительно давно и естественно, что ей можно было бы посвятить больше места. Но по существу Розенберг, конечно, был прав, ибо русская экономическая мысль в целом носила вторичный характер, как и сама российская экономика. Поэтому совершенно прав был Розенберг, заявляя в 1947 г., что «у нас в России нет таких теоретиков, которых можно было бы рассматривать как отцов экономической науки». За это-то Розенберг и получил наименование «безродного космополита». Будем надеяться, что такие времена и нравы безвозвратно ушли в далекое прошлое.

Наконец, рассмотрим последнюю работу Розенберга «Очерки развития экономического учения Маркса и Энгельса в сороковые годы XIX века», которая была издана уже после его смерти. В этой работе обращает на себя внимание то, что Розенберг одним из первых в советской интеллектуальной традиции подробно анализирует «Экономико-философские рукописи» 1844 года Маркса, которые незадолго перед этим были впервые опубликованы. Сегодня эта работа молодого Маркса имеет всемирную известность, и создала ему репутацию одного из крупнейших философов-гуманистов. И по сути дела эта рукопись есть вершина гуманистического марксизма. Именно от этой работы отталкиваются многие современные философские течения так называемого западного марксизма либеральной направленности. Розенберг к ней подошел как экономист и считал, что основным предметом исследования Маркса здесь является политическая экономия.

Такой подход к этой работе несколько узковат, но то, что эта работа была замечена Розенбергом, тоже очень неплохо. Тем более, что Розен-

берг, наверное, впервые здесь выделяет и подробно анализирует марксистскую концепцию отчуждения труда. Розенберг выделяет следующие моменты концепции отчужденного труда: 1) рабочий лишается продукта труда; 2) продукт труда противостоит ему как чуждый ему мир вещей; 3) продукт труда поработает рабочего. И далее Розенберг добавляет: «Маркс подчеркивает, что в буржуазном обществе человек—рабочий — сведен к вещи, в результате того, что он, т.е. его труд, продается и находит свою оценку в определенной сумме вещей. Вот почему именно эту продажу Маркс считает подлинным отчуждением, вынужденным отчуждением рабочего от самого себя, как от человека: в другие руки он переходит как товар, как вещь»³⁹⁸. В обобщающем труде Института философии АН СССР «Марксистская философия в XIX веке» прямо говорится: «Советский экономист—марксист Д.И. Розенберг справедливо указывает: «В отрывке "Отчужденный труд" уже вполне отчетливо выражена идея, что люди производят не только продукты, но и отношения, которые Маркс немного позже назовет производственными отношениями» (14, с. 120)³⁹⁹.

Вместе с тем, нужно сказать, что у Розенберга нет четкой интерпретации сложной диалектики Маркса по вопросу соотношения частной собственности и отчужденного труда: что есть причина, а что есть следствие. В одном месте Розенберг пишет, что у Маркса «причиной отчуждения труда является частная собственность»⁴⁰⁰, в другом приводит прямую цитату Маркса обратного смысла: «отчужденный труд есть непосредственная причина частной собственности» (10, с. 126)⁴⁰¹. В современной литературе этот вопрос вполне достаточно разъяснен: отчужденный труд, выступая непосредственной причиной частной собственности, в свою очередь усиливается, усложняется этой собственностью. В уже упоминавшемся труде Института философии прямо говорится, что не надо смешивать процесс образования понятия «отчужденный труд» с его историческим генезисом. Необходимо проводить различие между «первоначальной, докапиталистической формой отчужденного труда, породившей частную собственность в ее раннем виде, и последующей, исторической формой отчужденного труда, которая существует

³⁹⁸ Розенберг Д.И. Очерки развития экономического учения Маркса и Энгельса в сороковые годы XIX века. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. С. 119, 121.

³⁹⁹ Марксистская философия в XIX веке. Кн. 1. — М.: «Наука», 1979. С. 120.

⁴⁰⁰ Розенберг Д.И. Очерки развития экономического учения Маркса и Энгельса в сороковые годы XIX века. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. С. 122.

⁴⁰¹ Там же. С. 126.

и развивается вместе с частной собственностью и на ее базе». Здесь происходит своеобразное диалектическое «оборачивание» отношений.⁴⁰² (14, с. 121). Труд в любом случае первичен, а собственность есть лишь форма осуществления труда. Отсюда вытекает важное следствие: исчезновение (ликвидация) частной собственности еще не ведет к отмиранию отчуждения труда.

Но в целом обращение Розенберга к этой проблеме и к этой работе Маркса надо, безусловно, поставить ему в заслугу, как пионерную разработку этого важнейшего круга проблем. Таковы основные итоги научной деятельности крупнейшего советского политэконома, значительная часть научного творчества которого прошла в период официальной отмены политической экономии.

Основные работы Д.И. Розенберга

1. Программа по политической экономии. — М.—Л.: Госиздат, 1928.— 150 с.
2. Комментарии к первому тому «Капитала» Карла Маркса. — М.—Л.: Госиздат, 1929. — 260 с.
3. Комментарии к первому тому «Капитала» Карла Маркса. Изд. 4-е, дополненное и исправленное. — М.—Л.: «Московский рабочий», 1931. — 309 с.
4. История политической экономии. Часть 1. — М., 1934. — 303 с.
5. История политической экономии. Часть 2. — М.: Соцэкгиз, 1935. — 334 с.
6. История политической экономии. Часть 3. — М.: Соцэкгиз, 1936. — 276 с.
7. История экономических учений. — М.: Изд-е Военно-политической академии РККА им. В.И. Ленина, 1940. — 303.
8. История политической экономии. — М.: Соцэкгиз, 1940. — 484 с.
9. Комментарии к первому тому «Капитала» К. Маркса. — М.: Соцэкгиз, 1961. — 420 с.
10. Очерки развития экономического учения Маркса и Энгельса в сороковые годы XIX века. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. — 326 с.
11. Комментарии к «Капиталу» К. Маркса. Под редакцией Н.А. Цаголова. — М.: Экономика, 1983. — 720 с.

⁴⁰² Марксистская философия в XIX веке. Кн. 1. — М.: «Наука», 1979. С. 121.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Часть 1. Контroversы	
Глава 1. Дискуссионные вопросы политической экономии	7
1.1. Может ли политическая экономия исчезнуть?	7
1.2. Что изучает политическая экономия	15
1.3. О границах политической экономии	26
1.4. Политэкономия и Россия	34
Глава 2. Марксизм и вопросы политической экономии	50
2.1. Марксизм и советское общество	51
2.2. Стоимость, прибавочная стоимость и человеческий капитал	71
2.3. Капитализм, постиндустриализм и детерминизм	83
Глава 3. Возможна ли политэкономия социализма?	95
Глава 4. К вопросу о постклассической политической экономии	117
Часть 2. Проблемы	
Глава 5. Политическая экономия труда	127
5.1. К проблеме характера труда	127
5.2. Об энергетических измерителях труда	135
5.3. Отчужденный труд и стоимость	139
5.4. Социально-экономическая неоднородность труда	149
5.5. К проблеме модернизации трудовых отношений	155
Глава 6. Политическая экономия и проблема классов	174
6.1. К теории классового подхода	174
6.2. Классы современной России	182
6.3. Рабочий вопрос в России	190
6.4. Демократический потенциал классовой борьбы	209
Часть 3. Люди	
Глава 7. Роза Люксембург: конец политэкономии?	216
Глава 8. Исаак Рубин: политическая экономия овеществления	240
Глава 9. Евгений Преображенский: плановое начало вместо политэкономии	268
Глава 10. Давид Розенберг: догматизация политэкономии	293

Воейков Михаил Илларионович
Политическая экономия: очерки и этюды

Главный редактор издательства *И.А. Савкин*

Дизайн обложки *И.Н. Граве*

Оригинал-макет *Е.А. Виноградова*

Корректор *Д.Ю. Былинкина*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»,
192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.
Тел./факс: (812) 560-89-47

Редакция издательства «Алетейя»:
СПб, 9-ая Советская, д. 4, офис 304,
тел. (812) 577-48-72, aletheia92@mail.ru

Отдел продаж: fempro@yandex.ru, тел. (921) 951-98-99

www.aletheia.spb.ru

*Книги издательства «Алетейя» можно приобрести
в Москве:*

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru
Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.
Тел. (495) 915-27-97

Магазин «Фаланстер», Малый Гнездиковский пер., 12/27.
Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21

Магазин «Циолковский», ул. Б. Молчановка, 18. Тел. (495) 691-51-16

в Киеве:

«Книжный бум», книжный рынок «Петровка», ряд 62, место 8.
Тел. +38 067 273-50-10, gron1111@mail.ru

в Минске:

«Экономпресс», ул. Толбухина, 11. Тел. +37 529 685-70-44, shop@literature.by

в Варшаве:

«Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego»,
ul. Ptasia 4. Тел. (22) 826-17-36, szkola@jezykrosyjski.com.pl

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 60х88¹/₆. Усл. печ. л. 19.5. Заказ № 2785.

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, т/ф. 8(496)726-54-10